

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочу братья и Русьскій Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1862

ЛИСТОПАДЪ

(ОКТЯБРЬ)

окт.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. А. КУЛИНА, ТИВЪЕНА И К^О.

ОСНОВА

ЮЖНО-ВОСТОЧНОЕ ПУТШВАНІЕ

ВЪСТАНІЕ

Одобрено ценсурою 3 февраля. С. Петербургъ 1863 года.

1863

ИЗДАНИЕ

(ОТЪВЪТЪ)

С. ПЕТЕРБУРГЪ

МЫСЛИ ЮЖНОРУССА.

XII.

ЛЕНТА БАТУРИНСЬКОЇ ГРОМАДИ.

Як тільки пішла голосна чутка поміж нашою громадою, що наші мисливці — передні люде, довго побивавшись, таки виявили, кому слідь, ту святу правду, »що, нашъ народъ треба вчить зъ-початку на своїй рідній мові, яко заповідній основі людського життя«, — заразъ заворушилися усі, неначе яка невідома сила розбуркала кожного відъ довгого снання, и зробили раду на складь грошей у помічь видавцямъ насъкихъ книжокъ. —

У громаді, якъ у рідній семьі, багато де-чого балакали, — найбільшь — про працю и розумно-правдиве слово високоповажного Миколая Ивановича Костомарова до українцівъ — якъ на голось ёго відгукнувся зъ далекого краю Степанъ Погарський, и виявивъ намъ, що иные писатели бажають збить зъ-пантелику нашъ людъ, щобъ вінъ и въ голові собі не покладавъ, що у ёго своя рідня самостійна мова. Далі говорили о ленті Зосими Недоборовського и объ тому, що у Києві и Петербурсі уже працюють наші писателі надъ виданнямъ учебниківъ на рідній мові, для правдивої освіти нашого люду. — Після такої розмови, порадилися, и кожний почавъ писать на папері свою ленту на помічь братамъ. Любо було дивитьця, якъ усі, зъ щирою любовью и великою радістю, давали самохить гроші, стільки, скільки хто спромігся, — давали гроші — пани, купці, козаки, дівчата й жінки. На-вдивовижу усімъ, бувъ одинъ дуже старий чоловікъ зъ просотого люду, хочъ темний на письмо, да дуже розумний: вінъ винявъ зъ кишені, тремтячими руками, коповика и проказавъ оці слова: »Панове! Візьміть и мого коповика! Довго вінъ мулявъ кишеню, довго тримався про случний часъ, — дакъ, отъ, дяко-

вати милосердному Богові — я дождався-таки щасливої години — віддати ёго на таке несподіване діло: бо розумію, що се дуже добре діло; маю дітокъ и унучать; хочъ не письмакъ я, та знаю по собі, що греба імъ учитьця, — бо горе у темноті!—Вчитьця тієї мови, якою розмовляла мати зъ ними, маленькими, гараздъ буде, затимъ, що вони не цуратимутця батька, якъ до розуму дійдуть, черезъ що життя їхъ благословенне буде Богомъ, мати-муть у всякому ділі користь...якъ тамъ кажуть: »отцевська й матерня молитва зо дна моря спасае».

Отъ якимъ побитомъ Батуринська громада зібрала гроші *шість-десять карбованцівъ*, котрі й шлемо до васъ, високоповажний Миколаю Йвановичу. Незабаромъ може ще пришлемо, а на первий разъ пильнуємо відослатъ сю ленту, щобъ не гаяти часу. Нехай вамъ помагае Богъ и добрі люде довести се діло до бажаного кінця; певну надію маємо швидко почути, що наші діти безъ усякого снину будуть ходити до школи и вчитьця рідній мові, добре імъ тямній, черезъ що доступні будуть для нихъ и другі мови.

Ипполитъ Вовкъ.

У 8-ий день грудня, 1862 року.

При оповістці прикладаемо и леестръ тимъ, котрі складали ленту:

Иванъ Федотовичъ Лихошерсть	10	карб.
Ипполитъ Петровичъ Вовкъ	2	»
Гнатъ Левичъ Лузанъ	2	»
Степанъ Стокозъ	3	»
Петро Монастирський	1	»
Павелъ Масловъ	1	»
Андрій Дубенко	1	»
Бекентій	1	»
Грицько Ивановичъ Свій	4	»
Иванъ Сірикъ	3	»
Маіоръ Армашевський	1	»
Яковъ Иващенко	1	»
Павло Протченко	1	»
Павло Шамрай	1	»

Козакъ Дема	» » 50 к.
Козакъ Мохна	» » 50 »
Козакъ Карнаухъ	» » 10 »
Козакъ Павло Гожаленко	» » 25 »
Государств. селянинъ Софронъ Корниенко	» » 10 »
Марко Лосицкий	1 карб.
Олександръ Прима	1 »
Олександръ Лазаренко	1 »
Дмитро Маслюкъ	10 »
Олександръ Тичина	1 »
Михайло Коробчичъ — Чорнявський	3 »
Дмитро Дідевичъ	1 »
Иванъ Бедилевський	2 »
Ксаверій Балтузевичъ	2 »
Незвісний	1 » 15 к.
Иванъ Черняховський	» » 15 »
Невідомий	» » 20 »
Варвара Христіановичъ	» » 50 »
Маруся Христіановичъ	» » 25 »
Лисавета Рахинська	» » 25 »
Гапа Тарніжевська	» » 25 »
Петро Тарніжевський	» » 15 »
Егоръ Тарніжевський	» » 25 »
Козакъ Явтухъ Шостакъ	» » 20 »
Микола Мельниченко	1 карб.

ХІІІ.

ПИСЬМО ВЪ »ОСНОВУ.«

Сейчасъ я былъ въ присутствіи Изюмскаго уѣзднаго суда для выдачи данной своимъ бывшимъ крестьянамъ. По окончаніи дѣла, я разговорился съ членами суда объ образованіи простаго народа. Этотъ предметъ теперь сильно занимаетъ всѣхъ насъ. Вспомнили о статьѣ Н. И. Костомарова и о подпискѣ.

»Господа,« сказалъ второй засѣдатель Суда, П. Г. Гессъ-де-Кальве: »мы всѣ признаемъ необходимость пожертвованій на этотъ предметъ, а потому—зачѣмъ терять удобный случай и время? да-

димъ сейчасъ же кто что можетъ; или лучше такъ: сдѣлаемъ это дѣло постояннымъ въ нашемъ судѣ. Заведемъ тетрадь и будемъ въ нее вписывать всѣ добровольныя приношенія всѣхъ безъ различія посѣтителей нашего Суда. По накопленіи порядочной суммы, отошлемъ ее Н. И. Костомарову, а въ тетрадь все-таки будемъ продолжать вписывать дальнѣйшія пожертвованія. Такъ дѣло пойдетъ скорѣе!»

Судья Ив. Н. Науменко тотчасъ же согласился на это. Пишущій эти строки, не теряя времени, взялъ бумагу, сшилъ тетрадь и сдѣлалъ на ней надпись:

«Вѣдомость деньгамъ, пожертвованнымъ посѣтителями Изюмскаго Уѣзднаго Суда на изданіе дешевыхъ народныхъ учебниковъ и назначеннымъ къ отправкѣ въ Спбургъ, Николаю Ивановичу Костомарову, для употребленія для означенной цѣли.» Эпиграфомъ я выставилъ: «всякое дѣяніе благо и всякъ даръ совершенъ».

Секретарь прошнуровалъ и скрѣпилъ книгу печатью, и подписка началась. Нечего и говорить, что подписываются со всевозможною готовностію и, скажу съ гордостью, наши помѣщики не скупаются. Надѣюсь, что и прочія сословія за ними послѣдуютъ. Вотъ доказательство: депутаты Дмитродаровскаго общества вольныхъ собственниковъ (мои бывшія крестьяне) какъ-только услышали въ чемъ дѣло, сей часъ же заявили и свое желаніе участвовать въ пожертвованіи на такое доброе и полезное дѣло, и записали 50 коп. ср. — Эта полтина — истинно достойная лепта на алтарь общаго блага — показала мнѣ лучше всѣхъ другихъ жертвованій.

Я надѣюсь, что тетрадь пожертвованій пошлетъ почтенными членами Суда и въ дворянское собраніе и наконецъ на танцевальныя вечера «благороднаго собранія», которые будутъ у насъ продолжаться во всю зиму.

Надѣюсь также, что другіе уѣзды нашей губерніи не захотятъ въ этомъ дѣлѣ отстать отъ нашего Изюмскаго, всегда готоваго на всякое благое начинаніе. Честь и слава членамъ нашего уѣзднаго Суда!

Димитрій Запара.

Отъ редакціи. Подписка продолжается съ значительнымъ успѣхомъ. Въ слѣдующей книжкѣ будетъ помѣщенъ поименный списокъ жертвователей.

КОБЗАРЬ.

ЛХН.

А. О. КОЗАЧКОВСЬКОМУ.

Давно те діялось! Ще вь школі.

Таки вь учителя дяка
Гарненько вграду пятака,
(Бо я було трохи не голе —
Таке убоге!) та й куплю
Паперу аркушъ, и зроблю
Маленьку книжечку; хрестами
И везерунками съ квітками
Кругомъ листочки обведу
Та й списую *Сковороду*
Або *три царіе со дари*;
Та самъ-собі у бурьяні,
Щобъ не почувъ хто, не побачивъ, —
Виспівую було та плачу...

И довелоя зновъ мені

На старість зь віршами ховатись,
Мережать книжечки, співати
И плакати у бурьяні,
И тяжко плакати!.. и не знаю,
За що мене Господь карає....
У школі мучилось, росло,

У школі й сивіть почало,
 У школі дурня й поховають;
 А все за того пятака,
 Що вкравъ маленькимъ у дяка
 Мабуть Господь мене карає....

Ось слухайже, мій голубе,
 Мій орле-козаче!
 Якъ конаю я въ неволі,
 Якъ нужу я світомъ.
 Слухай, брате, та научай
 Своіхъ малихъ дітокъ,
 Научай їхъ, щобъ не вчились
 Змалку віршувати;
 Коли жъ яке поквапитця,
 То нищечкомъ, брате,
 Нехай собі у куточку
 И віршує й плаче
 Тихесенько, щобъ Богъ не чувъ,
 Щобъ и ти не бачивъ,
 Щобъ не довелося, брате,
 И ёму каратись,
 Якъ я теперъ у неволі
 Караюся, брате....

Неваче злодій по-за валами
 Въ неділю крадуся я въ поле,
 Талами виїду по-надъ Араломъ
 На степъ широкий, мовъ на волю.

И болящее побите
 Серце стрепенетця
 Мовъ рибонька надъ водою;
 Тихо усміхнетця
 И полине голубкою
 По-надъ чужимъ полемъ, —
 И я ніби оживаю
 На полі, на волі....
 И на гору високою
 Вихожу — дивлюся —
 И згадую Україну —

И згадать боюся...
И тамъ стени, и тутъ степи,
Та тутъ не такі —
Руді, руді, ажъ червоні,
А тамъ голубіі,
Зеленіі, мережаніі,
Нивами, ланами,
Високими могилами
Темними лугами...
А тутъ бурьянъ, піски, тали,
И хочъ би насміхъ де могила
О давнімъ давні говорила
Неваче люди не жили.
Одъ споконъ - віку и до-нині
Ховалась одъ людей пустиня,
А ми таки її знайшли...
Уже й твердині поробили,
Затога будуть и могили
Всєго наробимо коліс!...
О моя доле! моя Країно!...
Чи я то вирвусь съ ціі пустині?...
Чи може (крий Боже!)
Тутъ и загину...
И почорніе червоне поле...
— Айда въ казарми, — —
Неваче крикне хто надо мною, —
И я прокинусь. По-за горою
Вертаюсь, крадуся, по-надъ Ураломъ
Неваче злодій той по-за валами.
Оттакъ я, друже мій, святкую
Отутъ недіменьку святую!
А поведілоць? Друже-брате!...
Приходить нічь въ смердячу хату,
Осядуть думи; розібьють
На стократъ серце и надію,
И те що вимовить не вмію —
И все на світі проженуть,
И спинять нічь: часи — літами,

Віками глухо потечуть
 И я кровавими слёзами
 Неразь постелю омочу.
 Перелічу и дни и літа,
 Кого я, де, коли любивъ?
 Кому яке добро зробивъ?
 Нікого въ світі, нікому въ світі —
 Неніче по лісу ходивъ.

А малась воля, малась сила
 Та силу позички зносили,
 А воля въ гостяхт упиласть,
 Въ степу небога заблудила
 Та й упиватьця зареклась.

Не допоможе милий Боже,
 Якъ то кажуть люде:
 Буде каяття на світі —
 Вороття не буде...

Благаю Бога, щобъ світало,
 Мовъ волі совця — світу жду...
 Цвіркунъ замовкне; зорю б'ють —
 Благаю Бога щобъ смеркало!
 Бо на позорище ведуть
 Старого дурня муштрувати,
 Щобъ знавъ, якъ волю шанувати,
 Щобъ знавъ, що дурня всюди б'ють....

Мипають літа молодії,
 Минула доля, а надія
 Въ неволі знову за своє,
 Зо мною знову лихо діє
 И серцю жалю завдає: —
 А може ще добро побачу,
 А може лихо перенлачу,
 Води Дніпрові напьюсь,
 На тебе, друже, подивлюсь?
 И може въ тихій твоїй хаті
 Я буду знову розмовляти
 Зъ тобою, друже мій... Боюсь!..
 Боюся самъ себе снитати,

Чи се коли сподієтця?
 Чи може вже зъ неба
 Подивлюсь на Україну,
 Подивлюсь на тебе...
 А иноді такъ буває,
 Що й слёзи не стане —
 И благавъ би я о смерті —
 Такъ тая Україна
 И Дніпро крутоберегий
 И ти, друже-брате,
 Не даєте мени Бога
 О смерті благати!

LXXIII.

По надъ полемъ иде,
 Не покоси кладе,
 Не покоси кладе — гори:
 Стогне земля, стогне море,
 Стогне та гуде.

Косаря у-почі
 Зострічають сичі;
 Тие косарь, не спочиває,
 Ні на кого не вважає, —
 Хочъ и не проси.

Не кричи й не проси;
 Не клепає коси:
 Чи то городъ, чи то поле,
 Якъ бритвою, старий голить,
 Усе, що даси.

Мужика й шинкаря,
 Сироту-кобзаря,

Приспівує старий, косить, оз в Р
Кладе горами покоси, оз в Р
Не мине й царя. Поднялася и ляминд
И мене не мине, и ляминд
На чужині зотне — А поди
За решоткою задавить Шо в сн
Й хреста нікто не поставить П
И не помьяне. Тает тва

Т. ШЕВЧЕНКО.

ГАРБУША.

Драматичні картини у 3-хъ діяхъ.

ДІЯ II. (*)

(Обстановка: Ліс; крізь дерева просвічуєтця місяць. На переді, зъ краю, біла дерева, лежить колода, — обросла вона мохомъ и оплелася повоємъ. Край дерева палає купа хворосту, а кругомъ сидить кілька розбійниківъ зъ ватаги Гаркуши. Въ глибині стоить невеличка хатка, оточена кущами бузку и шишцини.)

ВИХОДЪ 1-ий.

1-й и 2-й РОЗБІЙНИКИ и УЛАСЬ (*сидить підъ дереvomъ на колоді.*)

Уласъ (*приглядаючись*). Чого се такъ забарився нашъ отаманъ? казавъ, що буде о-півночі, а вже й місяць сіда, а ёго немає? . Певно, полює за куріпками, и вже, побачите, коли яка-небудь не заплутаєтця въ ёго сільця! (*смієтця*). Недаромъ же наказавъ обратъ сю хатку (*показує на хатку*), а мене настановивъ лісничимъ.

1-ий Розбійникъ. На все здався моторнимъ нашъ отаманъ: розумний, сміливий, и чорта не злякаєтця, душа — якъ чугувна куля; не даромъ прозвали ёго въ Січі паліводою, а бісові дівчата и жіночки, матері їхъ квівѣнка, збивають ёго зъ пантелику!

2-ий Розбійникъ. Не разъ траплялось намъ добре поживитьця; а тільки вгледівъ гарну дівчину, або молодицю, то не то

(*) Дія перва напечатана у VIII-й книжці *Основи*.

що нічого не візьме — и намъ не дасть, а ще й свое віддає!... Недаромъ на ёго нашъ Помело такъ сердитця...

Уласъ. Не за се на ёго Помело сердитця, а за те, що боронить силою дівчатъ захоплювать, а нашъ Помело ласий до нихъ, якъ муха до патоки (*сміється*). И шб́ то воно, подумаешъ на світі, оці жіночки?... Ніякъ одъ нихъ и не встережесся: гляне на тебе, усміхнетьця, — такъ тобі весело стане на душі, — здастьця, оттакъ би узявъ (*замахується келепомъ*), та й розчовпивъ диявольську личину... такъ ні! не підіймаєтьця рука, — жаль чортову куклу!... (*Прислухується и прилядується*) Щось лопотить... чи не отаманъ?... Вінъ, вінъ, та ще й не одинь! — на передній луці сидить дівчина, а може й молодиця. Та якъ же притудилась до ёго и обгорнула рученьками! (*сміється*). Зупинились, злязять! (*Иде до нихъ назустрічъ.*)

ВИХОДЪ 2-й.

УЛАСЬ, ГАРКУША и СОТНИЧИХА.

Сотничиха (*иде боязко и тупить до Гаркуши.*) Що се за люде?

Гаркуша. Не лякайся!.. мої. Я звелїв їмъ мене тутечки подождать. Не бійся жъ, моя горличко: ми вь такому захистку, що Гаркуша и зъ собачимъ носомъ не знайде насъ!

Сотничиха. Спасибі тобі, козаче, що вирятувавъ мене. Зъ тобою я нікого й нічого не боюсь!

Гаркуша (*побачивши Уласа.*) Здоровъ бувъ, Уласе! (*До Сотничихи.*) Се тутешній лісничий...

Уласъ (*вклонившись.*) Доброго здоровья пану отаману!

Гаркуша. Вибачай, Уласе: на сю нічъ твоя хата буде нашою... Треба сховать пані сотничиху одъ Гаркуши!

Уласъ (*усліхається.*) Моя хата и я самъ тобі, пане отамане, на послугу!

Гаркуша. Ходімъ же, моя горличко, спочинь, засни. (*До Уласа, стиха.*) Зібратъ всю нашу ватагу и дождитать мого приказу!

Уласъ. Буде, якъ кажешъ, пане отамане...

(*Гаркуша веде Сотничиху у хатку, а Уласъ иде до розбійниківъ.*)

ВИХОДЪ 3-й.

УЛАСЬ, 1-й и 2-й РОЗБІЙНИКИ.

Улась. Знатную куріночку накинувъ, та ще й нані сотничу! Здастья міні, такої ще й не траплялось... Уродилась же така гарна... а все на наше безголовья!... *(До розбійниківъ)* Отаманъ звелівъ зібратъ до-купи всю ватагу... Се, мабуть, недаромъ?

1-й розбійникъ. Щобъ чоґо не було!

2-й розбійникъ. У ёго собачий нісь!

Улась. Що буде—тѣ буде... вінъ про те зна! *(Подає вістку пошвистомъ; по третєму разу за лаштунками одкликають свистками.)*

ВИХОДЪ 4-й.

1-й и 2-й РОЗБІЙНИКИ, УЛАСЬ и ПОМЕЛО *(зъ нимъ кілька чоловіка розбійниківъ.)*

Помело *(швидко.)* Отаманъ вернувь?

Улась *(сміючись.)* Та ще й не одинъ! таку привізъ краю, що якъ би ти глянувъ на неї, то въ тебе бъ и очі рогомъ ползли. Якъ намалѣвана, матері її ковівька!...

Помело *(сердито.)* Щастя чоловіку! Мабуть, не брешуть, що самъ чертъ ёму помагає... Яку не накинє окомъ, — такъ її до себе и причарує.

Улась *(сміючись.)* А тобі й досадно! Ти бъ хотівъ, щобъ вони всі повіслись тобі одному на шию?

Помело. А то бъ и не досадно! Бачъ, щѣ схоче, те й робить, — веначе який баша Турецький; а нашому брату — дзуські!....

Улась *(нербиває.)* Якъ дзуські!.. брехня! Отаманъ не брешить — хочъ всіхъ на світі до себе причаруй, тільки не силою, а по волі, щобъ закохалась въ тебе... *(Сміється.)*

Помело *(сердито.)* Не козацьке діло — добиватьця того коханця по волі. Коли міні подобалась, — то й годі. На біса міні її питать, чи лій по мислі?.. Не бійсь, — якъ вінъ тікавъ зъ Січч, одъ шибениці, то обіщавъ намъ веселе життя; а тепе-

рички забравъ насъ до рукъ, неначе наймитівъ, — орудує нами, — що звелить те й роби, та ще й мовчи....

Уласъ. Обізвись тільки, — такъ вінъ тебе на два локті и повищає, або зъ голови зробить свистуна!..

Помело. А ми дурні сами у ярмо шні протягуємо и покірствуємо, — неначе кошовому! Не велика пиха, що отаманъ... Сьогодні вінъ, а завтра я!

Уласъ. Такъ-що!?! Сьогодні й слухай ёго, а завтра тебе слухатимуть...

Помело. Та який зъ ёго отаманъ? Удає зъ себе лицаря: боронить грабувать, и тільки того дозволяє різати, котрий тебе ріже... Не треба намъ такого отамана!...

Уласъ. На всякого не догодишъ. Щобъ то й було, якъби ми усякого різали та грабували?.. Давно бъ розвішали насъ по шибеницяхъ, давно бъ крутились наши кістки на паляхъ... А нашъ отаманъ розумно порядкує: одбере увъ одного багатого, а десять біднихъ наділить, та й на нашу долю перепаде; за тежъ скільки маємо людей до себе прихильнихъ!.. И що тамъ собі не базикай, а й жіночки намъ помагають, — неразъ стали намъ у великій пригоді, не разъ зъ великої біди визволяли!

Помело. Чорти-батька-зна що верзешъ... Не тобі бъ казати и не міні слухать!.. *(До розбійниківъ.)* А підложіть-лишень, хлопці, дровецъ: запалимо люльки та за співаємо пісень, — повеселішає.

(Розбійники сідають купами; запалюють люльки. За лаштунками чутно свистки; до нихъ одкликаються.)

УЛАСЪ и ПОМЕЛО.

Ще ваші!

ВИХОДЪ 5-ий.

Тіжъ и ВАКУЛА *(за нимъ ватага розбійниківъ; де-котрі ведуть дівчатъ. Дівчата пручаються; їхъ силою підганяють).*

Помело *(вледівши дівчатъ, біжить до нихъ назустрічъ).* Перепілочки мої любві! безъ васъ намъ и світъ не милий!... Відкіля се узялись? *(Обійма де-котрихъ).*

ВАКУЛА (*штовхаючи дівчатъ*). Дурні! чого ви злякались? Не бійтеся, живісенькі будете!

УЛАСЬ. Відкіля набрали сього зілля?

ВАКУЛА. У лісі полуніці збирали, такъ ми їх и захопили; веселіше зъ ними буде. Вони намъ заспівають и потанцюють. (*До дівчатъ*). Не бійтеся! кажу вамъ, не бійтеся! (*Виводить на середину*).

УЛАСЬ. Ну, гледи, Вакуло, щобъ намъ не розсердить отáмана. Хіба не знаєшъ, що вінъ заборонивъ чіпати сю погань и дуже сердитця, якъ ёго не слухають?

ПОМЕЛО (*Уласу*). Наплювать міні на твого отáмана!... Я перший ёго не слухаю!...

ВАКУЛА. Справді! боронить намъ и потанцювать изъ дівчатами, тугу розбитъ! ми не въ Січі, а вінъ намъ не кошовий!...

РОЗБІЙНИКИ. Вінъ намъ не кошовий!... Не пустимо, не пустимо дівчатъ!... Горілки давайте, музики грайте, гуляйте, хлопці, по-козацьки! (*Зъ боклагъ націжують горілку, пють самі и частують дівчатъ. Дівчата одмовляютьця, а далі пють*).

ПОМЕЛО (*весело*). Пийте на здоровьячко, мої перепілочки! танцюйте, співайте и насъ звеселяйте! Гей, музики, грайте! А нуте, хлопці: починайте! (*Розбійники виймають зъ-під керей скрипиці, бандури, соліжки, бубни, де-які старіші сідаять и дивлятьця, а другі грають въ карти*).

ПОМЕЛО й ВАКУЛА. А нуте-лишень, заспівайте намъ «Ой за гаємъ, гаємъ, гаємъ зелененькимъ...»

Всі. Ой за гаємъ, гаємъ! (*Стають рядками и співають*.)

УЛАСЬ, ПОМЕЛО, ВАКУЛА и де-які розбійники. Та й гарна жь пісня!... Отъ, спасибі вамъ!...

ПОМЕЛО (*до дівчатъ*). А хто зъ васъ гарно співа «Гриця?» Дівчата (*показують на одну*). Оця гарно співа, оця!...

ПОМЕЛО. Заспівай, моя перепелічко, потішъ козацьке серце... (*Дівчина соромитця, одмовляетьця, а далі співа:*)

«Ой не ходи Грицю та на вечерниці...»

УЛАСЬ. Заспівайте жь міні, мої куріпочки: «Ой зійди, зійди ти, зірочко та вечерня! Знатна пісня! неваче обценьками за серце хапа! (*Одна зъ дівчатъ виходить и співа:*)

«Ой зійди, зійди ти, зіронько та вечерня,

Ой виydi, виydi, дівчинонько моя вірна! (*bis*)

Не подоба зірці ізъ вечора та зіхóдити,
 Не подоба дівці до козака та виходити. (*bis*)
 Ой зіронька зійшла, усé поле та й освітила,
 А дівчина вийшла, козаченька звеселила. (*bis*)
 Ой дівчино моя, та недоленька твоя,
 Що не сподобала вся родинонька моя! (*bis*)
 Ой не такъ родина, якъ меншая сестра:
 — Да не бери, брате, безъ щастя дівчино зросла. (*bis*).
 Що безъ щастя зросла, а безъ долі уродилася;
 Вона тобі, брате, дружиною не судилася! (*bis*).
 Лúче жъ тобі, брате, зъ сиротини насміятися,
 Аніжъ тобі, брате, зъ сиротою повінчатися; (*bis*).
 Лúче жъ тобі, брате, важкий камінь підняти,
 Аніжъ тобі, брате, зъ сиротою проживати (*bis*). —
 »Лúче жъ міні, сестро, та гіркий полить їсти,
 А нїжъ міні, сестро, сиротину зъ ума звести (*bis*).«

Уласъ и де-які розбійники. Сизебі! гарна пісня, дуже гарна! (*Зновъ розносять гóрїлку, частують, регочуться; музики грають швидкої, починають танцювать, співають, пьють гóрїлку, зачіпають дівчатъ; бенкетують по-козацьки. Гаркуша виходить зъ хатки и близитця до товариства.*)

Де-які розбійники (*вмєдівши*). Отаманъ, отаманъ!

ВИХОДЪ 6-ий.

Тїжъ и ГАРКУША, *похмурий*.

(*Музики змовкають; перестають танцювать; передъ Гаркушою ватага розступається. Гаркуша виходить на середину.*)

ГАРКУША (*похмуро оглядує ватагу; далі, привітно до дівчатъ:*) По-волі, чи по-неволі до насъ повприходили?

Дівчата (*жалїбно*). Не по-волі: насъ захопили въ лісу и силою сюди привели...

ГАРКУША (*грізно озирнувшись на ватагу*). Хто вємїливсь міні суперечить? (*Усі мовчать. Гаркуша дуже:*) Хто вємїливсь, питаю, мене не слухатьця? Хто їхъ сюди привівъ?

Помєло (*виступаючи*). Ми їхъ сюди привели!... Не дуже гримай, пане отамане: сотничиху розбуркаєшь!

ГАРКУША (*до ватаги*). Ви записягались слухатьця мене и міні покїрствовать; коли мої распорядки кому зъ васъ не по ну-тру, нехай той иде собі на всі чотири!

Помело. Та й ти, панс отамане, заприсягався намъ—орудувать по-правді, й обіцавъ веселе життя!

Гаркуша. А хібажъ я збрехавъ? Нехай хто скаже: що, я зкривдивъ кого, або судивъ не по-правді?... *(До дівчатъ)*. Ідїть собі до-дому; Гаркуша не обіжає дівчатъ и другимъ не дає обіжати. *(Дівчата низько кланяюцца и хочуть йти)*.

Помело *(ростопиривши руки, не пускає дівчатъ)*. Не пуццу, не пуццу! *(До товариства)* Пани-товариші! чи довго Гаркуша буде нами орудувать якъ наймитами! *(Вагага заюмонїла; декотрі зъ розбійниківъ здержують дівчатъ)*.

Гаркуша *(ірізно до Помела)*. Одно слово — и я тебе якъ собаку! *(хапаєцца за пистоль.)*

Помело *(тежъ хапаєцца за пистоль)*. И въ мене не по-рожні руки!

(Гаркуша хутко вихоплює пистоль изъ-за поясу и не цілювших стрел. Помело пада мертвий; дівчата зъ лякомъ тікають въ ростиць; розбійники здїймають шапки).

Гаркуша *(засовує за поясъ пистоль)*. Собаці собака й смерть! *(Ірізно поглядуочи на розбійниківъ)*. Закопать!

(Уласъ и кілька розбійниківъ підходять до убитого).

Уласъ *(дивлячись на убитого)*. Та й хвацько жъ втрапивъ у самісеньке серце! и не стрепенувъсь сердешний! *(Випосять тіло)*.

Гаркуша *(всмїхаючись)*. Пани-товариші! Сотникъ Бутузъ наміряєцца сїгодні всіхъ насъ заповонить, щобъ провітрить на шибеницяхъ! *(Розбійники сміютця)*. За се треба собачому сїну завдати памяткового, щобъ вінъ и до новихъ віниківъ не забувъ!

Всі. Памяткового, памяткового,—щобъ знавъ по чімъ кївнїхъ лиха!

Гаркуша. Слухайте, панове старшина: сотникъ Бутузъ те-перечка повиненъ бути зъ своїмъ військомъ на Мглинському шляху, біля Густинського гаю. *(До Вакули)* Ти, Вакуло, зъ своїмъ загономъ иди на той шляхъ; якъ стрїнеся зъ сотникомъ, то мани ёго икъ Мглину, щобъ ёго одвести одъ нашого пристановища. *(До Уласа)* А ти, Уласе, переряди своїхъ козаківъ у свитки, щобъ здавались за сотниковихъ хуторянъ, та й стань засадою у вершині сїго гаю; якъ почувешъ, що сотникова облава, увязавшися за Вакулою, близитця до тебе, то й ти зъ ними

змішається, та й до самого сотника добірайтесь. А якъ оточите ёго, — и турчіть ёму въ ухо, що ви знаєте, де заховався Гаркуша; та й провадьте ёго сюди. (*Вакулі*) Тимъ-часомъ, якъ Уласъ захопить сотника, ти зъ своимъ загономъ къ чортамъ пужни сотниківське харпацтво и прикрий Уласа... Зрозуміли, пани-товариші?

Уласъ и Вакула. Зрозуміли, пане отамане; буде такъ, якъ ти кажешъ.

Гаркуша. Ідїть же, не забарїтця зъ сотникомъ!

(*Розбійники розходяться*).

ВИХОДЪ 7-ий.

Гаркуша (*одинъ, замислившись*). Важко, нестерпучо бути харцизомъ! зъ кожнимъ днемъ міні гидшає и камінюкою налягає на душу!... Імъ аби-тільки грабувати, різати та пекти людей, де-коли помилуєшъ, оборонишъ кого, то такъ и зашпилять якъ гадюки!... Мене коженъ часъ чека або зрадлива куля або шибениця. Мене слухають, бо ще боїтця, мене й кохають, поки не довідаютьця хто я!... Важко, — та нічого не вдієшъ: не поможе бабі кадило, коли бабу сказило!... (*Сотничиха виходить съ хатки, Гаркуша, побачивши її*) Небого! ти щиро мене покохала; теперечка ти бь оддала мині й душу твою чистую, якъ роса що зъ неба падає и свіжить світъ Божий; а черезъ годину ти сама злякаєся свого кохання и прокленешъ мене!... Згадавши про своє щастя, будешъ ще нещасливіша, якъ була небачивши мене! Чогожъ се такъ міні тебе жаль?... До тебе первої одкликнулося мое серце!

ВИХОДЪ 8-ий.

ГАРКУША и СОТНИЧИХА.

Сотничиха. Ти тутъ, мій голубе?... Прокинулась, дивлюсь— тебе нема; такъ міні стало страшно, смутно. Що буде зо мною, якъ ти мене покпнешъ?...

Гаркуша. Не думай о розлуці, поки ми вкуні!

Сотничиха (*озираючись*). Мій Боже милий, якъ тутъ гарно! неваче въ раю! міні ніколи и на думку не спадало, щобъ було

таке щастя у світі!... (*Нильно дивитця на Гаркушу.*) Чогожъ ти, мій голубе, такий смутний?... Чого такъ замислився?!.. Може не любишъ мене?...

Гаркуша. Я тебе кохаю, моя горличко, якъ ще нікого на віку не кохавъ? (*Притуляє Сотничиху до серця.*) Ось, послухай-лишень, яку я за-для тебе сконцювавъ пісню:

(*Достає бандуру, наструює и співа:*)

Веселився козаченько,
Та й не схаменувся,
Якъ уразила серденько
Гарная Маруся.
Ой серденько дуже бьетця,
Якъ її побачу,
Якъ же зъ нею розійдуся,
Трохи що не плачу.
А вже жъ, коли ставъ кохати,
Зроду не уймуся,
Та й кохати перестати
Не можна Марусі.
Така гарна, така повна,
Що не надивлюся,
Чепурная и моторна
Милая Маруся!
Чи танцує до скрипки,
То — хочъ забожуся —
Нема дівки, молодиці,
Кращої 'дъ Марусі
Ябъ хваливъ тебе багацько,
Та того боюся,
Що не любить козацької
Похвальби, Маруся!
А якъ станешъ похваляти, —
Я вже не візьмуся —
Бо де слівъ такихъ узяти,
Щобъ хвалить Марусю!
Колижъ будешъ ти за мною,
Якъ я полюблюся:
Мое щасте — похвальбою
Буде для Марусі...

Сотничиха. А мое щастя — твоє кохання, мій голубе!... Я твоя на-віки!

Гаркуша. На-віки... що бъ тобі ни стрілось, що бъ ти про мене ни почула?

Сотничиха (*скоро*) Що бъ про тебе ни почула!

Гаркуша. Побачимо!... а поки-що — обіщай мені, що ти усе зробишъ, безъ плачу и не роситуючи, объ чімъ я тебе ни попрошу?

Сотничиха. Обіщаю, обіщаю!

Гаркуша. Сьогодні ти муєшъ вернутця до сотника.

Сотничиха *(перехоплює.)* До сотника? ні, ні! поки світъ-сонця, сєго не буде; луче мені вмерти, піжъ вернутися до не-люба!

Гаркуша. А що ти мені обіщала?

Сотничиха. Змилуйся, хочъ скажи, зачимъ мені вертатця до сотника....

Гаркуша. Сьогодні усе будешъ знати, а теперечки слухай що я тобі казатиму. *(Здіймає з своєї руки перстїнь.)* Нехай оцей перстїнь закрєпить наше кохання.

Сотничиха *хоче узять перстїнь.*

Гаркуша *(не дає перстїня.)* Пострївай, не теперь!... *(виймає з кишені коробочку, кладе туди перстїнь и замика ключикомъ)*

Сотничиха. Коли жъ?

Гаркуша. Скоро, а теперечки возьми тїльки оцей ключикъ, и якъ пришло тобі сю коробочку, то одімкнешъ, и тоді усе тобі виявитця, чого й не сподївалась!

Сотничиха *(бере ключикъ).* Нехай буде, мій голубе, якъ ти кажешъ.

ВИХОДЪ 9-ий

ГАРКУША, СОТНИЧИХА и ОБУХЪ *(швидко уходитъ з цедулкою въ руці.)*

Обухъ *(віддаваючи цедулку Гаркуші.)* Одъ Уласа, пане отамане.

Гаркуша *(прочитавши, виходить напередъ).* Сотникъ въ моїхъ рукахъ.... Отъ-отъ и сюди приведуть. *(Озираючись на Сотничиху)* Треба її швидче звїдеі випровадить...

Сотничиха *(підходячи до Гаркуши).* Яка се звістка?.. Відкіла?

Гаркуша. Гуси до-дому, вовкъ за горою! Отъ-що...

Сотничиха *(скоро)* Чи не Гаркуша?

ГАРКУША. Огадала. Дали міні звістку, що вінъ довідавсь, що ти ховаєся у сімъ гай: — треба тобі тікати звідсі!

Сотничиха (*зъ-лякомъ.*) Тікаймо, тікаймо! (*Хпає за руку Гаркушу.*) Куди жъ ми підемо? де сховаємось, мій голубе?

ГАРКУША. Заспокойсь, моя горличко. Обухъ одведе тебе въ таке місце, що ніхто не знайде; а я тимъ-часомъ розвідаю, якъ-би намъ луче втекти и сховатця одъ Гаркуши...

Сотничиха (*обнімаючи Гаркушу.*) Не пущу тебе самого! и я піду съ тобою.... (*За лаштунками чути гомінъ.*)

Обухъ. Поспішай, пане отамане! Наші недалеко!

ГАРКУША (*Обуху.*) Де коні?

Обухъ. Въ верхній балки...

ГАРКУША (*передає Сотничиху Обуху.*) Тікай, не гайся!

Сотничиха (*обійма Гаркушу.*) Прощай, мій голубе!... Не барися! *Виходять.*

ВИХОДЪ 10-ий.

ГАРКУША, потімъ УЛАСЬ, а за нимъ РОЗБІЙНИКИ съ гоміномъ, зъ сміхомъ, несуть Сотника, покритого свиткою.

Уласъ (*сміючись.*) Пане-отамане! Ось подивися-лишень, якого лицаря піймали... Гледи, не злякайся! (*Ставлять его передъ Гаркушею и зоймають зъ голови свитку. Сотникъ, якъ не-самовитий, дивитця на Гаркушу.*)

ГАРКУША. О, та який же зъ ёго лицарь! правдивий Кганджа Андиберь! (*Розбійники сміютця.*)

Уласъ (*штовхаючи Сотника въ потилицю.*) Кланяйся, Продівъ сину, пану отаману Гаркуші!

ГАРКУША. А на що ти мене шукавъ? чого тобі треба? (*Сотникъ зъ-переляку слова не вимовить.*) Щобъж ти мовчишь, телепень? кажи!

Сотникъ (*стає на вколішки.*) Пане-отамане, пане Гаркушо! змилуйся! (*Кланяетця до нігъ.*)

ГАРКУША. Старий дурень! Сидівъ би собі дома; а то, у робочу пору, одриваєшь народъ одъ діла, и чортъ-батька-зна чого гасаєшь по лісахъ та шукаєшь вітра въ полі? И до смерти бъ мене не знайшовъ, колибъ я самъ не давъ тобі помочи!

Сотникъ (*жалібно.*) Змилуйся, пане отамане! Се мене на-

правивъ Бебехъ, та Куць, хорунжий!.. Якъ би на мене, то сидівъ би собі тихенько дома, покоровився бъ тобі... Їхъ карай; коли хочешъ, я тобі живцемъ їхъ віддамъ, хочъ шкуру зъ нихъ дерн; а мене, неповинного, одпусти до-дому... у мене молода жінка, душі въ собі не чує, — такъ мене любить; якъ ти мене зъ світу зженешъ, то й вона вмере. Зжалъся, пане отамане, хочъ надъ нею, нещасливою... *(Розбійники сміються.)*

Гаркуша. Такъ у тебе, у старого дурня, и жінка молода?.. Та ще й такъ тебе кохає, що душі въ собі не чує? Ну, нічого робить... треба тебе помилувать, щобъ справді зъ жалю не вмерла. *(Виймає зъ кишені коробочку, де перстінъ захований, и дає її Сотнику.)* Візьми сю коробочку и віддай твоїй жінці; скажи їй, що се подарунокъ одъ Гаркуши. Чи чуєшъ?

Сотникъ. Чую, пане Гаркушо, чую!

Гаркуша. Тільки гледи: цуръ не дивитьця, що тамъ заховано; а то я подивлюсь, чи багато у тебе клоччя въ голові!

Сотникъ. Щобъ міні повилазили, коли подивлюсь!

Гаркуша. А щобъ тобі було незavidно, я й тобі дамъ памяткового. *(До розбійниківъ.)* Привяжіть ёго, пани-товариші, до дерева, и добре нагодуйте березовою кашою! *(Розбійники хапають сотника.)*

Сотникъ *(зъ плачемъ.)* Змилуйся, пане Гаркушо!... бочонокъ золота викупу за себе дамъ! Коли хочешъ, и жінку віддамъ!... *(Розбійники регочуть.)*

ДІЯ ІІІ.

(У двохъ картинахъ.)

КАРТИНА 1-ВА.

(Обстановка: спальня СОТНИЧХИ; двѣри въ дівочу зачинені.)

ВИХОДЪ 1-ий.

СОТНИЧХА и ГАРКУША *(улізають у вікно.)*

Сотничиха *(журливо оглядаючи світлицю.)* Зновъ ті жь осоружні стіни, та жь пекельна тюрма! О, теперечки вона міні ще нестерпучій, якъ перше була....

Гаркуша (*перебива.*) В твоїй волі зостатися, або покинути пекельну тюрму и вилетіть з неї як пташка з клітки.

Сотничиха (*з досадою.*) Не зрозумію твоїх таємних річей; недобро вони віщують, гнітять мою душу и рвуть мое серце; як бачу, тобі мене не жаль, ти мене не любишь, покинешь... (*плаче.*)

Гаркуша. Не покину, моя горlichко, не покину, аби ти тільки не одцуралась од мене; и поки світ-сонця, тебе тільки одну буду кохати. Повір же мойму серцю, що бьетця за-для тебе, як не вискочить з грудей!.. (*обніма Сотничиху.*)

Сотничиха (*тулиця до Гаркуши.*) Вірю тобі, мій голубе, и боюся тебе, — сама не знаю чого!...

Гаркуша. Через годину ти одбереш од мене свій перстін, и коли згодися, то вийдеш в той гай, що за городами; тоді вже вкупці поїдемо далеко, далеко, на край світа; ніхто про нас и не почує, ніхто й не заборонить нашому щастю!...

Сотничиха (*швидко.*) Чому ж не зараз?

Гаркуша. Сама побачишь — чому! Прощай! нема чого час тратити! (*Хоче йти.*)

Сотничиха (*здержує.*) Візьми й мене з собою... я без тебе умру... зжался!

Гаркуша (*визіаючи у вікно.*) Прощай! — Я тебе дождатиму. (*Сотничиха удержує Гаркушу, хапаєтця за его жупанг; вінг вививаєтця и зачиняє вікно. Сотничиха, зомлівши, пада на лаву.*)

ВИХОДЪ 2-й.

СОТНИЧИХА и ГАЛЯ.

Галья (*виходить из дівочої и, вледівши Сотничиху, підбіає до неї.*) Вернулась!... и як несподівано! живенька, здоровенька, моя пташечко?... Що ж се з нею? (*прилядуєтця*) як не жива, и оченки заплющила!... Пані Марусю?... ріднесенка моя... (*тре йй виски.*)

Сотничиха (*одкриваючи очі.*) Галю!

Галья. Деж ти була, моя пташечко?... Чи помилував тебе Господь?... Мій Боже милий! Як же я убивалась за тобою! Хотіла була вже у ліс бігти, щоб тебе вирятувати!..

Сотничиха (*весело.*) Я була, Галю, у раю; бачила тамъ щасливу мою долю; глянувши на неї, и розумъ мій помутивсь! Бачишъ, я й теперечки якъ несамовита...

Галя (*дивуючись.*) Справді повеселішала, неначе ту щасливу долю зъ собою принесла!

Сотничиха. А знаєшъ, Галю, хто бувъ той козакъ, що вчора оборонивъ мене одъ Гаркуши?

Галя. Ні, не знаю...

Сотничиха. Той сáмий, съ котримъ стрілась я вь лісі... Пам'ятаєшъ, що я тобі розказувала?

Галя (*швидко.*) Той сáмий?

Сотничиха. Забалакалась та й забула спитать, якъ ви оборонилися одъ Гаркуши?

Галя. Гаркуши не було; ні-віть-зъ-чого переполохались; ми вже думали, чи не самъ Гаркуша тебе умчавъ?

Сотничиха (*съ досадою.*) Вігадки! Якъ то можна, щобъ Гаркуша бувъ такий чесний козакъ! Я у ёго провела нічку якъ у рідної матері підъ криломъ; я ёму оддалась зъ душею и тіломъ, а вінъ... (*Одъ серця*) слухай, Галю: я ёго люблю и вінъ міні поклявся до смерти одну мене любити...

Галя. Що се ти вигадуєшъ, моя пташечко?... Ти жь передъ Богомъ записягалась кохать одного сотника?...

Сотничиха (*перебиває.*) Ні, я клялась ёго зневажать!... Однакъ я ще тебе не спитала, чи вернувся мій нелюбъ?

Галя. Ще й вісточки одъ ёго не було ніякої.

Сотничиха. Дай міні одягтись, щобъ сотникъ не довідався що мене не було дома.

Галя. Якъ-таки можна, щобъ сотникъ не допитався, що ти не ночувала дома?

Сотничиха. Нехай допитаєця та не теперь...

Галя. Коли жь?

Сотничиха. Якъ мене тутъ не буде...

Галя (*зъ лякомъ.*) Що се ти замишляєшъ, моя пташечко?... чи не думаєшъ насъ покинути!

Сотничиха. Скоро покину осоружну сю тюрму и полечу зъ моїмъ голубомъ далеко, далеко, — ажъ на край світа!...

Галя (*швидко.*) Ти хочешъ покинуть рідний край?...

Сотничиха (*перебиває.*) Тамъ у мене рідний край, де мій милий, на ёго грудяхъ, біля ёго серця!

Галя (*жальбно.*) И менé тобі не жаль покинуть? мене, що такъ щиро тебе кохала?

Сотничиха (*зъ жалемъ.*) Тебе одну міні жаль; такъ щобъж міні робить, Галю, коли я ёму оддала вже мое серце...

Галя (*швидко.*) Такъ утечемо разомъ; я піду за тобою на край світа!

Сотничиха (*обнімає Галю.*) Серденько мое! Спасибі тобі!... (*За лаштунками чути голосъ Катерини и Хорунжого.*)

Галя (*прислухуючись.*) Катерина, Хорунжий!... Чи не вернувся панъ Сотникъ? може й Гаркушу піймали?

ВИХОДЪ 3-й.

Тіжъ, КАТЕРИНА и, зъ переходомъ, ХОРУНЖИЙ.

КАТЕРИНА (*зъ великою радістю.*) Помилувавъ мене Господь! Чорти ухопили Сотника! А я вже думала топитьця... на одно бъ вийшло. Як-би вернувся та довідався, що немає пані Марусі, то вінъ би мене живцемъ у землю закопавъ!... (*Побачивши Сотничиху.*) Глянь!! відкіля се узилась? неваче зъ неба впала!..

Хорунжий (*убіваючи.*) Усі пропали до одного, и панъ Сотникъ пропавъ якъ собака въ ярмарку!... одинъ я...

Сотничиха (*перебиває.*) Чи не стрівся зъ Гаркушою козакъ въ червоному жупані?... Щобъ ще й вінъ не попавсь ёму въ руки!...

Хорунжий. Кажу жъ тобі, що всі пропали, всі до одного! Гаркуша не злякаєця червоного жупана, коли самого сотника... Дайте хочъ чарку запіканки; зовсімъ у горлі пересохло...

Сотничиха (*перебиває.*) Ні, ні, сёму не бувати! Вінъ такий бравий, смілий!... Одвакъ, одъ сієї вісти похолонуло у мене на душі... Боже милосердний, заступи ёго!...

Галя. Заспокойся, моя пташечко; може се все набрехано...

КАТЕРИНА. Чогожъ я тутечки дурна дожидаюсь?... аджежъ ключі въ моїхъ рукахъ. Піду, та й пригорну хочъ одинъ бочонокъ зъ карбованцями... Згодятця на старісті!... (*Виходить у дівочу.*)

Хорунжий (*слідкомъ за Катериною.*) Хочъ півнику, — аби тільки швидче!

КАТЕРИНА (до себе.) Вибачай! Теперечки міні не до тебе.... (Відчиня двері з дівочої на двірз и з жахомъ одступає назадъ.) Ой міні лишечко! наші вертаютца, ей же ей, наші.... Бебехъ, Куць, Хведіръ.... (Ударившись обз поли) и панъ Сотникъ... Щобъ я пропала, коли не панъ Сотникъ!... (Хорунжий, Сотничиха и Галя біжять до дверей.)

ХОРУНЖИЙ (дивуючись.) Вони, вони! и панъ Сотникъ! Оце диво! Бачу, Гаркуша їх помилювавъ!

ГАЛЯ (Сотничихі.) Не казала я тобі, моя пташечко, що брехня!

КАТЕРИНА. Охъ, лишечко! Нашъ Сотникъ якъ неживий!

ВИХОДЪ 4-ий.

ТІЖЪ, БЕБЕХЪ, КУЦЬ, ХВЕДІРЪ и СОТНИКЪ (Охотники ведуть Сотника підъ руки; вінъ стоїє.)

КАТЕРИНА (біжить до Сотника на-зустрічъ зъ хлипаннямъ.) Батьку мій рідний! посікъ же тебе булять вразький....

БЕБЕХЪ (перебиває.) Брехня! який тамъ булять? одчухрали різками... присохне, якъ на собаці! (Сотникъ сіда и зскакує.)

КУЦЬ (мітує руку Сотничихи.) Здорова була, моя крулево! Добре ще, хочъ тебе не захопили; я тільки за тебе одну й боявсь!

СОТНИКЪ (жальноно.) Чорти надали міні ловить того Гаркушу, бодай йому...

БЕБЕХЪ. На себе жалкуй, пане сотнику! Яка нечиста мати штовхала тебе въ потилицю? іхавъ би біля мене; а то поперло тебе у ліву руку... Отъ и погулявъ, якъ цуцикъ на вірвещі!...

КУЦЬ. Не було мене тамъ! а вже бъ висіть би Гаркуші на осці; я бъ ёго, собачого сина....

СОТНИКЪ (зітхнувши). И якъ то воно чудно сталося, такъ и не збагну: вже бувъ зовсімъ Гаркушу піймавъ... та й самого піймали, та ще й одчухрали!

ХОРУНЖИЙ. Ще диво, якъ не повісили! зъ Гаркушинихъ рукъ на сей світъ не вертаютца!

БЕБЕХЪ и КУЦЬ. Нічого. Бога гнівить, пане Сотнику, щасливий ти, дуже щасливий!

СОТНИКЪ (сердито). А щобъ и вамъ такого щастя вси-пали! Пострівайте, вінъ и вамъ дасть себе у знаки! (Хведіръ

здіймає зъ Сотника кереву; коробочка, що давъ Гаркуша, пада на помістъ).

Сотничиха (*швидко підіймає коробочку и відступаючи до Сотника*). Дѣ ти узявъ сю коробочку?

Сотникъ. Гаркуша приславъ тобі гостинця.

Сотничиха (*злякавшись, випускає зъ рукъ коробочку*). Гаркуша?!

Усі (*зъ жахомъ*) Гаркуша, Гаркуша! приславъ пані Сотничисі гостинця?!

Куць (*сердито*). Не иродового сина синъ! осміливсь зневажать мою крулеву! Та я ёго на шматки пошарпаю!... (*наміряється підняти коробочку*).

Сотничиха (*швидко*). Не рушъ! (*до Гали*) Підійми! (*на сторону*) Теперечки я усе зрозуміла... розв'язавъ очі!

Куць (*хоче узяти коробочку*) Треба подивитися, щó тамъ таке, щó вінъ туди заховавъ!

БЕБЕХЪ и ХОРУНЖИЙ. Треба подивитця, треба подивитця!

Сотникъ. Не руште! Гаркуша сказавъ, що хто осмілится подивитися, то вінъ подивитця, чи багацько у того клоччя въ голові...

Куць и ХОРУНЖИЙ (*зъ лякомъ одступають*) Нехай їй бісътій коробці!

БЕБЕХЪ (*хоче узяти коробочку*) Я не злякаюсь Гаркуши!

Сотникъ (*запорожує дорозу Бебеху*) Не дивись, не дивись! я її спалю!

Сотникъ, Куць и ХОРУНЖИЙ. Такъ, такъ!—спалить бісову коробочку!

БЕБЕХЪ. Нехай буде ї по вашому; а намъ вже пора чогонебудь и закусить: живіть підвело...

ХОРУНЖИЙ. На-силу почули розумне слово!

Сотникъ. Ходімъ же у мою світлицю; мене ледві ноги держуть. (*Катерині*) Подайте закуску на мою половину.

БЕБЕХЪ, Куць и ХОРУНЖИЙ. Ходімъ, пане Сотнику, ходімъ!

Куць (*цилує руку Сотничихи*) До зобачення, моя крулево! (*Сотника ведуть на єго половину; туди жъ идуть Бебехъ, Куць и Хорунжий, а Катерина зъ охотникомъ виходять черезъ дівочу*).

ВИХОДЪ 5-ий.

СОТНИЧИХА И ГАЛЯ.

Сотничиха *(жалібно)* Не добро вищували ёго таёмві речі... такъ воно й сталося! Однакъ вінъ мене правдиво кохав и поважав, коли випустивъ на волю, и теперечки дождає мого привіту... *(живо)* Ніколи сёго не буде! згину въ сій тюрмі, а не віддамъ себе розбійнику, харцизу!... О, злая моя доле! за що ти мене такъ люто карашъ?

Галля. Чого жъ ти убиваєся, моя пташечко?... Невелике ще лихо, щó Гаркуша приславъ тобі гостинця; коли не подобаєця — покинешъ, а може тутъ гарне намисто! *(Хоче відчинити коробочку)*. Не відчиняєця, замкнута...

Сотничиха *(одає ключикъ)* Візьми ключикъ; — тільки не одмикай, не одмикай!

Галля. Чому?

Сотничиха, *(зъ жагомъ)* Тамъ копошать гадюки — зъ неї вихопитця річка людської крові и потопить мене, — вилетять ти слічї замученихъ душъ и віньютця въ мое серце!

Галля. Неподобне вигадуєшъ, моя пташечко. За що жъ тебе топить въ людській крові? кого ти обідила на своєму віку, кого скривдила?

Сотничиха. За те, щó я дивилась въ ясні ёго очі, чула якъ б'єця ёго серце, за те, щó кохала ёго и до смерти кохати запрягалась!

Галля. Хіба жъ ти Гаркушу любила? овам'ятайся, що ти говоришъ, моя пташечко!

Сотничиха *(схилившись до Галі)* Галю, я любила розбійника! Гаркуша — той самий козакъ, щó я бачила ёго до шлюбу въ лісі, а вчора була зъ нимъ у раю!

Галля *(дивуючись)* Охъ лишечко!. . дакъ, бачу, не брехали люде!

Сотничиха. Не думала й не гадала я, щóбъ вінъ бувъ розбійникомъ... Такий добрий!.. Ну, сама жъ таки подумай: я була въ ёго рукахъ; щó бъ схотівъ, те й зробивъ би зо мною, а вінъ чесно, по-лицарській, поважавъ мене... Ні! Гаркуша не розбійникъ: нещаслива доля звернула ёго зъ праведного путя!..

Галля. *(скоро)* Ні, ні, вінъ не розбійникъ, та й непохожий на розбійника! Одімкнімо жъ, моя пташечко, коробочку.

Сотничиха *(подумавши)* Одімкни.

Галля *(одмика коробочку)* Мій Боже милий, який гарний перстїнь, яке намисто!... такъ и сяє! Подивись-лишень, моя пташечко! *(показує)*.

Сотничиха *(бере перстїнь и розглядує)* Якъ же я тебе дожидалась! душі вь собі не чула... Я думала, що ти, якъ той виголь, привнесешъ зъ собою щасливу долю, проведешъ мене у рай, а ти!... *(зъ плачемъ обійма Галю)* Галю, серденько мое! чи ти бачила кого на світі нещасливішого відъ мене?...

Галля. *(надїва на Сотничиху намисто)* Мій Боже милий, якажъ ти гарна у сїмъ намісті!

Сотничиха *(здримувшись)* Холодне якъ гадюка!... неначе каменюкою мене придавило. Здійми... швидче здійми, воно задушить!... Ні, не рушъ, не рушъ!... Розумъ замовкь, серце мене не слуха. Ратуй же мене, Галю, ратуй! я гину, гину зъ душею!... Я люблю, люблю розбійника!... *(плаче)*. Бездольний! одъ тебе одріклось и небо и земля; ти проклятий на сїмъ и на тїмъ світі, у тебе нема ні роду, ні вірної дружини!... Та яке бъ лихо мене ни спіткало — я тебе не покину; — пропаду, або впрятую тебе! ти мене дожидаєшъ... Иду, иду!..

Галля *(удержує Сотничиху)* Куди се, моя пташечко?...

Сотничиха. До ёго, до Гаркуши!

Галля *(дивуючись)* Чи ти здуріла?

Сотничиха. Міві треба ёго бачить, сказати ёму одно слово! кажу жъ тобі: або пропаду або впрятую ёго!процай, Галю!

Галля. Я тебе не покину, моя пташечко! коли погигать, то пропадѣймо вкупі!

Сотничиха *(обніма Галю)* Спасибі тобі, мое серденько, спасибі *(падає на колїна и молитця)* Господи милостивий! Ти знаєшъ, Ти бачишъ, чога бажає моя душа; да будетъ же надъ нами святая Твоя воля! *(Устає и бере за руку Галю)* Ходїмъ, Галю! *(швидко виходять)*.

КАРТИНА 2-ГА.

ВИХОДЪ 6-ий.

(Лісь; въ глибині видно кілька розбійниківъ.)

ГАРКУША и УЛАСЬ.

Гаркуша (*нохмуро*). И досі немає... пора бѣ!... Може, й не прийде....

Уласъ (*усміхаючись*). Заспокойся, пане отамане: прийде! Якажъ до тебе не приходила, якъ того тобі бажалось? ..

Гаркуша. Ся не похожа на тихъ!

Уласъ. Нігде правди діти: ся краща, та всежъ таки баба; а всі вони однимъ миромъ мазані: на виду тільки виші, а серце однакове.

Гаркуша. Не кажи сѣго, Уласе; и серце у неї не однакове; ще ні одна не вразила такъ моєї душі, якъ ся... Вона збудила въ мѣму сердці те, чого вже я не сподівався; вона збудила и совість мою... Чуєшъ, Уласе: — совість!... Якъ гляну на неї, то ні-віть-куди дівається и моя одвага; я маю передъ дитиною!...

Уласъ. Може вона Київська відьма? Утопить прокляту, щобъ не наганяла чаръ на козаків!...

Гаркуша. Вона чарує козаче серце чистою своєю душею!... (*Прислухається*) Щось лопотить, — чи не вона? (*Прилядується*) Вона!... Иди собі, Уласе, и одведи ватагу туди дальшъ, у лісь. (*Уласъ підходить до ватаги и зчезають за листунками.*)

ВИХОДЪ 7-ий.

ГАРКУША, СОТНИЧИХА и ГАЛЯ. (*Сотничиха понурившись підходить; Галя остається оддала.*)

Гаркуша (*иде на зустрічъ Сотничихі.*) Горличко моя! Очи проглядивъ, тебе дожидаючись; я вже подумавъ, що ти злякалась свого кохання... Теперечки ніхто не одійме у насъ нашого щастя, ніхто не розлучить насъ!...

Сотничиха (*сміло*). Козаче, не за тимъ я до тебе прийшла.... Слухай, що я тобі казатиму: я заприсягалась кохати ко-

зака чесного, лицаря, а не розбѣшаку, харциза!... Цураюсь твого кохання, козаче; я тебе зневажаю!... *(зрива зъ шиї намисто и кида на долівку.)*

Гаркуша *(сердито.)* Постривай!... Згадай, що ти отдавалася мнѣ зъ душею, а я незгодивсь, и здавсь на твою волю, — поки не довідається хт́о я; ти була властна не приходити: чого жъ теперечки прийшла до розбѣшаки, харциза?... Щобъ ёго корить, дратьвати якъ собаку?... Жалкуй же сама на себе; теперечки я буду за-для тебе розбійникомъ, харцизомъ!...

Сотничиха *(сміло.)* Козаче, ти мене не злякаєшь; свѣтъ мнѣ огидъ; одна смерть моя надія й втіха. Я прийшла сюди — або спасти твою душу, або пропасти; ніщо мене не злякає, и ніхто мене не одверне одъ моїхъ замѣрівъ!

Гаркуша. Що́ вѣ тебе на думці?

Сотничиха. Покинь твое харцизтво, покайся вѣ твоїхъ тяжкихъ гріхахъ передъ Богомъ и людьми, и будь чеснимъ козакомъ, лицаремъ, якимъ ти мнѣ здавався и якимъ тебе Господь создавъ: тоді я твоя на віки вічні!...

Гаркуша *(всміхаючись.)* Дурна дитино! ти й сама не знаєшь, що верзешъ!... Давно вже стративъ я надію на милосердіє Боже. Ніяке каяття не викупить моїхъ тяжкихъ гріхівъ... Не поможе бабі казало, коли бабу казало! Совість моя потоплена вѣ братній крові моїхъ братівъ; я пропащий, проклятий; я розбійникъ и розбійникомъ зостанусь, поки моя буйна голова на плечахъ....

Сотничиха *(чуло.)* Богъ милує не того, у кого не тяжкі гріхи, а того, хто щиро каїтця. На кого жъ и надія, якъ не на Ёго свитого милосердного? Не одъ людей же тобі дождатця того помилування!... Молю жъ тебе, мій голубе, зробися, якъ бувъ чеснимъ козакомъ - січовникомъ; теперечки війна: иди битця зъ невірними, — ратуй своїхъ братівъ, а не губи!... Богъ тебе помилує и цариця простить!...

Гаркуша *(перебиває.)* Годі, перестань! сего ніколи не буде!... Неподобне вигадуєшь!

Сотничиха *(вдохновенно.)* Колибъ твій батько и твоя мати устали зъ могили, а янголь-хранитель злетівъ до тебе зъ неба, — и вони бъ тобі сказали те саме, що й я кажу!

Гаркуша *(чуло.)* Годі, кажу, перестань, перестань! *(на сторону)* Збудила мою совість... и вона тежъ заговорила!...

Сотничиха. Молю тебе, мій голубе, мій друже! (*Пада передъ Гаркушою на коліна*) Одступись одъ свого харцизства и покайся... Господь тебе помилує!

Гаркуша (*відійма Сотничиху.*) Устань, устань; одъ твоїхъ річей моя душа топиться, якъ олово на вогні; — твої бажання стають моїми!... Не знаю, що́ міні й робить; я запрягався моїмъ товаришамъ, — безъ їхъ ради ні на що не згожусь!

Сотничиха. Я, — ти самъ кажешъ, — дурна дитина, а преклонила тебе: — якъ же, щобъ ти, зъ душею міцною, зъ твердою волею, та не здолавъ умовить своїхъ товаришівъ?...

Гаркуша (*чуло.*) Ти стала міні за янголя-хранителя, ти обудила въ моїй душі силу, котру я давно вже стративъ... Нехай же буде якъ ти кажешъ... Иду, иду, куди зове мене чесний запорозький звичай!...

Сотничиха (*простає руки до-гори.*) Мій Боже милій! Спаси ёго, спаси и помилуй! Ти бачишъ, вінъ каїтця!... (*Гаркуша посьвистомъ ззива ватагу; розбійники підходять до ёю.*)

ВІХОДЪ 8-ий.

Тіжъ, УЛАСЬ, ВАКУЛА и розбійники.

Гаркуша (*до розбійниківъ.*) Я зібравъ васъ, пани-товариші, щобъ де-объ чимъ порадитьця....

Розбійники. Кажі, пане-отамане, будемо слухать...

Гаркуша. Скажіть міні, пани-товариші, якою хотіли бъ ви умерти смертю: чи такою, якъ повинно чеснимъ козакамъ, чи такою, якъ намъ належить: мотаючись на шибеницяхъ и крутячись на паляхъ?

Де-які зъ розбійниківъ. Не придбали ми собі чесноі смерті, — такъ про се нічого й питать....

Гаркуша. Ну, такъ я васъ ще питаю: де бъ ви хотіли лучше бути: чи въ пеклі, чи въ раю?

Де-які зъ розбійниківъ. Не до насъ річъ, пане-отамане!

Другі розбійники. Не за-для насъ писано про той рай!

Гаркуша. Ну такъ, пани-товариші, хоть на се дайте одновідъ: кого у васъ більше охоти різать—чи своїхъ, чи бусурменівъ?

Всі. Бусурменівъ, бусурменівъ!...

Гаркуша. Такъ ходімъ же, пани-товариші, різать бусурменівъ,

покаємось въ нашихъ гріхахъ, пролемъ кровъ за віру православну, — то Богъ милосердний насъ помилує, а цариця пожалує! (*Розбійники мовчать и озираются.*)

Гаркуша. Чого жъ ви мовчите? Схотілось повиснуть на шибеницяхъ, або пекла жалъ?... А може злякались бусурменівъ?...

Уласъ. Не злякались! Не повинна намъ зъ ними битця, а не сподівались ми одъ тебе, пане отамане, такихъ річей; ти на насъ наскочивъ, якось налопомъ!...

Гаркуша. Чому жъ не сподівались? ви не які-небудь бурлаки, гультіпаки, а січовики; — показалися трохи, погуляли, — и буде зъ насъ; зновъ зробимось такими жъ чесними козаками, якъ и були!...

Вакула. Якъ такъ, такъ и такъ, коли ти будешъ зъ нами; — въ добрий часъ!

Уласъ. Справді, пане-отамане: які ми розбійники? Ми — січовики, лицарі!... Нагрішили та й покаємся!...

Гаркуша (*до розбійниківъ.*) Нагрішили й покаємся: такъ пани-товариші, и будемо чесними Січовиками.... Теперъ—въ Турещину, въ Турещину!

Всі. Въ Турещину, пане-отамане, — въ Турещину веди насъ! Согласні, согласні!

Гаркуша. И я согласенъ!

Сотничиха (*обійма Гаркушу.*) И я піду зъ тобою, мій голу-бе, піду на край світа!... теперъ ти не розбійникъ, а чесний козакъ; одягнусь козакомъ и поручъ зъ тобою буду воювать бусурменівъ!

Гаркуша. Постривай, моя горличко: на дорозі покаяння росте тернина.... ніжки поколешъ! Теперечки у насъ запроважена січова регула: пость и молитва.... зоставайся дома, и якъ дійде до тебе чутка, що я загинувъ якъ чесний козакъ, то помолись за грішну мою душу и поплачъ: слізи милої—козацькі поминки!

Сотничиха (*плачучи.*) Буду молитъ Господа, щобъ вінъ тебе помилувавъ, сохранивъ, и щобъ намъ навіку довелось нище побачитьця!

Гаркуша (*удає спокійного.*) Спасибі тобі, моя горличко, спасибі! Прощай!...

Сотничиха. Прощай! (*одить одного тупить до серця.*)

Уласъ (*всміхаючись.*) А що теперечки скажете, пани-молодці?

Лаяли жіночокъ, а отъ чого наробила ся молодичка (*Показує на Сотничиху*) Усіхъ разомъ навела на спасенну дорогу.

ГАРКУША (*цілує зомлілу Сотничиху и передає її на руки Галі.*) Эхъ!... та вже теперечки не до неї!... за мною, пани товариші! (*Всі виходять.*)

ГАЛЯ (*піддержує Сотничиху.*) Які чудні оці козаки! жартує а у самого тремтять слізи на очахъ! (*Завіса спускається.*)

О Л Е К С А С Т О Р О Ж Е Н К О .

(ЗАБУТОКЪ ЗЪ СТАРОВНИИ.)

ПИСУЛКА ДО МОГО БРАТУХИ.

Гай-гай! ой дий же ёго кату!
Бачъ, якъ давно вже говоривъ
До тебе я, мирянський тату!..
Що робишь ти? чи ще ти живъ?
Тоді ще, якъ ти зъ свідомъ до́вгимъ,
Підъ сірякомъ сукнянимъ добримъ,
По Харькову соба́къ лякавъ,
Тоді ще я тебе вида́въ.

Ти досі мабу́ть повну хату
Надба́въ помийницъ, бліхъ, мисо́къ,
Й то́го дивця, що: «мамо, тату!»
Я чувъ, повненький вже куто́къ.
Теперь, братко́, тобі ні гадки:
Засі́въ, мовъ кі́тъ, біля паньма́тки, — — —

Чи вже бъ то й досі ні півъ-стрічки
До мене ти не написавъ,
Якби́ не мавъ дурно́ї зві́чки?
А якъ тоді́ язикъ лама́въ!
Щобъ відъ жіно́къ ти не відб́ився,
Щобъ ти въ горі́льці уто́пився;
Щобъ ти не зу́здрівъ похмі́лю!
Чи бачъ, що́ я тобі сулю́!

Ось, глянь, який я гольті́нака,
Який пусти́въ на се́бе дуръ:
Блужу́ по світу мовъ бурла́ка,
Тільки зъ штані́въ висить очку́ръ.
Чортма́ ні жі́вки, ні дитя́нки,

Не вірять шинкарі горілки,
 Насилу збився на тютю́нъ.
 И, вже такъ жити!.. Живи, хочъ пюнь...

Подрáвъ послідню семіряку,
 Чортма въ чобóтїхъ подошóвъ;
 Хочá бъ який бїсь съ-переляку
 Згубївъ щó де, а я бъ знайшóвъ.
 А вкрасти бъ щó—я непотрѣбний,
 Щобъ ви́брехать—тожъ недотѣпний—

Отъ, тїльки въ мѣне и поради:
 Банду́ра, люлька зъ гаманóмъ.
 Якъ граю «долі» або «зради»,
 Собáки ви́ють підъ вікнóмъ.
 А якъ «Одарочки лихó»,
 Абó рубну ищѣ якої,
 Чи «Петрусѣ», чи тамъ «бичка»,
 То й

Якъ прїйде вїчъ, сушú оу́чі,
 Забрáвшиє въ просо на печі;
 Всєь день курю́ тютювъ вонючий,
 А якъ не спитця — и вночі.
 Що жъ бїлшъ робїть? На вечернїці—
 Дївкї, врагóвї молодїці,
 Не пустять, очї заплюють,
 А хлóнци рѣбра обїбьють! — — —

Отъ, бачишъ, якъ живу́ на свїті,
 Що мовъ сорóка на тиву́;
 А ти все тїлки дбаєшъ дїти —
 До мѣне й палцемъ не кивнóвъ,
 Хїба жъ ти въ брехунї пошївся,
 Абó полїтики навчївся,
 Абó жъ ти головї вже збувъ,
 Що такъ менѣ зовсїмъ забóвъ?

С т. Писаревський

(якъ бувъ ще студентомъ Харьківською Коллеїюму.)

БЕЗТАЛАННА.

В. К. Лучинской.

I.

Насъ було у батька двоє: я та старшенький братікъ, Степанъ. Покинувъ насъ батько маленькими: мині ще й шесті годківъ не було. Що поплакала ма́ти на́ша покійна за батькомъ, що поплакали й ми!.. Прийде, було, до насъ тітка Параска, да й каже на ма́тирѣ: »не плачь, се-стричко! у тебе дітки дрібненькі!« а ма́ти плаче, та й плаче!..

Заведужала й вона і пійшла скоро за батькомъ на той світъ. Оставила насъ маленькими; не довела до розуму, не дала долі...Того щастя, що часомъ по лодахъ бачишъ, я й зроду не знала; мабу́ть, ёго и нема́ у мене!

II.

Я була тоді панською. Узялі мене у двірѣ до панівъ. Маленька я була, нічого не знала, а хотіли пані, щобъ я все робила їмъ. Оце, було, пані й каже на мене:

— Чомъ ти тутъ не все поприбирала? Тільки гуляешъ, та хлѣб нашъ їси дурно.

Та за ухо якъ візьме... ажъ у очахъ потемніє.

Горювала я такъ недовго: приїхала на́ша панночка до-дому, десь у родичівъ гостювала.

— Що се, — каже, — маменька, у васъ дівчинка нова у кімнати́хъ?...

— Эге-жъ, дѣшко, се я для тебе узяла.

Потімъ до мене обізвалась:

— Стѣшко, — каже, — ходи поцілуй свою ба́ришню у рѣчку.

Я йду и боюсь — що то була ще малá.

— Швидчійшъ, швидчійшъ, Стéшко, — ка́же па́ні.

На тей часъ и панъ підійшовъ у ті хáти, де па́ні зъ па́нничкою були.

— Что ви, ба́би, тутъ витворя́ете зъ дівчо́нкой, — гримну́въ панъ.

Я ще гірше зляка́лась. Отъ, думаю, ще дасть на горіхи. Ажъ вінъ тільки подививсь ско́са, та й прогна́въ мене. Я вибігла за двєри самá на свої. Пійшла у садо́къ, плакала-плакала, та й засну́ла.

Спа́ла я чи-мáло. Чую кри́зь сонъ хтось зове́ мене:

— Стéшко, Стéшко, сю́ди ході!

Я прокину́лась, — ажъ уже зовсімъ стемніло. Побігла скорійшъ до ко́мнать, — дивлюсь, на порозі па́нничка стоїть.

— Стéшко, йди до мене. Ти зна́ешъ, що вже ти моя б́удешъ? б́удешъ мене роздяга́ть, одяга́ть к менé тільки одну сл́ухать. Я тебе люби́тиму, вишива́ть вивчу. Ти люби́шъ шить?— пита́е мене.

— Люблю́, — кажу.

Повелá мене ба́ришня у свою кімна́тку. Любо-ми́ло такъ у її кімна́тці. Ліжка такé висо́ке, та м'ягké у па́ннички; на вікна́х квітки у полив'я́нихъ горщечка́х квіту́ть, та паху́чи такі, що й не сказа́ть. Біла вікна́ стóликъ мале́нький стоїть, а на нѐму чо́го тамъ нема́: и швникъ, и соба́чка, и скринька мале́нька, и пляшечки різні, а в́ь божи́ці — Пресвята́ зъ Си́номъ и Ми́ко́ла свя́тий, опра́влені у срі́бні ша́ті. Ле́гко ста́ло ми́ні ди́хати, ле́гко на душі ста́ло.

— Ну що жъ, Стéшко, вподо́балась то́бі моя кімна́тка?— пита́е па́нничка.

— Вподо́балась, — ка́жу.

— Ну, роздяга́й же мене́.

Почалá я роздяга́ть па́нничку. Чу́дно ми́ні такъ, що нічо́го не вмю́. Самá радю́ якъ лу́чче зроби́ть, та не туди́ ру́ки йду́ть куди́ слідъ. Такъ-сякъ роздягла́ я па́нничку и пійшла собі у дівочу́.

Прийшла на думку ма́ти моя покійна, якъ ишла́ я відъ па́ннички; зашчипи́ть мое се́рце, покоти́лись дрібне́цькі зъ очей. Такъ ми́ні чо́гось ста́лось ненáче-бъ ма́ти у дру́ге на тей сві́тъ провожа́ю.

У дівочій спа́ла я, та старе́нька ба́бка, ро́дичка ми́ні яка́сь да́льна, — за па́нею вона́ догледа́ла.

— Чо́го ти, Стéшко, пла́чешъ? — пита́е вона́ у мене́.

— Такъ, ба́бочко, чо́гось ми́ні жалé ста́ло. Бідна́ моя голо́вонька, мату́сенька моя рідна!.. на ко́го вона́ мене́ покинула?..

— Не плачъ, сѣрце, — каже старá. — Хибá тобі бáришня щó ска-
зала такé, абó, нехай Богъ борóнить, побíла?

— Нí, бáбочко, не бíла вона менé, прívítала менé щíрими словáми,
якъ колíсь мáти.

— Э, Стéшко, се у насъ зóлото, а не пáннóчка, пошлí, Гóсподи, вí-
ку íй дóвгого. Нíкóго вона дáромъ не зобíдить, се я дóбре знáю. Се не
старíхъ пáнiв!.. Чогó я не прiялá на своiмъ вiкú, — свiту не рáда
бúдеш!..

Я ще гiрше почалá плакати, и дóвго, дóвго плакала.

Прокiнулась у-рáнци рáно. Вийшла вь садóкъ; ще зiронькí не всi згá-
сли на пéбi, соловéйко свiще, кvтiкi кvтiуть. Лúбо-мiло усе такъ, ку-
дi не кiнешь óкомъ. Веселiй и минi стáло.

III.

Дóбрé минi житъ булó зь пáннóчкою. Якъ, часомъ, и пáни нападé,
вона зáразъ и застúпниця. Учiла вона менé шитъ у пьáльцяхъ: оце булó
самá сiде и менé бiла сéбе посáдить и показуе, а колi часомъ не тáкъ,
вона í поправíть безъ крику, безъ зiку, — а я все роблю якъ лúчче,
щобъ íй угодíть.

Любiла мене пáннóчка, и я í дуже любiла. Хóдимо ми зь нею по
садкú, рóбитъ вона кvтничкi, и я íй помагáю. Умiетi í спiвáемо, и кvт-
ки рвемо, щобъ потiмъ постáвить у í кiмнáтци. Научiла вона менé багá-
то своiхъ пiсéнь, а я í своiхъ, — та разъ-у-разъ умiетi í спiвáемо.

Та не дóвго минi такъ жилóся. Блискнуло щáсте у вiчи, а само геть
кудi одлетiло, и не прилiтае, и не наблiжvтьця... Засвáтавъ пáннóчку
якiйсь прiзжий москáль, старiй, та на видъ сердiтий такий, що í ди-
вiтьця на нёго стрáшно. Не хотiла, сердéшна, йти за нёго, — панъ и
пáни упрохáli í, — пiйшла вона и зав'язала собi свiтъ на вiкi.

Старiмъ панáмъ полюбiвся вiнь—багáтий бувъ, та до тóго енерá-
ломъ; а пáннóчци не грóшей трéба булó!..

Мини тогдi годiвъ тринадцять минуло. Було сидiть пáннóчка у своiй
кiмнáтци, та í каже минi, плачучи:

— Стéшко, сёрдёнько, вийду я зáмiжъ, поiду у чужú стóрону... Щó,
колi чоловiкъ бúде не до мислi минi, та бúде злúчий: щó я тодi робити-
му?.. Стéшко, сёрце, скóро-вiнчанне бúде, — а вiнь, сурóвий такий, нi
óдного слóва щiрого минi не сказавъ.

— Не плачте, — кажú, — баришенько: може вінъ и хорший буде. Молитця лúчче Бóгу, — вінъ дасть вамъ щастя.

— И ти, Стéшко, пойдешъ зо мною. Ти будешъ спомíна рíдної хáти.

— Дóбре, баришенько; я вiкь бóду зь váми.

Побрáлась нáша бáришня скóро зь сiмъ еперáломъ. Весiлле такé веселе булó. Гостéй поназбирáлось пóвнi хáти. Усiмъ булó вéсело, — однá пáнпочка булá сýмна.

IV.

Зпершу жiли молодi дóбре, а потiмъ дé-коли й сварiтьця вінъ почáвъ на молодú пáню, почáвъ и менé битъ. Молодá пáни инодi нищечкомъ заплаче, коли пáна немá у госпóдi, и минi все переказуе, що вінъ не довiряе iй нiчого, хóче самъ усiмъ орудувати.

Росказуе минi, и словá ненáче-бъ на сёрце кладé, — такий менé жаль вiзьме, що й я заплачу. Плачимо, плачимо, а тутъ чýемо панъ прихавъ (iздивъ кудись): утрé скорийшъ свої слiзки пáни, та й побiжить на зúстрiчъ чоловiкови.

Прихавъ разъ зь гостéй панъ п'яний такий, що й не доведi Господи, и почáвъ грiмать на пáню. Отъ поплакала сёрдешна!..

— Щó я робитиму, Стéшко, сёрце?.. Вiнъ уже й пить почáвъ.

— Та се такъ, — кажú пáни: — не плачте, безъ дéго не мóжна — у гостяхъ бувъ.

— Вiдно, чáсто вінъ закидáть бóде; не разъ вже я ёго п'янимъ бáчила, та тiльки мовчáла.

Стáла и я примiчáть, що панъ пить почáвъ, та ще гiрше грiзти пáню. Чáсто приходилось сёрдешний тернiть мýку.

V.

Рóкiвъ черезъ два, якъ побрáлась пáни, давъ Богъ iй сипóчка, Василéчка. Чорнiве такé очiцями воде, ненáче зiроньками, гúбочки таки червóненькi, — зóвсiмъ у пáню вдáвся.

Панъ радий бувъ, пáни ще радийша. Стали вони лúчче житъ, перестáвъ вінъ iй лаять. Оце якъ загрiмáе панъ, Василько рúчками й кивáе; подiвiтьця на ёго панъ, та й перестáне. Повеселишала трóхи й пáни; и минi крáще стáло, — не такъ вінъ минi докучáе.

— Стéшко, — кáже, одного разу, пáни, колишучи дитя: — такá на

мене часомъ нападé туга, що й світу бóжому не рада; мабу́ть мині недóвго й жить зостáлось.

— Бо-зна-що ви думаєте, пані, — кажу́ їй. — Нехай Господь не доводитъ. У васъ, баринько, синочокъ есть, живить ви для нёго. Нехай виростае скорийшъ вамъ на втіху, та на радість.

— Вáсичко, голубчикокъ, чи любишъ ти мене?... Жаль тобі ма́ми?

А Вáсичко лежить у ко́лісці, та рúчки простягае, та й усміхається, неváче-бъ то порáдовать ма́тирê хóче...

Пані все самá ходить коло́ синочка. Самá й пеліночки переміняе, самá й колише. Панъ нашъ рідко сидівъ дóма, усе по гостяхъ гуляе. Зо-стáнемось у кімнáтахъ тільки ми — я, та пані, та й сидимó у двóхъ бі-ля ко́ліски. Пані самá й присипае дитя. Оце якъ заспівáе:

Ой не ході, кóте, по лáвці,
А то бúду бити по лáвці,

и мині самій захóчитця спати, дримáю тільки, а Вáся зáразъ и засне.

VI.

Дні за днями йдуть, якъ вода бiжить, — що й не примітишъ. Не вга-дála я, якъ стála зъ дiвчини й дiвкою. Росцiєстишъ, бувае, ко́су: довга, довга, та густá, всяке бъ позавидувало. Радію й сама, якъ уберу́сь, та шйду до цéркиви. Стáну міжъ дiвкáми, а на мене усi такъ и поглядáють.

Пiдрiсь и Вáся мiй (я все ёго своїмъ звáла, бо любила якъ рiдну дитину), ставъ вiнъ вже й бiгать, ставъ лепетáть.

— Стéшко, пiйдемо у-кóні гуля́ть, — про́сить мене.

Я рáзъ-у-рáзъ изъ нимъ у-кóні гуля́ла. Оце малéньке за коня стáне, й басуе, й басуе, неváче-бъ то справді кiнь. Дóбре, слухняне бу́ло дитя́тко....

И панъ імъ ставъ утiшатись. Скаже, бува́ло, Вáся: — Тату, тату, покачай мене.—Панъ и поса́дить ёго вёрхи на свої ко́ліна, та й качае, а воно́ тільки: »но, ко́сю, но!...« та за пáновi вiсипи й вiзьметця, náче за нуздéчку.

VII.

Надумалось якось поiхать молодiмъ панáмъ до старiйшъ. Панъ то й не хотiвъ, та пані ёго упросiла. Прощу́сь и я, щобъ и мене зъ собою взяли. Вiросла я на чужiй сторóнцi; чу́тки про мого брáтiка Степáна

ніякої не мала. Чи живъ вінъ, чи оженився? нічого я не знала. Довго лагодились пані їхати; якъ накрміче пані день, панові й ніколи, усе вінъ одкладує. Ну, якось призначивъ вінъ день. Жду-не-дождуєс я съ панею цего дня. Тільки й говору було — колибъ поіхати. Не одкладує панъ; думка наша така, що певне поїдимо. Той день устала я рано-рано. Цілу нічъ, тільки оде здрімну, — и снитця мині, неначе я у брата могó, що вінъ жонатий, и діточки бігають біля мене и тягнуть мене за спідницю, — я й прокинусь. Дивлюсь, нічого нема; темно такъ, що хоть би й було що, нічого бъ не побачила. Вийшла я у садокъ. Тіхо, тіхо; зіронькі блищать на небі, якъ свічки. Волосожаръ низько спустивсь до землі — день скоро буде. Сіла я на лавочку, та й думаю — якъ то ми приїдимо у село... заразъ пійду до брата. Що коли ёго нема на світі, — подумаю собі, а морозъ такъ по мині й піде. Зновъ візьмуть думки, якъ я могли батька, та неньки знайду, чи знать то їхъ, чи може зрівнілись зъ землею? може й не найдуть їхъ. Квітки квітуть, а пахъ одь їхъ такъ и обливает мене. Довго сідла я у сядку, не вгадала якъ и зіроньки поховались, — розвидніло зовеімъ. Пійшла я у кімнати. Незабаромъ и панъ устать.

— Звели кучеру, щобъ колісу лагодивъ: до старіхъ панів сегодні поїдемо, — каже.

Зрадла я дуже, не вгадала, якъ и опинилась біля конюшні.

VIII.

Приїхали ми у село дуже нерано; у селі всі вже спали. Якъ старі зраділи побачивши унучка свого: цілують вони ёго, обнимають, а вонó неначе-бъ и вгадало, що рідня ёго. Пійшли наши пані базикать, а я одпросилась пійти до брата.

— Вже твій братъ оженився, — каже старá пані.

Я ажъ задріжала відъ радості, не почула якъ и стою. Вибігла я у дівочу, усі знакомі. Старá баба ажъ заплакала, побачивши мене.

— Стешко, голубко, якъ ти змінилась! ажъ и не вгадала-бъ, коли-бъ де побачила. Віросла якъ, хоть заразъ зъ молодімъ стать.

И старá дуже змінилась, ще більшъ постаріла. Волóсся біле, біле, якъ снігъ, вже й говорить не такъ, якось тихенько, кашляє за кожнимъ словомъ....

— Бабочко, голубочко, и ви змінились.

— Э, серденько, про мене й не кажи. Літа вже моі такі, а тутъ и житте!...

Закашлялась стара і не доказала.

— Дё мій братъ живе? — питаю старбі.

— Вінъ пійшовъ у прийми до Кастюка-куширї, Настю взявъ за себе. Вже й діточокъ двійко нажили собі, спасібі Богу, — хлопчикъ, та дівчинка.

— Ну́те, проща́йте, ба́бочко! пійду́ я до ёго.

Прибігаю до Кастюко́вої ха́ти; світла нема́ вже, спать поляга́ли. Я у двєри посту́кала.

— Хто тамъ такий? — чу́ю, озва́всь свєкоръ.

— Свої, — кажу́: — відчиніть.

— Зара́з світло засвітимо, — одвітує старій.

У ха́ті почали гомоніть. Старій и ка́же: »кому́ бъ у таку́ пору́ прийті до насъ?« а невістка (по го́лосу її угада́ла) одка́зує: »ще нена́че-бъ й дівка, го́лосъ дівочький.« Відчиніли ха́ту.

— Добрі-вєчіръ, — кажу́: — чи вгада́ли мене́?

Усі дивлятьца по міжъ собою́, та й мовча́ть.

— На́сте, сестри́чко моя: и ти не позна́ла мене́?

— Стєхо!.. усі промовили у одинъ го́лосъ и почали цілува́тись.

— А братъ дє? — питаю.

— Повівъ ко́ней на ночлігъ, — ка́же Настя.

— Гулійте, я зара́з за імъ збігаю, — ка́же старій.

— Горійко, Ива́нчикъ! устава́йте! тітка при́хала, — ка́же Настя до діте́й, що спали на пе́чі.

Діточки позсєка́кували зъ пе́чи. Цілують мене, обнима́ють.

Незаба́ромъ и братъ прийшовъ у ха́ту. Кінула́сь ёму́ я на шию. Кри́чко, кри́чко обня́лись ми, и слєзи зъ очей моїхъ покоті́лись. Висо́кій вірєсь братъ мій, вуси до́вги, та чо́рні, тільки сму́тний такий на виду́.

— Чи добре жъ тамъ жи́лося то́бі, сестри́чко? — спита́в мене́ братъ.

— Нічо́го, спасі́бі Бо́гові; па́ні до́бра, якъ рідна ми́ні, а панъ-якъ прийде́тца: ино́ди й по́бєє и по́лає.

Здихну́в мій братъ, тї́жко здихну́въ.

— А ви якъ тутъ живете́?

— Про на́ше життє й не пита́й лучче: звісно, якъ у панівъ.

Гомоні́ли ми до́вго. Я розказа́ла все свое життє, а вони́ розказа́ли про себе.

IX.

На другий день бувъ празникъ. Устала я дуже нерано, трохи не о півдні. Брата не було у хаті. Побігла я скорійшъ у двіръ. Отъ, думаю собі, старá кричить на мене, що не прийшла паню одягти.

Убігла у хату, та й питаю бабу, чи не лаяли мене.

— Ні, — каже: — старá почала кричати, та якъ молодá пані щось сказала їй, вона й змовкла.

Ажъ заразъ и пані молодá ввійшла у дівочу.

— Ну, щó, — каже, — познала брата?

— Познала, — кажú, — бáринько.

— Ну, йди жъ до ёго и зоставайсь, поки не поїдемо до-дому. Ми, може, тутъ тиждивъ зо два проживемо.

Зраділа я такъ що й.... Пійшла до брата, ажъ на-зустрічъ дівки й молодіці йдуть зъ църкви.

Поцілувались ми й пішли по селу. Не всіхъ и познала зразу, що то довго не бачила. Мотря Войтиха маленькою була при мині, разомъ у хрещника грались, а теперъ така молодіца, що лóбо глянуть: висока така, та чипурна!

Зайшла я до своїхъ, та й кажú брату, що колибъ пійти намъ батька й неньку одвідати?

Здихну́въ братъ, та й каже :

— Добре, підемо, одвідаємо.... Може чи не випросять вони у Бóга щастя намъ.

Подивилась я на брата, та ажъ злякалась: не розгледіла добре учора у-вечорі. Жóвтий такій, жóвтий, якъ жовтйкъ. Щоки повпадали и вже й волóсся прокидаєтца біле... а молодий ще. Прийшли ми на мóгилки....

— Мати моя рідна, дé ти?... Промóвъ хоть словéчко до насъ, порáдь своїхъ безталаннихъ дітокъ. Бáтеньку мій рідній....

Заплакала я гірко й упала самá несвоя на зéмлю. Привели мене до-дому. Насилу стїмилась я дé лежú, самá не памятаю, якъ и що було. Нездúжала я днівъ зо три, поки прийшла до себе. Після цёго, такъ мині якось чúдно стáло: за щó не візмúсь — зъ рукъ пада. Нашала на мене туга така, наче не передъ добромъ; сéрце мое вищувáло мині горе, та не счу́ла я ёго вищувáння и запропасти́ла на вікъ свою голóвоньку.

X.

Передь вѣчеромъ заходять до мене дівчата. Поседіли трóхи у хаті, та й кажутъ мині:

— Стѣшко, пійдемо зъ нами на юлицю гулять.

Я була не хотіла йти, та дівки пристáli — пійдемо, та й пійдемо.

Що робитимеш? треба йти. Наділа я спідницю нову, косу випустила, квітками голову прибрала, зъ підківками черевіки наділа и пішла зъ ними. Вийшли ми на юлицю. Заспівали дівки пісень, а я йду собі мовчки, а луна такъ и розлігаєтця по селу, одъ пісень дівочькихъ.

Юлиця збиралась біля царини, недалечко Кóсого хати. Прийшли ми; тамъ уже були інші дівки, — огонь клали. Не стáмились, якъ и парубкі підійшли. Своє такі, а все ненáче мині чужі. Сóромно мині, що то у дворі жилá, ні одної душі живої не бáчила.

Міжъ усіма парубками бувъ одинъ парубокъ — гáрний такий, що й не сказати: висóкій, та прямий якъ тополя, на все селó парубокъ. Не вєспіли усі й добрий-вѣчеръ дати, якъ вінъ и підєвъ до мене.

— Чи ти не-забула мене, Стéхо?

— Ні, — кажу.

— А пам'ятáєшъ, якъ колись гуляли умісті.

— Пам'ятаю, — кажу.

А самій сóромно такъ, що й Бóже!..

Балáкали ми довго. Вінъ усе коло мене: куди я йду и вінъ слідомъ. Стáну я єь кимъ на колісці колихатьця, вінъ або мене прогóнить зъ колісці, або у-двохъ колишємось. Колишємось, а вінъ дивитця на мене, очей не звóдить. Розійшлися світомъ. Вінъ провóдивъ мене до сáмої хати....

— Надобра нічъ, — каже.

— Спасибі, и вамъ тежъ.

— А зáвтра вийдешъ гуляти?

— Не знаю; мóже, не вийду, — кажу.

— Чóму, Стéхо? вихóдь. Тобі, мóже, не внодóбалась нáша гульня?

Я пúрхнула у хату и тільки зачула:

— Вихóдь, сэрце, вихóдь. Я самъ за тобою прийду, умісті пійдемо!...

XI.

Про панський двір'я я й забула; и не показувалась би туди, — усе бъ гуляла, та пісні сівáла, хочъ и мáло їхъ знаю. Вирвалась пташка зъ не-

волі, — усё забула; забула и пана свого, тільки пано молоду не забула, бо то не пани була у мене!...

Цілу ніч щось верзлось мни уві сні: то Хроль приснітця, що зновъ изо мною сидить, то дівчата снітця. Устала я нерано; невістка и братъ пійшли на пінцину, тільки свекруха zostалась у хаті, та небожата.

Прийшла мни на думку юлиця, прийшовъ на думку и Хроль. Дё то вінъ, — думаю: — може на пінцині музолі натирає собі; а вже то певне, що забуть про вчорашню гульню.

Незабаромъ и день пройшовъ. Братъ и невістка съ пінцини прийшли. Пригналі вже и череду зъ лісу. Кажу я невістці:

— Дай, — кажу, — сестричко, я за тебе пійду коровку подою, бо ти, — кажу, — утомилась на пінцині, отдишъ трóхи.

— Добре, тільки чи зумієшь доить, ніколи се діло не робивши?

— Зумію.

Та и пійшла. Вийшла изъ сінєць, а Хроль на-зустрічъ.

— Здорова, Стéхо. Пійдемъ на юлицю!

— Ніколи, — кажу: трéба упóратьця трóхи. Осъ заразъ пійду корову доить, потімъ...

— Хибá нікому у васъ, окромъ тебе?

— Невістка не здужає—на пінцині була; та и мни самій трéба за-помогти імъ якъ-небудъ.

— Ти и не пійдешъ?

— Ні, ні, — кажу: — оієсла трóхи, прийду.

— Ну, и я тутъ підожду тебе, щобъ разомъ пійти намъ.

— Идїть, коли хочете, самі: я и сама знайдú дорóгу.

Дою я корову, та и думаю собі: чогó це вінъ пристає до мене? може справді хоче за себе узять?.. Ні, у насъ такъ не роблять, що разъ подививсь, заразъ и до шлюбу... Хибá боїтця, щобъ не поїхала я скоро?—та ні, не съ тїєю вінъ думкою.

Подоїла я корову, несú молоко, а вінъ все стоїть на тїмъ самїмъ місці, де я ёго покинула: нахму́ривсь и дивитця якось сумно у зéмлю; потімъ зїркнувъ на мене, та и каже:

— Ну, заразъ пійдемо на юлицю?

— Ще рано, — кажу:—трéба повечерять.

Ввийшла я у хату, а дівки вже прийшли за мною, не дали и повечерять—заразъ и повелі. Хроль зновъ до мене пристає. Музику наивъ и пійшли ми туді, де учóра гуляли.

Зновъ не одстає відъ мене Хроль, наче приворожений: а зъ імъ и колишусь и танцюю и базіаю.

XII.

Зосталося мині днівъ три ще жить у селі своїмъ; не хотілось, дуже не хотілось їхати, відтіля, а тутъ ще й Хроль приченівсь. Якъ вийду на юлицю, вінъ заразъ и вродитця. Першъ добре поведився, а потімъ и жартуватъ ставъ.

Якъ пристане, не одібьешся—поцілує. Спочатку соромно було якось, а потімъ и сама бь поцілувала:—такъ вінъ уподобавсь. Не хотілось, кажу, кидать села, кидать брата, небожаточокъ, Хрола не хотіла бь кидать, та що робитимешъ? — неволя.

Сижу я у хаті біля вікна, куделю пряду, та співую собі.

Седіла, седіла, та й надумалась навідатьця до будінка панського. Прихожу—старá пані мині на-зустрічъ.

— Що, Стéхо? може прискучило тобі у насъ у селі, що сюді прийшла?

— Ні, кажу: прийшла одвідать молодіхъ панівъ и панічика свого.

— Ну, скажи, Стéшко, скажи щіру правду; вийдемъ у кладову, такъ скажи—якъ живуть наші молоді?

— Спасібі Бóгові, нічого такого нема міжъ іми.

Заплакала старá, гірко заплакала.

— Не хочешъ ти мині казать щірої правди: погáно вони живуть, и бáчу.

Ще гіршъ заплакала, ажъ менé жаль узівъ, и у самої навернүлись слéзи. Розказála я їй усю правду, що панъ и цє и паню зневажає, а про мене й казать нічого!

— То-то, — каже пані: я заразъ примітила, що міжъ іми не все гараздъ. Вінъ и при мині кричавъ на дочку, не вважавъ на мою старість. Стéшко, голубочко, не обидь хоть ти паню на чужій сторóнці! такъ видно їй судилося! Доглédжуй Васічку, — за се Богъ дасть тобі долю.

Гомоніли ми чв-мáло, потімъ пошлї у кімнати. Василéчокъ мині назустрічъ такъ и кинувсь на шию. Обнімає менé, цілує. Вийшла й пані молодá, — жóвта, жóвта. Я думала, що вона хочъ у мáтері поправитця, ажъ ні, зъ заплаканими очіма вийшла.

Цілий день б́ула я у кімнатахъ. Старá пані дала мині обідать відъ свого стола, дала й чаю. Зовсімъ старá змінилася: бувáло, слізьми стéж-

ку змиваю; а темеръ усе до мене, трóхи не цілує. Передъ вечоромъ пійшла я до брата. Тільки що ступила на порігъ, ажъ братъ и невістка до мене:

— Тебѣ не бѣло, Стѣшко, а тутъ сваті приходили; — такъ зустріли мене братъ зъ невісткою.

Менѣ ажъ морозъ обнявъ; й не счулась, де й стою. У тихъ словахъ чудне щось чула, сказати не можна; тільки сѣрце затѣхало, якъ не вискоче.

— Чого ти, Стѣшко, злякалась? озвалась невістка. — Чи ти знаєшъ, за когò сватать приходили?

— Не знаю, — тільки й промовила; а на думці заразъ ставъ мнѣ Хролъ.

— За Хрола. Вінъ паробіка добрий, роботящий, не будешъ горювати; ми вже й рушники заготовили про сей часъ для тебе.

Тільки-що вона проказала се, ажъ чую — сенешні двері рипнули и хтось у сінцахъ кахикать почавъ.

Невістка кинулась сюди-туди; заслала стілъ новою скатертинкою, хлібъ-сіль положила. Тихо стало у хаті. Усі посідали, сіла и я, а мене тільки дрижакі беруть, наче у лихоманці.

— Просьмо у хату, — озвалась невістка.

Двері заскрипіли и ввійшли у хату Микіта Омельчукъ и Исай Косий.

— Добрі-вечір, люде добрі, — озвались вони. — Добрий вечоръ и вамъ старі, и вамъ молодші, и тобі, Стѣхо.

— Спасибі! и вамъ тежъ, — озвались наші; а я мовчу, ажъ у горлі пересохло.

Потімъ Омельчукъ и каже:

— Ми за діломъ прийшли до васъ, люде добрі.

— А яке-жъ діло маєте, люде добрі? — каже невістка.

— Та ось, бачите: до насъ чутка така дойшла, що у васъ є крамъ, а у насъ є купецъ: чи не оддастє ви намъ свій крамъ нашому купцю?

— А якій же вашъ купецъ? зновъ питає невістка.

— А може чули Хрола Анищенка?

Невістка до мене озвалась. Я у слѣзи. Радились, радились, а скінчилось тимъ, що рушники подавали.

XIII.

На другий день пійшла я зъ молодимъ своїмъ до панівъ. Енераль мій визвірявъ:

— Не хочу, та й не хочу.

Пані кинулась до ёго. Старá тежъ почалá благáти, насíлу вже позовóливъ обвiнчáтись. Одложили поiздъ свiй на чотiрi днi. Хрóла мого назнáчили у лакéй до пáна, а я зостáлась на старiмъ мiсцi, бiля пáни. У недiлю пiйшли до шлюбу. Пiсля вiнця зáразъ зъ короваємъ до панiвъ. Панъ пьяний бувъ. Лéментъ такий пiднiвъ, розходивсь — трохи не побiвъ.

— Якъ ти смiла, — каже, — обвiнчáтьця безъ мого спрóсу? Чи я тобі позовóливъ, чи щó? Вонъ зъ моiхъ очéй!.. У кáторгу завдáмъ васъ!..

Заплакала я гiрко, и дню сёму не рáда.

Пáни моi почалá кричáть на нёго.

— Якъ тобі не грiхъ? Чи боiєся ти Бóга? Подивiсь, щó ти рóбишъ. Ти жъ самъ iмъ позовóливъ обвiнчáтьця.

Пiшли пáни у хáту, а я зъ молодiмъ за ворóта. Музика грае, дiвки спiвають, а минi не до пiсень. Усе весiлля поспеувавъ...

Продавъ Хролъ свою худóбу. Зiбрáли яку конiку и поiхали съ пáнами.

XIV.

Чого вже минi не доставáлось вiдъ пáна, а якъ вийшла зáмижъ — ще гiршъ достаётця. Першъ, якъ пáни почне, булó, благáть, вiнъ и замóвкне, а теперъ и панi не заступáетця: слóва сказатъ боiтця, — бо зáразъ побё.

— Ти не смiй, — каже, — дiра, за сiхъ лéжнiвъ заступáтьця. Вони ворогi нáшi: у лóжцi бъ утопили насъ, колибъ iхъ воля!

Пáни мовчiть, та слéзи ронить.

Бувае, Вáся пiдбежить, вiнъ и ёго за чiба, та й откине геть. Намъ тiльки й покою, коли нема пáна у господi. Тихо, смiрно, нема лéменту, нема плачi, а приiде панъ, и зновъ пiйшла фица.

Жаль було минi Хрóла мого. Завязáла я ёму бiдному óчи. Не розказáла ёму нiчого сёго передъ вiнцемъ, не зхотiвъ би вiнъ йти у цю сiбирь, не завьялявъ би свої лiтá молодi, якъ теперъ вялять; ёму ще бiльшъ доставáлось нiжъ минi.

Прихавъ разъ панъ зъ гостéй (у гóродi бувъ) дiуже нерáно; вже третi пiвни переспiвали. Ждáли ми ёго довго, пáни й каже намъ:

— Лягáймо спатъ; вiдно вже панъ не приiде сёгóднi.

Лягли ми спатъ, а на тей часъ и панъ прихавъ. Стукавъ вiнъ, сту-

кавъ у двѣри, поки добудивсь насъ, а ми кріпко позасни́ли — первий сонъ. Хроль прокинувсь, розбудив менѣ. Я засвітила світло. Одягся Хроль и побігъ очиня́ть двѣри. Я тежъ побігла паню буди́ть.

Розбудила я паню, ажъ чу́ємо крикъ такий шидня́въ панъ, що й... За-разъ прибігъ у спальню, та до пані:

— Якъ вони́ сміли такъ робить, — показуе на насъ. — Се бунтъ, — ка́же: — и ти відно зъ їми проти мене йдешъ. Вонъ зъ мого до́му!.. Пійшла до ма́тері, — щобъ и ногá твоя не бу́ла у моїмъ домі!..

Увесь двіръ розбудивъ. Васінька зекочивъ и почавъ крича́ть, ажъ посививъ бідний. Пані у слѣзи.

— Що ти робишь, — ка́же пані: — подума́й ти? Чого ти такъ кричи́шь? Гріхъ тобі!..

Панъ приченивъ до Хро́ла; першъ крича́въ на не́го, а потімъ и битъ почавъ. Пані почала́ его обороня́ть. Панъ ще більше розсѣрдивсь.

— А, — ка́же, — ти за ёго заступа́єся! Добре, — ка́же, — тепе́рь я ба́чу, що и ти проти мене йдешъ. Добре, добре!..

Що у насъ плачу́ було! — лѣдве, лѣдве у́гомонивъ панъ и лігъ спати уже зовсімъ у день.

Пані вже й ми не ляга́ли. Я гру́бу затопила для самова́ру, Хроль тежъ діло знайшовъ собі, не вгледіи якъ и опівдня́. Пізно уста́въ панъ, не виходивъ зъ свого ка́бинету цілий день. Паню на очи не пуска́е до себе. Самъ и чай пивъ, и обідъ туди носіли, — не хотівъ умісти й обідать.

XV.

Скільки днівъ пройшло, а панъ не виходить зъ свого ка́бинету, и паню якъ собі не пуска́е. Якъ Хроль піде до не́го, вінъ и почне:

— Я тобі, мерзавецъ, не забу́ду се́го, ти мене зна́тимешъ.

Разъ ка́завъ, що й у москалі одда́сть Хро́ла. Пані пла́че та й пла́че. У дво́рі ста́ло якось сѹмно. У кімна́тахъ ти́ша така́я, неня́че-бъ ду́ши живо́ї нема́; слова́ бо́ялись промови́ть одинъ друго́му. Пані пла́кала, пла́кала, та й злягла́ въ постіль відъ плачу́.

Вже я думала, чи не зроблено такъ зъ їмъ, бо часто на ка́востъ такъ роблять, хочъ и вороги́въ у пані не бу́ло — усі її люби́ли. Удари́лась я разъ до воро́жки. Ворожи́ла вона мину́, ворожи́ла, — все не пома́гае. Я свяче́ною водою кімна́ти кропи́ла, непочато́ї води подава́въ умива́тьца Хроль паню, — а все нема́ добра́.

Такъ пройшло днівъ зъ дѣсятокъ. Надумавсь панъ поїхати у городъ. Отъ, думаемо, проїздитця, та й дурь спаде зъ нѣго, хочъ трѳхи у дворі стане по-людськи. Велївъ панъ запрягати коней. Не попрощавсь и зъ панною, поїхавъ неначе-бъ ворогъ якій. И зъ Василѣчкомъ не попрощався.

XVI.

Пані почала прочувувати, ість якъ слїдъ, и по хазійству проїдетця. Повеселїшало и у дворі трѳхи. Василѣчокъ почавъ бігати, якъ и першъ бігавъ, и все пошло.

— Не було пана днівъ зо три. Ми кожду нічъ сторожили єго, щобъ зновъ такої халепи не лучилось, якъ першъ було. Оце Хроль засне, а я не сплю; потїмъ я ляжу, а Хроль на-сторожї. И вь день стережемѳ. Якъ тїльки зачѳемо дзвонѳкъ, заразъ усі й думаемо, що панъ їде; дзвонѳкъ все ближче й ближче дзвенїть, покажется трѳйка, мине нашъ двїрь—и відъ сѣрця одлигне, неначе-бъ лихо минуло.

На трѳїтїй день усі зачули дзвонѳкъ такъ опївдїй. Хроль ходить по-нурїй и каже минї:

— Охъ, Стѣшечко, тїжко минї, чогѳсь сѣрце мое бѣтця — бїдѳ вїщує. Чѳе вїдно, що панъ не зъ дѳброю дѳмкою їде до насъ. Розлѳчить вїнь насъ на-вїки: хваливсь у москалі менѳ отдати.

Дзвонѳкъ дзвинїть, а сѣрце мое бѣтця, якъ не вискочить. Усі стали бїля вїконѳ. Дївимось, чи не проїде лихо, ажъ нї: сѣрце правду казало— нашъ бувъ дзвонѳкъ. Їде панъ, а зъ паномъ ще два чоловіки сидїть.

Пїдїхала наша трѳйка пїдъ рундѳкъ. Увїйшовъ панъ у хату, а тї два чоловіки zostались на дворї. Панї вїйшла до пана, прогнавъ її панъ відъ сѣбе. Хролови давъ приказъ, щобъ ще запрягли трѳйку коней, и щобъ вїнь нїкуди не відлучавсь, — зъ їмъ поїде. Вїйшовъ Хроль відъ пана блїдий, блїдий и каже минї:

— Прощай, Стѣшко, на-вїки прощай. Мѳже нїкѳли не побачимось. Панъ везе менѳ у москалі.

Поцїлувавъ вїнь менѳ, крїпко поцїлувавъ. Покотїлись слѳзи. Я почала кричати, рвати на собѳ волѳсся, трѳхи не стерїлася. Побїгла панї, почувши це; побїгла й я до пана. Кїнулася я передъ їмъ навкѳлишки, молила, благала; а панъ мовчавъ неначе-бъ не до нѣго касалось.

Кѳні пїдїхали пїдъ рундѳкъ. Вїйшовъ мѳвчки панъ, сївъ у тарантасъ, на вїзъ звелївъ сїсти Хролу и тїмъ двома чоловікамъ.

Повѳзли мѳго Хрола, моѳ втїху, мїй талантї!..

XVII.

Що було плачу після Хрола, и — Боже мій милостивий!.. я плачу, и пані зо мною плаче.

Пріхавъ панъ на другий день и сказавъ намъ, що Хролъ пійшовъ вже у Москву на службу.

— Ти, — каже на мене, — коли хочешъ, зоставайсь жить у насъ, а не хочешъ, то йди куди хочешъ.

Хотіла я одходити, — пані не пускає.

— Не видай, — каже, — Стешко, хочъ ти мене. Пійдешъ відъ насъ — ні съ кимъ мині буде тугу одвести, нікому буде щірого слова промовити. Жаль мині стало паню, а тутъ и Вася приставъ — хліпає біденький, за слізьми й слова не промовить.

Подумала, подумала, та й зосталась у пані. Куди жъ було и йти мині? у брата семья велика, а достатку немає; до Хрола йти, — де жъ ёго знайти теперъ? далеко пійшовъ; у чужімъ краю нічого не дознаєся, а тутъ я тогді и не самá була: Павлика свого носіла.

Панъ примиривъ тріхи, — помиривсь зъ панією, а все-такі — якъ вірогъ який: промовити слово, та й замовкне.

Місяцівъ черезъ два, якъ-разъ на Пречісту, пославъ мині Богъ Павлика. Немá мого Хрола, нікому втішатись дитиною: тільки мати безталанна втішається, а батько й не бачивъ свого синючка!

XVIII.

Краще стало мині жить, а все-такі, якъ згадаю Хрола, то хоть би заразъ у зємлю лягла; а тутъ горе: я — вільна, а синюкъ мій, единчукъ, — кріпакъ!..

Почавъ підростати мій Павлик. Якъ гляну на нёго, заразъ згадаю Хрола. Павликъ и походить на нёго; такий же чорнявенький якъ батько.

Усі любіли Павлика, — не любивъ тільки панъ ёго. Разъ, не було менє у кімнатахъ, — на горідчику грядки копала, — чогось панъ розсєрдивсь, — а Павликъ, звісно — малє. підновъз до нёго, та за чобітъ и хапав: — якъ пхне ёго панъ, Павликъ такъ и покотівся не живий — не мєртвий...

Після сєго случая, скільки вже разъ збіралась я покинути панівъ, —

дакъ синка не пускають зо мною: безъ нѣго якъ и йти? мале—то забють ёго, завивчатъ. Хочъ би й пані доглядала за нимъ, та все-такі чуже око. Посумую—посумую, а тамъ забуду усё и зостанусь...

Геть-туді, й Вася вірісь. Щасливіньке було дитяtkо! було, якъ пійдемъ у лісь по губи, ніхто не знайде ні одного, а вінъ знайде. Щасливе було!..

XIX.

Не вгадала я, якъ літа мої молодії пройшли, не вгадала якъ и сівній волюсь почавъ вкідатись, якъ и Павликъ мій підрісь. Васю одвезли у Полтаву, у москалі готівитъ. Гірко плакавъ Вася прощаючись зъ нами: везуть ёго, малого, відъ батька-пєньки, покидає и рідне село, и рідну хату, — а що ще тамъ знайде?

Якъ випровадили Васю зъ дому, сумно якось у хаті стало. Було, вінъ бігає и звеселяє будинокъ, а теперъ тиша така: якъ у-день, то ще нічого, а якъ прійде вечір, то ажъ сумно; а у-ночі, то ще сумніишъ. Чули ми неразъ, якъ домовикъ по кімнатахъ ходить, — зовімъ мо чоловикъ; прійдетця по хаті, — зачипить що, воно й упаде на зємлю; дивисся вранці —що-небудь и лежить на мосту. А у-день — дятель почавъ тугу наводити на сєрце, — все стугонить надъ вікномъ. Усє догадались, що виживає когò-небудь зъ дому, — не знали тільки когò. Сильцє ставили, — не пощадаєтця, — відно, сиравдї не відъ сєбе вінъ літавъ, не відъ сєбе вщувавъ.

Скоро після Васінихъ провòдъ, занедужала пані. Вже й лікарі призділи зъ гòрода кільки разъ, — не встає вона зъ ліжка. Вісохла якъ скіпка: лице біле-біле, а на щòкахъ красака такъ и грає, наче у молоді.

Не довго й смєрти дожидала... А при памьяті умирала пані, — гомоніла, поки душа її святá не пішла на небо. Насъ усєихъ поблагословила; Васіньці своїму зоставила золотий хрєщикъ, щò самá на шиї носіла. Усє споминála про Васю, — сь тимъ и очи заплòщила.

Передъ паніною смєрттю и панъ одумавсь, — ласкавий ставъ, все сєдить біла неї, и воді їй подасть, и укріє її. Плакавъ вінъ, якъ дитина, становивсь на вкòлшки — просивъ у пані, щòбъ простіла ёму тяжкій гріхъ ёго передъ нею. Самъ догадавъ, щò її зъ світу звівъ, — самъ ужє бачить—та не верне. Оце вдáритця кулаками у грюди и упаде передъ панею...

Днів за два до смерті паніі, и панъ занедужавъ — гарячка зробилась. Відно, такъ Господь давъ, що не допустивъ ёго й попросатьця зъ панею.

XX.

Якъ умерла пані, зовсімъ не тей панъ ставъ. Ходить мовчки по будинку, зідхає, часомъ плаче; ходивъ на могілу коженъ день; бувало, якъ пійде у-ранці, цілісенькій день и просідить тамъ, нічого не івши.

Далій панъ повеселшавъ трóхи. Гóсти почалі навертáтьця до насъ. Було, — при паніі, — хай їй земля пірómъ, — коли-не-коли на вернетця хто; а теперъ инші й днюють и почують. Часомъ назбираётця гостей по́вень двірть, гуляють, пьють, пісні співають. Забувъ панъ свою тугу; забувъ панію покійну....

Одного разу, привозить панъ изъ гóрода якусь дівчину, та й каже на насъ:

— Слúхайте її: се вáша пані.

Намъ чúдно було я́кось слúхати її: бо якъ же це вінъ такъ скоро оженився? Нíхтo й віри не хотівъ нять. У насъ була у дворі Гáнна, — дзйга такáя, що хоть щó—заразъ розвідає; розвідала вона що вони й невинчані.

Почалá ця пані усímъ ору́дувати, а далі й кричáть на насъ. Не стерпіла я я́кось, та й кажу їй:

— Цить, — кажу, — бо й самá такá якъ и ми! не велика пані! Знаємо хто ти. Відкіль прийшла, туді й пійдешъ.

Якъ напáла вона на мене, такъ и Господи!... печé, та й печé.

— Я, — каже на мене, —зъ кодромъ твоімъ зведú тебе: не будешъ гýбу конилить, москóвко проклáта!...

Заразъ до пана. Нагородила тамъ тако́го, що й неперекáжешъ.

Панъ повіривъ їй и напавсь на мене. Плакала я, плакала та й пійшла у найми. Пáвлика одвела до старіхъ панівъ, тамъ покинула, — а самá то у óдного, то у дрúгого наймаюсь. Назбирала трóхи грошей, усé для свогó Пáвлика....

Дáвно вже я ёго не бáчила, може й не побáчу бiльшъ; зайшла далéко, — а тутъ и здоровье, и лiта вже не тi, що булi — лéдвe нóги тягáю... А про Хрóла й чúтки немаé. Живъ вінъ, здоровъ вінъ — не знаю. Першъ листi славъ до мене, а вже гóдивъ зъ пьять нi óдного не бáчила. Нема́ й Пáвлика бiля мене. Самá я одино́ка зостáлась. Гiрко

жити у людей, а ще гірше якъ не знаєшь, хто мої руки згорне, хто очи закріє, хто поховає.

Лѹчче бѣ мати мене маленькою въ криниці втопила, ніжъ таке житте цілий вікъ якъ моє....

Д а н и л о.

Київъ.

22 Лютого 1862 року,

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ УКРАИНСКИХЪ
ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПѢСЕНЪ.

VI.

Ой батьку жъ нашъ, панъ Кошовий,
Якъ пойдешъ на столицю,
Попроси Царицю,
Чи не оддасть того степу
По прежню границу?

Ой у суботу у полудні
Москва наступила,
А въ неділю до східъ сонця
Лагері розбила.

Кивувесь Москаль по куріняхъ
Запасъ отбірати, — —

Руйнували церкви й дома,
Стали брати свічі....
Оставайся жъ, панъ Отаманъ,
Съ писарями въ Січі!

Васюринський кзаченько
На меду гуляе,
А ми батька Кошового
За милость благаємъ...

Хоть не станемъ зъ палашами,
Станемъ зъ кулаками:
Нехай наша слава пройде
Поміжъ козаками!

Тече річка невеличка,
Обливає кручі:
Ой заплакавъ панъ Кошовий
Відъ Цариці йдучи.

Чорна хмара наступає —
Либонь дощикъ буде:
Вже жъ нашого Запорожжя
До віку не буде!

Бо Цариця — мати наша,
Напустила напустила:
Славне військо Запорозьке
Та й занаствила.

(Записана въ Кобеляцькімъ повіті Андр.
Пршарю).

VII.

Ой жалуютця хлопці,
Що насъ обіждають:
Булї далї зѣмлю,
Та й назадъ одбераютъ!

Дарувавъ царь зѣмлю
Одъ Дністра та до Богу,
А все границею
По Бендерську дорóгу.

Ой станьмо мв, миле братця,
Помолїмося Богу:
Чи не дасть намъ Господь Богъ
Та щасливу дорóгу.

Ой прийшли до Дунаю
 Та у голосъ гукну́ли,
 Ой напьяли парусі
 Та й за Дунай махнули.

Ой зірнули Чорноморці,
 Ой зірнули, зірнули,
 Напьяли парусá, напьяли парусá
 Та й за Дунай махну́ли.

Прийшли до Тураса
 Та й вклонилися низько:
 »Ой дай же намъ зéмлю
 «Та й коло гряниці близько.»

— Якъ будете, хлопці,
 Міні вірно служіти,
 То дамъ я вамъ землю
 Та по-прежньому жити.

Дарую вамъ землю,
 Ще й обідва лимани,
 Ловіть, хлопці, рибу
 Та справляйте жупани.—

»Ой раді бъ ми, пане,
 Та и рибу ловити,
 Коли нізя за Ляшками
 На Україні прожити. —

(Записавъ на Сухімъ-Ташлику, Бобринецького повіту Херсонської губ., Мих. Григ. Щербакъ).

НА-СПОМИНЬ

(П. П. Чубинському).

Ой пригадай, мійний брата,
На чужій чужині,
Як жили ми, працювали
На рідній Україні;
Як збиралася бідота
До твоєї хати,
Щоб спочити після праці,
З журби заспівати,
Щоб забути на годину
Те лихо тяжкее,
Ой що сунуть-вьялить серце,
Серце молодее, —
Ой що болять душа наша,
Не має спочину

Веселий часъ! — стояло літо
И зеленівъ той гай густий,
И красувалось тее жито
На рідній ниві золотій.
Пройшла порá — на ріднімъ полі
Зелене жито одцвіло,
Одкрасувалось и до-дóлу
Колóссиямъ пóвнимъ полягло;
И гай осипався — у гаю
Пожóвкле лїстя шелестїть
И въ твоїй хатї, въ тому раю
Мовъ у могїлі все мовчїть

Ой збирáлася бідóта,
 Гуляла-співáла
 Зъ журбѣ, зъ лиха, поки дóля
 Лихáя спіткала
 Тебé, дрúже незабúтний,
 Мій кохáний брáте!
 Ой не прійде вже бідóта
 До твоєї хáти;
 Не зійдетця, не зберéтця
 И не заспівáе
 Тíху пісню, щó намъ сéрце
 Сумнé розважáе.
 Щóжъ робити, вірний дрúже?
 Бúдемъ правди ждáти,
 Поки зъ нéба завітáе
 До нáшої хáти...
 Сúмно, тéмно! тільки-жъ гáйне
 Колись зъ нéба сóнце
 Въ нáшу хáту убóгую,
 Въ розбйте вікóнце.

2-й день грудня 1862 р.,
 у Кíєві.

Миколайчикъ Білоко́нїтий.

ЧЕРТЫ

ЮЖНОРУССКОЙ НАРОДНОЙ ИСТОРИИ.

III.

О судьбѣ народа въ западной части Южнорусской земли сохранились вообще отрывочныя и скудныя извѣстія; изъ нихъ однако видно, что въ XI и XII вѣкахъ этотъ край, пограничный къ Польшѣ и Угріи, былъ предметомъ нападений со стороны этихъ странъ, и народъ нерѣдко подвергался бѣдствіямъ разореній. Во время борьбы Владиміра и Ярослава съ Польскими королями, Червенскіе города земля Южнорусской переходили то въ тѣ, то въ другія руки. Сцена борьбы Ярослава съ Болеславомъ по-поводу Свитополка разыгрывалась на Бугѣ. Какъ этотъ фактъ отражался на судьбѣ народа, видно изъ любопытнаго разсказа, сохранныя у Длугоша, что въ 1023 году Ярославъ погналъ жителей края, прилегавшаго къ Червеню, въ Кіевскую землю и поселилъ ихъ на Поросль (Поретъ); съ другой стороны, Болеславъ мстил русскому народонаселенію этого же края за тяготѣніе къ Кіеву, бралъ знатнѣйшихъ людей и переселялъ ихъ въ Польшу. Судьба по-Днѣстрянскаго края и Покутья остается въ совершенной неизвѣстности. Кажется, они были независимы, ибо переселеніе жителей изъ отдаленнаго края поближе къ Кіеву показываетъ, что князья Кіевскіе мало имѣли возможности удержать въ повиновеніи себѣ такой отдаленный край. Когда Болеславъ помогъ Изяславу и возвращался изъ Кіева въ Польшу, то по дорогѣ напалъ на Червою Русь, на берегу Сана. Изъ извѣстій, сообщаемыхъ объ этомъ событіи Длугошемъ (стр. 822, т. 3, Collect. Historiar. Pol.), не видно, чтобъ жители Червой Руси находились тогда подъ властію Кіевскихъ князей. Кажется, что они были совсѣмъ независимы и только вельдствие одна-

родности показывали тяготѣніе къ Кіевской Руси. Король Польскій хотѣлъ насильственными средствами отъратить ее отъ этого тяготѣнія и подчинить Польшѣ. Страна около Сана была уже значительно населена; жители жили въ деревняхъ, но имѣли укрѣпленные города, куда могли убѣгать вслучаѣ опасности; такихъ городовъ было нѣсколько на берегу Сана. Народъ однако былъ вообще невоинственный, мирный; Поляки легко могли его покорить, города сдавались отъ страху: нѣкоторые и рѣшались было защищаться, да скоро принуждены были къ повиновенію силою; а другіе сами посѣщили выговорить себѣ льготы добровольною сдачею. Около Перемышля было сгущено народонаселеніе, и городъ Перемышль, главный между прочими, градъ между пригородами въ Посандивѣ, былъ крѣпче другихъ: туда убѣгало болѣе, чѣмъ въ другіе города, жителей. Они укрѣпили его на сколько по тогдашнему умѣли: городъ обвели глубокими рвами и земляными высокими валами, а съ одной стороны онъ прилегалъ къ рѣкѣ Сану; здѣсь эта рѣка служила естественною защитою, тѣмъ важнѣею, что въ то время, какъ Поляки осадили Перемышль, вода въ рѣкѣ Санѣ переполнилась отъ дождей. Поляки, какъ слѣдовало по тогдашнему образу веденія войны, стали разорять деревни, жечь хлѣбъ на поляхъ и забирать скотъ. Край былъ обилень и богатъ. Поляки набрали въ свой лагерь много запасовъ. Перемышль состоялъ, по общему обычаю Славянскихъ городовъ, изъ двухъ частей: замка или града и собственно города (мѣста, посада). Не только замокъ, но и послѣдняя часть была укрѣплена. Поляки овладѣли сначала частью посада, который выходилъ въ открытое поле, а потомъ, на четвертый день осады, и въѣмъ посадомъ, и осадили замокъ. Тамъ было множество народа и такъ много женщинъ съ дѣтьми, что осажденнымъ невозможно было долго прокормиться запасами, особенно послѣ того какъ все, находившееся въ городѣ досталось Полякамъ, и такимъ образомъ они принуждены были сдаться отъ голода и болѣзней. Польскій король сдѣлалъ Перемышль еще крѣпче и поставилъ тамъ польскій гарнизонъ для обладанія покоренною странюю.

Этотъ разсказъ можетъ намъ указывать вообще на способъ веденія войны въ то время и на способы покоренія и подчиненія народовъ. Коль скоро городъ, владычествовавшій надъ краемъ, доставался въ чужія руки, и весь край сельскій долженъ былъ покоряться, какъ по прежней привычкѣ зависѣть отъ своего главнаго мѣста, которое владѣло городомъ, такъ равно и по физической необходимости оставаться ему въ покорности; ибо военная сила, установившись въ городѣ, всегда готова была усмирять оружіемъ всякое неудовольствіе сельскихъ жите-

лей. Въ 1073 году, Болеславъ, подъ видомъ помощи Изяславу, покушался овладѣть цѣлою страню Вольнскою, но жители не имѣли добровольнаго тяготѣнія къ Польшѣ: страну Вольнскую надобно было покорять. Поляки, прежде чѣмъ овладѣли крѣпкими замками, опустошали окрестныя села, сожигали жилища, жгли на поляхъ хлѣбъ, грабили и убивали скоть, толпами гнали жителей въ плѣнъ; король дарилъ побѣжденных въ неволю своимъ воинамъ. Видно, что это были тяжелыя времена для края. Народъ разорался и терялъ свободу. Трудно было ему защищаться. Край былъ населенъ деревнями (*frequentes habens vicos*), городки ихъ были бревенчатые и только тѣмъ держались, что для нихъ мѣста выбирались самыя высокія. Историкъ польскій говоритъ о взятіи трехъ городовъ: Владимира, Вольня (?) и Холма. Сначала покорилъ король землю собственно Вольнскую, потомъ Владимирскую. Устрашившись опустошеній, причиняемыхъ Поляками, князь Владимирскій, котораго называетъ Длугошъ Георгіемъ (или Григоріемъ, 1074), долженъ былъ признать себя данникомъ Болеслава. Длугошъ повѣствуетъ, что Всеволодъ (вѣроятно, Святославъ) вышелъ противъ него, хотѣлъ вырвать Вольнскую землю изъ рукъ польскихъ, не могъ этого сдѣлать и самъ былъ разбитъ. Но край этотъ, не имѣя тяготѣнія къ Польшѣ, склонялся, напротивъ, къ Кіеву. Неизвѣстно, какъ этотъ завоеванный Поляками край опять перешелъ къ Русскимъ князьямъ. Вѣроятно, воспользовались разстроеннымъ состояніемъ Польши послѣ Болеслава. Вольнъ досталась опять Кіеву, но кіевскій князь сажалъ тамъ своихъ посадниковъ или другихъ подручныхъ князей. Такъ сначала владѣлъ тамъ Ярополкъ, сынъ Изяслава, а потомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ замышляетъ измѣну противъ кіевского князя, сослали его. Луцкъ добровольно призналъ княземъ Владимира Мономаха. Владимиръ данъ Давиду Игоревичу, котораго отецъ тамъ княжилъ, назначенный туда отцомъ, Ярославомъ. Ярополкъ повелъ на него Поляковъ, но былъ убитъ измѣнически. Въ концѣ XI вѣка Вольнскій край терпѣлъ опустошеніе отъ Половцевъ, Поляковъ и Угровъ, по поводу междоусобной войны южнорусскихъ князей вслѣдъ за ослѣпленіемъ Василька. На сторонѣ Давида былъ Бонякъ Шолудивый съ ордою; на сторонѣ Святополка — Поляки и Угры. Во Владимирѣ княжилъ сынъ Изяслава. Вольнъ съ тѣхъ поръ осталась навсегда въ соединеніи съ Кіевомъ; тамъ-то появлялись особыя князья, то опять княземъ Владимира дѣлался Кіевскій. Такъ, на примѣръ, въ 1123 году Владимиръ отданъ Андрею, потомъ въ 1136 году Изяславу Мстиславичу. Владимиръ сталъ главнымъ городомъ Вольнской земл. Случалось, что пре-

тенденты призывали Поляковъ, и тогда сельскій край страдалъ. Такъ Ярославъ Святополчичъ, внукъ Изяслава Ярославича, котораго родъ былъ въ связи съ польскимъ домомъ, привелъ Поляковъ и Угровъ; но его постигла неудача.

Во время борьбы Изяслава Мстиславича съ Ольговичами и съ Юриемъ, Волынь служила Изяславу убѣжищемъ въ случаѣ неудачи; онъ нѣсколько разъ туда убѣгалъ, прогнанный изъ Кіева, и снова ворочался, набравши силъ. Волынь осталась за сыновьями его и перешла къ внуку его, Роману, который соединилъ съ Волынской землею, подъ однимъ управленіемъ, и Галицкую землю.

Червоная Русь, по освобожденіи отъ власти Поляковъ, начала имѣть своихъ князей Ростиславичей. Какимъ образомъ фамилія Ростиславичей тамъ явилась—неизвѣстно, но кажется, что они были призваны, ибо Червоная Русь всегда сохраняла преимущественно предъ другими полную свободу и тамошніе князья были болѣе ограничены, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ и въ Новгородѣ. Жители этой страны должны были терпѣть отъ междоусобій по поводу ослѣпленія Василька, но еще болѣе по поводу частыхъ войнъ съ Поляками. Такъ, Длугошъ рассказываетъ (относя это неправильно къ 1123 году), что по поводу ссоры Володаря съ Поляками, Поляки опустошили огнемъ и мечемъ Русскую землю, истребляли села и города, убивали людей. Когда Поляки взяли въ плѣнъ русскаго князя хитрымъ образомъ, по Длугошу — Ярополка, а по соображенію съ нашими лѣтописями — Володаря, съ обѣихъ сторонъ разразилась разорительная народная вражда. Галичане, врываясь въ польскіе предѣлы до Вислы, истребляли безъ состраданія людей, безъ различія возраста, пола и званія, и все сожигали. Потомъ Болеславъ Кривоустый распустилъ свое войско по Руси и началось, по словамъ лѣтописца, убійство многихъ: убивали и старыхъ и малыхъ, мучили невинныхъ, и то была ярость, а не справедливая война. Никому не давали пощады, даже не велѣно брать выкупа за жизнь непріятеля (Длуг. 953).

Когда дѣти Ростислава вымерли въ первой половинѣ XII вѣка (1144 г.) Червонорусская земля, прежде раздѣленная на удѣлы, соединилась подъ властію одного князя (Володимирка) Володаревича. Въ его политикѣ является очевидное стремленіе обособиться и не подлежать власти Кіева, хотя впрочемъ безъ совершеннаго нарушенія связи съ домомъ, владѣвшимъ Русью. Въ этомъ отношеніи, личное стремленіе князя совпадаетъ со стремленіемъ страны, сознававшей свою отдѣльность. Такое стрем-

леніе раздражило русскія области, ибо въ 1144 году изъ нѣсколькихъ земель двинулись на Галичъ ополченія съ цѣлю принудить Червоную Русь и съ нею князя ея наравнѣ съ другими областями русскаго міра признавать старѣйшинство кіевскаго князя. Кромѣ Русскихъ, участвовали въ этомъ дѣлѣ иноземцы; на сторонѣ князей были Поляки; Владимиръ призвалъ Угровъ. Тутъ открылся путь иноземцамъ на будущее время вмѣшиваться въ дѣла Червонной Руси и рѣшать ея судьбу: это повторялось современемъ много разъ. Сила была на сторонѣ русскаго ополченія, но Владимиръ зналъ, что Всеволодъ хочетъ упрочить за своимъ братомъ Кіевъ и обѣщала послѣднему помогать; это повело къ примиренію съ кіевскимъ княземъ: Владимиръ долженъ былъ заплатить ему 1400 гривенъ серебра — огромная сумма. Такимъ образомъ дѣло червонорусское было проиграно. Не могло это нравиться галичанамъ; во-первыхъ, плата такой большой суммы должна была лечь на страну, во-вторыхъ, Галичъ со всею землею долженъ былъ признать зависимость отъ Кіева. Составилась партія противъ князя. Воспользовались случаемъ, когда Владимиръ уѣхалъ въ Тисманицу на охоту. Охота у князей въ то время была тотъ же походъ. Недовольная партія приглашаетъ племянника Владимирова Ивана Ростиславича, изъ Звенигорода. Но согласія въ этомъ дѣлѣ не было. Сильные приверженцы оставались за Володимиркомъ. Такимъ образомъ, открылась междоусобная война: она была, какъ всегда, жестока, ибо Владимиръ долженъ былъ три недѣли осаждать Галичъ. Наконецъ городъ былъ взятъ. Владимиръ многихъ изъ своихъ противниковъ изрубилъ; другіе казнены лютою смертію. Это не слѣдуетъ приписывать личности самого Владимира, ибо онъ былъ орудіе партіи, которая имѣла его на челѣ своемъ, какъ это показывается въ послѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Иванъ убѣжалъ въ Кіевъ. Кіевляне, со вспомоgetельными дружинами другихъ земель, явились снова въ Червонную Русь водворять Ивана, но въ Звенигородѣ приверженцы Владимира отделись.

При Изяславѣ Мстиславичѣ Владимиръ постоянно держалъ сторону Юрія Долгорукаго, и старался изъ этой борьбы извлечь мѣстную пользу присоединеніемъ мѣстностей. Изяславъ возбудилъ ему опасныхъ и сильныхъ враговъ въ сосѣдяхъ Уграхъ. Галичъ во всеобщей сумятицѣ успѣлъ захватить города: Тихомль, Шумскъ, Выгошевъ, Гнойницу (Ипат. 69), которые русскій князь считалъ принадлежащими къ Волини. Но послѣ Игоря, Изяславъ одолѣлъ Юрія съ Уграми; онъ вошелъ въ Червонную Русь и пустилъ ратниковъ, т. е. разорителей, по странѣ. Тогда Володимиръ принужденъ былъ смириться и обѣщала возвратитъ захва-

ченые города, но не исполнилъ обѣщанія и не могъ его исполнить, ибо дѣло было народное; бояре галицкіе не дозволяли ему, ибо хотѣли расширить свою землю. Владимиръ умеръ внезапно и смерть его считалась признакомъ божія наказанія за клятвопреступленія. Сынъ его Ярославъ, признанный послѣ него княземъ, готовъ былъ мириться и признавалъ Изяслава сына рѣшеніе; но бояре, защищая дѣло своей земли, насильно вовлекли его въ войну. Русскіе и Волынскіе полки и Черные Клобуки вступили въ Червоную Русь къ Теробовлю. Галичане говорили своему князю: ты еси молодъ, поѣди прочь и насъ позоруй: дѣло было земли, а не князя. Галичане были разбиты и тяжело наказаны. Русскіе набрали плѣнниковъ столько, что число ихъ превышало дружину, бывшую съ Изяславомъ, и кievскій князь приказалъ всѣхъ побить. Это не казалось безчестнымъ и ужаснымъ. Бысть плачь по всей землѣ галицкой, говорить летописецъ. Неизвѣстно, въ чьей власти оставались послѣ того города спорные. Княженіе Ярослава оспаривалъ претендентъ его, двоюродный братъ Иванъ Берладникъ; русскіе князья помогали ему, иногда употребляя его какъ пугало противъ Ярослава. Князь Юрій Долгорукій, которому нужна была помощь Галичанъ, хотѣлъ было выдать этого изгнанника, но митрополитъ уговорилъ не дѣлать этого. Изяславъ Давидовичъ принялъ его сторону, получивши кievскій столъ. Была и въ самой Червонной Руси партія недовольная Ярославомъ и готовая пристать къ противнику. Когда Изяславъ Давидовичъ въ 1159 году собирався противъ Галича и приглашалъ къ союзу Черниговскихъ князей, изъ Галича одна партія прислала тайно къ нему грамоту, извѣщая, что есть люди недовольные Ярославомъ и готовые пристать къ Ивану. Но большая часть галичанъ оставалась вѣрна Ярославу; галичане соединились съ волынцами и успѣшно содѣйствовала изгнанію изъ Кіева самого Изяслава. Когда Андрей, князь Владиміра Залѣскаго, сталъ возвышаться и явно оказывать стремленіе къ гегемоніи надъ князьями, галицкая политика измѣнилась и уже не придерживалась сына Юрьева такъ, какъ вѣкогда отца, а напротивъ галичане являются на сторонѣ Изяслава Изяславича, оспаривавшаго Кіевъ у суздальскаго князя съ волынцами. Кажется, что галичане играли въ этихъ послѣднихъ междоусобіяхъ второстепенную роль, но тогда мѣстный характеръ ихъ сталъ обозначаться. Галичъ примыкаетъ тѣснѣе къ кругу Южной Руси; до тѣхъ поръ, не желая подлежать Кіеву, червоноруссы примыкали къ отдаленной суздальской сторонѣ; но когда въ суздальской землѣ явилось попользованіе на подчиненіе всей Южной Руси и въ томъ числѣ Червонной, Галичъ уже дѣйствуетъ за-одно съ Кіе-

вомъ и Волиныю. Какъ дѣло касалось предпріятія, имѣвшаго дѣлю интересъ всей южнорусской земли, — Галичъ посылалъ свою помощь. Такъ когда въ 1166 году киевляне, полѣсчане и волиныцы со своими князьями выходили изъ Канева для обереганія торговаго пути купцевъ изъ Греціи (дондеже взыде Гречининъ и залозникъ, Ип. л. 94), — и галицкая помощь находилась съ другими ополченіями южнорусскихъ земель.

Волинь разбилась тогда на многія мелкія владѣнія; былъ свой князь въ Луцкѣ, были свои князья въ Бужскѣ, въ Дубровицѣ, Пересопницѣ. Одни княжества возникали, другіе исчезали, не оставляя большого вліянія на народную жизнь, не измѣняя ея теченія. Но при раздробленіи волинской и польской земель рѣзко выдавалось единство Червоной Руси и при большемъ паденіи Кіева политическое значеніе Галича выказалось силою обстоятельствъ даже безъ задуманнаго плана.

Галичъ получилъ значеніе старѣйшаго города, и князь галицкій, какъ будто силою обстоятельствъ, самъ доходилъ къ достоинству старѣйшаго князя. Пѣвецъ Игоревъ, современникъ, такъ характеризовалъ Ярослава: Галицкы осмомысле Ярославле! высоко сѣдиши на своемъ златоконаніимъ столѣ; подперъ горы угорскыи своими желѣзными шькы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времени чрезъ облаки, суды ряда до Дуная. Грады твоя по землямъ текутъ, отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола за землями. « Ясно изъ этого, что современники считали могущественнымъ галицкаго князя. Галицкая земля, то есть принадлежавшая Галичу, была обширна и заключала въ себѣ плодородныя пространства по Днѣстру, Сану и Пруту до горъ. Дунайское устье было въ рукахъ Галича. Вѣроятно, Бессарабія и берега Черноморскіе принадлежали ему, ибо уже было свободное плаваніе съ Дуная и Днѣстра по морю и въѣздъ въ Днѣпровское устье. Было много условій зажиточности обитателей. Почва Червоной Руси способна для земледѣлія и скотоводства; рѣки, въ то время судоходныя, вели къ общенію съ Дунаемъ и моремъ. Это способствовало торговли съ Югомъ. Кромѣ хлѣба, скота и кожъ, которые отпускала Червоная Русь, важнѣйшимъ туземнымъ продуктомъ была соль изъ Бакуты. На Черномъ морѣ у галичанъ была пристань Олешье при устьѣ Днѣстра; тамъ образовался складъ для торговли съ югомъ; оттуда товары шли по Днѣстру и снабжали города, густо лежавшіе рядомъ одинъ за другимъ вдоль этой рѣки. Но положеніе галицкой земли въ отношеніи политической самостоятельности было очень опасно: двое сосѣдей каждочасно готовы были наложить руки на Червоную Русь, — Поляки, уже издавна то овладѣвавшие

ею, то терявшие ее, и Угры. Быть может эти обстоятельства сближали Галичъ съ греческимъ міромъ; такъ одному царевичу греческому дали въ управленіе нѣсколько городовъ Червонорусской земли.

Очевидно, что для поддержанія самобытности, Галицкая Русь должна была вступить въ болѣе тѣсное единство съ остальною южной Русью, чтобъ взаимными силами охранить себя. Теченіе обстоятельствъ вело къ этой связи. Жизнь народная подвергалась опасности наравнѣ съ политической самобытностію. Галицкая земля при первой возможности должна была стать мѣстомъ столкновенія нѣсколькихъ враждебныхъ силъ, театромъ войны, а тогда плохо было жителямъ того края, куда сойдутся драться между собою народы. Единвластный принципъ былъ тогда чрезвычайно слабъ. Князь галицкій былъ совершенно княземъ по старославянской идее. Завоеваніе, какъ видно, коснулось слишкомъ мало и непрочно Хорватовъ. Князья, правившіе Галичемъ, были избираемы и зависѣли отъ вѣча; полчища кочевыхъ ордъ были отъ него далѣе, чѣмъ отъ Кіева; смѣшеніе съ тюркскими племенами и въ десятую долю не доходило до той степени какъ въ Кіевѣ; народность оставалась болѣе ненарушенною. Отъ этого и древнія начала свободы удержались тамъ долѣе и развивались по славянскому образцу, съ славянскими достоинствами и пороками. Какъ ни скудны наши лѣтописи подробностями внутреннихъ причинъ, какъ ни часто ставить на челѣ разсказа одни лица, не показывая — на чемъ держалась матеріальная сила этихъ лицъ, но и изъ такихъ извѣстій можно видѣть, что понятіе о князѣ въ Червоной Руси никакъ не доходило даже до первыхъ признаковъ царственного значенія и ограничивалось значеніемъ его какъ предводителя войска и правителя, совершенно зависящаго отъ вѣча. Галичане были судьями дѣйствій своего князя, какъ политическихъ, такъ и домашнихъ. Прежде было сказано, какъ по смерти Володимирка, Ярославъ хотѣлъ мириться съ Изяславомъ Мстиславичемъ и готовъ былъ исполнить клятву, данную отцомъ, но Галичане не позволили ему отдавать захваченныхъ городовъ. Ярославъ былъ зависимъ и въ семейныхъ дѣлахъ. Онъ поссорился съ женою и взялъ себѣ любовницу и прижить отъ послѣдней сына Олега. Княгиня съ державшими ея сторону боярами убѣждала съ сыномъ въ Польшу. Галичане лишили своего князя свободы, перебили его пріятелей и сожгли любовницу, воротили княгиню и привели князя своего къ кресту, *яко ему имѣти кляшню въ правду*. Черезъ два года снова убѣждалъ сынъ Ярослава въ Луцкъ; на этотъ разъ Ярославъ нанялъ Ляховъ за 3,000 гривенъ серебра и принудилъ луцкаго князя отпустить отъ себя немалаго сына Ярославова. Вотъ и здѣсь, какъ уже ви-

дѣли мы въ Кіевѣ, сосѣдство чужеземцевъ и возможность приводить иноземные полки могли доставлять князьямъ возможность дѣйствовать по своимъ видамъ вопреки народному желанію. Видно, что въ Галичѣ Яр. мало могъ найти приверженцевъ, когда обратился къ иноземной помощи. Безъ сомнѣнія, это вмѣшательство чужеземныхъ полковъ, приводимыхъ княземъ, должно быть однимъ изъ элементовъ разрушительно дѣйствовавшихъ на единство и саморазвитіе народнаго духа. Сынъ Ярославовъ, преслѣдуемый отцемъ, переходилъ отъ князя къ князю и дѣлался ихъ игрушкою, такъ что они одинъ другому уступали его и готовы были выдать его отцу, когда нуждались въ союзѣ съ нимъ, пока наконецъ сѣверскій князь Игорь примирилъ его съ отцомъ. Въ 1187 году, Ярославъ, умирая, просилъ Галичанъ утвердить его распоряженіе о назначеніи Галича Олегу, меньшему сыну, а старшему Перемышлю. Галичане не хотѣли раздражать старика; хотя быть можетъ находилось тогда мало соглашавшихся на его распоряженіе, они уступили, но по смерти Ярослава, Олега выгнали и посадили Владиміра. Черезъ годъ Владиміра, за пьянство и развратное поведеніе, выгнали и призвали Романа Вольнскаго. Володиміръ ушелъ въ Угры, но король угорскій вмѣсто того, чтобъ помогать ему, засадилъ его въ башню, а въ Галичѣ посадилъ своего сына. Романъ принужденъ былъ бѣжать съ толпою Галичанъ.

Такъ Червоная Русь подпала подъ власть иноплеменниковъ. Состояніе народа въ это время выказывается изъ словъ польскаго лѣтописца: Угры перебили много Галичанъ, противныхъ новому порядку, раздали имѣнія и должности своимъ, отстраняя Галичанъ, Галичане вездѣ были угнетены, порабощены, унижены (Dlug. h. VI). Владиміръ, убѣжавши изъ башни и скитаясь въ Германіи, пришелъ наконецъ въ отечество и съ шайкой удалцовъ дѣлалъ разоренія въ предѣлахъ Червоныи Руси и въ Польшѣ. Эта разбойничья шайка насилвала дѣвѣцъ и женщинъ, не щадила маленькихъ дѣтей, убивала священниковъ въ священныхъ одеждахъ во время богослуженія (Cadlub. гл. 1). Лѣтопись русская говоритъ: *у мужій Галичкихъ почаша отымати жены и дщери на постель къ собѣ, и въ божницахъ почаша кони ставляти.* (Ип. 138). Между тѣмъ въ Галичѣ образовалась партія, находившая себѣ выгоду въ иноземномъ владычествѣ. Явилась другая, призывавшая сына Берладникова, Ростислава. Король, чтобъ держать тверже свою власть, отвелъ въ Угрію родственниковъ знатнѣйшихъ фамилій, и они теперь должны были по неволѣ стоять за него. Партія болѣе смѣлая, хотѣвшая, при помощи Иванова сына, освободиться отъ чуждаго ига, привела из-

гнанника; но такъ-какъ Угровъ было много, то отъ Ивана отступили; брошенный, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и Угры приложили смертное зелье къ его ранамъ. Наконецъ, при посредствѣ Нѣмецкаго императора, главнѣе для того, чтобъ не дать утвердиться Угорскому могуществу, Казимиръ принялъ сторону изгнанника и воевода его Василій съ полками повелъ Владимира на Галичъ. Иноземное владычество слишкомъ показалось неспособнымъ, и потому не удивительно, если къ Владимиру явилось много помощниковъ въ Галицкой землѣ. И это облегчило ему водвориться на столѣ Галицкомъ. Королевичъ долженъ былъ удалиться, и Галичане увидѣли, что имъ трудно отдѣлаться отъ притязаній иноземныхъ войскъ, если онѣ уже одинъ разъ объявились; надобно было искать сильной опоры, и Галичъ долженъ былъ повидимому начать измѣнять прежнее свое направленіе — удержать самобытность, и войти въ тѣснѣйшую связь съ Русскимъ міромъ. До сихъ поръ Галичане при Ярославѣ были противниками Суздальскихъ князей; теперь Владимиръ послалъ ко Всеволоду искать покровительства и признавалъ его старѣйшинство. Романъ, разъ уже призванный на княженіе, неприязненно смотрѣлъ на Владимира, и когда поссорился съ Рюрикомъ, то Владимиръ съ Галичанами своей партіи опустошилъ принадлежавшія Волынскому князю земли около Перемышля.

Наконецъ умеръ Владимиръ. Тогда Романъ, оказавшій большія благодѣянія Казимиру Польскому, (ибо возстановилъ его на престолѣ, котораго послѣдній было лишился, когда доставилъ Владимиру власть въ Галичѣ) сдѣлался Галицкимъ княземъ при помощи Казимира. Противъ него была до того озлобленная партія, что просила Польскаго короля присоединить лучше Галичъ къ Польшѣ, и такимъ образомъ рѣшалась лучше потерять независимость, чѣмъ имѣть такого князя. Это были недоброжелатели Романа. Казимиръ слишкомъ много обязанъ былъ Роману, чтобъ согласиться на выгодное предложеніе, и притомъ его дѣлала одна только партія; была и другая противная и сильнѣйшая. Романъ, сдѣлавшись княземъ, по извѣстіямъ польскимъ, дѣлалъ варварства надъ Галицкими боярами: онъ ихъ зарывалъ живыми въ землю, разносилъ по членамъ, съ живыхъ сдиралъ кожу, разстрѣливалъ стрѣлами, сожигалъ огнемъ. Многихъ нельзя было умертвить явно; Романъ ласково заманивалъ ихъ къ себѣ, угощалъ, ласкалъ, и когда они были спокойны и безболзненны, давалъ знакъ, являлись слуги, и гости подвергались неописаннымъ мученіямъ (Vogüch. 130). Надобно прежде убить ичель, чтобъ медъ вѣть, говорилъ онъ. Ему хотѣлось истребить знатнѣйшія фамиліи въ Галичѣ. Это

польское извѣстіе если справедливо, то во всякомъ случаѣ показываетъ, что дѣло было не Романовой личности, а Романовой партіи. Романъ не могъ дѣлать такихъ жестокостей, еслибъ не опирался на чемъ-нибудь. Онъ не могъ опираться на безмысленномъ повинненіи, потому что достоинство князя не могло еще усвоить такого значенія, чтобъ народъ безропотно оправдывалъ все, что только вздумаетъ князь. Онъ не опирался на чуждую власть, ибо не побоялся вскорѣ нарушить союзъ свой съ Поляками, слѣдовательно, онъ, дозволяя себѣ жестокости, долженъ былъ опираться на сильную партію, которая чрезъ посредство князя удовлетворяла своимъ враждебнымъ отношеніямъ къ противнымъ партіямъ. По крайней мѣрѣ у Романа должна была быть сильная партія: это показываетъ уже то, что по смерти его она сгруппировалась около его вдовы и малолѣтнихъ его сыновей. Въ 1201 году Романъ былъ убитъ въ сраженіи съ Поляками, съ которыми поссорился, не смотря на прежнюю тѣсную дружбу и взаимныя услуги. Тогда въ Галичѣ открылось раздолье страстямъ и произошло запутанное столкновеніе и своихъ, внутреннихъ, и вѣшнихъ стремленій.

Развитіе народной свободы необходимо должно было произвести возвышеніе однихъ предъ другими и образованіе сильнаго класса. Власть и сила находилась въ рукахъ бояръ. Бояре Галицкіе не составляли, въ строгомъ смыслѣ слова, аристократію, замкнутое сословіе, совокупность фамилій съ наслѣдственными предразсудками и наслѣдственнымъ сознаніемъ фамиліальныхъ правъ. Подъ именемъ бояръ, какъ и вообще въ Русскомъ мѣрѣ, въ Галичѣ еще болѣе, разумѣлись люди богатые, владѣльцы земель; теченіемъ обстоятельствъ, умѣнѣемъ ими пользоваться для своего возвышенія, пріобрѣли они силу и вліяніе, и также легко возвышались, какъ и упадали. Есть примѣръ, что въ числѣ такихъ сильныхъ земли Галицкой были сыновья поповъ и простыхъ мужиковъ, смердовъ. *Доброславъ же вокняжился бѣ и Судычъ поповъ внукъ; о другихъ: пріидоста Лазарь Домажъричъ и Исворъ Молибожичъ, два беззаконника отъ племени смердья, и поклонистася ему до земля; Якову же удивившуся и прашашу вины, про что поклонистася, Доброславу же рекшу: вѣдѣхъ има Коломью* (Ип. л. 179) Они возвышались пользуясь смутными обстоятельствами. Благодаря безпрестаннымъ смутамъ усилился въ Червонной Руси боярскій элементъ, особенно во время смуть происходившихъ послѣ смерти Романа. Каждый претендентъ старался набрать себѣ союзниковъ и раздавалъ пособникамъ, принявшимъ его сторону, города (*и прія*

(Данило) землю Галицкую и розда города бояромъ и воеводамъ, и бѣише корма у нихъ много. Ип. лѣт. 173) Такой счастливецъ возводилъ свою родню и пріятелей и служившихъ ему, и составлялъ около себя *чадъ*. Они владѣли землями и управляли городами. Народъ страдалъ отъ ихъ произвола. Доброславъ, *вшедъ въ Бакоту, все Понизье прія безъ княжа повельниа; Григоръ же Васильевичъ соби Горную страну Перемышльскую мысляше одержати, и бысть мятежь великъ въ земль и грабежь отъ нихъ* (Ип. л. 179). *Послаху исписати грабительство нечестивыхъ бояръ* (ibid). Они между собою враждовали; каждый возвышался на счетъ другого, и каждый хотѣлъ оторвать у другого достоиніе, чтобъ улучшить свое. Этою-то враждебностію, какъ замѣчено выше, объясняются тиранства князей Владимира и Романа надъ своими противниками; партія, съ своей стороны, хотѣла утвердиться подъ значеніемъ своего князя, а потому и поджигала его на уничтоженіе противниковъ. Хотя стеченіе обстоятельствъ во многомъ благопріятствовало тому, чтобъ Галичъ сдѣлался центромъ соединенія Южной Руси, но этому препятствовало также духъ жителей, подъ тѣми же обстоятельствами развившіеся необузданнымъ стремленіемъ лицъ къ возвышенію какими бы то ни было путями. У Галичанъ притомъ развилось удалое уваженіе къ воинской доблести, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ Волынской лѣтописи. Храбрость личная была добродѣтель и являлась въ ореолѣ поэзіи. Успѣхъ храбреца дѣлался его оправданіемъ. Бояре, становясь на общественную ступень, усвоившую за ними это названіе, не думали объ общемъ дѣлѣ, и потому находилось много такихъ, что приставали къ Уграмъ и возбуждали ихъ на отечество, — другіе наводили Поляковъ, третьи—такого-то и такого-то князя, и выигравшая сторона возносила этихъ князей. Когда они замѣчали, что князь не проченъ, то спѣшили приставать къ другой партіи и часто случалось, чтобъ заранѣе упрочить себя, подвигали враговъ на тѣхъ, которыхъ сами призвали. Естественно, значеніе князя упадало болѣе и болѣе: князь не окружался никакимъ атрибутомъ могущества; онъ постоянно дѣйствовалъ по указанію бояръ (совѣтомъ) и какъ бояре жили между собою въ несогласіи, то безпрестанно попадали впросакъ; надобно было угодить однимъ — значить — приходилось раздражать другихъ. Какъ обращались съ князьями, можно видѣть изъ того, что *Данилу въ пиру веселящуся одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ лице зали ему чашею* (Ипат. л. 174). Романъ, видно, не успѣлъ перемучить всѣхъ своихъ противниковъ; можетъ быть изъ его благопріятелей

стали противники, — только жена его съ дѣтьми должна была удалиться. Призвали дѣтей Игоря Сѣверскаго и посадили одного въ Галичѣ, а другого въ Звенигородѣ. Заправлялъ этимъ призваніемъ Володиславъ, конечно думавшій воспользоваться новыми князьями для себя. Потомъ выгнали вдову Романа изъ Владимира. Тамъ посадили третьяго Игоревича, котораго перевели въ Перемышль. Скоро однако призванные князья совершенно закружились въ этомъ омутѣ; бояре поджигали ихъ однихъ на другихъ; одни старались вооружить князей на другихъ бояръ, другіе сносились съ Уграми, третьи съ Поляками, четвертые хотѣли жить независимо. Между тѣмъ, съ Игоревичами пришли и свои мужи и, конечно, отчасти при ихъ содѣйствіи, съ помощію нѣкоторыхъ бояръ, метившихъ своимъ братьямъ, съ которыми были во враждѣ, Игоревичи составили заговоръ и стали убивать *величавыхъ бояръ*. Въ лѣтописи число убитыхъ выставлено до 500; но это быть можетъ позднѣйшая вставка, ибо въ нѣкоторыхъ спискахъ оно пропущено и вообще это число слишкомъ велико для числа однихъ знатныхъ (величавыхъ) особъ по преимуществу. Но главные коноводы боярскіе ушли въ Угрію; на челѣ ихъ былъ Володиславъ. Когда они съ помощію подступили къ Перемышлю и приглашали жителей сдаться и выдать Игоревича Святослава, то говорили: *братья, почто смущаетесь? не сіи ли избивша отци ваши и братью вашу, а инши имьніе ваше разграбиха и дщери ваша даща за рабы ваша, а отъчествіи вашими владѣша иніи пришельци?* (Ипат. л. 158.) Это мѣсто, характеризуя способъ насилія того времени, указываетъ, что съ Игоревичами прибыли Сѣверцы и они-то поставили себя въ положеніе иноземцевъ къ Галичанамъ. Не только Угры были тогда вызваны боярами. Когда Володиславъ съ братією бѣжали въ Угры, другіе ушли къ Полякамъ и призвали ихъ на помощь, третьи — въ Бѣлзъ, гдѣ княжилъ удѣльный князь Всеволодъ, четвертые въ Пересопницю на Вольнѣ. Игоревичи съ своей стороны закликали Половцевъ. Такимъ образомъ въ Червоной Руси явились разорительныя полчища иноземцевъ. Можно представить себѣ, какъ тяжело для массы народа должна была отзываться эта трагедія. Дѣло Игоревичей было проиграно, не смотря на Половцевъ; князья были взяты въ плѣнъ. Бояре Володимирскіе и Галичскіе — на челѣ первыхъ Вячеславъ, на челѣ другихъ Володиславъ — рѣшились наконецъ признать себѣ княземъ Данила, сына Романова, тогда бывшаго еще дитятею. Его посадили на столѣ въ церкви Богородицы, въ Галичѣ. А трое изъ Игоревичей, — Романъ, Святославъ и Ростиславъ, взятые въ плѣнъ Уграми, — были вы-

прошены галичанами на свой судъ и повѣшены. Фактъ оригинальный, показывающей, что въ Червонной Руси родъ князей не считался уже выше обыкновенныхъ родовъ и жизнь ихъ подлежала общему суду народному. Значеніе Рюрикова рода видимо упало. Галичъ не считалъ уже ничего права княжить у себя не только за тою или другою вѣтвю князей, но и вообще за Рюриковымъ родомъ. Скоро Володиславъ подобралъ себѣ партію, и выгналъ Данила съ матерью, а Володиславъ захватилъ правленіе и сталъ *княжитися*. (1208—1209). Угорскій король посвѣшилъ воспользоваться новымъ порядкомъ и обобралъ Володислава и его пріятелей, съ которыми непременно долженъ былъ Володиславъ раздѣлить свою власть, такъ что товарищъ его, Судиславъ, весь въ *злато премьнился*, т. е. откупался отъ венгерскаго короля. Володиславъ торжественно *сѣде на столѣ*. Такимъ образомъ княжеское достоинство выступило изъ Рюрикова рода; этимъ, казалось, удѣльный укладъ начиналъ новый поворотъ и онъ возникалъ прежде всего въ Галичѣ; тамъ подавали примѣръ; тамъ стали князей казнить смертью, не обращая вниманія на ихъ княжеское достоинство; тамъ стали признавать князьями особъ не отъ Рюрикова рода. Почти можно по этому предвидѣть, какъ бы разыгралась исторія удѣльнаго уклада безъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя способствовали единовластію. Русь возвратилась бы къ порядку, существовавшему до призванія Варяговъ, то есть у разныхъ народовъ въ разныхъ земляхъ были бы свои князья, свои вѣча, не связанные уже единствомъ княжескаго рода.

Но это новое явленіе, возникновеніе новыхъ родовъ на мѣсто единого княжескаго, уже въ теченіе вѣковъ освятившаго древностію свое званіе въ глазахъ народа, встрѣчено было сосѣдними князьями и Поляками не отрадно. Напали Поляки; ихъ тяжкія посѣщенія были такъ непріятны, что народъ готовъ былъ повиноваться скорѣй Володиславу, чѣмъ иноземцамъ. Наконецъ, послѣ непродолжительныхъ сумятицъ, земля Галицкая подпала подъ власть иноплеменниковъ. Лестько Польскій передѣлилъ ее съ Уграмъ. *Не есть льпо болприну княжити въ Галичѣ* (Ип. сп. 160.)—говорилъ онъ, —но пойми дщерь мою за сына своего Коломана и посади въ Галичи. И такъ Галичъ достался Уграмъ. Въ немъ посаженъ Коломанъ, а Перемышль достался Лестьку. Но явился внезапно удалой Мстиславъ, борецъ правды удѣльнаго уклада, охранникъ Новгородской свободы. Мстиславъ отдалъ за Данилу свою дочь, сначала не успѣлъ противъ Угровъ и Поляковъ, а потомъ привелъ Половцевъ и выгналъ иноплеменниковъ. Воевода Угорскій Филь, называемый въ нашей

лѣтописи Филя Прегордый, — говорившій поговорку: единъ камень—много горлицевъ погибаетъ, — былъ взятъ въ плѣнъ. Мстиславъ сдѣлался княземъ Галицкимъ. Но не утишилась Земля. Александръ, князь Бѣльзкій, не ладилъ съ Даниломъ, княжившимъ во Владимирѣ; народъ въ Бѣльзской землѣ пилъ тогда горькую чашу: поплѣнена бысть около Бѣлиза и около Червена Даниломъ и Василькомъ и вся земля поплѣнена бысть; бояринъ боярина плѣнивша, смердъ смерда, градъ града, якоже не останется ни единой веси неплѣненъ (Ип. сп. 163.) Потомъ чрезъ два года Александръ Бѣльзскій настроилъ Мстислава Удалого противъ зятя Данила. Послѣдній призвалъ Поляковъ на помощь: *Данилу же князю воевавшу съ Ляхи землю Галичскую и около Любачева, и плени асю землю Бѣльзскую и Червеньскую даже до осшавшихъ Васильку же князю многы плѣны приѣмшю стада коньска и кобыльа* (Ип. Сп. 165). Князья векорѣ помирились; о послѣдствіяхъ, какія имѣлъ народъ отъ этого мимолетнаго облака между тестемъ и зятемъ никто недумалъ? Отважный, прямой характеръ Мстислава Удалого никакъ не могъ сладить съ ложными извилистыми кознями бояръ: одни ему совѣтовали то, другіе иное, онъ не имѣлъ рѣшимости Романа и одного изъ своихъ враговъ только изгналъ. По совѣту бояръ, онъ отдалъ дочь за Угорскаго королевича, управлявшаго Повизьемъ, и самъ долженъ былъ удалиться изъ Галича. Бояре не захотѣли его; нашлась партія, предавшая отечество снова Уграмъ, потому что надѣялась возвыситься.

Время 1226—1237 было запутанное для Южной Руси. Князья шли одинъ на другого, ссорились, мирились, опять ссорились. Данило стремился къ покоренію себѣ всей Волыни; кромѣ Владиміра, Луцка, Черностава, уже Пересоницы и Берестье тогда были въ его рукахъ, пошли на него Кіевляне, Черниговцы, Сѣверцы, Туровцы, Пиняне, приглашены Половцы. Данило успѣлъ разрушить этотъ союзъ противъ себя, оказалъ услугу Польскому князю Конрату и въ 1229 г. покусился опять на Галичъ. Партія, недовольная Уграмъ, приглашала его; это были враги Судислава, сильнѣйшаго изъ бояръ, который правилъ тогда съ своими клевретами всю Галицкую землю отъ имени королевича. Эта партія призвала Данила. Домъ Судислава и все имущество было расхищено. Таковъ былъ обычай: имущество тѣхъ, кто навлекъ на себя месть или кару народную, предавалось разграбленію. Самъ Судиславъ въ виду народа бѣжалъ съ королевичемъ; въ него кидали камнями и кричали: «изыди изъ града мятежниче земли». Данило отпустилъ безъ преслѣдованія королевича, помня прежнюю дружбу съ отцемъ его. Лишившись всего,

сверженный съ своего величія, Судиславъ побудилъ короля Бѣлу явить-ся въ Русь въ силѣ тяжцѣ. Но Богъ послалъ на него архангела Михаила, который отворилъ небесныя хляби: угорскія лошади тонули, грязли и падали. Угры подступили къ Галичу. Но у Данила были Половцы Бѣгбарсовы. Днѣстръ разлился и сыгралъ «игру злу» Уграмъ, такъ что Уграмъ было плохо и запасы у нихъ погнили; они умирали съ голода. Удалилась Угорска рать. Но на слѣдующій годъ (1230) партія бояръ, враждующая съ Даниломъ, составила заговоръ умертвить Данила и Василька и возвести на столъ князя Бѣльзскаго, Александра, ихъ двоюроднаго брата. Одинъ изъ бояръ, Филиппъ, устроилъ пиръ въ Вишиѣ и звалъ туда князей братьевъ съ этой коварной цѣлю. Но тысячекій Демьянъ предупредилъ ихъ. Князья ополчились на Александра; Александръ призвалъ Угровъ. Данило опять лишился Галича. Въ 1234 г. одинъ изъ бояръ, придерживавшійся партія Угорской, бывший у короля воеводою, по имени Глѣбъ Зеремѣвичъ, перешелъ на сторону Данила. Королевичъ, Судиславъ и тысячекій Дьявишъ съ королевскою партією заперлись въ Галичѣ. Когда Данило подошелъ къ Галичу, королевичъ умеръ и Данило овладѣлъ Галичемъ; но князь Луцкій Володимиръ пригласилъ его воевать противъ Черниговскихъ князей. Галичане опустошили землю Черниговскую съ Даниломъ; народъ терпѣлъ за князей своихъ, но Галичанамъ заплатили тѣмъ же. Когда Василько, братъ Даниловъ, оставался въ Галичѣ, бояре составили заговоръ противъ него и Данила и пригласили Михаила Черниговскаго. Очевидно, что такъ поступали потому, что надѣялись возвыситься съ помощью новыхъ князей. Съ ними были въ союзѣ Болоховскіе князья; это, вѣроятно, были особы не Рюрикова рода, но бояре, сдѣлавшіеся владѣтелями. Данило счастливо привелъ Торковъ и разбилъ ихъ. Болоховскіе князья были схвачены и приведены плѣнными во Владиміръ. Однако новая Михайлова партія, посадивши у себя Михаила въ Галичѣ, заключила въ тоже время союзъ съ Конрадомъ польскимъ и призвала Половцевъ, для новыхъ разореній. Данило до поры до времени долженъ былъ уступить и удовольствоваться тѣмъ, что Михаилъ и сынъ его Ростиславъ отдали ему Перемышльскую землю въ управленіе. На сторонѣ Михаила были Поляки; но Данило отстранилъ польское союзничество съ Михаиломъ тѣмъ, что поднялъ на Конрада Литву; Михаилъ отнялъ у Данила уступленный Перемышль, а самъ отправился въ Кіевъ, а въ Галичѣ оставался сынъ его Ростиславъ. Тогда Данилъ заключилъ союзъ съ Уграми, прежними своими давними врагами. Данило подступилъ къ городу Га-

личу. Галичанамъ надоѣли смуты и безирерывные перемѣны власти. Они собрались на вѣче и избрали Данила княземъ. Епископъ Артемій и дворскій Григорій стали было противиться, но увидѣли, что всѣ желаютъ Данила и сами отправились къ нему съ поклономъ.

Данило объявилъ противникамъ своимъ примиреніе и не сталъ никого преслѣдовать. Преніе князья, да и самъ Данило, едва ли могли бы рѣшиться не послѣдовать здѣсь голосу своей партіи, а всякая партія всегда требовала мести, ибо цѣль ея была занять мѣсто тѣхъ, которые ей враждовали. Но на этотъ разъ не партія, а большинство народа было на сторонѣ Данила.

Время княженія Данила не могло благоприятствовать спокойному теченію народной жизни, не смотря на вишній признакъ политической дѣлостности всей Южной Руси. Въ 1240 году пронеслась опустошительная буря Татаро-монгольскаго нашествія. Послѣ взятія Кіева, разрушительное полчище двинулось на Колодежный. То былъ первый городъ западнаго края Южно-русской земли павшій въ руки завоевателей. Жители сначала храбро защищались, но завоеватели предложили имъ сдаться, обѣщая пощаду. Рускіе видѣли, что отъ такого полчища нельзя отдѣлаться легко, и послушались; Татары всѣхъ перебили: таковъ у нихъ былъ обычай — обманывать и истреблять врага всѣми средствами. Взять былъ Каменецъ, взять Изяславль, взять былъ Володимиръ Вольинскій, взять наконецъ и Галичь. Современникъ не распространяется въ подробностяхъ взятія городовъ, но городовъ этихъ было много, *имже нѣсть числа*, а о судьбѣ жителей лѣтописецъ повѣствуетъ очень кратко, но довольно выразительно и понятно: *изби и, не щадя*. Впрочемъ города кажется не были сожжены и вообще бѣдствіе, постигшее жителей Червоной Руси, захватило меньшую массу народонаселенія, чѣмъ въ иныхъ земляхъ Руси, потому что тысячекій Даниловъ, Димитрій, подружившійся съ Татарами въ Кіевѣ, побуждалъ ихъ скорѣе выходить въ Угрію, предупреждая Батыя, что въ случаѣ промедленія Угры успеютъ собраться съ силами и дадутъ отпоръ: *Земля та есть сильна, сберутся на ты и не пустятъ тебе въ землю свою* (Ип. л. 178). Народъ оставлялъ свои дома и прятался въ лѣсахъ и горахъ. Самъ Данило убѣжалъ въ Польшу и переждалъ Татарское прохожденіе въ Судомирѣ. Между тѣмъ, пока Татары были въ Угріи, Ростиславъ, сынъ Черниговскаго князя, сдѣлался орудіемъ противной Данилу партіи; около него собралась группа искателей, думавшихъ, по обычаю, возвыситься при всякой перемѣнѣ; союзниками его были и Бологовскіе князья, уже

выпущенные Даниломъ изъ плѣна. Летописецъ намекаетъ, что они попадались (вѣроятно послѣ того, какъ были плѣнены Даниломъ) въ плѣнъ Полякамъ, но Данило и Василько освободили ихъ. Эти князья тяготились претензіями, какія оказывалъ на нихъ князь Червонной Руси и потому приняли Татарское нашествіе за удобный случай утвердить свою независимость. Прежде чѣмъ Татары, изъ любви къ разрушенію, стали разорять ихъ земли, князья эти послали къ Батыю согласіе быть покорными и служить ему. И Батый оставилъ въ покоѣ ихъ землю съ тѣмъ, чтобъ владѣльцы ея орали и сѣяли шеницу и просо для продовольствія Татаръ, которые предполагали утвердить свои колоніи въ разоренной странѣ. Эти - то Болговскіе князья стали съ Ростиславомъ. Сторону его приняли также другіе сильные владѣтели, бояре, или имѣвшіе свои земли въ Червонной Руси, или получавшіе въ управленіе города и смотрѣвшіе на управляемые ими края какъ на свою собственность. Ростиславъ около семи лѣтъ боролся съ Даниломъ, но постоянно успѣхъ оставался на сторонѣ послѣдняго, хотя за Ростислава были и Угры и Ляхи. Наконецъ, въ 1249 г. Данило окончательно побѣдилъ Ростислава, въ кровопролитной битвѣ на р. Санѣ разбивъ помогавшихъ ему Угровъ и убивъ угорскаго бана Фила (прегордаго); Ростиславъ бѣжалъ, и не возвращался болѣе, получивъ удѣльное княжество въ Мачвѣ, на берегахъ Савы. Раздраживши Угровъ и Поляковъ партіи Лестьковыхъ дѣтей, Данило находился въ такомъ положеніи, что надобно было ему держаться Татаръ, чтобъ по крайней мѣрѣ страхомъ ихъ помощи удержаться противъ западныхъ своихъ соседей. И онъ выбралъ удачно. По требованію Татаръ онъ пріѣхалъ въ Переяславль, гдѣ уже поселились постоянно Татары. Онъ долженъ былъ ѣхать къ Куремѣ, предводителю Татарской орды кочевавшей въ Южной Руси, а потомъ на Волгу къ Батыю, потѣшилъ хана тѣмъ, что поклонился, по его требованію, кусту и согласился, въ угоду повелителю, пить кобылій кумысъ. Видно, что въ Южной Руси это униженіе поражаело сильнѣе умы и сердца, чѣмъ подобное въ Сѣверной съ тамошними князьями. *О, злѣе зла честь Татарская! Данилови Романовичови, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землю, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братомъ и иными странами, нынѣ съидитъ на колыну и холопомъ называется! и дани хотять, живота не чаеть и грозы приходять* (Ист. л. 185). Какъ ни обидно было такое униженіе и непривычно для буйныхъ княжескихъ головъ, да за то Данило, пробывши 25 дней у Татаръ, *отпущенъ бысть, и поручена бысть земля его ему*. Въ этихъ многозначительныхъ словахъ заклю-

чается зародышъ новаго уклада Руской политической жизни. Досихъ поръ политическая судьба Русскихъ краевъ зависѣла отъ столкновенія побужденій, отъ случая — если можно допустить это слово. Право было одно — воля массы; иногда она страдательно принимала что ей давалось; но все таки принципа другого не было, кромѣ согласія или не противодѣйствія массы. Теперь это право — была власть завоевателей. Съ этого утвержденія власти Данила надъ Червонорусскою и Волынскою землями, начинается господство единодержавнаго принципа въ Южной Руси, который, впоследствии, перешелъ въ руки Литовскихъ обрусившихся князей и, послѣ долгихъ колебаній со старымъ удѣльновѣчевымъ выработалъ государство подъ именемъ Великаго Княжества Литовскаго.

Н. Костомаровъ.

ДО ТОВАРИША (¹)

ОДЪ ШКОЛЯРІВЪ.

Дэ ти, дру́же дэ ти, любий,
Дэ ти? обзвися!
Чи далеко, чи близенько,
Братіку, — вернися...

Не вернёся, голубчику,
Ми се добре знаемъ:
Підстрілили тебе люде
Якъ пташку підъ гаємъ, —

Не злюбіли бо мавъ еси
Серденько тепленьке,
Не злюбили, бо у тебе
Розумокъ яснёнький.

Ти не вмивъ кривить душою,
Ти не кутавъ правди
И за насъ промовивъ щире
Слово до громади.

(¹) До семинариста, котораго письмо напечатано въ Липцѣвій книжці *Основи*.

Такъ лети жъ ти, нашъ голу́бе,
Лети на край світа,
Чи не знайдешъ поміжъ лю́дьми
Иншого привіту.

»За вікнами більше світу,»
Якъ тамъ люде кажуть
Сміло жъ лети, — люде добрі
Путь дорóгу вкажуть.

Тільки отъ що, товаришу;
Якъ щасливимъ будешъ, —
Карай тебе, грізний Боже.
Коли насъ забудешъ!

Лихо наше тяжке знаешъ, —
Нічого й казати!
Поможи жъ намъ, милий брате,
Двокімъ же амъ ждати?

Замовъ, гляди, наше лихо
До вірній громади,
Скажи ти їй, що ми гинемъ
Безъ правої ради,

Що ми бідні, безпомощні,
Якъ риби безгласні;
Скажи, що насъ давять, душать
Люде самовласні;

Що зъ насъ пўтнёго нічого
До-віку не буде,
Поки вчителі вельможні
Власти не забудуть.

Не забудь же насъ, соко́ле,
Богъ тоби порада!
Не забуде тебе й наша
Вірная громада!

Е — М

Черниговъ
26 окт. 1862.

ДО ВОРОЖКИ.

Ой лишенько, бабусенько,
Серденько болить!
Навчить мене, голубовько,
Що ёму робить?

Куди гляну — серце вьяне:
Красень Божий світъ,
Бриять всюди паняночки,
Якъ королівъ цвітъ.

Шіймавъ-би я любесеньку, —
Привади нема:
Нема грошей-побрязкачівъ —
И вдачи катъ-ма!

Поворожіть, бабусенько,
Дайте грошеняць: —
Куплю собі поле й хату,
Коней-соколять:

Приберуся въ оксаміти
На-диво панамъ,
Стукну-брязну підківками,
Словами додамъ!

Буде въ мене принадовька —
Пташки налетать,
Клюватимуть принадоньку.
Менé звеселять...

А-то лишко, бабусенько,
Принади нема:
Нема грóшей-побрязкачивъ —
И вдачі кать-ма!

А. ГЛІБОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ АКТЫ.

I.

ПИСЬМО ОРЛИКА КЪ СТЕФАНУ ЯВОРСКОМУ (*).

Ясне въ Богу преосвященнѣйшіи милостивый отче Митрополитъ Резанскій, мой велце милостивый въ духу святомъ отче, пастыру и добродѣю.

До сихъ часъ въ бѣдахъ, во изгнаніихъ, въ тѣснотахъ пришеюствова душа моя съ ненавидящими міра; теперь уклонившия и душею и сердцемъ отъ душевреднаго того пришеюствія, архіерейскую, Вашей святыни, миръ всемъ дающую, десницу духомъ лобызая. По речешн мнѣ ваша Святыня: «друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянїя, милости монаршей?» для чого опасатися мушу (принужденъ), чтобъ съ симъ моимъ дерзновеннымъ писаніемъ не былъ отверженъ отъ лица вашей Святыни, однакъ съ тоей релациіи, которую до вашей Святыни имѣю, яко ученикъ до учителя, яко (аще и недостойнъ уже нарещися) сынъ до отца, яко овца до пастыра, тѣмъ дерзновеннѣй прибѣгаю до вашей святыни, вмъ благонадѣжнѣйшіи могу быть, что ваша святыня, яко премудрѣйшіи мой учитель, благоразумнѣ и наставиши и накажешн мя, яко отецъ блудному сыну объятїя своя отческія отверзешн и яко добрый и бодрый пастырь погибшюму овцу обратиши, и на раму свою восприемлешн. А поне-

(*) Письмо это, сообщенное, въ свое время, (какъ значится на подлинникѣ), государственному канцлеру, доставлено было «черезъ министровъ Голштинскихъ;» но — кому? — Яворскому ли, или канцлеру, — не видно. На конвертѣ была надпись: «A Son Eminence Monseigneur Etienne de Jaworski, Archeveque Métropolitain de Resagne et Mourome.»

же многіе, едни недобрехоты мои, другіе, хотящіи себе оправдати, злоклеветнымъ своимъ донесенемъ милосердное царского величества сердце на болшіи гнѣвъ и отмщеніе противъ мене возбудили и подвинули, будто я единомысленнымъ и единосѣтнимъ съ Мазею тою измѣны былемъ авторомъ и всѣ тайны оныя вѣдаемъ, — того ради за благоразсудимъ предъ вашею Святыею, аки предъ самымъ прошедшимъ небеса архіереемъ, вѣдущимъ тайна сердца, все то чистою совѣстію, праведно, а не ложнѣ (погубитъ бо Господь всякого глаголющаго лжу) исповѣдати, что колвекъ могу о той измѣнѣ вѣдати, яко о томъ совершеннѣй выразумѣшь, ваша святыня, съ послѣдующихъ.

Ежели Мазея передъ тымъ, пока на службѣ царского величества съ войскомъ не былъ въ Польнѣ, и пока діаволь княгиню Долскую союзомъ кумовства въ тайны съ нимъ конференціи не впровадилъ и имѣлъ якую инклинацію до противной стороны и помышлялъ о измѣнѣ, о томъ самъ Богъ, испытующій сердца и утробы, вѣдаетъ; а я внутреннихъ не моглемъ проникнути и изслѣдовати. Однако видя его пзвнѣ являемую къ царскому величеству непоколебимую вѣрность и радительныя службы, по чловѣческу разсудати могу, что онъ Мазея твердъ былъ въ своей вѣрности и усердную имѣлъ къ царскому величеству любовь.

Оставляю нинше того документа, единый токмо въ подтверженіе моего мнѣнія привожу, что въ 1705 году, когда Мазея обозомъ подъ Замостемъ стоялъ, подосланный былъ до его тайно отъ Станислава Лещинского съ Варшавы съ тайными прелесными пропозиціями Францискъ Волскій, которого онъ Мазея воедино выслушавъ, по авдіенціи секретной, велѣлъ его Григорію Ивановичу Анненкову за караулъ взять, и тортурами о той посылкѣ прелестной и о ниниыхъ непріятельскихъ намѣреніяхъ допроситъ, потомъ его Волского оковавъ, въ Кіевъ до князя Дмитрія Михайловича Голицына, а писма тые прелестныя до царского величества, одослалъ.

Якій же могъ быти по видимому болшіи документъ вѣрности его Мазеиной къ царскому величеству надъ той? Но когда онъ Мазея стоялъ на квартирахъ зимовыхъ въ Дубнѣ, а Войнаровскій съ Иваномъ Чернишемъ резиденцію свою у двора царского величества въ Гроднѣ континуовалъ, и Дмитрій Горленко, бывшій полковникъ Привуцкій, вмѣсто Гетмана съ своимъ и Кіевскимъ полкомъ на службѣ царского величества тамъ же подъ Гродномъ оставалъ, писалъ онъ Горленко до Мазеи съ гарочнымъ куріеромъ прстѣяnisse на килкахъ листахъ писмо, въ которомъ вѣстие обыдъ, колемьсив, увлчженія, досады, коней разграб-

леніе и смертныя побои козакамъ отъ Великороссійскихъ начальныхъ и подначальныхъ въ то время дѣючіеся выписалъ, наконецъ и тое приложилъ, будто его Горленка наказнаго Гетмана, куда съ едучаго, съ коня сохпено и насилно съ подъ его и съ подъ прочихъ ему послѣдующихъ начальныхъ людей кони въ подводы забраны. Писалъ такожде отъ себе до Мазены съ тымъ же куріеромъ и Иванъ Чернишъ, а въ писмѣ своемъ прислалъ заключенную кошію указу царскаго величества, которымъ будто опредѣлено было тые два полки городовые Кіевскій и Прилуцкій, подъ комендою Димитрія Горленка бывшіе, посылать въ Прусы, ради наученія и устроенія ихъ въ регулярныя драгунскіе полки. Велѣлъ тые писма и кошію указу царскаго величества Мазена передъ собою ииъ прочесть, которыхъ выслушавъ тые формальныя сказаль слова: «якогожь намъ добра впредь надѣяться за наши вѣрныя службы, и хтожь бы былъ такий дуракъ, якъ я, чтобъ подъ сее время не преклонился до противной стороны на такіе пропозиціи, якіе Станиславъ Лещинскій до мене прислалъ?»

Не по многомъ времени пріѣхалъ и самъ Димитрій Горленко въ Дубно до Мазены съ подъ Гродни, оставивъ тамъ подъ камендою сына своего Андрея тые два полки, Кіевскій и Прилуцкій, которіи при иныхъ реляціяхъ доносилъ и тое Мазенѣ, будто онъ, опасаяся, чтобъ его съ полками тѣми въ Прусы не послано и въ драгуны не устроено, чимъ бы онъ подвигнулъ на ненависть и вражду противъ себе цѣлое войско, что отъ его початокъ того регулярнаго строю учинился, притворилъ себѣ якуюсь болельзнь и подъ покрывкою оной упросилъ себѣ у енерала Рена отпускъ, будто къ дому, подаривъ ему за тое килка коней добрихъ и 300, чаю, ефимковъ.

Въ краткихъ числѣхъ по пріѣздѣ Димитрія Горленка въ Дубно, прошенымъ былъ Мазена въ кумовство и на хрестины отъ князя Вишневецкаго, воеводы Краковского, до Бѣлой Криници, котораго дочери, будучи тамъ съ маткою его княгинею Долскою, воспріемникомъ, якіе имѣлъ съ нею денныя и нощныя конференціи, и если такъ малый вѣтрикъ реляціи Димитрія Горленка и Ивана Черниша поколибалъ сердце его Мазены и до измѣны преклонилъ, или княгиня Долская прелестми своими ему оную вышереватовала, о томъ самъ единый Богъ вѣсть. Однакожъ отъ болшой части рассуждаю, что тая прелестница мѣла его обезумить.

По килкаденныхъ пированіяхъ и доволныхъ розговорахъ, повернувшись Мазена на кватеру свою съ Бѣлой Криници до Дубны, велѣлъ ииъ писать листъ благодарственный до тоей же прелестницы княгини Дол-

ской, и послать ей ключь циферной для корреспонденци съ собою, отъ которой въ kilka дней получилъ онъ Мазена респонсъ и въ ономъ малую педулку цифрами писаную, которая въ децифровани своемъ тое заключала: «Уже я гдѣ надлежитъ послала съ допосенемъ истинной в. м. пана признанн.» По прочитани тоей педулки циферной, одобравъ оную отъ мене, ни единого миѣ не сказавши слова.

А когда по указу царского величества рушивши съ войскомъ регименту своего съ Дубна, прибылъ до Минска въ 1706 году, получилъ тамъ невѣдомо черезъ кого отъ княгини Долской малое писемчко цифрами писаное, въ которомъ она княгиня извѣщала ему о поворотѣ посланца своего отъ двору, и о посылки листу отъ якогось безыменного короля до его писаного. По прочитаню децифрованного отъ мене того писемчка взялъ къ себѣ оное и, засмѣявшись, сказалъ тые слова: «дурная баба! хочеть черезъ мене царское величество обмануть, чтобъ его величество, отступя короля Августа, принялъ въ свою протекцію Станислава и возмогъ ему до сукцессии на королевство Польское, а онъ обѣщаетъ подать таяе способы, которыми латво можетъ царское величество Шведа побить и побѣдить. Уже я о томъ ей дурачествъ государю говорилъ, которому его величество поемѣлялся.» Повѣрилъ я тому и ни единого подозру о его Мазениной измѣнѣ не имѣлъ. А хто былъ тотъ посланецъ и якій былъ черезъ него листъ, и отъ якого короля, и въ якое время и съ якимъ отвѣтомъ отъ себе Мазена оного отпустилъ, о томъ я досели не вѣдаю, и не видѣлемъ его, въ чомъ свидѣтель миѣ есть на небеси вѣрнѣнъ.

А когда Мазена по указу царского величества рушивши съ войскомъ репменту своего съ Минска, прибылъ въ Украинну и за пришествиемъ его величества въ Кіевъ и самъ туда жъ сѣшно пріѣхалъ, давши ординансъ въ полки, чтобъ наскорѣ подъ Кіевомъ стягалися, получилъ тамъ листъ отъ тоейже княгини Долской цифрами писанный, который при себѣ въ комнатѣ снальной велѣлъ миѣ перевести и тамъ передъ собою прочесть. А въ листѣ томъ просила она Мазены княгиня именемъ Станислава, чтобъ дѣло намѣренное зачиналъ, надеженъ будучи скорого себѣ цѣлымъ войскомъ Шведскимъ съ Воляня сукъкурсу и всехъ желаній своихъ, чого тылко претендовати будетъ, неотрицательнаго исполненія, обѣщая на тое прислать ассекурацію Станислава и гваранцію короля Шведского. Слухалъ тото листу Мазена (яко видимо было) съ великимъ гнѣвомъ, а выслухавши, порвался розъяренный съ постели и началъ княгиню поносить тыми словами: «проклятая баба обезумѣла: прежде мене просила, чтобъ цар-

ское величество воспріалъ Станислава въ свою протекцію, а теперь ниное пишеть; бѣснуется тая баба, хочеть мене, пошеного и искусного штаха, обманить; на бѣду бѣ мнѣ крайнюю пошло, когда бы единой бабѣ даль прелстится; возможное ли дѣло, оставивши живое, искать мертвого и отплывши одного берега, другого не достигнуть? Станиславъ и самъ не есть надеженъ своего королевства; рѣчь посполитая раздвоенная: якій же можетъ быти фундаментъ безумныхъ тоей бабы прелестей? Состарѣлемся служачи царскому величеству и нынѣшнему и отцу и брату его величества вѣрне, не прелестили мене ани король польскій Янъ, ани ханъ Крымскій, ани Донскіе козаки; а теперь при кончинѣ вѣку моего единая баба хочеть мене обманити! «Тоевымовивши, взялъ съ рукъ моихъ оригинальное цифрное писмо и переводъ его и, велѣвши принести огню, спалилъ, а до мене обратившись реклъ: »пиши до тоей проклятой бабы цифрами, не выходя отсюда, въ тые слова:

«Прошу вашей княжкой милости оставити тую корреспонденцію, которая мене можетъ погубити и на житіи и на гонорѣ и на субстанціи. И не токмо ваша княжая милость не надѣйся, но ни помышлай о томъ, чтобъ я при старости моей вѣрность мою царскому величеству повредилъ, которую отъ молодыхъ лѣтъ моихъ доселе нерушимо сохранилъ и въ оной умрѣти желаю, не хотячи и за живота, и по смерти моей, безчестного измѣническаго пороку и имени на особу мою нанести и того ради и повторе в. к. м. прошу оставити тую корреспонденцію и болшь о томъ до мене не писать».

Такой листъ цифрами написанный велѣлъ при себѣ запечатать и взялъ до рукъ своихъ, который если до княгини Долекой одослалъ и черезъ кого (позже я и въ то время посланца того не видѣлъ), или иный рукою своею писалъ, о томъ Богу сосвѣдѣтельствующу не знаю.

Токможь отъ того времени черезъ цѣлый годъ ни единого мнѣ листу циферного о тыхъ измѣническихъ аферахъ отъ помянутой княгини до переводу не давалъ, и знатно, что для отшествія съ войсками до Саксоніи короля шведского и Станислава, оставила была тую корреспонденцію. Писала однакъ единъ листъ цифрами до его Мазены съ Львова, въ которомъ для перестороги доносила ему, что она тамъ же въ Львовѣ была у когось (того не узнаю) воспріемницею съ Борисомъ Петровичемъ Шереметомъ, а сѣдячи у столу на христиняхъ между тѣмъ же Борисомъ Петровичемъ и генераломъ Реномъ, вспомнула по случаю передъ нимъ Реномъ имя его Мазены похвалнымъ словомъ, а генералъ Рень, отвѣтуя ей, такожде похвално, будто соболѣзновалъ ему Мазенѣ тако: »пожался

Боже того доброго и разумного Ивана! онъ бѣдный не знаетъ что князь Александръ Даниловичъ яму подъ нимъ рѣетъ и хочетъ, его отстаивая, самъ въ Украинѣ быть гетманомъ; а она тому удивившись, вопрошала Бориса Петровича Шеремета, если то можетъ событися? Что будто и онъ когда подтвердилъ, рекла она: »и для чого жъ никто его съ добрыхъ пріятелей не перестережетъ?» а Борисъ Петровичъ будто отвѣщаль: »не возможно, и мы сами много тершимъ, но молчать принужденны.« Выслушавъ писма того, Мазена сказалъ: »зная самъ барзо добре, что они ио васъ думаютъ и о мнѣ: хотятъ меня укомтековать княженіемъ римскаго государства, а гетманство взять, старшину всю выбрать, города подъ свою область отобрать и воеводъ или губернаторовъ въ нихъ постановить; а когда бы спротивилися, за Волгу перегиать и своими людьми Украину осадить. Якожъ не треба о томъ много говорить, сами вы слышали, чого имѣете надѣятися, когда князь Александръ Даниловичъ, въ квартири моей въ Кіевѣ, во время бытности царского величества, до уха мнѣ говорилъ: »пора нимѣ за тѣхъ враговъ приматца.« Другое слышали вы, якъ тотъ же Александръ Даниловичъ публично о княженіе себѣ черниговское просилъ, черезъ которое стелеть и готуетъ путь до гетманства«. О чемъ и о иныхъ пространнѣ говорилъ, наипаче о обидахъ своихъ, а именно почиталь онъ Мазена за великое себѣ уничиженіе и поруганіе, что царское величество, во время пришествія своего и главной арміи своей отъ Гродни въ Кіевъ въ 1706 году, ординоваль свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича съ кавалерією къ Волини, а ему Мазенѣ съ войскомъ реименту его указаль велѣдъ за его свѣтлостію поступать и, что его свѣтлостъ повелить, исполнять. А сказываль онъ Мазена, будто тая кампанія на Волинь по отшествіи войскъ Шведскихъ оттуду во Саксоніи не потребна была, токмо будто его свѣтлостъ нарочно оную воспріаль для своего возвышенія, а его пониженія, и для показанія цѣлому свѣту, что его гетмана имѣть подъ своею коммендою, для чого онъ былъ жалостный и вмѣнялъ себѣ тое въ безчестіе, что онъ при старости лѣтъ за такъ многіе свои вѣрные службы (яко онъ сказываль) получилъ награжденіе быть подъ комендою Меншикова; наконецъ говорилъ, что не такъ бы ему жалостно было, когда бы его дано подъ коменду Шеремета, или иного яко великоименитого и отъ предковъ своихъ заслуженного человека.

Повторе вмѣняль онъ Мазена и тое себѣ въ посябаніе, поруганіе и обману, что свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ приговорилъ былъ съ нимъ отдать сестру свою въ супружество Войнаровскому, чого онъ будучи надеженъ черезъ кляка лѣтъ ожидалъ совершенства, и не старалъ

ся нигде о жену Войнаровскому, а когда предлагалъ его свѣтлости о исполненіи того приговору, то будто его свѣтлость отвѣщала ему, что уже теперь невозможно того учинить, понеже царское величество самъ хочетъ на сестрѣ его свѣтлости женитца. Кромѣ того говорилъ и о иныхъ своихъ досадахъ, наконецъ рекши: »свободи мене, Господи, отъ нхъ пановая«, велѣлъ мнѣ до княгини Долской отписать, благодарствуя ей за пріязнь и пересторогу.

А что Мазепа воспоминалъ вышеписанные свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича слова, а именно тые: »пора нынѣ за тѣхъ враговъ принатца,« то дѣлался тое такимъ образомъ: въ 1706 мѣ году, во время бытности царского величества въ Кіевѣ, просилъ Мазепа его величества къ себѣ на кушени, по которомъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ, будучи маленько шумень и силенъ, взявъ его Мазепу за руку, сѣлъ съ нимъ на лавкѣ и приклоняся къ нему, сказалъ до уха такъ голосно, что близъ предстоящая егеральная старшина и нѣкоторые полковники могли слышать тые слова: »Гетманъ Иванъ Степановичъ, пора нынѣ принатца за тѣхъ враговъ,« а егеральная старшина и полковники, слыша то и видя, что тайно съ собою хотятъ говорить, когда начали удалятца, Мазепа, помашиемъ указавъ имъ на единомъ мѣстѣ стоять, отвѣтовалъ его свѣтлости единымъ словомъ: »не пора«, будто до уха, но нарочно голосно, въ услышаніе егеральной своей старшины и полковникамъ; а его свѣтлость на тое сказалъ: »Не можетъ быть лучшая пора, какъ нынѣ, когда здѣсь самъ есть царское величество съ главною своею армеею.« Отвѣщала Мазепа: »Опасно будетъ не сконча единой войны съ непріителемъ, другую начинать внутрию.« Наки его свѣтлость отвѣщала: »ихъ ли враговъ опасатца и щадить? какая съ нихъ полза царскому величеству? Прямо ты вѣрешь царскому величеству; но надобно тебѣ знаменіе твоей вѣрности явить и память по себѣ въ вѣчные роды оставить, чтобъ и впредь будущии государи вѣдали и имя твое блажили, што единъ такой былъ вѣрный гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа, который такую ползу государству Россійскому учинилъ.« Тѣмъ временемъ хотячи царское величество одойти до своей кватеры, всталъ съ своего мѣста и пресѣкъ тотъ дискурсъ, который съ обохъ сторонъ слышанъ былъ егеральной старшиной и полковникомъ; а Мазепа, проводивши царское величество и возвратившися съ послѣдствующими себѣ егеральною старшиною и полковники въ внутрию свою комнату, вопрошалъ ихъ: если все слышали, что свѣтлѣйшій князь говорилъ? а когда отвѣщали, что слышали, сказалъ тые слова: »всегда мнѣ тую пѣ-

сенку поють, и на Москвѣ и на всякомъ мѣстѣ; не допусти имъ токмо, Боже, то исполнить, что думаютъ.»

Преразили тые слова страхомъ сердце слышавшихъ и частое было роптаніе и переговоры между полковниками, инаиначе, что, по указу царскаго величества, безъ всякой противности, вѣрнымъ и послушливымъ сердцемъ, козаки своими оброками служатъ далекими долгими походами, съ послѣдней худобы разоряются, кровь свою проливаютъ, и на разныхъ мѣстахъ, то въ Инхлантахъ, то въ Полши, то въ Литвѣ, то въ Казанскомъ государствѣ, то въ Донскихъ городахъ, погибають и умалютца, а за тые службы, и преждіе за турецкой войны и за теперешніе не токмо жадной итъ милости, но еще и ругаютъ насъ и уничижаютъ и бездѣльцами называютъ, и вѣрной нашей службы въ полушку не ставить, а наконецъ и о погибели нашей промышляютъ.»

Зачалося потомъ дѣло фортификаціи Печерской, наступили переходы черезъ Малороссійскіе города до главной армии то рекрутовъ, то всякихъ начальныхъ особъ, то многочисленныхъ съ запасами и припасами обозовъ, а полковники съ старшиною своею часто, до гетмана приходи, жалостивъ предлагали, что привставы у того дѣла фортификаціи козаковъ палками по головамъ бьютъ, уши шинами обтирають и всякое поруганіе чинятъ, что козаки, оставивши дома свои, косовицу и живиза, поносятъ на службѣ царскаго величества тяготу днѣй и варъ, а тамъ Великороссійскіе люде дома ихъ разграбляютъ, разбирають и палятъ, жонамъ и дочкамъ ихъ извѣле чинятъ, кони, быдло и всякую худобу забирають, старшину бьютъ смертными побоями. Падъ то два полковники, Миргородскіи и Прилуцкій, яко началитїише и паче иныхъ болше до Мазепы дерзновеіе имѣвши, одозвалися съ тымъ: Миргородскій сказалъ ему Мазепѣ: «очи всѣхъ на тя уповають и не дай, Боже, на тебе смерти а мы достаемо въ такой неволи, то и кури насъ загребутъ». А Прилуцкій подтверждалъ тыми словами: якъ мы за душу Хмельницкого всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украину отъ ига Ляцкого свободилъ, такъ противнымъ способомъ и мы и дѣти наши во вѣчные роды душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ за гетманства своего по смерти своей въ такой неволи оставишь.» А когда таковыми переговорами часто ему Мазепѣ наприкралися, отказалъ имъ тыми словами: «уже я до двору царскаго величества о таковыхъ обидахъ и разореніяхъ часто и многокративъ писалъ и, если вамъ угодно, изберѣте отъ себе до царскаго величества, или ты Прилуцкій ѣдъ, а я отъ себе съ егерашою старшины пошлю съ тобою Орлика, и буду черезъ васъ до царскаго величе-

ства писать и чоломъ бить, чтобъ права и волности наши ненарушима были. «Созволили на то всѣ, и надежны были, что онъ Мазепа обѣщанное исполнитъ. Но по нѣсколикихъ дняхъ предложилъ намъ, будто онъ о той посылкѣ до царского величества говорилъ и совѣтовалъ съ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Голициномъ и будто его княжая милость ему говорилъ, что то дѣло царскому величеству не угодно будетъ, и если пошлешь, то и себѣ бѣду здѣлаешь и ихъ погубишь.

Надѣлавши фортеци Печерской, когда уже зима надходила, роспустилъ Мазепа, по указу царского величества, войско по домамъ и самъ до Батурина возвратился, гдѣ въ 1707 году получилъ онъ царскаго величества указъ ѣхать до его величества до Жолквы, куда пріѣхалъ онъ въ великій платокъ предъ свѣтлымъ Воскресеніемъ, а по недѣли Ѡмниной былъ воинскій совѣтъ, на которомъ и ему Мазепѣ велѣно быть. Не знаюжь, какое онъ тамъ мѣлъ неуконтентоване, понеже по томъ совѣту ни на обѣдъ до царского величества не пошолъ, а ни у себе ничего черезъ цѣлый день не ѣлъ, и когда мы, старшина енералия по обыкновенію въ свое время тогожь дня до его пришли, застали его велии сердитого, и ничего большъ намъ не сказалъ, кромѣ тыхъ словъ: «если бы Богу такъ вѣрнѣ и радителнѣ служилъ, получилъ быхъ наибольшое мздовозданіе, а здѣсь, хотя бѣ въ аггела премѣнился, не могъ быхъ службою и вѣрностію моею жадного получить благодарствіа.» Тое сказавши, велѣлъ намъ одойти до своихъ кватеръ. А на завтрѣе, чили въ третій день потомъ, посылалъ онъ Мазепа знатного товарища войскового Димитріа Думитрашко съ указомъ царского величества встрѣчь противъ казны, якая отъ Кіева до Жолквы провадилася, для одобранія съ тоеи же казны, чаю, 10,000 рублей, отъ его царского величества опредѣленныхъ на заплачене за кони, которые подъ драгунію за полковые денги покуплены были. Тотъ убо Думитрашко, получа указъ царского величества въ канцеляріи, принеслъ до Мазены купно съ листомъ отъ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича до Танского полковника компанійскаго, а нынѣ Кіевского, себѣ данный, который онъ Мазепа вида, удивилъся и велѣлъ ему Думитрашку, тотъ часъ ѣхать съ указомъ противъ казны, а листъ его свѣтлости оставить и предъ собою положить, который онъ по отъшествіи Думитрашка когда распечаталъ и прочиталъ, порвалъся съ мѣста отъ гнѣву для того, понеже въ томъ листѣ написанъ былъ до Танского ординасѣ, чтобъ онъ съ кватеръ своихъ, выбравши на шесть, чаю, мѣсяцей мѣсячные денги и провіанты, ишолъ немедленно съ полкомъ своимъ до его свѣтлости; и того ради разъярившися, закричалъ тако: «Если жъ мо-

жетъ быть большое поруганіе, посмѣяніе и уничиженіе моей особѣ надъ тое! По всякъ день князь Александръ Даниловичъ съ мною видится, по всякъ часъ съ мною конверсуеть, а мнѣ и единого слова о томъ не сказавши, безъ моего вѣдома и согласія ординансы до людей реинменту моего посылаетъ! И хто жъ тамъ Танскому безъ моего указа мѣсячные денги и провіанты выдасть, и якъ онъ можетъ безъ воли моей куда нибудь съ полкомъ своимъ, которому я плачу, ити, а если бъ пошолъ, то бъ я его велѣлъ якъ неа розстрѣлять. Боже мой, ты видишь мою обиду и уничиженіе!« Тѣмъ временемъ принеслъ діаволь вмѣсто себя съ Лвова езуиту Зарленского, о которомъ, когда ему Мазепѣ донесено, что стоитъ въ антикамерѣ, внезапно оставилъ гнѣвъ и радостно спросилъ: «а онъ откуда явился?» Тое сказавши, велѣлъ обозному епералному Ломѣковскому и мнѣ просить до себе того проклятого езуиту во внутренюю комнату, а намъ до кватеръ своихъ одойти. Тамъ убо на единѣ съ собою затворившися, о чомъ черезъ долгое время конферовали, самъ Богъ вѣсть, понеже онъ езуита, кроме того, что его Мазена посылалъ въ Саксонію до Станислава, болше ничего мнѣ въ Бендерѣ не объявилъ, экскузуячися присягою, на додержане секрету учиненою; однакъ я наименшой и въ тѣ пори не могъ мѣти суспиціи о Мазепиній невѣрности къ царскому величеству.

А когда его Мазепу царское величество съ Жолкви съ благословенія памяти государемъ царевичемъ отпустилъ, въ томъ пути уѣхавши онъ нѣсколько миль отъ Жолкви, просилъ его государя царевича, чтобъ передомъ ѣхалъ; а самъ съвернувши съ дороги, вступилъ до единого дворца княгини Долеской, гдѣ отъ ей присланного едного кеіендза закону тринитарского заставши, мѣлъ съ нимъ наединѣ якуюсъ конференцію, а по скончечю оной, постигъ государя царевича и континуовалъ съ нимъ прележащій путь. Но ни въ то время не было у насъ о невѣрности его Мазепы къ царскому величеству жадного подзору; мнѣніе токмо имѣли что она княгиня, требуя взаимъ денегъ, для выкупленя своихъ клейнотовъ, прислала съ прошеніемъ оныхъ, о которые предъ тымъ и словесно и черезъ писма просила.

Прибывши Мазена въ Кіевъ и выпровадивши государя царевича въ путь свой къ Сяоленску, возвратился самъ до Батурина, и тамъ нѣсколько дней переживши, воспріялъ походъ наки къ Кіеву, для докопченя фортецы Печерской, где получилъ указъ царского величества о устройеніи козаковъ, подобіемъ Слободскихъ полковъ, въ пятаки, который такъ устрашилъ и раздражилъ былъ всѣхъ полковниковъ и старшину, что цѣ-

ле отчаявшися своихъ волностей, ни о чомъ иномъ не говорили, тогмо что тотъ выборъ пятаковъ, степенъ есть до устроения въ драгуны и солдаты, для чого много ронтали и часто собиралися до обозного егерального Ломъковскаго, а наипаче повседневно до полковника Миргородскаго, у котораго и о способахъ обороны своей совѣтовали, и пакта Гадацкіе читали, якіе тотже полковникъ Миргородскій съ бібліотеки Печерской взялъ былъ, а потомъ покойнику Кочубею, въ донесеніи царскому величеству обманническо, на погибель его бѣднаго, при иныхъ ложныхъ сплетеніяхъ, объявилъ, будто тые совѣты у гетмана въ Печерскомъ бывали, и на оныхъ пакта тые Гадацкіе предъ полковниками и старшиною читывалися, а того въ самомъ дѣлѣ никогда не было, понеже оиъ Мазеца ни единого по себѣ знаменія, ни словомъ, ни дѣломъ, въ откровеніи внутреннихъ своихъ мыслей и всезлюбныхъ намѣреній, никому не являлъ, но покрывалъ оныя притворною вѣрностію; обаче, яко ничтоже есть тайно, еже не откритая, тако и мнѣ случися изслѣдовать сокровенную тую его Мазецы съ противною стороною факцію такимъ образомъ.

Въ томъ же 1707 году, сентября въ 16 день, тамъ же на службѣ царскаго величества въ Печерскомъ, писалъ я отъ Мазецы до двору его величества (не упаматаю, въ якихъ дѣлахъ) долгую экспедицію, которую писанемъ продолжилъ до ночи; а оиъ Мазеца, не терпя того продолженія, часто съ внутренней своей комнаты вопрошалъ мене, если уже скончилъ, принуждая скоро окончить и сказывая, что есть еще иное дѣло. По окончаніи убо тоей экспедиціи, запечаталъ я и положилъ оную на столъ предъ Мазецою, а оиъ, держа рукою въ маленькой обволотѣ письмо, рекъ до мене: «княгиня Долская черезъ единого Волошина прислала тое писмечко, зашивши ему въ шапку. Я знаю, что она одножь пишетъ, а чортъ ей просить о тую корреспонденцію; когдася мене тая шаленая баба погубить, и не дармо сказуютъ: у невѣсты волосъ долгій, а разумъ краткій. Возможно ли есть, чтобъ она едина баба дурнымъ своимъ разумомъ мене обманала!» То рекше, далъ мнѣ тое писмечко, и велѣлъ распечатать и прочесть. А я, приступя до свѣчки, которая была умбракуломъ отъ очей его Мазецы заслонена, распечаталъ обволоту и вынулъ съ ней письмо цифрами писаное отъ княгини Долской, въ которомъ былъ заключенный маленьки листокъ подъ печатью особоною, о якомъ я надѣяся, что такожде отъ княгини и не смотря на печать, распечаталъ, и увидѣлъ въ серединѣ при печати подпись Stanisław Krol, о чомъ я не скажу ему Мазецъ, прочесть самъ первѣе съ разсужденіемъ тогъ ли-

стокъ; а когда Мазена видѣлъ, что я молчу и голосно ему не читаю циферного писма, сказалъ: »для чого ты долго медлишь и не читаешь? ты обькль тые писма, до якихъ имѣешь у себе циферные ключи, и безъ переводу читать.« Отвѣщаль я на тое: прочитаю я на потымъ и безъ ключа циферное княгини писмо, но есть здѣсь листокъ отъ Станислава, до которого не надобно ключа. »Что онъ услышавъ, сказалъ: то не возможно.« Реклъ я ему: »возможно, понеже есть и подпись имени его и печать.« Велѣлъ онъ прето дати къ себѣ тотъ листокъ, который когда взялъ, увидѣлъ и прочиталъ, ужаснулся, и отъ страху съ рукъ на столъ упустилъ, рекши тые слова: »о проклятая баба, погубишь мене!« И долго сидѣлъ молча и думая, а потомъ допросилъ мене: »что мнѣ дѣлать съ тымъ писмомъ, посылать ли его до царского величества, или удержать?« Отвѣщаль я ему: »самъ, ваша велможность, изволишь разсудить высокимъ своимъ разумомъ, что надобно посылать, чимъ самымъ и вѣрность свою непоколебимую явишь и большую милость у царского величества понцешь.« А тое я ему мовилъ, не помышляя о его измѣнѣ. Замолчалъ онъ на тое, и долго молча думалъ; потомъ велѣлъ мнѣ читать листъ циферный отъ княгини Долской, въ которомъ она извѣщала ему Мазенѣ, что ксиондзь Тринитаръ, посланный отъ ей до двору Станислава въ Саксонію, выѣхалъ оттуль тогожь самого дня, якогъ войска Шведскіе къ Полци рушали, и повернулся уже съ тымъ писмомъ, якое до его отъ Станислава прислала, и съ словесною информациєю, чтобъ намѣренное дѣло зачиналъ, пока войска Шведскіе зближатея къ границамъ украинскимъ; а привезлъ съ собою и трактатъ въ 12 пунктахъ для его Мазены, и цѣлого Войска Запорожского, по которой абы онъ вѣрного кого до ей прислалъ, просила о тое. Когда я тое писмо прочелъ, припомянулъ себѣ, что тотъ, а не иншій ксиондзь Тринитаръ, съ которымъ онъ Мазена, ѣдучи съ Жолкви, видѣлся и конферовалъ въ дворцѣ княгини Долской, и въ тое уже время совершенно я порозумѣлъ, что онъ Мазена думаетъ лукавое о измѣнѣ. По прочитаню того писма, велѣлъ мнѣ оное передъ собою спалить, а самъ молчалъ долго и думалъ; потомъ сказалъ: »съ умомъ боруся, посылать ли тое писмо до царского величества, или удержать? о чомъ утро посоветуемъ, а теперъ одийди до своей кватери, и молися Богу, да якоже хочетъ, устроить вещь: можетъ твоя молитва быть пріятнѣйшая, нежели моя, понеже ты по христіанску живешь. Богъ Самъ вѣсть, что я не для себе чиню, но для васъ всѣхъ и жонъ и дѣтей вашихъ.« Тое рекши, отпустилъ меня поздно въ ночи. А я, пришедши до моей кватери и взявши денегъ два рубли, выйшолъ и роздалъ

оныя старцамъ и старицамъ бѣднымъ убогимъ, лежащимъ въ куцахъ на улицѣ и въ богадѣльняхъ въ Печеркомъ застающимъ, съ тымъ намѣреніемъ, чтобъ Богъ Всемогущій свободилъ мене отъ обстоимыхъ бѣдъ и отвратилъ сердце Мазепино отъ того лукавого предся взятія. Бранили мене старци и старици, по улицѣ лежащій, когда въ нощи толкалъ въ ихъ кущи, не милостини отъ мене надѣся, но паче воровства опасаяся; однакожь, слыша отъ мене не воровскіе слова, убиженны прошеніемъ отворять дверци, и пріймали подаемую себѣ милостиню. Нелицемернымъ духомъ и не въ похвалу себѣ тое до вашей святини пишу, но въ откровеніе на исповѣдѣ сей совѣсти моеей, что устрашамеся тоей измѣны, дабы въ ней зъ жоною и съ дѣтми не пропасть и не хотѣлемъ къ ней сердца моего прекланять. Но врагъ сіе сотвори, что прелщенный въ боязни согрѣшихъ.

По прешедшей той ноци сентября въ 17 день, прійшошь я до Мазены призванный рано, и засталъ его съядчого въ концѣ стола, а предъ нимъ крестъ съ животворящимъ дровомъ лежачій, и когда я ему Мазепѣ предсталъ, началъ онъ до мене тими говоритъ словами:

«До сего часу не смѣлъ я тебѣ прежде времени намѣренія моего и тайны тоей объявлять, якая тебѣ вчера съ случаю открылася, не для того, чтобъ я о твоей къ себѣ вѣрности имѣлъ якое подозрѣніе, понеже никогда не могу такой быть о твоей почтливости опини, дабы ты за толикую мою къ тебѣ милость, любовь и благодѣяніе, неблагодарствіемъ мнѣ платилъ и предателемъ моимъ былъ; но разсуждая, что ты хотя человекъ разумный и совѣсти не подозрѣнной, однакъ еще молодой, и несовершенную въ таковыхъ циркумстанціяхъ имѣешь експеріенцію, опасаемся, дабы ты и съ Великороссійскими и съ нашими всякого чина людьми конверсуючи, или съ конфіденціи или съ неосторожности не вымолвилъся предъ кимъ съ тымъ секретомъ, и тымъ самымъ мене и себе не погубилъ. А понеже теперъ предъ тобою не могло то утантися, прето предъ Всевѣдущимъ Богомъ протестуюся и на томъ присягаю, что я не для приватной моеей ползы, не для вышнихъ гоноровъ, не для большаго обогащенія, а ни для иныхъ яковыхъ нибудъ прихотей, но для васъ всѣхъ, подъ властію и реинментомъ моимъ застающихъ, для жопъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моеей отчизны бѣдной Украины, всего войска Запорожскаго и народу Малороссійскаго, и для подвышшеня и разширеня правъ и волностей войсковыхъ, хочу тое при помощи Божой чинити, чтобъ вы, зъ жонами и дѣтми, и отчизна съ войскомъ Запорожскимъ такъ отъ Московской, якъ и отъ Шведской стороны, не погибли.

А если бымъ для якихъ нибудь частныхъ моихъ прихотей тое дерзаль чинить, побой мене, Боже, въ Троицы святой единый и невинная страсть Христова, на души и на тѣлѣ. «То рекши поцѣловаль крестъ съ животворящимъ древомъ предъ собою лежащій. А до мене обратившись, рекль тые слова: »Держу я о тебѣ крѣпко и надѣюсь, что а ни совѣсть твоя, а ни цюта, а ни почтивость, ни врожоная кровь шляхецкая, не допуститъ тебѣ, абысь мене наша и благодѣтеля своего зврадилъ, однакожь для лучшей конфиденци, чтобъ я о твоей вѣрности наименшого не мѣлъ сумнѣня, якъ я присягнулъ, такъ и ты присягни мнѣ предъ тымъ же распятымъ на животворящемъ дрѣвѣ Христомъ, что мнѣ додержишь вѣрности своей и секрету.»

Въ чомъ я указъ его Мазены исполня, якъ мнѣ изъ устъ своихъ говорилъ, такъ я, словамъ его послѣдуя, присягль и крестъ святой въ рукахъ его поцѣловаль.

По совершении присяги, дерзнулъ я сказать ему Мазенѣ тое: »съ самой присяги вижу усердную велможности вашей ревность и отческое о отчизнѣ своей и о всѣхъ насъ промышленіе и попеченіе, но хто можетъ судьбы Божіи изслѣдовать, якій онъ настоящей войнѣ предѣль положилъ и при комъ будетъ викторія? если при Шведахъ, то велможность ваша и мы всѣ щасливчи; а если при царскомъ величествѣ, то и мы пропадемъ и народъ погубимъ.« Отвѣщаль мнѣ Мазена на тое: »айца курницу учать! азбо жъ я дуракъ, прежде времени отступать, пока не увижу крайней нужды, когда царское величество не доволенъ будетъ, не токмо Украины, но и государства своего, отъ потенціи Шведской оборонить; уже я въ Жолквѣ предлагаль царскому величеству, что если король Шведскій и Станиславъ съ войски своими раздѣляцца, и первый пойдетъ въ государство Московское, а другой въ Украину, то мы войскомъ нашимъ безсилнымъ, частыми походами и войною зруйнованнымъ и умаленнымъ, не можемъ оборонитца отъ войскъ Шведскихъ и Польскихъ, и того ради просилъ я царского величества, тамъ же въ Жолквѣ, чтобъ принамити намъ 10,000 отъ войскъ своихъ регулярныхъ въ суккурсъ изволилъ дать, а его величество мнѣ отказаль: »не токмо 10,000, но ни десять челоуѣка не могу дать; якъ можете, сами боронитесь.« И тое мене принудило посылать того ксендза тринитара, капеляна княгини Долской (а о езуитѣ Заленскомъ ани непомянулъ) до Саксоніи, чтобъ тамъ, вида якую колвекъ мою къ себѣ виклициацию, но неприятели съ нами не отступали, и огнемъ и мечемъ бѣдной Украины не зносили; однако вѣрность мою къ царскому величеству поти буду неперемѣнно продолжать.

пока не увижу, съ якою потенціею Станиславъ къ границамъ Украинскимъ прійдетъ и якіе будутъ войскъ Шведскихъ въ государствѣ Московскомъ прогресса; и если не сила наша будетъ боронить Украины и себе, то для чого жъ имѣемъ сами въ погибель дѣсти и отчизну погубляти? и самъ Богъ и цѣлый свѣтъ будетъ видѣти, что по нуждѣ тое учинилисмо мы и, яко волный незавоеванный народъ, старалисмося о способѣ цѣлости нашей, а безъ крайней и послѣдней нужды не премѣню я вѣрности моей къ царскому величеству. И для того заблагоразсудилъ писать къ царскому величеству и послать тотъ Станиславовъ листокъ до мене писанный въ объявленіе его величеству моей вѣрности, о чемъ ты заразъ, не отходя отсюда, напиши такъ до царского величества, яко и до Гаврила Ивановича Головкина, и въ его листѣ заключимъ тотъ листокъ Станислава въ донесеніе царскому величеству. И тогожъ времени информовалъ мене онъ Мазеца, якъ мѣю обадва тые листа къ его царскому величеству, и до сятельнѣйшаго графа его милости Гаврила Ивановича Головкина, писалъ, которые когда я по его информации написалъ и запечаталъ, взялъ онъ тѣ писма до рукъ своихъ, сказывая мнѣ, что яже матка его игуменія Печерская мѣетъ у себе вѣрнаго слугу и отчасти сродственнаго, черезъ котораго обѣщала послать тѣ писма до Войнаровского, чтобъ онъ руками своими отдалъ царскому величеству и графу его милости Гаврилу Ивановичу. Але онъ Мазеца обманнлъ мене въ томъ и, не посылая тыхъ писемъ съ листомъ Станислава, у себе удержалъ, опасаяся, чаю, чтобъ я его не предалъ, имѣя въ рукахъ своихъ документъ, и уже когда мы были на сторонѣ Шведской, отдалъ мнѣ тѣ писма запечатанные, рекши, чаю, ложитъ тѣ слова: «я тебѣ до сихъ часъ забылъ сказать о тыхъ писмахъ, что госпожа добродѣйка матка не послала оныхъ до Войнаровского, но удержала у себе, и передъ кончиною своею вручила внучцѣ своей, а моей племянницѣ панцѣ Маріаннѣ, и велѣла ей отдать мнѣ по смерти своей и тое сказать, что она госпожа матка просила единой по Божѣ живучой черниці о молитвы до Господа Бога, дабы онъ самъ управилъ тое дѣло, если надобно посылать или удержать тые писма; и будто тая черница имѣла якоесь откровеніе, что если тѣ писма до царского величества пошлются, то гетманъ погибнетъ.

Писма тые съ тремя грамотами царского величества, въ дѣлѣ Кочубея и Искри писанными, вложили я до шкатулки, гдѣ были клейноты жоны моей и килка тысячей червонныхъ, якою шкатулку единую тылко по баталіи Полтавской до карету своей жона моя вставила, и черезъ Дитиръ въ одной токмо сукнѣ зъ дѣтми переправилася, а всѣ мои

животы въ 30 возахъ съ сѣбромъ и съ гроши надъ Дибромъ пропали, и тымъ способомъ писма помянутые у мене остались, съ которыхъ одно до царского величества писаное, съ листкомъ прелестнымъ Станислава, до рукъ вашей святости посылаю ⁽¹⁾, дабы ваша святость вѣдалъ, что черезъ инструментъ того листка отворилася мнѣ сокровенная тайна факцій и конителленціи Мазепиной съ противною стороною, а кромѣ того листка, ни единого я писма отъ Станислава у его Мазепы не видѣлъ, и не вѣдалъ, если оны съ нимъ имѣють корреспонденцію; и уже въ Бендерѣ, по смерти Мазепиной, явился двѣ писмѣ отъ Станислава, которые Иванъ Максимовичъ, писарь мой преждній егеральный, усмотривши у Войнаровского въ квартири его гдѣсь лежачіе, тайно взялъ и мнѣ объявилъ.

На завтрѣ убо по написанію предвспомянутой до двору царского величества о томъ Станиславовомъ писмечку экспедиціи, то есть сентемврія 18 день, велѣлъ мнѣ Мазепа отписать до Станислава цифрами тыми, которыми съ княгиніею Долскою корреспондовалъ, а въ писмѣ томъ объявлялъ оны Мазепа Станиславу, что указу его не можетъ исполнить и жадного дѣла не смѣеть начинать съ тыхъ радій: первая, что Кіевъ и иные фортецы въ Украинѣ великими гваризонами осажены, подъ которыми козаки, якъ перепелица подъ ястребомъ, не могутъ головы поднести, а въ подтверженіе того припоминалъ оны Мазепа, якъ за гетмана Брюховецкого гваризоны Великороссійскіе, выбѣгая съ фортець, окрестные города и села огнемъ и мечемъ руйновали. Другая, что потенція вся царского величества въ Полци не въ такъ далекомъ разстояніи отъ Украины, якъ войска Шведскіе застають. Третья, что въ Украинѣ и начальные и подначальные, и духовныи и мірскіи, якъ розные колеса, не въ единомыслномъ суть согласіи, и едни благоволятъ въ протекціи Московской, другіи склонныи суть до протекціи Турецкой, третіи смакують себѣ побратимство Татарское, чинячи тое зъ врожоной къ Полякамъ антипатіи. Четвертая, что Самуель съ прочими полковниками, старшиною и козаками, по недавнихъ бунтахъ въ сегобочной Украинѣ, опасаяся отъ войскъ Полскихъ отищенія, не лавно преклонитися могутъ до Рѣчи Посполитой, и того ради надобно перши старатца войско и цѣлый народъ до единомыслія припривадять, по обонмъ сторонамъ Дибра въ Украинѣ. Пятая, что на килка тысячей войска Великороссійского регулярного и добре езерцитованого и мундеровваго, всегда при боку своемъ оны Ма-

⁽¹⁾ Упомянутыя письма Мазепы и Станислава Лещинскаго помѣщены дальше. *Ред.*

зена писать, которое бодримъ окомъ смотреть на всякіе его поступки и всякое противное начинаніе довольно есть пресѣкти. Шестое, что Рѣчь Посполитая есть еще раздвоеная и съ собою несогласная. Обѣщаль однако онъ Мазена ни въ чомъ интересомъ его Станислава и войскомъ Шведскимъ не шкодить, но всячески отъ того оберегати, и просилъ, чтобъ Станиславъ прежде старался Рѣчь Посполитую соединить, которая бы единогласно узнала его за пана и короля своего.

А до книгини Долской такожде велѣлъ писать, чтобъ она трактатъ той, о якомъ ознакомила, у себе удержала, а листъ отъ его писанный до Станислава екенедіовала и для переводу оного ключъ отъ себе циферный послала.

Здѣ убо вашей святынѣ подь совѣтію объявляю, что болшь я писемъ отъ Мазены предъ отшествіемъ его въ противную сторону никогда до Станислава не писалъ, кромѣ того единого вышепомянутого, а другого съ Ромна, когда уже мы были при Шведахъ, которые на сегобочной Украинѣ перенято, и не знаю до сихъ временъ, если онъ самъ Мазена собственною своею рукою когда нябудь до тогожъ Станислава писалъ.

Въ томъ же 1707 году, по совершеніи фортецы Печерской, роснутивши Мазена войско ренменту своего по домамъ, отѣхалъ и самъ въ послѣднихъ числахъ мѣсяца ноявря до Батурина, куда въ самый праздникъ Рождества Христова на другій день принеслъ діаволь по командѣ езуиту Заленского, который пѣлудчи просто до Батурина, сталъ за двѣ мили въ селѣ Оленовцѣ, и нависалъ оттуль листъ до Мазены, даючи знать о своемъ прѣздѣ и просачи указу, гдѣ мѣсть стать. Поалтеровался тымъ листомъ Мазена, и призвавши мене предъ себе, сказалъ тие слова: «признаюся тебѣ теперь, что я зъ Жолкии посылалъ ксендза Заленского до Саксоніи для провѣдованія, якъ скоро оттуль войска Шведскіе рушать, которого чортъ сюда принеслъ, и чекзеть въ Оленовцѣ отъ мене на указъ, гдѣ мѣсть стать; и если онъ сюда прѣдетъ, то въ явный мене велмъ подастъ подозрѣ.» Тое сказавши, велѣлъ мнѣ зразу до Оленовки ѣхать и выговорить ему Заленскому, что подь сее время не надобно было ему такъ далеко до Батурина трудитца, но паче надлежало съ Впичниці о своемъ поворотѣ съ Саксоніи извѣстити и о повѣреннмъ себѣ дѣлѣ выписать реляцію, а не самому ѣхать для вознищенія въ сердцахъ подозрнхъ противного о своемъ прѣздѣ мѣтня; и приказалъ мнѣ его Заленского въ Бахмачъ до дворца своего запровождать. А когда и по указу Мазены до Оленовки прѣхалъ, и все то Заленскому выговорилъ, удивилса онъ, что о томъ секретѣ уже знаю, о якомъ ни единый духъ, ни же

самъ Войнаровскій прежде сего вѣдалъ, яко ему въ Жолквѣ Мазепа сказывалъ. Потомъ причину своего прїѣзду донеслъ мнѣ, что онъ, вѣдая о зѣздѣ въ дни сіе празничные полковниковъ и старшинъ съ повѣншованиемъ гетмана нарочно на тотъ зѣздъ до Батурина поспѣшалъ, дабы могль унѣверсалъ Станислава до цѣлой Украйны выданный, а чрезъ его присланный, всѣмъ объявить и словесно всякими волноостями и королевскимъ особливимъ призрѣніемъ и милостию ассекуровать. Выслухавши я тоей реляціи, взялъ его Заленского зъ Оленовки и запровадилъ въ Бахмачъ до дворца, откуда, по указу Мазепы, два разы тогожь Заленского до его на Гончаровку привозилъ, разъ для авдиенціи, а другіи разъ для абшейту; при которой своей авдиенціи отдалъ Заленскій Мазепѣ унѣверсалъ Станислава до цѣлой Украйны, въ якомъ онъ мужество, храбрость и отваги Войска Запорожского похвалялъ, разширеніемъ и примноженіемъ правъ и волноостей обнадеживалъ и отческимъ сердцемъ подъ свою протекцію цѣлый народъ пригорнуть обещалъ и возбуждалъ, дабы всѣ до его, яко до ласкаваго на себе отца и дѣдичнаго пана своего, прибѣгали, подъ головою предостойнѣйшого вожда своего и о изверженіи съ шен своей ига Моськовского старались, при скорой необходимости войскъ шведскихъ и польскихъ помощи. По отдаю до рукъ Мазепы того унѣверсалу, чинилъ онъ Заленскій реляцію о войскахъ шведскихъ, якъ великіе и мундеровные и что король шведскій одною стороною отъ Литвы намѣриваетъ ити на Москву, а Станиславъ зъ другой стороны отъ Полци подъ Кіевъ, съ которымъ будто мѣла и Орда, черезъ посланника Турецкого въ помощь декларованая, лучитися. Листу жадного приватного отъ Станислава онъ Заленскій не мѣлъ, и Мазепа, когда его отпущалъ, ничего до Станислава не писалъ, токмо велѣлъ ему Заленскому въ Винницѣ necessarily зоставать до далшой вѣдомости. И тотъ то единый токмо былъ пунктъ праведный о Заленскомъ въ донесеніи покойника Качубея, въ прочіихъ же едино было сплетеніе или мнѣніе безъ всякихъ доводовъ.

По отѣздѣ езуиты того Заленского, разсуждалъ я всегда въ умѣ моемъ, что тая Мазепы съ противною стороною корреспонденція на крайнюю когдася мене наразить погибель, если царское величество съ подлинныхъ документовъ довѣдается. И того ради всегда сиѣдалемъся внутреню боязнію, страхомъ и скорбію, а смотря на жону и дѣти мои, по всякъ день часто въздыхалемъ, чтобъ съ собою и ихъ не погубить, и когда колвекъ жона моя вопрошала мене о причинѣ такъ частого и тяжкого въздыханія, отвѣтовалемъ ей, что грѣхъ моихъ ради, которыми Бога Создателя моего прогнѣвимъ, съ жалю въздыхаю. Не вѣрила тому жона

моя и всегда мене и любовію и прошеніемъ своимъ до объявленія себѣ скорби моея убиждала, однакъ обязанный будучи присягою никогда предъ нею, съ тымъ секретомъ, не выдадемся, ажъ до самого того дня, яко Мазеца до Шведовъ съ Батурина выѣзджалъ, въ который объявильемъ я ей, для чого я такъ часто въздыхалъ и въ якую теперъ сторону идемъ, рекши ей наконецъ тые слова о Мазецѣ: »и самъ згинеть, и насъ погубить:« что и исполнилося. А между тою моею предъ воспоминаutoю болзнію и скорбію разсуждаемъ еще и тое, что онъ Мазеца, не мѣючи о той своей факціи жаднаго согласія съ старшиною енеральною и полковниками, не можетъ самъ безъ нихъ и безъ войска единоею своею головою явственно царскому величеству измѣнить, токмо и противную сторону склонностію своею летить, и царскому величеству вѣрность свою являеть, метаяся на обѣ стороны для охраненія Украины.

Вскоре по отъздѣ того Заленского, въ новомъ уже 1708 году въ первыхъ числѣхъ мѣсяца февруарія, воспріялъ Мазеца, по указу царского величества, военный походъ до Бѣлой Церкви, въ которомъ получилъ онъ перестрогу отъ Кочубею съ пунктами отъ его черезъ полковника Ахтирского до двору царского величества посланными, между якими былъ особый пунктъ о Заленскомъ, который барзій еще мене утрашилъ, и отъ того времени началъ былъ я думать о способахъ салвованя себе отъ предлежащихъ бѣдъ, но отвсюду одержимъ былемъ стужающими умъ мой мыслами, повеже когда я помышлялъ въ подтверженіе покойника Кочубея донесеня черезъ кого нибудь царское величество перестеречь. съ одной стороны утрашала мене жаднаго въ рукахъ на писмѣ доводу не имѣющаго великороссійское жестокое и въ цѣломъ свѣтѣ необычное право, черезъ которое многіи невинныи часто погибають, а именно »доводчику первыи кнутъ.« А до того и самъ мене Мазеца многажды тыми упоминалъ словами: »смотри, Орликъ, чтобъ еси мнѣ додержалъ вѣрности; вѣдаешь ты въ якої я у царского величества милости; не замѣняютъ тамъ мене за тебе: я богатъ, а ты убогъ, а Москва гроши любить; мнѣ ничего не будетъ, а ты погибнешь.« Яко въ Бендерѣ, когда Войнаровскій, по указу его Мазецы, не токмо мене оскорблялъ, но и на житіе мое настоевалъ, а я жалостіи ему выговаривалъ: »такое ли есть за вѣрность мою награжденіе?« отказалъ онъ: »еслибъ ты мнѣ не былъ вѣренъ, то такожъ бы погиблъ, якъ и Кочубей,« и того ради принужденъ я былъ отъ него удалитца до Ясъ.

Зъ другой стороны, представляла мнѣ совѣсть христіанская присягу мою, которою на вѣрную службу ему Мазецъ единому, яко гетману и пану своему (повеже царскому величеству будучи иноземцемъ и пришельцемъ

въ Украйну, а ни на подданство, а ни на вѣрность, никогда не присягавъ,) обовязанный былемъ, и того ради почитавъ себѣ въ мысляхъ моихъ за наугубу душевную не токмо клятвенпреступникомъ, но и предателемъ пана и добродѣя своего, быть, и воздѣть ему неблагодарнымъ сердцемъ злая возъ благая, ненавѣсть за возлюбленіе и за хлѣбъ вѣдъ смертоносный.

Паконецъ, ставалъ мнѣ всегда въ мысли покойникъ Мокріевичъ, который будучи въ томъ же, въ якомъ и я былемъ, писарства егерально-го чину, у гетмана Демляна Многогрѣшнаго, чи праведно, чли неправедно, Богъ вѣсть, обвинилъ его, гетмана своего, о противные государству Россійскому съ Дорошенкомъ пересылки и согласія и предѣлъ его лестию въ ссылку въ Стѣбуръ; а якужъ наотымъ за тое шилъ честь? и уряду писарского отъ Самуїловича лишился, и зъ Украйны изгонимый былъ, и на всякомъ мѣстѣ чрезъ все житіе свое предателемъ укораемый и поносимый былъ и отъ мирскихъ и отъ духовныхъ особъ, наиваче отъ блаженнаго измяти преосвященнаго архіепископа Черніговского Лазара Барановича, который, когда колвекъ его Мокріевича въ церквѣ или на обхожденіи видѣлъ, во услышаніе вѣсть и ему самому именовалъ его Юдою, пана своего предателемъ, а сыновъ ехиднинымъ порожденіемъ, и когда ангидору ему давалъ, всегда обывкъ былъ тые мовить слова: »и Христею Юдѣ хлѣбъ далъ, и по хлѣбѣ вниде вошь сатана.«

И съ тыхъ прето мѣръ разсуждая и жестокость уложенія Великороссійского на доношниковъ узаконеннаго и душе-наугубное клятвенпреступленіе и безчестный и мнѣ и дѣтемъ моимъ предателства порокъ, болибаемся умомъ и неспокойными во всякъ день мыслями. А тѣмъ временемъ получилъ въ Бѣлой Церквѣ Мазена першъ въ собственноручномъ царского величества писмѣ, потомъ въ публичныхъ грамотахъ, милостивое егожъ величества обиадеживане, что какъ Кочубею, такъ и вирель пишмъ на непорочную его Мазены вѣрность клеветникомъ, никакая вѣра не подѣется, но вѣкъ таковой восприметь достойную казнь. Якое царского величества обиадерживане отвратило мене отъ тыхъ мыслей, а инаиче кода видѣлъ его Мазену великою боязнію одерживаго и въ словахъ кающагося того своего начиванія. По тое поканіе въ скорѣи времяшлося въ раскаяніе, понеже обозный егеральный Долѣвковскій и полковникъ Миргородскій и Прилуцкій, до которыхъ присовокунилася на потымъ и Лубенскій, видя Мазену въ боязніи и въ безбезчестствѣ, часто ему въ Бѣлой Церквѣ стужали, чтобъ и о своей и о общей вѣсть

цѣлости промышлялъ, обѣщавъ, при его достоинствѣ и при оборонѣ правъ и волюстей войсковыхъ до крове, стоять, и въ наибольшемъ нещастіи не отступать его, яко вождя и рейчентара своего, а чтобъ о постоянной плѣ къ себѣ вѣрности и доброжелательствѣ не усумнивались, прислали его о клятвенную роту, съ которой бы могли ему на вѣрность свою присягнуть, созволилъ Мазена по долгомъ себѣ о томъ стужаніи, и велѣлъ обоимъ егералному Ломѣзовскому, збыи онъ самъ такую, якая плѣ угодна будетъ, клятвенную роту написать.

Исполнилъ то е Ломѣвскій по согласію своихъ единомысленниковъ, и написаную отъ себе роту подалъ Мазенѣ, которую онъ исправивши и призвавши ихъ тамъ же въ Бѣлой Церкви предъ себе, одобравъ отъ нихъ на вѣрность къ себѣ въ избѣ своей приватно присягу съ цѣлованіемъ креста и Евангелія святаго, а потомъ и самъ на томъ же Евангеліи присягнулъ плѣ въ таковыхъ же терминахъ, якъ и предъ мною въ Печерскомъ присягалъ. И для того-то, по многократныхъ царского величества указавъ, полковника Миргородскаго Мазена подъ арештъ не бралъ, но велически его охоронялъ, понеже онъ былъ съ плѣ въ согласіи поприсяжкомъ. Я убо расуждая, что та Мазенина съ противною стороною факція можетъ по времени укѣрѣнца и свое воспріять совершенство, когда егеральная старшина и полковники почали уже приступать къ единомыслию, умыслихъ былъ оную преехать такимъ образомъ. Былъ тамъ же въ Бѣлой Церкви при канцеляріи нашей войсковой единъ поглядчій отъ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича, для наученія Малороссійскаго языка и шема дашный, которого я хотѣлъ крестнымъ цѣлованіемъ на секретъ обвязать и послать до свѣтлѣйшаго князя съ донесеніемъ тайнымъ, дабы отъ царскаго величества была якая особа знатная прислана для одобранія присяги отъ гетмана, егеральной старшины, полковниковъ и сотниковъ, понеже гетманъ, будучи оклеветанъ отъ Кочубея, въ великой боязни и отчаяніи милости монаршеской zostаетъ, а старшина егеральная и полковники часто ропщутъ за многіе обиды и нарушенія правъ и волюстей своихъ. И такимъ способомъ намѣривалъ я, безъ поврежденія совѣсти и присяги моей, и факцію Мазенину преехать и старшину всю отъ оной отвратить, по тогожь времени пришла вѣдомость, что Кочубей и Пекру безъ всякаго розыску на пытку brano, кнутовано и мучено и обѣщано ихъ прислать къ Мазенѣ для воспріятія смертной казни; якая вѣдомость мене утрашила, и того ради принужденъ я былъ оставить тое умышленіе, опасаяся такой же и на себе погибели. *Felix quem facit aliena pericula cautum.*

Объявляю тое вашей святынѣ подѣ совѣстію по самой истинѣ; а если бымъ въ томъ предѣ вашей святynieю лгалъ, да разрушить мене Богъ до конца.

Перешолъ потымъ Мазепа съ войскомъ реинменту своего съ сегобочной Украинны на тамтую сторону Дибира, где, когда получилъ вѣдомость, что король Шведскій отъ Смоленска обратился къ Украинѣ, сказалъ тые слова: «дьяволъ его сюда несетъ! все мои интереса превратить, и войска Великоросійскіе за собою внутрь Украинны впровадитъ на послѣднюю оной руїну и на нашу погибель!» — А въ томъ времени одобралъ онъ Мазепа царского величества указъ, чтобъ съ войскомъ реинменту своего шолъ въ слученеса, чаю, съ енераломъ Инфлянтномъ для паленя въ полку Стародубовскомъ некрѣпкихъ городковъ, сель, гуменъ и шлыновъ ординаваного, но онъ Мазепа иначе себѣ тотъ указъ тлумачилъ и мѣлъ, будто его къ енералу тому хотять приманить и къ рукамъ своимъ прибрать, и того ради велѣлъ Миргородскому, Прилуцкому и Лубенскому полковникамъ до обозного енеральнаго Ломѣковского собратца, до которыхъ и мене послалъ, и велѣлъ имъ предложить, если мѣють по указу царского величества въ слученеса сътымъ енераломъ итить. Отказали на тое все единогласно, чтобъ не вшолъ, и совѣтовали, дабы немедленно до короля Шведского посылалъ съ прошеніемъ о протекцію, поспѣхъ и старался съ нимъ злучится при границахъ, чтобъ не допустить войскъ Великоросійскихъ въ Украину; просили токмо его о объявленіе, чего имѣеть съ цѣлю Украиную и Войскомъ Запорожскимъ надѣятися, на якомъ фундаментѣ тую онъ махину заложилъ. Извѣщаль онъ Мазепа на тое съ гнѣвомъ тыми словами: «для чего вамъ о томъ прежде времени вѣдать? спуститесь вы на мою совѣсть и на мое подлое разумѣшко, на которомъ вы не заведетесь болшъ; я по милости Божой мѣю разумъ единъ, нижъ вы все;» и обративши до Ломѣковского сказалъ: «ты уже свой разумъ выстарѣлъ, а на мене: у того еще разумъ молодой, дитинный;» а о посылкѣ до короля Шведского отвѣтовалъ: «самъ я буду вѣдать, якого часу послать;» и съ гнѣвомъ выивавши съ шкатулы своей унѣверсалъ Станислава отъ Заенского принесенный, велѣлъ мнѣ предѣ ими прочтвать, зъ которого были контенты.

Въ скоряхъ потымъ числехъ пришолъ дворъ царского величества до Глухова при пѣхотѣ, откуда писано многократнѣ до Мазепы, чтобъ давши кому иному вѣрному коменду надѣ войскомъ, самъ прѣбжджалъ въ Глуховъ для совѣтовъ, въ такомъ состояннїи часто потребныхъ. Требовалъ онъ Мазепа и въ тѣ пори совѣту своихъ единомышленниковъ, если имѣеть

ѣхать до двору царскаго величества въ Глуховъ; но они окрикнули его, что если поѣдешь, то и себе и насъ и Украину погубишь. А тое онъ чинилъ, чаю, искушая и предлагая имъ склонность свою виѣшнюю до отъезду въ Глуховъ, а внутрѣ о томъ и не помышлялъ, понеже всегда донесене о себѣ Кочубея въ умѣ мѣючи, опасался и мнѣлъ, будто его хотять министры къ себѣ приманить и, къ рукамъ прибавши, дѣло Кочубеево отновить и розыскать, наипаче когда мѣлъ вѣдомости съ Польши, что тамъ воеда о его Мазениной съ Станиславомъ согласіи и факціяхъ прославилось и рознеслося, и того ради притворилъ онъ себѣ было болѣзнь, и оноу предъ министрами царскаго величества экскузовался. —

А когда обозный генералный Ломѣковскій и полковники помянутіи часто Мазенѣ стужали о посылкѣ до короля Шведскаго, ордировалъ мене до нихъ едного вечера, чтобъ крайнѣ постановили, если посылать или оставить тую посылку, чаю, и въ тѣ пори ихъ искушая; о чомъ когда я имъ предложилъ, отвѣщаль Ломѣковскій именемъ своимъ и прочіихъ жалѣяся на такую его Мазены опасеніе, что на многократныя ихъ предложенія и прошенія не токмо давнѣй не посылалъ и не одозвался до короля еще при границахъ, и тымъ своимъ умедленіемъ на руну и на всенародное кровопролитіе впровадилъ всѣ силы Великоросійскіе въ Украину, но и тецерь, когда уже подъ носомъ Шведы застають, невѣдомо для чого медлить. Возвратился я отъ Мазены съ тоєю отъ нихъ реляцією, которой онъ выслушавши, розгнѣвался и сказалъ: «знаю я, что не хто иншіи тое переговориваетъ, токмо тотъ чортъ лысей Ломѣковскій.» И призвавъ ихъ къ себѣ, зъ великимъ гнѣвомъ сказалъ: «вы не совѣтуете, токмо о мнѣ переговоруете; бери насъ чортъ! я, взявши зъ собою Орлика, до двору царскаго величества поеду, а вы хочъ пропадите.» Потымъ умягчившися, и оставивши гнѣвъ, вопрошалъ ихъ, если посылать до короля. Отвѣщали они: «якъ же не посылать? давно тое надлежало учинити, и тецерь не треба откладать.» — Услышавъ тое Мазена, велѣлъ того жъ часу Быстрицкого призвать, и при всѣхъ насъ присягнуть ему на секретъ, а мнѣ приказалъ написать ему инструкцію до грааа Пипера Латинскимъ діалектомъ, зъ которой учинилъ переводъ по Пѣмецку атекарь его Мазены, и сътымъ переводомъ, ни такимъ ни сякимъ безъ подпису, безъ печати и безъ жадного ни до короля, ни до Пипера писаного листу отъ себе, выправилъ назавтрѣ Быстрицкого, приавши ему за толмача едного невольника Шведскаго: а въ той инструкціи, ни подписаной рукою Мазены ни припечатаной, объявлялъ онъ Мазена великую свою радость съ пришествія королевскаго величества въ Украину, просилъ

себѣ, Войску Запорожскому и всему народу о протекцію и о освобожденіи отъ тяжкого ига Московскаго, предлагалъ великое свое небезпеченство, и также просилъ о скорое присланіе помощественнаго себѣ для обороны войска, для котораго переправы обѣщаль онъ на Деснѣ у пристанѣ Макошиной паромы мѣти въ готовности. Повернулся вскорѣ Быстрицкій съ устною реліціею, что самъ король обѣщаль до тоей пристани съ войскомъ посѣвшитъ въ придучій пятокъ, то есть 22 октовріа. На который день надѣялся и ожидалъ Мазена пришествія королевскаго, но не получилъ совершенства своей надежды. А въ 23 день того-же октовріа, въ субботу, прибытъ Войнаровскій въ Борзну до Мазены, избѣгну тайно отъ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича, и объявилъ, что его свѣтлость завтра въ недѣлю будетъ въ Борзѣ на обѣдѣ и будто онъ Войнаровскій для того, оставивши свои возы и челядь, тайно отъ его свѣтлости бѣжалъ, что нѣкій офицеръ Пьемцкой породы другому офицеру въ кватерѣ его, Войнаровскаго, тые слова говорилъ: «пожался. Боже, тыхъ людей: завтра они будутъ въ кайданѣхъ.» О чомъ если онъ Войнаровскій слышалъ, или былъ отъ Мазены для прещенія насъ такъ говорить о томъ наученій, досели не знаю. По полученію той вѣдомости о близости свѣтлѣйшаго князя и о пришествіи его свѣтлости наутрѣ въ Борзну, порвалъ я печавию Мазена, якъ въхоръ, и посѣвшилъ въ вечеръ, поздно того-жъ дня въ субботу до Батурнина, а на завтешій день въ недѣлю рано, 23 октовріа, переправившись чрезъ Сеймъ рѣку, прибылъ вечеръ до Корона, где переночовавши, рано въ понедѣльакъ 24 того-жъ переправился нагле черезъ Десну и въ ночи прибылъ до regimentу Шведскаго драгунскаго, за Орловкою въ единомъ селѣ стоячого на кватерахъ, откуль обознаго енераинаго Лемковскаго и мене выправилъ до короля, а и самъ вскорѣ туда жъ посѣвшилъ. —

А когда переправившись Мазена съ войскомъ Шведскимъ черезъ Десну, получилъ первую вѣдомость о взятіи и спаленіи Батурнина, жалосничъ былъ, и сказалъ тые слова: «злые и нещегливые наши початки! знатно, что Богъ не благословитъ моего намѣренія, а я тѣмъ же Богомъ заевдѣтельствуеюся, что не желаемъ и не хотимъ Христіанскаго королеволігія, но постановилъ былъ у себе въ намѣреніи, пришедши въ Батуринъ съ королемъ Шведскимъ, писать до Царскаго величества благодарственній за протекцію его ластъ и въ немъ вынасить все наши обиды прѣдніе и теперешніе, правъ волностей отатіе, крайнее разореніе и предуготованную всему народу пагубу, а наконецъ приложить, что мы какъ свободнѣ подъ высокодержавною царскаго величества руку для пра-

вославного Восточнаго единовѣрія приклонился, такъ, будучи свободнымъ народомъ, свободнѣ теперь отходимъ, и за протекцію царскому величеству благодарствуя, не хотимъ руки нашей на кровопролитіе Христіанское простирать, но подъ протекцію короля Шведскаго совершеннаго нашего освобожденія будемъ ожидать, которое онъ Мазепа (яко самъ сказывалъ) надѣялся не войною, но покоемъ, черезъ трактатъ получить, и будто хотѣлъ короля Шведскаго великими способами до тогожъ съ царскимъ величествомъ покою преклонить. — О безуміи! А потомъ тые слова сказалъ: »уже теперь въ нынѣшнемъ нашемъ несчастливомъ состояніи всѣ дѣла иначе пойдутъ, и Украина Батуриномъ утраченная боится будетъ одно съ нами держать. Великъ однако, по прошенію полковниковъ, універсалы свои въ города писать и выписать въ нихъ причины, для якихъ онъ, отступя отъ царскаго величества, одѣйшолю въ протекцію короля Шведскаго. А прибывши до села Бахмача, першъ самъ публично на Евангеліи святомъ присягаль предъ всіми егеральною старшиною, полковниками, сотниками и знатымъ товариствомъ, что онъ не для приватной своей пользы, но для общаго добра цѣлой отчины и Войска Запорожскаго принялъ протекцію короля Шведскаго; потомъ всемъ егеральною старшинамъ, полковникамъ и сотникамъ и всему знатному товариству казалъ присягать на вѣрность къ себѣ и патуужъ короля Швецкаго протекцію. —

А что онъ Мазепа, въ тѣхъ же своихъ універсалахъ, велѣлъ приложить, будто онъ отъ зычливыхъ себѣ съ министровъ царскаго величества пріятелей мѣлъ перестороги, тоя вашей святынѣ истинѣ подъ клятвою душевною обявляю, что жаденъ съ министровъ ани о измѣнѣ его Мазены не вѣдалъ, ани его ни въ чомъ не перестерегалъ, но такимъ образомъ тое дѣлалось, яко съ тоей реляціи выrozumѣешь ваша святыня. —

Посылалъ онъ Мазепа съ Борзны до двору царскаго величества въ Глуховъ съ писмами канцеляристу войскаго Болбота, по котораго оттуду возвращенія обявлялъ намъ всемъ, будто одинъ съ министровъ царскаго величества, а другіи съ канцеляріи ветвинныи его пріятели, черезъ того жъ канцеляристу Болбота перестерегали его Мазену, чтобъ до двору царскаго величества не вѣхалъ, но наче своей и цѣлого народа Малоросійскаго цѣлости всякую умотрилъ охорону и старался, дабы всякъ, хто что мѣгетъ, въ безопасныхъ мѣстѣхъ въ землю закопалъ, поинеже въ такомъ состояніи, не надѣясь въ Украинѣ жаднаго постоянства, царское величество намѣренъ есть и о Гетману и о всемъ народѣ вещь якуюсъ противную устроить. И будто тотъ же министеръ и нхтось зъ

канцеляріи через тогожъ канцеляристу Болбота обовязали его Мазену совѣстію, дабы о той ихъ пересторогѣ никто не вѣдалъ. Реляція тая Мазены утрашила насъ всѣхъ, который напотымъ и унѣверсалами своими велѣлъ тоежъ предъ народомъ оголосить, но солга неправду себѣ, яко мнѣ послѣжде, въ 1714 году, тая его хитрость и предѣть открылася такимъ способомъ. Когда покойникъ король Шведскій съ Турецкой земли черезъ Мултанскую путь свой до Помераніи управлялъ, а я, послѣдуя его величеству, вступилъ въ духовномъ дѣлѣ до Букурешть, — знайшолъ тамъ канцеляристу Болбота, готующагося въ монастырь на монашеское житіе, съ которымъ черезъ два дни тамъ конверсуячи и о измѣнѣ Мазены, такожде и о несчастіи нашомъ дискуруючи, воспоминаемъ между иными вещами и о той пересторогѣ, пыталемъ его: если то была правда? который подъ совѣстію объявилъ мнѣ, что Мазена, посылая его въ Глуховъ до двору царского величества самъ одинъ на одинъ, приказывалъ ему, чтобъ всячески тамъ старался довѣлатца, яко о немъ розумѣють и для чогу указы засылають, чтобы до двору ехалъ. Где онъ Болботъ, по указу Мазены, о всемъ томъ провѣдовалъ, но ничего на отъ кого противного о немъ не слышалъ о вашемъ князѣ. Григорій Федоровичъ Долгорукій истиннымъ сердцемъ чрезъ его-жъ Болбота совѣтовалъ ему Мазенѣ, чтобъ ничего не опасаяся, яко наискорѣй вѣхалъ до двору, представляя и душу и совѣсть свою въ закладъ ему въ томъ, что царское величество ни единого сумнѣнія о его вѣрности не имѣеть и не слушаетъ никого, если кто о немъ илутаетъ. Тое жъ самое и секретарь Ореховскій о неизреченной царского величества къ нему Мазенѣ сказывалъ предъ Болботомъ милости, равной или болшой еще, нежели къ князю Александру Даниловичу, и совѣтовалъ, чтобъ жители Украинскіи опасны были отъ Шведскихъ хитростей и животы свои въ землю законывали, или на пинныхъ мѣстѣхъ непроходныхъ хранили, понеже Шведы всюду цѣлостію добръ и всякихъ прибытковъ въ унѣверсалахъ своихъ народы обнадеживаютъ, а обнадеженныхъ потомъ рабують и все граблять. — По тое все Мазена иначе перевернулъ и для прелщенія першъ насъ словесно говорилъ и Болбота тое жъ сказывать присягою обовязалъ, а потомъ, для утрашенія и возмущенія народа, унѣверсалами иубликовати повелѣлъ.

Тое все отъ начала даже до конца измѣны Мазепиной праведнѣ предъ вашею сватынею, аки предъ самымъ испытующимъ сердца и утробы Богомъ, подъ тайною исповѣди изьявляю, неправду аще подрѣхъ въ сердцу моемъ, да не услышитъ мене Господь.

Розсудишь убо, ваша сватыня, съ тоей моею реляціи высокичъ сво-

имъ розумомъ, якая моя большая вина на иныхъ и естли я въ томъ прегрѣшилъ, что по случаю черезъ подосланный Станислава листокъ тайну факціи Мазепиной предъ тымъ отъ мене сокровенную изслѣдовавши и обовязаннымъ отъ его до додержаня секрету будучи, тое учинилъ, что мнѣ мой властелинъ повелѣвалъ, то я тымъ самымъ самъ единъ ему Мазепѣ не моглемъ быти оказією до измѣны, и до отшествія въ противную сторону, а ни онъ самъ Мазена дерзнулъ бы съ одноєю моею головою одѣйти, естли бы прочіи съ емеральной стороны, обозный емеральный Ломѣковский, и съ полковниковъ — Миргородскій, Прилуцкій и Лубенскій до той его факціи не присовокупилися, яко первѣйшии и начальѣйшии въ Войску Запорожскомъ особы, и за собою старшины своей съ полками своими не потягнули и тѣмъ его Мазепу въ зломъ намѣреніи не утвердили.

Вѣдаемъ я о той тайнѣ, по случаю мнѣ откровенной, принужденный былемъ указомъ и страшною Мазепы присягою, а до того и прелестми взаимнѣ присягнуть на вѣрность, не открилемъ никому тайны, сохраняя я неврежденнѣ вѣрность, яко слуга пану, яко иноземецъ и креатура своему благодѣтелю, и долженъ былемъ тое сохранить, понеже натура мнѣ тое сама съ предковъ моихъ дала не быти прилателемъ, и всякому надъ собою властелину вѣрнымъ быти; дозналъ того по мнѣ вѣчно достойныя памяти король Шведскій, для чого отъ его былемъ и почитаемый и любимый. Я убо единъ иноземецъ тайну тую вѣдалъ, и единъ я не могъ никакого вреду царскому величеству здѣлать, бо *invis-pullus*; для чого жъ прочіе Украинскіи сыны, ревностное отчизны своей нечадіе, царского величества вѣрныи съ отцевъ своихъ подданныи, тайную тую сами изслѣдовали, изслѣдовавши для чого не открили, но паче оную присягою своєю подтвердили и до крове при Мазепѣ за права и волности стоять цѣлованіемъ Евангелія святого обовязалися? Благопривѣтствую убо имъ полученной милости монаршой и не завѣдую такого щастя, токмо надъ несчастемъ своимъ уболѣваю, что я единъ одерженъ есмь отъ лица помазанника Божія, изгнаніе съ фамилією моею стражду, не имѣя града пребывающаго. Старалемъся о милосердіи царского величества черезъ святѣйшого патріарху Іеросалимского, черезъ блаженныя памяти господаря и воеводу Мултанского, Константина, черезъ Константина и Михаила Кантакузиновъ, но въ томъ моемъ стараю, суетныи мои были труды. Тенерь убо отчаявся въ людской помощи, всякія надежды единого ходатая Богу и человекомъ царя царствующихъ, Христа Господа, до Христа Господня царского величества представляю,

той за мною воиеть на крестъ: *отпусти*. Той, милосердствуя о грѣшникахъ, до милосердія возбуждаетъ сердце монаршое; будѣте милосердны, якоже и отецъ вашъ небесный милосердъ есть, той и наказуетъ и устрашаетъ: аще не отпустите челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ отъ сердце вашихъ, ниже Отець Мой, Иже есть на небесахъ, отпуститъ вамъ согрѣшенія вашихъ. Петру повелѣно до семьдесятъ брать седмидесятью отнущати согрѣшающимъ. Вѣрую, яко повелѣніе исполнитъ милосердное сердце Петрово. А вашей святости покорно прошу, аще можете, помози мнѣ по древней своей милости и отческой любви, которой себе навсегда вручаю.

1/12 Юня 1721 г.

вашой святости низжайшій слуга
Idem qui pridem.

II.

ПИСЬМО МАЗЕПЫ КЪ ПЕТРУ I, ПРИСЛАННОЕ ОРЛИКОМЪ.

(1707.)

Пресвѣтѣйшій и державнѣйшій царь государь мой всемогущейшій.

Уже то вторично постигаетъ мене искушеніе отъ Станислава Лещинскаго въ прелѣстныхъ его писмахъ. Первое зъ подъ Варшавы, когда я на службѣ вашего царскаго величества подъ Замостемъ въ 1703 году зоставалемъ (якіе писма тогдажь одослалемъ вашему царскому величеству до Гродни), а нынѣ другое въ Кіевѣ, въ подосланомъ тайно отъ его-жь Лещинскаго маленькомъ листку. Я убо, вѣрный вашего царскаго величества подданный, пребывая аки столпъ непоколебимый въ истинной моей непоручимой вѣрности, яко издревле и блаженной памяти родителя вашего царскаго величества, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, и брату вашего-жь царскаго величества, великому государю царю и великому князю Федору Алексѣевичу, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, тако и нынѣ и у вашему царскому величеству, щастливе и всемилостиво намъ государствующему

всероссійскому монарху, не восколпбаемся досели толь многими прелесныхъ вѣтровъ бурями и волнами, которые устремлялися на м не, то отъ короля Польскаго покойнаго Яна третего, то отъ хана Крымскаго Салимъ - Керея, то отъ Донскихъ козаковъ, то послѣжлы и отъ Станислава Лещинскаго; а яко прежде сего, веѣ тые лестные, прелестные и враждебные писма, являя мою тужіе непреодолѣнную всякими вражними наветы, ухищренми и взобрѣтеніями, вѣрность, посылаемъ вашему царскому величеству, тако и нынѣ послѣдній Лещинскаго листокъ, для вѣдома хитростей и прелестей его, вашему царскому величеству посылаю, и покорнѣ прошу, дабы ваше царское величество въ непремѣной своей монаршей милости и призрѣнію мене, гетмана, вѣрнаго своего подданнаго, изволилъ сохранять, его-же высокодержавную десницу съ доземнымъ поклоненіемъ лобызаю и пребываю непремѣннѣ.

Вашего царского величества вѣрній подданный,
слуга наинижайшій Ивашъ Мазепа гетманъ.

съ обозу подь Кіевомъ
Сентявріа 17-го року 1707.

III.

ПЕРЕВОДЪ ПИСЬМА ЛЕЩИНСКАГО КЪ МАЗЕПѢ (1).

По наслѣдственной нашей къ знатному народу Запорозскому благосклонности, благовременно вамъ, вельможной господинѣ гетманѣ, напоминаемъ, дабы вы веѣхъ преславныхъ и вольныхъ козаковъ предостерегли, дабы вскорѣ къ намъ, какъ къ наслѣдственному государю своему, пристушили и приходили. Такнѣ образомъ, мы моглибы упрелить опасности, которая могутъ воснослѣдовать; мы же тотъ народъ всегда готовы отечески принять и удовольствовать. 13-го августа 1707 года.

Станиславъ король (М. П.)

(1) Подлинникъ начинался такъ: Z dziedziczego naszego ku zacnemu narodowi, п. г. д.

ВАРОЛОМЕЕВІ ШЕВЧЕНКОВІ,

(на його звістку, що заспокоївъ працею свою старість).

(Вароломій Шевченко така людина, що нею можна похвалитись перед усіма земляками. Вікупивсь він із кріпацтва ще замолоду, продавши всю свою мизерію до-щенту. Зробивсь він вільнимъ и вбогимъ, мовъ той Лазарь, та й почавъ працювати веселимъ духомъ ізнову. Поборóвъ кріпацтво поборóвъ и другу невóлю — убожество. Ще жь сего máло: набравшись за свого важкого життя всякого ліха, набравсь и рóзуму не абі-якого. Вийшовъ зь його чоловікъ якъ слідъ письменний и тямущий. Спізнавшись ізъ нимъ, ми побраталсь постаросвіцькій показацькій.)

Нема въ світі, рідний брата,
Якъ своя хатина!

Поживе въ теплі, въ затишку
Вся твої родина.

А якъ ще коло хатини
Та й млинокъ на Рóсі, —

Спи собі тоді безпéчне
Підъ негоду, въ прóсі!

А прокинувшись, дивіся,
Якъ дівóра грає;

Слúхай, сёрцемъ веселіся,
Якъ стара співає.

Нехай славить диво дівне —
Красоту дівóцьку,

Щобъ згадавъ ти тёплимъ сёрцемъ
Вѣсну парубоцьку.

Нехай славить Бѣже свято —
Любощї-коханья,
Щобъ душі твоїй прислїлось
Давне жениханья.

А підъ спїви зростуть діти,
Якъ рожеві квіти.
Ви давайте їмъ науку,
Якъ у світі жити.

Въ світі жити — не тужити,
Хліба заробіти,
Не боїтись наступити
На тернові віти.

Не самі квіткі зривати
По гайхъ, по полю: —
Чѣснимъ потомъ виробляти
Цяъ неволї волю.

Працювали, добували
Хліба ви святого
За первоцвіту-коханья
Віку молодого.

На стернину и тернину
Сміливо ступали,
А квітками передъ міромъ
Голову квічали.

И слезу, и піть кривавий
Відъ людѣй таїли, —
У зневагу не давали
Молодої силї.

Ой велика сила въ сѣрці,
Що гоха́ти вміє!
И недолю, и невόлю
Вона́ подолює.

Нема́ сили въ Бóжїмъ мірі
Падъ́ святé коха́ня:
Вопó робіть пзъ невόлі
Чѣсно папу́савля.

П. Кулішъ.

**БЫЛИ ЛИ МАЛУРУССЫ ИСКОННЫМИ ОБИТАТЕЛЯМИ ПОЛЯНСКОЙ ЗЕМЛИ,
ИЛИ ПРИШЛИ ИЗЪ-ЗА КАРПАТЪ ВЪ XIV ВѢКѢ?**

«Si liceat historiam pro sua cuique
cupiditate detorquere — quid in-
tactum manebit et integrum?»

Kopitar—Hesyehii discipulus.

Эти слова покойнаго Копитара, несмотря на всю суетность ихъ по отношенію къ автору, имѣютъ полное оправданіе и въ нашей современной исторической наукѣ: стоить только вспомнить, какъ г. Соловьевъ, положивъ въ основу своей исторической системы идею о государственномъ нарядѣ, засудилъ все козачество, видя въ немъ только броженіе противугосударственнаго элемента; какъ г. Погодинъ, въ древней русской исторіи норманскаго періода, искалъ оправданія и поддержки своимъ политическимъ идеямъ, навѣяннымъ событіями послѣдней войны, и, по этому поводу, создалъ теорію, по которой истинною *столицею русской исторіи*, въ первыя 200 лѣтъ по основаніи государства, является *Константинополь*; о мнѣніяхъ нѣкоторыхъ польскихъ публицистовъ и историковъ—и говорить нечего: они хорошо извѣстны читателямъ «Основы»... Но добро бы политическія и религіозныя убѣжденія, всегда имѣющія живой страстный характеръ, добро бы они одни приводили историковъ къ неумышленному искаженію истины; нѣтъ: —наклонность вымучивать у исторіи желанныя отвѣты встрѣчается часто тамъ, гдѣ нѣтъ ни пристрастія, ни антипатіи,—въ такихъ мирныхъ уголкахъ науки, какъ напр. вопросъ о древнемъ отечествѣ южнорусскаго племени. Только увлеченіемъ собственною мыслию историка можно объяснить такое явленіе; но излишняя любовь къ собственной мысли, какъ она ни дорога у историка, для исторической истины вещь не безопасная, такъ—какъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ ея бываетъ ложное пониманіе дѣла. Это, дѣйствительно, мы и находимъ въ вопросѣ о древнѣйшемъ отечествѣ Малоруссовъ.

Общее мнѣніе объ этомъ предметѣ таково, что малоруссы суть исконные—мы разумѣемъ это слово въ чисто-историческомъ его значеніи—обитатели днѣпровскаго бассейна; но существуетъ и иное мнѣніе, по которому они являются довольно поздними колонистами этого края. Никто яенѣ и рѣзче г. Погодина не выразилъ этого мнѣнія; мы и обратимся только къ нему одному и разберемъ подробно его историческія доказательства.

Въ своей «запискѣ о русскомъ языкѣ» помѣщенной въ «извѣстіяхъ Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности» г. Погодинъ, путемъ чистыхъ логическихъ заключеній, пришелъ къ выводамъ, совершенно новымъ въ исторической наукѣ;—вотъ главнѣйшіе изъ нихъ:

1-ое. Наши южныя лѣтописи писаны на такъ-называемомъ языкѣ церковно-славянскомъ и, такъ-какъ они не заключаютъ въ себѣ ничего непонятнаго для русскаго, то должно признать, что *церковно-славянскій и русскій языки въ-сущности одинъ и тотъ же языкъ.*

2-ое. Въ языкѣ южныхъ нашихъ лѣтописей нигдѣ не видно присутствія малорусскаго элемента: если бы онъ былъ, то многое въ нихъ было бы непонятно великоруссу, потому что не могли лѣтописцы писать совершенно чистымъ церковно-славянскимъ языкомъ: они, хоть ненарокомъ, должны были обмолвиться и сдѣлать уступки въ пользу роднаго нарѣчія; такихъ уступокъ нигдѣ не замѣтно въ лѣтописяхъ: въ нихъ все не только понятно великоруссу, но и принадлежитъ ему, какъ его кровная собственность; потому должно признать, что южныя лѣтописи (а равно и другія произведенія южно-русской письменности до татарскаго періода) *писаны великоруссами.*

3-е. Изъ предыдущихъ положеній уже нѣкоторымъ образомъ слѣдуетъ, что и *обитателями южной Руси въ кievскій періодъ — должны были быть великоруссы...* Это находитъ рѣшительное подтвержденіе а) въ тѣхъ характерахъ (типахъ), какіе намъ рисуютъ лѣтописи и другіе памятники письменности той эпохи: всѣ эти характеры не имѣютъ въ себѣ ничего малорусскаго, а — напротивъ все—великорусское; б) въ полномъ отсутствіи у малоруссовъ кievскаго богатырскаго эпоса и поэтическихъ преданій о кн. Владимірѣ—красномъ солнышкѣ: и то и другое есть *исключительное* достояніе великоруссовъ.

4-ое. Если великоруссы были древнѣйшими обитателями полян-

ской земли, то гдѣ же были въ то время малоруссы, откуда, когда и по какому поводу пришли они въ нынѣшнее свое отечество? *Татарскій погромъ отътѣснилъ великоруссовъ съ юга на сѣверъ; пустыя и брошенныя ими земли, по прекращеніи татарскихъ ужасовъ—были заняты малоруссами, которые выселились туда изъ-за Карпатъ—своей прародины. Случилось это въ XIV вѣкъ.* Положеніе это находить оправданіе и въ языкѣ памятниковъ письменности, гдѣ *только* съ XIV вѣка появляются, по мнѣнію г. Срезневскаго, а за нимъ и г. Лавровскаго, настоящіе признаки малорусскаго языка, до того времени нигдѣ и ничѣмъ себя не обнаружившіе.

Вотъ главныя положенія г. Погодина. Въ настоящую минуту мы не имѣемъ подъ руками его «Записки», а потому и не могли придерживаться его собственныхъ словъ; мы изложили только его мысли и, кажется, не опустили ничего существеннаго, не искажали ихъ лишнею прибавкою чего—либо посторонняго.

Вся система имѣть видъ стройной логической постройки—и съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ полнаго вниманія, но, къ—счастью или сожальнію, для исторической истины недостаточно однихъ логическихъ основаній: нужны достовѣрныя данныя и правильное ихъ пониманіе. Съ этой стороны мы и хотимъ взглянуть на систему г. Погодина. О логической застройкѣ собственно и говорить нечего:—если въ основаніи лежитъ ложная мысль, то, само—собою разумѣется, и дальнѣйшія послылки и заключеніе—также будутъ ложныя.

На первомъ пунктѣ—о тождествѣ церковно—славянскаго языка съ русскимъ—мы не остановимся долго: есть вопросы въ наукѣ, которые рѣшаются однажды навсегда; послѣдующіе успѣхи въ наукѣ, каковы бы они ни были—могутъ расширить это рѣшеніе, углубить его частностями и подробностями, но не измѣнить его въ основѣ;—потому, порѣшивъ разъ, уже никто болѣе не возвращается къ такимъ вопросамъ. Таковъ, по нашему понятію, и вопросъ объ этнографическомъ, если можно такъ выразиться, различіи языка церковно—славянскаго отъ русскаго. Въ славянской лингвистикѣ—это давно признанный фактъ, стоящій внѣ всякихъ сомнѣній; но если не важно опроверженіе основной мысли г. Погодина, то въ настоящемъ случаѣ для насъ очень важна *причина* этой мысли,—то, почему онъ пришелъ къ ней... Не на строгомъ сравнительно—историческомъ разборѣ звуковъ и грамматическихъ формъ обоихъ языковъ—основалъ онъ

свое мнѣніе, а на простомъ явленіи, что въ южныхъ лѣтописяхъ нашихъ, писанныхъ, по его мнѣнію, на языкѣ церковно-славянскомъ — нѣтъ ничего непонятнаго для русскаго. Очевидно, что здѣсь опущена изъ виду древнѣйшая близость всѣхъ славянскихъ нарѣчій вообще, и еще большая близость юго-восточной вѣтви этихъ нарѣчій: и въ древнѣйшихъ юго-славянскихъ рукописяхъ глагольскаго и кирилловскаго изводовъ также нѣтъ ничего особенно непонятнаго для русскаго (а тѣмъ болѣе для русскаго *ученаго*, знакомаго съ древнимъ языкомъ *ex ipso fonte*), но кто скажетъ, что всѣ эти памятники писаны на языкѣ русскомъ? Отсюда видно, что не только мысль г. Погодина, но прежде всего самое ея *основаніе* несправедливо и несостоятельно въ ученомъ отношеніи, потому что *совершенно оставлена безъ вниманія историческая сторона вопроса*. Тотъ же роковой недостатокъ находимъ мы и во *сторонѣ* положеніи г. Погодина. Говоря о томъ, что въ языкѣ южныхъ лѣтописей нѣтъ до XIV в. присутствія малорусскаго элемента, онъ отправляется отъ современнаго южнорусскаго языка, какъ будто эта позднѣйшая форма южнорусской рѣчи есть та идеальная мѣра, по которой можно мѣрять все историческое развитіе языка! Это все равно, если бы кто сказалъ, что въ языкѣ новгородскихъ лѣтописей не видно присутствія русскаго элемента, потому что современный русскій языкъ далеко не похожъ на лѣтописный новгородскій!—Потому и попытка г. Погодина доказать это положеніе выборкой словъ и выраженій изъ лѣтописей не имѣла успѣха: «Филологическія Письма» г. Максимовича ясно показали, что эти выраженія на столько же русскія, на сколько и малороссійскія, а вслѣдъ затѣмъ и г. Лавровскій прямо объявилъ, что со стороны лексической этотъ вопросъ и рѣшать нельзя. Значитъ, и въ этомъ случаѣ—г. Погодинъ примѣнялъ современное къ старинѣ и тѣмъ отступилъ отъ основнаго закона историческаго изслѣдованія, запрещающаго мѣрять старину аршиномъ новѣйшаго издѣлья. Такъ, какъ г. Погодинъ не входитъ въ сравнительно историческій разборъ звуковъ и грамматическихъ формъ южнорусскаго языка, то и мы оставимъ, до поры до времени, вопросъ о присутствіи малорусскаго элемента въ русской рѣчи до XIV в. Вопросъ этотъ требуетъ особой ученой осторожности—и можетъ быть рѣшенъ только послѣ тщательнаго изслѣдованія памятниковъ древней южнорусской письменности (*).

(* Мы скрѣпляемъ наше мнѣніе судомъ такого знатока этого дѣла, какъ О. М. Бодянский. См. его примѣч. къ сочин. Лавровскаго: «Описаніе семи рукописей...»

почему и изслѣдованія г. Лавровскаго. (Журн. М. Н. Пр. 1859 и «Основа» 1861 июль) предпринятія въ томъ же духѣ отрицанія малорусскаго элемента въ русской рѣчи до XIV в.—не могли убѣдить насъ; но какъ бы то ни было, допустивъ даже, что малорусскаго элемента дѣйствительно не видно въ южнорусской письменности до татарскаго періода—даетъ ли намъ это одно поводъ и право утверждать вмѣстѣ съ г. Погодинымъ, что и малорусское племя пришло въ полянскую землю изъ-за Карпатъ только послѣ татарскаго погрома?—Мы думаемъ—никоимъ образомъ!

Посмотримъ сперва на его *третье* положеніе: «великоруссы являются коренными обитателями полянской земли, потому что лѣтописные характеры—всѣ чисто великорусскіе.» Здѣсь опять у г. Погодина виденъ *не-историческій* приемъ: задавать старинѣ вопросы и требованія, почерпнутыя изъ современности. Характеръ народа не есть ничто неподвижное, однажды навсегда данное или прирожденное: онъ есть результатъ многихъ историческихъ и природныхъ условій, вообще всего прожитаго. Если бы характеръ народа былъ неподвиженъ и какъ бы предопредѣленъ, не могло бы существовать никакой разницы не только между великоруссомъ и малоруссомъ, но даже между нѣмцомъ и русскимъ, между французомъ и индусомъ, потому, что всѣ они принадлежатъ къ индоевропейскому племени и вышли изъ одного источника. Мы говоримъ о вещахъ слишкомъ рудиментарныхъ; но что же дѣлать, когда и безъ нихъ иногда нельзя обойтись...

Ничто такъ сильно не вліяетъ на измѣненіе народнаго характера, какъ историческія событія и въ-особенности *народныя* историческія событія, гдѣ народъ не былъ только послушнымъ орудіемъ иной посторонней силы, но дѣйствовалъ свободно и самостоятельно, весь предавался борьбѣ, вѣнчался торжествомъ ея или позоромъ. Когда съ этой точки мы взглянемъ на сравнительную исторію великорусскаго и южнорусскаго племени, мы не только объяснимъ современное различіе въ ихъ характерахъ, но и поймемъ—почему великорусскій характеръ можетъ—быть ближе къ лѣтописному, чѣмъ современный малорусскій.

Этой бурной, тревожной жизни, этой великой вѣковой борьбѣ за свободу родины, борьбѣ безъисходной, на жизнь и смерть, среди которой совершались судьбы малорусскаго племени — что подобное находимъ мы у великоруссовъ? Никогда исторія у нихъ не принимала такихъ широкихъ размѣровъ, никогда она такимъ усиленнымъ шагомъ не сдвинула впередъ, какъ у малоруссовъ. Была и въ Вели-

кой—Россіи своя борьба, но борьба пассивная, борьба, въ которой чело­вѣкъ скорѣ терялся, чѣмъ крѣпнулъ. Понятно, почему у нихъ не разви­лась та могучая своенравная энергія, тотъ гордый непреклонный духъ, яркіе слѣды которыхъ въ народномъ характерѣ малорусса не сокрушились еще и теперь — послѣ вѣковаго рабства. Великорусскій имѣлъ всѣ условія, чтобы сохранить старинный характеръ, малорусскій — напротивъ — всѣ условія, чтобы измѣниться и — въ новой школѣ исто­ріи — образовать новый самобытный характеръ. Исключительно государ­ственный характеръ великорусской исторіи (съ XV в.) не могъ сооб­щить народу никакой дѣятельной инициативы и своею мелкою прива­занностью къ наружному обряду и казуистикѣ всегда удерживалъ и смирялъ самобытное народное стремленіе впередъ.. Прибавимъ къ это­му вліяніе пространственныхъ отношеній и, вообще, внѣшнихъ условий, предрасполагающихъ къ пассивности ума.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду существенной разницы въ этнологическихъ основахъ обоихъ народностей: на сѣверѣ и востокѣ — чудскій элементъ ничего не внесъ въ великорусскую народность, ни­какого *своего*, новаго, оживляющаго начала: онъ видимо уступалъ предъ нею въ нравственной силѣ и потому долженъ былъ поступить­ся; въ пограничныхъ мѣстностяхъ образовалась временная переходная по­мѣсь, но въ сердцѣ великорусской народности не залегло ни одного основнаго, долговѣчнаго чудскаго зерна.. Совершенно иное встрѣчаемъ у малоруссовъ: элементъ восточныхъ азіатскихъ кочевниковъ яркою полосой проходитъ по исторіи и бытовой жизни козачества. Здѣсь онъ — уже не внѣшнее начало, но основная черта народности, черта столь же, по крайней мѣрѣ, сильная, сколь сильна и стихія славянская. Этно­логія древнихъ и среднихъ вѣковъ убѣждаетъ насъ, что такое влія­ніе двухъ различныхъ народностей — всегда производитъ *новую, само­бытную* и энергическую народность....

Искать въ такой далекой старинѣ, каково время до XIV вѣка, причинъ для отрицанія или оправданія современнаго малорусскаго на­роднаго характера, значить, по нашему крайнему убѣжденію, противорѣ­чить историко-этнологическимъ началамъ изслѣдованія, безъ которыхъ нельзя и браться за вопросъ *о народности и народномъ характерѣ*. Итакъ, если въ настоящее время различіе — въ народныхъ характерахъ великоруссовъ и малоруссовъ — разительно и очевидно для каждаго, — оно есть результатъ различія въ историческихъ и этнографическихъ судьбахъ того и другаго племени: не будь этого послѣдняго — не суще-

ствовало бы и перваго; вотъ-почему, въ-древности, до начала государственной централизаціи у великоруссовъ и народной исторіи у малоруссовъ—разность племенныхъ характеровъ почти незамѣтна: вотъ почему въ южныхъ лѣтописяхъ нельзя видѣть собственно ни малорусскихъ, ни исключительно-великорусскихъ современныхъ характеровъ. Только отбросивъ историко-этнологическую сторону вопроса, г. Погодинъ могъ видѣть въ южныхъ лѣтописяхъ исключительно великорусскіе типы—и потому правъ былъ г. Максимовичъ, когда возражалъ, что въ тѣхъ самихъ характерахъ, на которые указывалъ г. Погодинъ—онъ не видитъ ничего немалорусскаго! Оттого у г. Погодина и вопросъ о характерахъ поставленъ чрезвычайно глухо,—скорѣе какъ дѣло личнаго вкуса и чувства, чѣмъ какъ ученое основаніе...

Кореннымъ различіемъ двухъ народныхъ исторій объясняемъ мы и то обстоятельство, что кievскій эпосъ существуетъ исключительно у великоруссовъ (это второе доказательство г. Погодина) и совершенно не существуетъ у малоруссовъ. Мы не коснемся здѣсь вопроса о существованіи малорусскаго туземнаго (кievскаго) эпоса въ эпоху до образованія казачества, потому что намѣрены сказать объ этомъ подъ конецъ нашихъ замѣчаній; но не можемъ не замѣтить, что если историческія обстоятельства и условія благопріятствовали сохраненію эпоса въ Великой Руси, то тѣ же историческія условія сдѣлали существованіе и продолженіе стариннаго эпоса совершенно невозможнымъ для Южной-Руси. Дѣло въ томъ, что эпосъ, какъ плодъ органическаго совокупнаго развитія народа, для своего возникновенія и дальнѣйшей жизни нуждается въ известныхъ жизненныхъ условіяхъ, въ которыхъ источникъ его перемѣняетъ свое направленіе, или окончательно иссякаетъ. Эти эпическія условія жизни главнымъ образомъ заключаются въ наивности и первичной простотѣ быта, воззрѣнія на людей и на природу. Какъ скоро въ жизнь вторгается новое начало и возмущаетъ спокойный, ровный, опредѣленный въ-вѣчныхъ преданіемъ ходъ ея,—наивность и простота народнаго быта и воззрѣнія пропадають, человѣкъ со страстію и увлеченіемъ отдается настоящему съ его интересомъ; съ этимъ вмѣстѣ исчезаетъ или перерождается и старинный эпосъ: онъ болѣе не согрѣваетъ народа своей теплотой; на мѣсто его выступаютъ новыя литературныя формы, и по содержанію и по взгляду болѣе соответствующія текущему времени. Такимъ рѣшительнымъ переломомъ въ народной жизни—бываютъ историческія народныя событія. Теперь, когда припомнимъ, какъ слабо исторія коснулась ве-

ликорусскаго племени въ сравненіи съ южнорусскимъ, мы не удивимся, что старинный эпосъ могъ уцѣлѣть въ своей первобытной свѣжести на такихъ окраинахъ, какъ земли олонецкія, Пермь, Сибирь, куда даже не доходила исторія. У малоруссовъ—грозныя событія козацкой эпохи всколебали до дна народныя массы: народъ не былъ только зрителемъ, но и актеромъ кровавой драмы, актеромъ не по неволѣ, но по глубокому сочувствію общему дѣлу, по восторженному убѣжденію въ святости и правотѣ его. При такомъ общемъ воодушевленіи—не было недостатка въ истинномъ героизмѣ и высокихъ жертвахъ для мести за оскорбленную святыню родины... На эту новую, полную великой поэзіи, сторону исторической жизни обратилось народное поэтическое воодушевленіе: старые образы померкли, уступили мѣсто новымъ, современнымъ, для которыхъ создалась и новая поэтическая форма, извѣстная подъ именемъ *думы*.

Этимъ объясненіемъ мы, однако, еще не разрѣшаемъ вопроса: «почему именно *киевскій* эпосъ сохранился у великоруссовъ.» При всей недостаточности и несовершенствѣ ученой разработки русскаго народной поэзіи, мы не рискуемъ сдѣлать большую ошибку, если скажемъ, что для названія великорусскаго эпоса *киевскимъ*—не существуетъ прочныхъ ученыхъ основаній: этнографія нашихъ былинъ, не смотря на то, что дѣйствіе происходитъ по большей части, «во стольномъ городѣ во Кіевѣ, у ласкова князя Володимира,» не можетъ быть названа южнорусскою въ строгомъ смыслѣ; богатыри—почти всѣ не-киевляне; народы, съ которыми приходится воевать имъ, чаще сосѣдники великоруссовъ, чѣмъ малоруссовъ. Этимъ обстоятельствамъ мы придаемъ значеніе не столько, на сколько нужно для подкрѣпленія нашего крайняго убѣжденія, что происхожденіе и образованіе нашего богатырскаго эпоса совершилось до племеннаго раздѣленія на велико-и мало-руссовъ; это эпосъ—русскій, но никакъ не исключительно великорусскій; корень его можетъ быть, дѣйствительно, возникъ на кievской почвѣ—и тѣмъ самымъ *Кіевъ вошелъ въ великорусскій побывъ русскаго эпическаго дерева, какъ сказочная столица еще болѣе сказочно Владиміра—красна солнышка*. О немъ въ настоящее время и говорить нечего, такъ—какъ нѣтъ ни малѣйшей причины видѣть въ немъ историческаго Владиміра, и есть много причинъ принимать это лицо за позднѣйшую замѣну—древнѣйшей мифической личности Волотомана или Волота.

Разобравъ всѣ доказательства г. Погодина, мы возвратимся къ

вышеоставленному нами вопросу: если въ южныхъ нашихъ лѣтописяхъ до XIV в. и не видно присутствія малорусскаго элемента, — даетъ ли это намъ право утверждать, вмѣстѣ съ г. Погодинымъ, что нынѣшніе Южноруссы пришли въ землю Полянъ изъ-за Карпатъ только послѣ татарскаго погрома? Послѣ всего нами сказаннаго, мы, конечно, не задумаемся отрицательнымъ отвѣтомъ; Малорусскіе элементы могли быть и не быть въ лѣтописяхъ; но южнорусское племя, непосредственные потомки котораго сохранились въ современныхъ намъ Малоруссахъ или Украинцахъ, составляло отъ древнѣйшихъ временъ и непосредственныхъ обитателей Днѣпровскаго и Бужскаго бассейновъ (*).

Мы покончили со мнѣніемъ г. Погодина, но не съ самимъ дѣломъ; нашъ разборъ до сей поры имѣлъ главнымъ образомъ—отрицательную цѣль; теперь взглянемъ на нѣкоторыя положительныя данныя, дающія нашему мнѣнію силу несомнѣннаго историческаго факта.

Не всякое историческое научное положеніе бываетъ основано на непосредственныхъ ясныхъ свидѣтельствахъ: многое принимается наукою только потому, что не существуетъ никакихъ противоположныхъ указаній; здѣсь историку предстоить или вовсе отказаться отъ всякаго сужденія, или послѣдовать закону логическому: отказаться отъ всякаго сужденія — значитъ отказаться отъ науки, отъ всякой попытки уяснить прошедшія судьбы человѣчества; такимъ образомъ получаетъ силу процессъ логической мысли: онъ восполняетъ для науки то, о чемъ нѣтъ, и даже не можетъ быть, помину въ историческихъ свидѣтельствахъ. Добытое такимъ путемъ положеніе не всегда можетъ имѣть значеніе непререкаемой истины, какъ потому, что зависитъ отъ чисто-логическихъ соображеній, такъ и потому, что впоследствии могутъ встрѣтиться нѣкоторыя противорѣчающія свидѣтельства; тогда вопросъ принимаетъ новую форму, перензлѣдуется — и вмѣсто

(*) Г. Погодинъ опирается на изслѣдованія г. Срезневскаго, который (Мысли о. ист. рус. яз.) утверждалъ, что малорусскій элементъ является въ письменности послѣ XIV в. Но въ дѣ г. Срезневскій XIV в. принимаетъ эпохою перелома во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, а не въ одномъ малорусскомъ!...

argumentum a silentio—является историческое доказательство. Исти́е всего это видно на нашемъ вопросѣ о древнѣйшемъ отечествѣ южнорусскаго племени. До послѣдняго времени—наша историческая наука принимала исконную историческую туземность малорусскаго племени на русскомъ югѣ; никто не бросалъ сомнѣнія на это положеніе, потому что ничто не вызывало на это сомнѣніе: южнорусское племя живетъ теперь главнымъ образомъ по теченію Днѣпра, ни въ лѣтописяхъ, ни въ иныхъ письменныхъ источникахъ нѣтъ свидѣтельствъ, что оно пришло откуда нибудь изъ другаго мѣста уже въ историческое время; а потому, весьма естественно и законно—признать это племя за исторически-исконныхъ обитателей страны (вопросъ о переселеніи съ Дуная сюда не идетъ, такъ-какъ мы говоримъ объ эпохѣ исторической). Теперь, когда г. Погодинъ (*) признаетъ этотъ *argumentum a silentio* — недостаточнымъ и, на основаніи логическихъ соображеній, приходитъ къ совершенно иному заключенію—наука обязана взглянуть на дѣло серьезнѣе и поискать уже историческихъ доказательствъ своего положенія. Какъ логическія, такъ и историческія соображенія г. Погодина, оказались несостоятельными, но пытливость—глубже изслѣдовать вопросъ—возбуждена (и это не малая заслуга г. Погодина!) и мы попытаемся, по нашему крайнему разумѣнію, удовлетворить хотя афористически этому стремленію.

Первое доказательство исторической туземности нынѣшняго южнорусскаго племени на полянской землѣ — есть лѣтописная географическая номенклатура городовъ, урочищъ, рѣкъ, горъ и т. д. Почти вся она всецѣло сохранилась у теперешнихъ южноруссовъ: если бы они пришли изъ-за Карпатъ въ XIV в., то, нѣтъ сомнѣнія, принесли бы съ собою и новыя топографическія названія, которыя напомнили бы ихъ прежнюю родину.

Второе доказательство — народныя южнорусскія преданія: въ нихъ и Царьградъ и историческіе Татары играютъ довольно видную роль. Таковы, напр., легенда о Кіевскихъ Золотыхъ Воротахъ или о Михалкѣ Семіліткѣ, пѣсня о службѣ южноруссовъ въ Царьградѣ (Малорусск. Сборникъ г. Мордовцова: пѣсни собранн. г. Костомаровымъ); но — что всего важнѣе—въ современномъ южно-русскомъ народѣ хранятся и такія преданія, которыя занесены въ начальную Кіевскую лѣтопись, таковы:

(*) Ничто подобное утверждалъ, помнится, г. Даль, съ своей статьѣ: «о нарѣчіяхъ русскаго языка» Вѣсти. Геогр. Общ. 1832. Но, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками этой статьи.

о Кириллѣ Кожемякѣ, въ которомъ изслѣдователи, не безъ основанія, видятъ отрока Владимірова, Усмошвеца, о бѣлгородской осады — какъ горожане обманули Печенѣговъ (и теперь показываютъ тѣ колоды, гдѣ, по лѣтописи, была разведена сита и кисель). Древлѣнскій край и теперь полонъ памятью объ Ольгѣ; рѣки и водные источники — носятъ ея имя; также названіе Кіевскихъ урочищъ (Щековица и Хоревина), рѣки Лыбеди — указываютъ на преданія начальной лѣтописи. Предположить, что все это зашло къ народу изъ письменныхъ источниковъ и послѣ XIV в. — невозможно; остается принять, что тотъ же народъ, который жилъ въ эпоху начальной лѣтописи, живетъ и нынѣ на тѣхъ же самихъ мѣстахъ, въ своихъ потомкахъ

Третье доказательство — «Слово о Полку Игоревѣ», поэтическое складъ котораго находитъ полное оправданіе въ современной народной поэзіи Малоруссовъ. Послѣ тщательныхъ изслѣдованій этого вопроса гг. Максимовичемъ (лекціи о Сл. о П. Иг., въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1837 г.) Буслаевымъ и Бодянскимъ (въ изданіи Памяти г. Дубенскаго) — южно-русская основа памятника уже не можетъ подлежать сомнѣнію: народъ, поющій малороссійскія думы, есть потомокъ народа создавшаго «Слово о Полку Игоревѣ», такъ-какъ между этими произведеніями народной поэзіи открывается не внѣшнее, но внутреннее, этнографическое, родство и преемственность.

Четвертое доказательство — принадлежитъ уже области христіанскаго вѣрованія и легенды: мы разумѣемъ идеалы братской любви, *народныхъ* св. Бориса и Глѣба. Что до XIV в. эти идеалы были присущи благочестивому чувству южнорусскаго человѣка, это доказывается не только начальною лѣтописью, но и житіемъ ихъ, дошедшимъ къ намъ въ рукописи XII в. И что же? Тогда какъ въ Великой-Руси мы нигдѣ не замѣчаемъ особеннаго *народнаго* значенія этихъ святыхъ, въ Южной-Руси (въ Переяславѣ) имъ посвященъ особый *народный* праздникъ (*); здѣсь они — въ полномъ смыслѣ — *народные святые*, стоящіе въ непосредственной связи съ историческими воспоминаніями народа. Кто скажетъ, что этотъ праздникъ возникъ въ позднее время, установленъ церковью, а не созданъ народомъ?

Но *главное доказательство* туземности малорусскаго народа въ полянской землѣ — это опять несостоятельность самой мысли, чтобы

(*) Объ этомъ праздествѣ см. статьи М. А. Максимовича, въ «Кіевлянинѣ», 1830 г., кн. 3.

страну, оставленную *своимъ* населеніемъ въ такое страшное время, какъ татарскій погромъ, могло занять *чужое*. Что вызывало на такое невыгодное перемѣщеніе, что могло заставить выйти изъ покойныхъ и природою обезопасенныхъ жилищъ, каковы Карпаты—затѣмъ, чтобы *подвинуться* къ Татарамъ и на открытомъ мѣстѣ служить постоянною приманкою для дикихъ кочевниковъ?

Только любовь къ родному пепелищу, къ отогрѣтому мѣсту, съ которымъ соединилось много дорогихъ воспоминаній, только эта любовь могла побудить разбѣжавшееся, при вторженіи Татаръ, населеніе—къ *возвращенію* на прежнія жилища. Эту привязанность къ отчизнѣ не могли искоренить даже многовѣковыя бури непосѣдной козацкой жизни: подвергаемое многочисленнымъ искушеніямъ святое чувство это только крѣпло, мужало: оно и теперь залегло основнымъ камнемъ народнаго малорусскаго характера—и оно то, главнымъ образомъ, служить вѣрною порукою, что нынѣшніе Малороссіяне—прямые и достойные потомки тѣхъ *Руссичей*, къ народному чувству которыхъ обращался пѣвецъ Игоря, возбуждая *вступить за землю Русскую и за обиду того времени!*

А. Котляревскій.

ОБЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ МУЗЫКЪ.

(Два слова о музыкальной обработкѣ и о г. Безугломъ).

Получивъ извѣстіе объ изданіи малорусскихъ пѣсень, собранныхъ г. Едличкою, мы искренно этому обрадовались. Теперь эти пѣсни уже не пропадутъ для будущихъ поколѣній, какъ пропали безслѣдно и безвозвратно многія другія, преимущественно воинственнаго содержания. Мы искали ихъ въ собраніи г. Едлички, но не нашли. Тѣ же, которыя у него записаны, изъ числа военныхъ, или походныхъ пѣсень, по ихъ мелодіи не отвѣчаютъ тексту: ихъ ритмъ какой-то сентиментальный, не отчетливый, не маршевой. Конечно, это не вина г. Едлички: есть пѣсни, которыя въ различныхъ мѣстностяхъ поются на различные мотивы, и весьма вѣроятно, что въ той мѣстности, гдѣ талантливый собиратель записывалъ ихъ, онѣ пѣлись такъ, какъ онъ ихъ издалъ. Но здѣсь мы вовсе не думаемъ разбирать это изданіе, предоставляя этотъ трудъ другому, болѣе свѣдущему, критику. Цель настоящей статьи совсѣмъ другая; объ ней мы скажемъ ниже.

Намъ жаль мелодій тѣхъ украинскихъ пѣсень, которыя утратились и которыхъ нѣтъ въ собраніи г. Едлички; а, судя по бурной жизни Запорожцевъ, этихъ пѣсень было много. Пѣсня—это живая, устная лѣтопись; часто, при отсутствіи другихъ историческихъ данныхъ, она становится важнымъ документомъ. Січъ Запорожская сначала говорила голосомъ своихъ лицарей; а послѣ, черезъ посредство бардовъ—лириковъ, передавала свѣту исторію своихъ подвиговъ. Конецъ козачества, перемѣна политической жизни украинскаго народа были сопровождаемы такими потрясающими событіями, такой ужасной борьбой, такими судорожными движеніями народа, и событія эти слѣдовали одно за другимъ такъ быстро, въ такомъ бурномъ обиліи, въ такихъ страшныхъ картинахъ и формахъ, что неудивительно, если народная лира смолкла, онѣмѣла. Трудно было плачущему внуку запыть лихую,

веселую дѣдовскую пѣсню, говорящую про вольную жизнь. Новый политическій бытъ вызвалъ новые порядки, и всякій думалъ, какъ повести свою жизнь сообразно съ ними. Старое поколѣніе тяготилось новыми порядками, тосковало по старинѣ; но молодое по-немногу свыклось съ ними и лишь изрѣдка слышался стоны, вырывавшіяся изъ груди народа, — и преданія, и характеръ котораго не согласовались съ настоящимъ его бытомъ. О лирѣ никто и не думалъ: на ней были порваны струны...

Если насъ порадовало изданіе малорусскихъ пѣсенъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно-же и опечалило насъ. Намъ пришло на мысль, что эти, богатая своей музыкальностью, мелодіи, подвергнутся той же участи, какаая постигла пѣсни великорусскія. Ихъ примутъ въ свои руки разные петербургскіе композиторы; надѣлаютъ изъ нихъ безчисленное множество *фантазій, варьяцій, капризовъ* и прочей музыкальной величины; словомъ, — какъ говорятъ, — займется ихъ разработкой. Это значить, что ихъ одѣнутъ во всевозможное музыкальное лохмотье, — во все то, что взбрѣдетъ на умъ, или, лучше сказать, что попадетъ подъ пальцы плодovitой посредственности. Загляните въ музыкальные каталоги, — вы тамъ найдете цѣлыя страницы заглавій музыкальных композицій, написанныхъ на великорусскія пѣсни; вы тамъ встрѣтите сочинителей, которые оптомъ, сотнями, взяли на себя ихъ разработку. Вы можете быть увѣрены, что мы не преувеличиваемъ; но ужъ кста-ти, заглянувши въ каталогъ, потрудитесь заглянуть и въ сочиненія. Берите и разсматривайте смѣло первое что подѣ рукою: *капризъ* ли это, *фантазія*, или *букетъ* — всё равно; будьте увѣрены, что узнавъ одну такую композицію, вы будете имѣть понятіе обо всѣхъ. Всѣ онѣ сшиты на одну мѣрку; всѣ пѣсни вставлены въ одинаковыя рамки, — только на каждой тетради другое названіе. Вездѣ одна и та же манера, одни и тѣ-же опошлившіеся пассажи: тутъ вы найдете весь соръ музыкальный, все, чѣмъ такъ богата посредственность...

Но, несмотря на все это, ихъ покупаютъ: онѣ хорошій товаръ въ музыкальныхъ магазинахъ. Великоруссы любятъ свои пѣсни и покупаютъ ихъ — тоже оптомъ, полагаясь на то, что все нанечатанное должно быть хорошо. Да, и дѣйствительно, откуда же имъ знать, что хорошо и что дурно, пока они не купятъ сочиненія? Музыкальной критики въ Россіи не существуетъ; а если и выходятъ въ Петербургѣ музыкальные журналы, то они, въ критическомъ отдѣлѣ, забавляются извѣстіями изъ-за границы, біографическими разсказами и анекдо-

тами, и всѣмъ другимъ, только не критикой. Въ прочихъ же литературныхъ газетахъ и журналахъ, если и бываетъ что-нибудь касающееся музыки, то все тамъ хорошо, все хвалятъ. Единственный примѣръ, что не похвалили г. Лазарева, ничего не доказываетъ...

Что остается дѣлать любителямъ музыки при такомъ отсутствіи музыкальной критики? на что полагаться при покупкѣ нотъ? На заглавіе, или на имя автора; но какъ часто обманываетъ и то, и другое. Безъ критики всякій авторъ, имя котораго вы встрѣтите на множествѣ композицій, будетъ вамъ казаться наилучшимъ, и такимъ образомъ г-ну Черни придется уступить первое мѣсто. Остается положиться на вкусъ продающаго, но вѣдь и это шатко. Впрочемъ, провинціалы большею частію такъ и поступаютъ; и часто случается, что вѣрный родитель, ничего не смысли въ музыкѣ, привезетъ изъ губернскаго города, или изъ столицы, въ видѣ гостинца, своей дочкѣ кучу нотъ, съ которыми та не знаетъ, что дѣлать: однѣ ей не по вкусу, съ другими она не можетъ справиться. Но купецъ, продающій ноты, не можетъ, да и не хочетъ предвидѣть этихъ неудобствъ: его дѣло, по возможности, сбыть свой товаръ съ рукъ. Однако и родитель въ этомъ случаѣ не въ большомъ накладѣ: онъ больше бы потерялъ, еслибы повѣрилъ похваламъ литературныхъ газетъ. Онъ тогда накупилъ бы сочиненій того великаго *русскаго* композитора, котораго Англія приглашала къ себѣ, для сочиненія ей ораторій; онъ накупилъ бы произведеній великаго *maestro*, которому музыкальнѣя общества подносятъ золотые жезлы, какъ накупили ихъ мы, соблазнивъ блестящими отзывами. Эти сочиненія лежатъ передъ нами, и мы, перелистывая ихъ, должны невольно сознаться, какъ горько ошиблись мы въ нашихъ надеждахъ и ожиданіяхъ. Тщетно ищемъ мы въ нихъ великихъ идей великаго русскаго мастера; тщетно желаемъ углубиться въ оригинальность модуляцій, въ поразительныя красоты мелодій. Ничего этого въ нихъ нѣтъ: рамки, въ которыхъ думали увидѣть картину, содержатъ только пятна, намеки на что-то; соблюденіе формы идетъ за мысль. Но можетъ быть мы ошибаемся? можетъ быть наши музыкальныя познанія такъ слабы, что намъ недоступны идеи великихъ музыкальныхъ мыслителей?

Беремъ сочиненія другаго, не очень великаго, но все — таки знаменитаго петербургскаго композитора, объ которомъ часто газеты вспоминаютъ, какъ о великомъ виртуозѣ и замѣчательномъ композиторѣ. Тутъ есть пожалуй и мысль; но манера! манера! Какъ эта тальбергвицiana намъ надѣла. Какое однообразіе, монотонія! Довольно пе-

рассмотреть одно сочинение, чтобы уже не смотря, без ошибки рассказать, как составлено другое, десятое, сотое. Почти не ошибешься, если скажешь, что послѣ темы, пойдет варьяція вверх и вниз по всей клавиатурѣ пассажами. Другая варьяція будетъ перенесение темы въ басъ; третья пойдетъ трелями и т. д. Въ слѣдующемъ сочиненіи будетъ тоже наизнанку, и тема—основная мысль сочиненія, эта эссенція, надоѣстъ вамъ своими повтореніями, пока вы доиграете до конца все сочиненіе.

Кажется, давно пора—бы бросить эту манеру. Неужели она еще не надоѣла, я не говорю—публикѣ, но самимъ же гг. композиторамъ? Конечно, тальберговская манера легче всякой другой, и потому—то она такъ дорога г.г. артистамъ средней руки: съ ея помощью — и бездарная посредственность становится на одну доску съ истиннымъ талантомъ. Но, вѣдь истинный талантъ не станетъ на—скорую руку составлять свои произведенія; онъ не спѣшитъ за сомнительной извѣстностью, онъ идетъ своей дорогой, и въ немъ должна преобладать оригинальность. Въ одно время съ Тальбергомъ жилъ и Шопенъ, и посмотрите какая разница ихъ произведеній! Кто знаетъ Шопена, кто умѣетъ понимать его, тотъ и не взглянетъ на произведенія петербургскихъ великановъ. А между тѣмъ, по слѣдамъ Тальберга пошло многое множество различныхъ виртуозовъ и композиторовъ, тогда—какъ у Шопена нѣтъ подражателей.

Досадно, что у насъ не понимаютъ Шопена до-сихъ-поръ. Правда и то, что произведенія его дышатъ такой оригинальностью; всѣ мысли, всѣ фразы его запечатлѣны такой геніальностью, что не всякій артистъ можетъ ихъ и исполнить, какъ слѣдуетъ. У него встрѣчается такое разнообразіе мотивовъ и мелодій, что публика, слушающая его произведеніе, часто не успѣваетъ схватить его мысли, и лучше любить, чтобы композиторъ повторялъ ей свою мысль двадцать разъ сряду на различные тоны: тогда она ужъ поневолѣ наизусть заучитъ эту мысль. А Шопенъ, нелюбившій повторяться, все—таки, для большинства, остается загадкою, сфинксомъ, и многие, прослушавъ въ концертѣ его піэсу, выходятъ изъ залы, повторяя вслѣдъ за нѣмцами: *Das ist keine musik!*

Малороссійскія пѣсни имѣютъ большую извѣстность и всѣмъ нравятся—знающимъ и незнающимъ; неудивительно, что за ихъ разработку возьмется цѣлая толпа петербургскихъ композиторовъ, которые будутъ стараться втискивать ихъ въ тѣ же рамки, изъ которыхъ такъ пла-

чево выглядываютъ великорусскія пѣсни. Для того, чтобы успѣшно сочинять на мотивы народныхъ пѣсенъ, необходимо хорошо знать этотъ народъ: его нравы, обычаи, исторію; а для этого надо или родиться, или много жить въ той странѣ, національную музыку которой разрабатываешь, и, во всякомъ случаѣ, нужно много и пристально изучать.

Въ изданіи г. Едлички мы встрѣтили нѣсколько знакомыхъ мотивовъ народныхъ пѣсенъ, которыя мы слышали гораздо прежде въ сочиненіяхъ г. *Безуглао*, и которыя намъ такъ понравились тогда. Это подало намъ поводъ написать настоящую статью; такъ—какъ уже давно мы не встрѣчали въ газетахъ никакихъ отзывовъ о г. Безугломъ, то были вправѣ подумать, что публика или не знаетъ его, или вовсе о немъ забыла. Въ первомъ случаѣ, намъ жаль публику; а второе было бы несправедливо въ — отношеніи композитора, такъ какъ все, что онъ написалъ до—сихъ—поръ, носить на себѣ печать истиннаго таланта, и таланта оригинальнаго.

Все гоняются за оригинальностью; но она есть достояніе весьма немногихъ. Обыкновенно бываетъ такъ, что юный артистъ, въ молодости, избираетъ себѣ преимущественно какого нибудь знаменитаго композитора, къ произведеніямъ котораго питаетъ больше симпатіи; изучаетъ его манеру и, въ своихъ сочиненіяхъ,—непремѣнно подражаетъ ему. Счастливы тѣ, вкусъ которыхъ, вълѣдствіе воспитанія, рано очищается: они очень скоро перестаютъ восхищаться произведеніями современныхъ знаменитостей, понимая, что никакіе фокусы, никакой музыкальный фейерверкъ, не замѣнитъ истиннаго благородства и изящной простоты старыхъ маэстро. Моцартъ, Бетховень, Веберъ, а изъ новѣйшихъ—Шопень—вотъ ихъ идеалы. Другіе, менѣе счастливые, или менѣе талантливые останавливаются на Гальбергъ или Листъ и далѣе нейдутъ, предпочитая хореграфическія движенія рукъ на клавишахъ, богатству и силѣ мыслей. Но всякій истинный талантъ не долженъ, и не можетъ, остановиться на одной точкѣ. До конца своихъ дней онъ развивается и совершенствуется; а развиваясь—и усваиваетъ себѣ оригинальность, хотя въ первоначальныхъ его произведеніяхъ всегда слышится та или другая манера уже знакомыхъ композиторовъ.

Конечно, читатели поймутъ, что мы говоримъ, собственно, о пианистахъ, тѣмъ болѣе, что и г. Безуглый, о сочиненіяхъ котораго мы намѣрены говорить, также пианистъ. Но все сказанное нами можетъ относиться и ко всякаго рода музыкѣ.

Эту статью мы пишем исключительно для Украины, чтобы познакомить ее, насколько это в наших силах, съ произведениями ея національнаго композитора, потому-что г. Безуглый родился въ Подольской губерніи, и все дѣтство и юность провелъ въ Украинѣ. Вотъ почему онъ такъ хорошо усвоилъ себѣ малороссійскія мелодіи, и такъ вѣрно передаетъ въ своихъ произведеніяхъ характеръ народной украинской музыки.

Первое сочиненіе г. Безуглаго мы слышали въ 1855 году, сыгранное самимъ авторомъ въ блестящемъ концертѣ, данномъ имъ вмѣстѣ съ г. Тропянскимъ. То была «Podolanka-mazurka». Публикѣ весьма понравилась эта піеса, хотя она принадлежитъ къ числу юношескихъ произведеній автора. Въ этой мазуркѣ нѣтъ того, чѣмъ обыкновенно любятъ похвастать молодые композиторы: школьнаго педантизма, или претензіи на блескъ. Напротивъ, тутъ видна не смѣлость, почти робость: ни мудреныхъ комбинацій, ни блестящихъ пассажей, — нѣсколько мелодій, силетенныхъ въ скромный вѣнокъ, нѣсколько, чуть замѣтныхъ ошибокъ — и больше ничего. Но зато чистое вдохновеніе вѣетъ отъ каждой фразы, отъ всякой ноты. Это сочиненіе было издано въ Варшавѣ; но въ немногихъ экземплярахъ, и уже конечно изданіе давно изчерпано.

Второе произведеніе украинскаго композитора появилось въ 1856 году, и было издано въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ *L'enfant d'Ukraine*. Въ немъ талантъ автора уже какъ-бы сложился и опредѣлился вполне, но, къ сожалѣнію, подъ влияніемъ тальберговской манеры, которая намъ крайне противна. Впрочемъ, весьма многимъ нравится это сочиненіе; и дѣйствительно, оставя въ сторонѣ нашъ личный вкусъ и взглядъ на музыку, оно имѣетъ свои несомнѣныя достоинства, по мысли, по общему плану и фактурѣ. Въ немъ авторъ выказалъ большое знаніе сложнаго контрапункта и законовъ гармоніи, и чуть-ли не исчерпалъ все средства, которыя, въ наше время, представляетъ усвоенный имъ инструментъ. Все это заставляетъ насъ разобрать эту піесу.

Послѣ небольшой прелюдіи, грустнаго содержанія и формы чисто тальберговской, идетъ украинская піеса полными аккордами грустнаго и серьезнаго характера. Эта піеса повторяется затѣмъ въ другой разъ, разбросанными аккордами, выражающими какое-то волненіе, которое увеличивается, и піеса повторяется третій разъ, быстрыми, какъ молнія, прыжками аккордовъ. Тема, однако, ясно и отчетливо поется на среднихъ тонахъ. Въ этой вариациі, очевидно, авторъ хотеть вы-

разить сильное волненіе, борьбу, козацкую стычку, и, до нѣкоторой степени, успѣлъ въ этомъ. Затѣмъ, быстрое движеніе аккордовъ уменьшается, прерывается и слѣдуетъ вторая тема, другая украинская пѣсня, веселаго характера и игривой формы. Живое движеніе пѣсни, ея веселый мажорный тонъ, выражаютъ какое-то разгульное веселье: то затянетъ ее хоръ дружно, то съ присвистомъ и присядкой; то голоса распадаются, то опять слагаются въ стройный хоръ. Слышно какое-то ошьяненіе, разгулъ, неистовство, какъ будто послѣ предъидущей схватки лихіе козаки празднуютъ побѣду. Но тоны смѣшиваются; голоса начинаютъ не дружно; всякій тянетъ по-своему, одинъ другаго перебиваетъ. Охрипшіе голоса начинаютъ не въ тактъ: тотъ поетъ выше, другой ниже, словомъ: «кто въ лѣсъ, кто по дрова». Такая неистовая веселость должна истощить наконецъ и козацкую натуру и, вотъ, хоръ уменьшается; шумъ и гамъ стихаютъ, только изрѣдка начинаютъ долетать отрывочные тоны пѣсни, и, наконецъ, все смолкаетъ. Начинается *andante*, въ которомъ въ верхнихъ нотахъ повторяется первая тема; но другая гармонія придаетъ ей новый характеръ и выраженіе какого-то раздумья. Быть можетъ, это—войсковые старшины сошлись *на раду* и обсуживаютъ дѣло? Но гармонія входитъ въ первоначальныя границы,—и опять волненіе, опять борьба; мѣстами прорываются стоны, слышится плачь... Гдѣ же плоды того раздумья, которое выразилось въ *andante*?—Намъ кажется, что піеса въ этомъ мѣстѣ не выдержана. Или, можетъ быть, лихая доля послала несчастье на страну и потому—то, хотя волненіе и прекратилось, но плачь долго еще слышится. Дребезжащіе звуки почти замираютъ и издалека слышатся тихіе, мягкіе тоны прежней веселой пѣсни; но живой ритмъ ея однако не заглушаетъ плача, и, какъ слабый проблескъ надежды, тонетъ въ слезахъ. Эти разнохарактерныя пѣсни, соединенныя вмѣстѣ въ концѣ піесы, производятъ удивительный эффектъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого сочиненія видна какая-то небрежность, какъ будто автору лѣнь было переписать ее въ другой разъ.

Третье сочиненіе г. Безуглаго мы слышали два раза въ концертахъ, но не знаемъ было ли оно напечатано. Мы имѣемъ его въ рукописи и по ней постараемся разобрать его такъ-же безпристрастно, какъ и предъидущія. Сочиненіе это называется «Украинская колыбельная пѣсня» и есть чистая идиллія въ украинскомъ духѣ.

Основная мысль этой піесы, если ее можно заключить въ слова, была—выразить мечты матери надъ колыбелью своего ребенка, уба-

юбивающей его ко сну и мечтающей о его будущности. Пока ребенок шевелится еще и плачетъ въ люлькѣ, мать убаюкиваетъ его мотивомъ грустной пѣсни, той самой, которой всѣ украинки убаюкиваютъ своихъ дѣтей, которой, можетъ быть, самого композитора убаюкивала въ дѣтствѣ его мать. Пѣсня эта тихая и спокойная; ее поддерживаетъ однообразная гармонія, выражающая мѣрное колыханіе люльки, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, припоминающая слѣнца лирика, который аккомпанируетъ себѣ на своемъ инструментѣ. Здѣсь не только тема національная, но и самый аккомпаниментъ, который служитъ поддержкой нѣсколькимъ мотивамъ, слѣдующимъ одинъ за другимъ въ разныхъ нитонаціяхъ (major et minor), оставаясь на той же тоникѣ. Но ребенокъ уснулъ, и мать уносится мечтами въ далекую будущность; ея воображеніе рисуетъ богатія картины; барвинкомъ и любисткомъ устилаетъ она жизненный путь своего младенца; ей видится даль только въ розовомъ цвѣтѣ, и любовь материнская радугой счастья окружаетъ будущую судьбу своего дѣтища. И забыла она, да и гдѣ жь ей, счастливой и любящей, помнить, что некручина, какъ роковой призракъ стоитъ въ самомъ началѣ жизненнаго пути ея младенца. Она такъ предалась своимъ мечтамъ, такъ въ нихъ погрузилась, что люлька едва шевелится; голова ея склоняется на грудь, улыбка счастья озаряетъ ея уста и мечты матери перешли въ волшебныя сновидѣнія. И ребенокъ и мать заснули.

Простота и задумчивость этой небольшой пѣссы увлекательны. Въ ней авторъ остается вѣренъ самому себѣ и своему таланту, не заимствуя для своего произведенія ни чьей избитой манеры. Послѣ фантазіи «L'enfant d'Ukraine» это сочиненіе насъ очень обрадовало, потому что мы уже считали самобытность г. Безуглаго погибшей: мы думали, что онъ, вслѣдъ за другими, навсегда пошелъ по тальберговской рутинѣ. Оказалось, однако, что фантазія въ тальберговскомъ родѣ была только пробой и упражненіемъ, и что авторъ никогда не имѣлъ пристрастія къ этой манерѣ. Можно надѣяться, что талантливый композиторъ отказался отъ такого рода сочиненій навсегда и не будетъ болѣе тратить столько воображенія, столько мысли, для блестящихъ пассажей и граціозныхъ положеній рукъ на клавишахъ.

Наши надежды осуществляются, потому—что г. Безуглый, въ двухъ новыхъ своихъ произведеніяхъ, двухъ «балладахъ» въ украинскомъ духѣ, остается снова вѣренъ своему оригинальному направленію, и, кажется, твердо пошелъ по избранному имъ пути. Намъ очень трудно

сдѣлать разборъ обоихъ этихъ произведеній, потому что они еще не напечатаны и мы не имѣемъ ихъ даже въ рукописи. Но мы слышали нѣсколько разъ, какъ ихъ игралъ самъ авторъ, и попробуемъ хоть вкратцѣ передать ихъ содержаніе, такъ, какъ мы его прочувствовали.

Первая «баллада» — поэма любви; это одна изъ драмъ, которыхъ такъ много разыгрывается втихомолку въ глуши хутора, или деревни. Всякій украинскій балагуръ, первый попавшійся слѣпецъ, каждая украинская «тѣтка», или «дадина», расскажутъ вамъ подобную исторію. Кто знаетъ Украину, кто знаетъ, какъ сильно, страстно умѣютъ тамъ любить, тотъ услышитъ въ звукахъ «баллады» самыя живыя сцены и возвышенность чувствъ, и упоеніе любви, и борьбу противъ злой доли. Сколько прелести, увлеченія, въ лирическихъ сценахъ любви, столько—же драматизму и силы въ сценахъ отчаянія. Композиторъ не сентиментальничаетъ, не вдается въ мелодраму: плаксивости нѣтъ; но нѣтъ и жесткости. Онъ не надоѣдаетъ мелодіей, не мозолитъ ушей темой, и украинскіе мотивы здѣсь даже не на первомъ планѣ. Авторъ рассказываетъ *по — своему*, а народныя мелодіи являются какъ подтвержденіе его разсказа.

Вторая «баллада» болѣе серьезнаго содержанія. Мысль ея взята тоже изъ быта Украины, но изъ быта историческаго, а потому тутъ важную роль играютъ мотивы походныхъ козацкихъ пѣсень. Первая часть баллады передаетъ, какъ козаки выступаютъ въ походъ. Это уже не скрытный набѣгъ, но регулярный походъ на войну. Полки вѣдетъ Сагайдачный; народъ провожаетъ ихъ и отвѣчаетъ козакамъ на ихъ прощальную пѣсню, могучими аккордами, стройной и сильной гармоніей: въ этихъ отрывистыхъ взрывахъ могучаго хора слышится и сочувствіе и ободреніе. Походная пѣсня переходитъ въ военный маршъ и козаки исчезаютъ за тучей пыли, поднятой копытами ихъ коней.

Затѣмъ, композиторъ вводитъ въ балладу эпизодъ совершенно частный, — но который находится въ непосредственной связи съ 4-й частью баллады, прямо изъ нея вытекаетъ. Между народомъ, провожавшимъ козаковъ на войну, «дівчина» проспала своего «сокола» и ея—то любовь и тоску передаетъ авторъ въ этой второй части баллады. Сначала она припоминаетъ всю свою прошлую жизнь, свое знакомство съ милымъ, послѣдній его разговоръ, который композиторъ передаетъ прелестнымъ дуэтомъ. Но козаки не возвращаются изъ похода; бѣдная, ни слуху, ни вѣсти не имѣетъ о своемъ миломъ; и вотъ—она въ отчаяніи поетъ лебединую пѣсню «віють вітри». Задуманная, полная тоски,

мелодія этой пѣсни талантливымъ композиторомъ доведена до выраженія полной безнадежности, сильнѣйшаго отчаянія, и необыкновенно удачно заканчивается піесу.

Вотъ все, что, покуда, мы знаемъ о сочиненіяхъ г. Безуглаго; но мы слышали, что онъ пишетъ еще что-то, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, но съ тѣмъ же направленіемъ. Мы будемъ очень рады, если первые познакомятъ Украину съ музыкальными произведеніями, которыя она только одна можетъ оцѣнить по достоинству,—потому, что талантъ г. Безуглаго прямо вытекаетъ изъ народной мелодіи, или, лучше сказать, народная мелодія придаетъ ему тотъ оригинальный характеръ, которымъ отличаются его сочиненія. Что до насъ касается, то мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія въ печати послѣднихъ произведеній украинскаго композитора, и душевно желаемъ, чтобы талантъ его неуклонно шелъ по избранному имъ пути.

Бачный.

30 октября

1861 года.

О ПЕРЕДАЧѢ НАУЧНЫХЪ СВѢДѢНІЙ НА НАРОДНОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ замѣткѣ, подъ названіемъ «*Устня мѡва зъ науки*» (Основа, за мартъ 1862) выражено желаніе благомыслящихъ и просвѣщенныхъ Малоруссовъ—упростить способы изложенія общепользныхъ свѣдѣній, и такимъ образомъ содѣйствовать къ успѣшнѣйшему распространенію просвѣщенія между массою южнорусскаго народа. Для этого, разумѣется, прежде всего необходимо обработать первоначальныя науки на родномъ языкѣ. Нельзя не пожелать успѣха въ такомъ прекрасномъ дѣлѣ. Мы думаемъ, что въ украинскомъ языкѣ, неспорченномъ, подобно великорусскому, чужестранными вліяніями, развивающемся самобытно изъ родныхъ источниковъ, найдется достаточно средствъ для замѣны научныхъ терминовъ словами общепонятными и чисто-славянскаго происхожденія; великорусскому научному языку все еще не удастся освободиться отъ множества всякаго рода *логій, номій, грамма* и т. п.

Гораздо больше неудачъ встрѣтится съ той именно стороны, съ которой менѣе всего, можетъ быть, ожидаютъ ревнители родного слова. Нѣкоторые полагаютъ, что преподавать или излагать популярно элементарныя учебныя предметы—дѣло легкое. Такое ложное мнѣніе у насъ вкралось отъ общаго недостатка знаній какъ этихъ элементарныхъ предметовъ, такъ и основныхъ началъ педагогій. Людямъ, серьезно размышлявшимъ объ этомъ и дѣлавшимъ уже опыты въ популярной передачѣ элементарныхъ познаній, очень хорошо извѣстно, какими качествами необходимо обладать преподавателю, чтобы достигнуть болѣе или менѣе полнаго успѣха; они очень хорошо знаютъ, чего стоить такая задача. Тутъ недостаточно одного знанія предмета въ томъ объемѣ, въ какомъ предположено его преподавать или излагать. Наставникъ народа или учитель дѣтей младшаго возраста долженъ: *во-первыхъ*, знать элементарныя предметы такъ же хорошо, какъ и лучшій специалистъ, съ тою только, разумѣется, разницею, что первый принимаетъ къ свѣдѣнію послѣднее слово науки, такъ сказать, *на вѣру*, а второй *повѣряетъ* это слово *собственными* опытами и наблюде-

пійми; *во-вторыхъ*, знать основныя начала педагогій; *въ-третьихъ*, знать дѣтскую природу *въ-особенности*,—а для этого, разумѣется, необходимо—обладать извѣстнымъ тактомъ и даромъ особенной наблюдательности; и наконецъ *въ-четвертыхъ*, учитель, по своимъ понятіямъ, ставъ выше той среды, въ которой желаетъ оказать свое вліяніе, долженъ умѣть и спизойти въ эту среду и проникнуться ея понятіями. Однимъ словомъ, отъ подобныхъ дѣателей требуется слишкомъ много и *знаній*, и *опытности*, и *таланта*. Смѣшно и вмѣстѣ жалко смотрѣть, какъ нѣкоторые издатели популярныхъ книжицъ премило лепечутъ дѣтскимъ языкомъ о совершенно-немилыхъ (т. е. совершенно-непонятныхъ) предметахъ; или какъ бѣднаго, ни въ чемъ неповиннаго мужичка, стараются наставить на путь истины, пудря ему голову совершенно не мужицкимъ манеромъ и коверкая и ломая его простую рѣчь на московскій или петербургскій ладъ. Изъ всѣхъ этихъ безцеремонныхъ, медвѣжьихъ лобзаній и лягушечьихъ кваканій, разумѣется, ничего больше не выходитъ, какъ чистая *пошехонская* чепуха. И виною всему этому вовсе не *мужицкій языкъ*, а *невъжественное обыкновеніе*—браться не за свое дѣло,—т. е. браться за столь святое дѣло такъ легкомысленно, безъ надлежащаго приготовления, знанія и таланта.

Положимъ, что въ необходимомъ матеріалѣ, изъ котораго можно черпать научныя свѣдѣнія, недостатка не будетъ, если прибѣгнуть къ помощи иностранной литературы; но сумѣть выбрать, расположить и передать понятнымъ, т. е. болѣе или менѣе *нагляднымъ* образомъ, элементарныя знанія—будетъ гораздо труднѣе. Для достиженія этого, прежде всего необходимо отдать себѣ отчетъ въ томъ, кому именно передаются эти знанія—*дѣтямъ*—ли или же *взрослымъ простолюдинамъ*? При составленіи учебниковъ и книгъ для народнаго чтенія у насъ вошло и, какъ надо полагать, вошло *безсознательно*,—въ привычку—смѣшивать простолюдиновъ съ дѣтьми и излагать науку тѣмъ и другимъ одинаковымъ образомъ. Очевидно, что это совершенно неосновательно; ибо понятія и свѣдѣнія, приобрѣтаемыя опытомъ, жизнью, у тѣхъ и у другихъ весьма различны, слѣдовательно, не все то, что для взрослага необразованнаго человѣка понятно и занимательно, можетъ быть такимъ для дитяти; и на оборотъ: не все то, что привлекаетъ вниманіе дитяти, можетъ быть привлекательно для взрослага. А отсюда слѣдуетъ, что при популярномъ изложеніи какой-либо науки въ томъ и другомъ случаѣ должно употреблять разные приемы;

да и объемъ науки будетъ то расширяться, то сокращаться въ своихъ частяхъ, смотря потому, кому мы сообщаемъ ея истины—мальчику—ли, находящему болѣе интереса въ искусномъ устройствѣ силковъ, нежели въ умѣннѣ предугадывать вѣдро,—или же взрослому земледѣльцу, для котораго чрезвычайно интересно узнать причину, если не всѣхъ, то весьма многихъ явленій природы. Вообще, въ первомъ случаѣ болѣе всего слѣдуетъ обращать вниманіе на поэтическую, или вѣрнѣе, чувственную сторону предмета, т. е. на такую сторону, которою болѣе всего можно привлечь вниманіе дитяти; во второмъ—тотъ же предметъ разсматривается преимущественно со стороны прямой его пользы, т. е. со стороны его практическаго значенія.

Возьмемъ для примѣра «спробу» популярнаго объясненія «*про дощъ*», помѣщенную въ мартовской книжкѣ *Основы*, и посмотримъ, насколько этотъ опытъ не достигаетъ надлежащей цѣли по причинѣ упушенія этого условія. Съ одной стороны, мы находимъ въ этой статьѣ кое-что лишнее, а съ другой—замѣчаемъ отсутствіе самаго необходимаго. Объяснимъ это на дѣлѣ.

Если эта бесѣда «*про дощъ*» ведется съ цѣлью поученія взрослыхъ людей, то, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы ее расширить, обративъ особенное вниманіе на слѣдующіе предметы:

а) на *туманъ* и *облака*, по которымъ можно болѣе или менѣе вѣрно предсказывать погоду;

и б) на состояніе воздуха—его *сухость* или *влажность*, на способъ, какъ узнавать это состояніе воздуха, и на его вліяніе на измѣненіе погоды.

Все это предметы чрезвычайно любопытные и притомъ такіе, которые не трудно объяснить понятнымъ образомъ для необразованнаго, но практически-опытнаго, человѣка. Какъ извѣстно, по нѣкоторымъ атмосферическимъ явленіямъ наблюдательные земледѣльцы иногда довольно вѣрно угадываютъ погоду, вовсе не умѣючи объяснить причину и таинственную связь между этою послѣднею и самимъ явленіемъ;—такъ напр. они знаютъ, что красноватая облака, замѣчаемая при захожденіи и восхожденіи солнца, предвѣщаютъ вѣтеръ и дождь. Но знаетъ—ли кто изъ нихъ, что «яркость цвѣта всегда пропорціональна количеству паровъ, переходящихъ изъ прозрачныхъ въ состояніе тумана»? и что, слѣд., по степени яркости цвѣта, можно судить о болѣе или менѣе быстрой и рѣзкой перемѣнѣ погоды? А вѣдь какъ хорошо, какъ любопытно знать подобныя вещи!

Если же мы станемъ толковать про то же самое явленіе — про дождь дѣтямъ, тогда вовсе ненадо толковать о засухѣ и о *тяжелыхъ временахъ*: дитяти до этого вовсе нѣтъ никакого дѣла. Напротивъ, ему будетъ очень интересно узнать, что серебристыя капельки, росинки, которыя оно видѣло на цвѣткѣ, имѣютъ аналогію съ такими же капельками воды, которыя, безъ сомнѣнія, замѣчало на крышкѣ кастрюли, на тарелкѣ, ложкѣ, или на стеклѣ и т. п. Тутъ не слѣдуетъ уже говорить о какихъ бы то ни было законахъ и о взаимной связи явленій природы, до-тѣхъ-поръ, пока вы не объясните послѣдовательно этихъ явленій, начиная съ самаго легкаго и постепенно переходя къ болѣе трудному, и пока не разовьете въ дитяти извѣстную степень наблюдательности, которой у него не можетъ быть въ той степени, какъ у взрослога, и безъ которой нельзя усвоить никакихъ положительныхъ знаній. Такимъ-образомъ, прежде чѣмъ вы начнете говорить о дождѣ, побесѣдуйте сперва кой-о-чемъ другомъ: сначала о водѣ и парахъ вообще, а потомъ—о росѣ, туманѣ и облакахъ. Да и вообще, при общедоступномъ объясненіи дождя, едва-ли будетъ кстати держаться другаго, а не этого, порядка.

Говоря это, мы указываемъ на тѣ недостатки, которыхъ не трудно избѣжать, но которые, несмотря на ихъ важность, очень часто упускаются изъ виду. Мы хотѣли подѣлиться своею опытностію и навести достойныхъ дѣятелей на болѣе вѣрную дорогу. На долю южанъ выпали болѣе благопріятныя, въ этомъ отношеніи, обстоятельства, чѣмъ для сѣверянъ, промахи и самонадѣянныя замашки которыхъ, безъ сомнѣнія, послужатъ поучительными уроками для украинцевъ, если только послѣдніе воспользуются обильными указаніями русской педагогической литературы. Какъ бы то ни было, мы напередъ увѣрены, что для южанъ, близкихъ и вѣрныхъ своему народу, этотъ трудъ дается лучше, чѣмъ онъ давался до-сихъ-поръ сѣверянамъ. Да, кажется, и всегда такъ бываетъ, что юная литература, заявившая уже свои жизненные силы, но еще не вполне установившаяся, и испытывающая нападки даже насчетъ ея правъ существованія въ общей семьѣ одноплеменницъ,—такая литература, говоримъ, всегда способна проявить особенную энергическую дѣятельность—какъ справедливый укоръ своей горделивой и, хотя и размашистой, но не очень подвижной, сестрицѣ.

І. Шарловскій.

24 октября 1862.

Старосвѣтскій бандуриста, Николая Закревскаго. Москва. 1860—61, въ 8-ю д. листа VIII, 628 двойн. стр. *Книга первая*. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 коп. Избранныя малороссійскія и галицкія пѣсни и думы. *Книга вторая*. Малороссійскія пословицы, поговорки и загадки, и галицкія приповѣдки. *Книга третья*.
Словарь малороссійскихъ ідіомовъ.

Издатель старосвѣтскаго *Бандуриста*, въ предисловіи къ пѣснямъ и словарю, излагаетъ свой краткій взглядъ на нашъ языкъ и литературу. По его мнѣнію, «малороссійское нарѣчіе *никогда* не возвысится до степени языка обработаннаго, *облагороженнаго классическою литературою!*» потому что «народное нарѣчіе каждый образованный малороссіянинъ употребляетъ *единственно* для *выраженія* шутки, для увеселенія. Цѣль сочиненій на этомъ нарѣчій есть забава, невинное увеселеніе, пріятное препровожденіе времени, и для многихъ малороссіянянъ, разбѣянныхъ по огромному Русскому царству, есть сладостное воспоминаніе обычаевъ, поговорокъ, простодушныхъ остротъ своихъ земляковъ и возобновленіе пріятныхъ впечатлѣній собственной молодости, проведенной на родинѣ.» Мы приводимъ эти слова вовсе не для того, чтобы возражать на нихъ: мы хотѣли только указать читателямъ на степень разумія сего, донинѣ неизвѣстнаго, дѣятеля. Что можетъ значить подобное старческое лепетанье—для людей, преданныхъ дѣлу родины? Къ чему же оспаривать его? Къ чему—слова, гдѣ само дѣло, сама жизнь, говорить и ясно, и убѣдительно?.. Продолжайте, г. Закревскій, въ этомъ же родѣ; а мы обратимся прямо къ пѣснямъ.

Малороссійскія пѣсни г. Закревскій раздѣляетъ на четыре отдѣла: военныя, пѣжныя, веселыя и обрядовыя; точь-въ-точь, какъ въ *новѣйшихъ россійскихъ пѣсенникахъ!* Вслѣдствіе этого дѣленія у него выходятъ забавныя несообразности; такъ, напримѣръ, чумацкія

и бурлацкія пѣсни втиснуты въ отдѣлъ военныхъ, и т. п. Впрочемъ, это дѣленіе существуетъ только въ предисловіи; въ самомъ же сборникѣ пѣсни расположены не по группамъ, а въ перемежку, по образцу лучшихъ, подобнаго рода, иностранныхъ сборниковъ.

Мысль издать отборныя малороссійскія пѣсни—превосходная. Въ самомъ дѣлѣ, въ сборникѣ, гдѣ были бы собраны такъ—сказать перлы украинской народной поэзіи, чувствуется сильная потребность. Подобный сборникъ для каждаго образованнаго малорусса могъ бы служить настольною книгою, которую можно было бы съ удовольствіемъ прочесть всю до конца, не выпуская изъ рукъ, и даже заучить на память. Конечно, при такомъ сборникѣ необходимы и ноты, для того, чтобы всякому желающему можно было познакомиться съ лучшими голосами родныхъ пѣсень. Но за это дѣло долженъ взяться человѣкъ съ болѣе развитымъ эстетическимъ чувствомъ, нежели г. Закревскій. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что хотя въ заглавіи «старосвѣтскаго бандуриста» и напечатано, будто въ этой книгѣ помѣщены пѣсни собранныя самимъ издателемъ, но это—неправда. Всѣ онѣ перепечатаны изъ извѣстныхъ уже сборниковъ: Максимовича, Метлинскаго, Вацлава зъ Олеска, Куцаго и др. Легко собирать подобнымъ образомъ! Добро бы еще, если бы г. Закревскій выбралъ оттуда дѣйствительно лучшія пѣсни, а то нѣтъ: у него и на это не хватило способности. Изъ числа 190 пѣсень его сборника почти половина посредственныхъ или вовсе плохихъ. Многія изъ нихъ представлены въ изуродованномъ видѣ, другія въ отрывкахъ; таковы напр. пѣсни подъ № 12, 75, 110, 113, 173 и др. Въ подтвержденіе справедливости нашихъ словъ приведемъ двѣ общезвѣстныя пѣсни въ томъ видѣ, какъ онѣ напечатаны у г. Закревскаго.

1.

Ой дівчина-горлиця
 До козака горнетця,
 А козакъ якъ орелъ
 Якъ побачивъ, такъ и вмеръ.
 Якъ би мені зранку
 Горілочки шклянку,
 И тютюнъ, та люльку,
 Дівчину Ганнульку:
 Горілочку бъ пивъ, пивъ,

И люлечку бѣ я куривъ;
 И дівчину Ганнулечку
 До серденька бѣ все туливъ.
 Колибъ мені зранку
 Кави фимжжанку,
 Сухарця, й до того
 Хлотия молодого.
 Кавоньку бѣ я пила,
 Сухарець би іла,
 Хлотия молодого
 До себе тумла.

2.

Ой за гаємъ, ой за гаємъ, та вже зелененькимъ —
 Тамъ орала дівчинонька воликомъ чорненькимъ.
 Ой орала дівчинонька, не вмѣла гукати,
 Та наняла козаченька у скрипочку грати.
 Козакъ въ скрипку грає, бровами моргає,
 Вража ёго мати знає, про що вінъ гадає?
 Чи про мої воли, чи про чорни брови,
 Чи про мое біле личко, здатне до любви!

И вся! Между тѣмъ эта пѣсня такъ распространена даже между Русскими, что ее можно бы записать напримѣръ хоть въ Архангельской губерніи, отъ лицъ никогда не бывавшихъ въ Малороссіи.

Кажется, достаточно двухъ приведенныхъ примѣровъ, чтобы видѣть неспособность издателя къ задуманному имъ предпріятію. Въ «старовѣтскомъ бандуристѣ» между пѣснями помѣщены, что называется, ни къ селу, ни къ городу, и искусственныя произведенія: уродливая по своему языку дума Мазепы, пѣсни Писаревского, Головатого, вирши Анонасьева—Чужбинскаго, неподражаемаго, по словамъ издателя, Котляревскаго и другихъ пѣнцовъ.

Не лучше ли было бы г. Закревскому, вмѣсто того, чтобы перепечатывать уже обнародованныя пѣсни, заняться сравненіемъ ихъ съ славянскими? Изъ такого сравненія вышли бы чрезвычайно любопытные результаты. Тогда онъ убѣдился бы между прочимъ, что украинскія пѣсни досягаютъ глубокой древности, а не относятся, какъ онъ полагаетъ, къ XVII или даже къ прошлому столѣтію (стр. VII). Желательно знать, на чемъ г. Закревскій основываетъ свое мнѣніе?

Ужъ не на томъ ли обстоятельстве, что во всѣхъ нашихъ пѣсняхъ языкъ новъ? Но вѣдь это поновленіе языка ничего не доказываетъ! Мы и въ числѣ перепечатанныхъ имъ пѣсень нашли двѣ, относящіяся къ глубокой древности: Циглове веселія (№ 90) и Вивідка (69). Доказательствомъ ихъ древности служитъ то обстоятельство, что онѣ известны Чехамъ, Словакамъ и др. западнымъ Славянамъ. Совѣтуемъ издателю для разубѣжденія въ своемъ предположеніи прочесть въ чешскомъ альманахѣ «Китица» на 1859 г., малорос. колядки, сравненныя Эрбеномъ съ чешскими и моравскими пѣснями. Въ одномъ мѣстѣ книги г. Закревскаго нанечатана довольно любопытная загадка: «Большая половина Дѣспра принадлежитъ Малороссіи, однако о немъ въ пѣсняхъ почти ни слова. Почему же часто говорится объ отдаленномъ Дунаѣ? Скажутъ, что это осталось въ воспоминаніи народа отъ древнихъ временъ, когда онъ жилъ въ странахъ Дунайскихъ. Но въ то же самое время жили Славяне на берегахъ Волхова, Дѣспра, вдоль Балтійскаго моря, пожалуй до самой Даніи. Зачтожь одинъ Дунай попалъ въ такую милость?» Мыѣ кажется, это можно объяснить во первыхъ тѣмъ, что Дунай есть самая большая изъ всѣхъ рѣкъ, на которыхъ жили древніе Славяне; оттого она и сохранилась въ памяти преимущественно предъ другими рѣками.

Въ пѣсняхъ Дунаю обкновенно придаются эпитеты *широкий* и *глубокий*; т. е. что онъ глубже и шире всѣхъ другихъ известныхъ Славянамъ рѣкъ. Вторая причина можетъ быть та, что слово *дуни* или *дунай* въ древности означало рѣку вообще (*). Въ нѣкоторыхъ нашихъ пѣсняхъ слово Дунай употребляется въ последнемъ смыслѣ, т. е. вмѣсто рѣки вообще.

Есть польская пѣсня, въ которой употреблено выраженіе: за гзеками за дупајами.

Къ пѣснямъ приложены ноты 32 мелодій, положенныя на музыку

(*) Г. Буслаевъ (Рус. Вѣсти, 1862 г. кн. 3) говоритъ: Племена, выселившіяся изъ общей родины въ Европу, вынесли съ собою общее индо-европейское имя рѣки вообще *дуни*, и въ этомъ же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у Осетинцевъ форма дунъ и донъ означаетъ рѣку или воду вообще. Дунавъ или Дунай имѣетъ значеніе и собственное известной рѣки, и нарицательное рѣки вообще (*).

(*) Слово *дунай* или *дуня* есть чисто арабское, значить—богатство. Оно дано Дунаю вѣроятно татарами, во время ихъ могущества,—какъ и Волгѣ, которая называлась ими *Итель*, что значить тоже богатство (по судоходству, по рыбѣ и проч.).

самимъ издателемъ; также двѣ статьи: о движеніи мелодіи (modulation) малороссійскихъ пѣсенъ и о бывшемъ нѣкогда отношеніи Малой Россіи къ Польшѣ. Не понимаемъ, зачѣмъ попала сюда послѣдняя статья. Должно быть, г. Закревскимъ обуяла неудержимая страсть высказать свои задушевные убѣжденія: онъ и давай писать. Эта статья оканчивается слѣдующимъ разсужденіемъ: «Русскіе вѣнценосцы постоянно старались облегчать участь своихъ единовѣрцевъ, страдавшихъ подъ тяжкимъ игомъ Поляковъ и Турокъ; вели по этой причинѣ войны. Неужели бы государи наши стали подавать руку помощи мятежникамъ? Въ наши дни Франція, Англія и Россія приняли участіе въ горестной судьбѣ Грековъ, содѣйствовали ихъ освобожденію изъ—подъ ярма турецкаго, и область ихъ признали за самостоятельное королевство. И чтожь! Турки будутъ всегда называть ихъ мятежниками, какъ Поляки называютъ козаковъ!

«Но справедливо ли это? Императоръ Николай, котораго характеръ былъ олицетворенный порядокъ и истина, доказавшій это всему свѣту подавленіемъ мятежа Венгерскаго и Польскаго, еще разъ было обнажилъ мечъ на защиту несчастныхъ единовѣрцевъ и для вразумленія ихъ гонителей. Завистливый Западъ, боясь колосса Русскаго, подъ предлогомъ противуборства его минимому желанію къ завоеваніямъ, воспрепятствовалъ полному достиженію великой и великодушнѣйшей цѣли. По крайней мѣрѣ факты эти, опровергая собою все пристрастные и недобросовѣстные возгласы польскихъ писателей, говорятъ ясно, что русскіе цари всегда различали справедливыя жалобы и требованія угнетеннаго народа отъ мятежа, и всегда готовы подать великодушную помощь гонимымъ единовѣрцамъ своимъ... (стр. 129). Русскіе цари людей всегда почитали за людей, и поданныхъ своихъ никогда не считали хуже жида и пса, да и никогда не допускали права помѣщикамъ неограниченно расправляться съ своими крестьянами. Оттого подъ владычествомъ царей русскихъ въ Малороссіи не было никогда коливщины, да и причины нѣтъ къ ней. Вѣра одна, языкъ одинъ, законъ для всехъ равенъ, гоненія нѣтъ, слѣдовательно, и возстанія быть не можетъ. Если есть жалобы и неудовольствія,—на то есть суды, поставленные верховною властію, а не произволомъ вельможъ! (стр. 131). Справедливость требуетъ сказать нѣчто и о духѣ народа Русскаго. Великій князь, или удѣльный, царь, или императоръ, для Русскаго человѣка былъ всегда неприкосновенное и священное лицо. Онъ иначе и не воображаетъ себѣ царя, какъ со властію неограни-

ченною, творящаго одни только благодѣянiя. Послѣ Бога, царь для него есть первое лицо на землѣ; поэтому истинно Русскому человеку и въ голову никогда не приходило ограничивать власть своего государя, котораго любить онъ безпредѣльно, повинуется ему безусловно и ожидаетъ отъ него только одного добра. Все подданные составляютъ одно тѣло, а на этомъ колоссальномъ тѣлѣ одна голова—царь! Вотъ тайна, почему Россiя сильна и, благодаренiе Господу, наслаждается миромъ и благоденствiемъ. Мы видимъ, каково идетъ въ другихъ земляхъ!» (стр. 131). Но—довольно.

Къ пословицамъ и поговоркамъ издатель приложилъ столь же мало собственнаго труда, какъ и къ пѣснямъ. Онъ просто заимствовалъ ихъ изъ различныхъ сборниковъ, прибавивъ отъ себя только до трехъ сотъ поговорокъ и напечаталъ все это по алфавитному порядку, безъ всякихъ объясненiй. Число поговорокъ въ его собранiи 3878; изъ нихъ 2706 галицкихъ, перепечатанныхъ изъ сборника Илькевича.

Г. Закревскiй, какъ видно изъ многихъ мѣстъ его книги, хорошо знакомъ съ нѣмецкою литературою; такъ отчего бы, кажется, ему не послѣдовать примѣру нѣмцевъ и не издать нашихъ пословицъ по образцу нѣмецкихъ сборниковъ: не въ алфавитномъ порядкѣ, а по группамъ,—такимъ образомъ, чтобы каждая группа заключала въ себѣ пословицы, относящiяся къ отдѣльнымъ предметамъ и понятiямъ; напр. въ первой группѣ могли быть помѣщены пословицы религиозныя, во второй нравственныя, въ третьей мнѳологическiя и т. д. Каждую изъ этихъ группъ слѣдовало бы объяснить остальными памятниками украинской народной словесности: пѣнями, сказками, загадками, заговорами, также народными разсказами, преданiями, повѣрьями и пр. Далѣе все это должно быть объяснено научными изслѣдованiями; потому что у насъ есть много такихъ пословицъ и поговорокъ, значенiе которыхъ, по причинѣ ихъ древности, забыто самимъ народомъ. Прочитавши такой сборникъ, всякiй могъ бы составить себѣ самое полное понятiе о нашемъ народѣ, узнать бы весь кругъ его познанiй, его мировоззрѣнiе, его дурную и хорошую стороны. Наконецъ, наши пословицы должны быть сравнены съ славянскими, частью для лучшаго уясненiя смысла непонятныхъ уже пословицъ, наприм. мнѳологическихъ, а главнымъ образомъ для того, чтобы изъ подобнаго сравненiя лучше опредѣлить личность нашего народа, какъ члена великой славянской семьи: показать, что въ его духѣ, характерѣ и понятiяхъ общаго съ остальными славянами и что особеннаго, ему одному свой-

ственного, выработаннаго подъ вліяніемъ историческихъ и мѣстныхъ условій. Конечно, подобный трудъ не легокъ, можетъ быть даже не возможенъ для одного человѣка; все-таки г. Закревскому слѣдовало бы въ видахъ общей пользы сдѣлать хоть попытку подобнаго рода.

Опытъ подобнаго изслѣдованія мы постараемся представить въ послѣдствіи времени въ отдельной статьѣ, гдѣ будутъ разобраны украинскія мѣстныя пословицы, поговорки и загадки; а теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о недостаткахъ изданія г. Закревскаго и объяснимъ нѣкоторыя малопонятныя пословицы изъ его сборника.

Нѣкоторыя пословицы и поговорки у г. Закревскаго напечатаны не вполне, другія неправильно. Къ поговоркѣ *Не їсть панъ дякъ гусей*, должно быть прибавлено: *ажъ у ёго повна стеля кісточокъ!* Въ поговоркѣ: *У дурня до Юрѣя, а у розумного до Миколи*, пропущены слова: *стане сіна*. Поговорки: *Ні богові свічка, ні чортові кожухъ и одинъ тому часъ, що мати въ плахті*—должны быть исправлены такъ: *Ні богові свічка, ні чортові ожогъ, и одинъ тому часъ, що батько въ плахті*.

Первая изъ вышеприведенныхъ поговорокъ произошла отъ слѣдующаго случая. Одинъ дякъ у селі боялся гусей. Якъ летать гуси, то вінъ заразъ кричить: охъ, боюся гусей! и заразъ ховається въ хату. А тими часами пропадали гуси, такъ, що мусили йти по хатахъ трусити. Отъ и почали, и вже більше половини села зходили, а ніде не витрусали. Тільки йдуть поузь дяківъ двірѣ; одни кажуть: «нікого не минати—п дяка,» а другі кажуть: оце-таки, коли дякъ и гусей боїтця, а тобъ ще й кравъ;—а ті таки кажуть: «ні, ходімо таки, ходімо». Почали трусити дяка, коли у ёго у мішкахъ ширя і пухъ і у ряднахъ позав'язувано ширя, а ползли на горіще, ажъ тамъ самі кістки. Зъ того часу й пішла погудка: *не їсть панъ дякъ гусей, ажъ у ёго повна стеля кісточокъ!*

Вторая поговорка объясняется существующимъ до настоящаго времени языческимъ обычаемъ выгонять скотъ на подножный кормъ въ первый разъ 23 апрѣля, когда приходится день св. Георгія Побѣдоносца. На основаніи этого обыкновенія, хозяева беззаботные и неаккуратные не сберегаютъ сѣна дальше Юрѣева дня, а предусмотрительные запасаются на долшее время, потому что надобность въ немъ можетъ случиться и послѣ Юрѣева дня. Въ третьей поговоркѣ слово *ожогъ*, пропущенное въ словарѣ г. Закревскаго, означаетъ кочергу (?) Четвертая—произошла отъ древняго обычая, совершаемаго на другой

день свадьбы, и состоящаго въ томъ, что отецъ новобрачной перодѣвается въ женскую одежду *плахту*.

Къ поговоркамъ: *Баране! не мути води вовкові, Воробень на себе смерти немає. Вихопився, якъ козакъ зъ маку. Грай, Петре, а все шумки. И підъ столомъ не відбрешился. Коваль згіршивъ, а шевця повісили. Носитьця, якъ баба зъ ступіромъ. Попався, жучку, папові въ ручку. Ци опишаний, папоньку, ячмень?* прибавлено замѣчаніе, что эти поговорки заимствованы изъ сказокъ и *баёкъ*; самыя же сказки не приведены, какъ будто въ этомъ не было никакой надобности. Къ другимъ же поговоркамъ и этого не прибавлено, между тѣмъ онѣ очевидно заимствованы или изъ сказокъ и разсказовъ, или изъ обычаевъ. Таковы наприм. поговорки: *Баба зъ некла родомъ. Баба да чортъ, то собі рідня. Баба, якъ туръ. Біда біду породила, а біду чортова мати. Де чортъ не зможе, туди бабу пошле. Гарбуза найжся, а на вербу подивися, то станешъ голодний. Блискавка блисни, дамъ ойрокъ. Волосъ вилувати. Десь дзвінъ великий льють, що пустили таку поголоску. Жене якъ дідько вітри. За твое добро кадукъ тобі въ ребро. Земля би го святая не приняла. Зъ бабою и дідько справу програвъ, Змішався якъ Омелькова мати передъ смертю. Кашу треба зварити, бо граматку зкічивъ. Коза зъ вовкомъ тягалася, тільки шкура зосталася. Обійшовся, якъ Сахно въ церкві. Прийшовъ хтось та взявъ щось: біти за нимъ, та незнаю за кимъ. Пірийшла якъ Улляна у ляхську віру. Товченьця, якъ Марко по неклу. Цуръ тобі, некъ тобі!* Постараемся, по мѣрѣ силъ, объяснить нѣкоторыя изъ этихъ пословицъ и поговорокъ.

Баба зъ некла родомъ; баба да чортъ, то собі рідня; де дідько не зможе, туди бабу пошле; біда біду породила, а біду чортова мати. Поговорки эти древняго происхожденія. Это можно заключить изъ того, что онѣ извѣстны и другимъ народамъ: Поляки говорятъ: *Gdzie diabeł nie зможе, tam babę poszle*, Нѣмцы: *Wo der Teufel selbst nichts ausrichten kann, da schickt er seine Grossmutter* и пр. Первоначальное ихъ значеніе языческое. Предки наши, языческіе Славяне, вѣрили, что у нечистой силы есть мать или бабушка. Гейне (*) говоритъ, что по народнымъ нѣмецкимъ преданіямъ

(*) Traditions populaires Вѣ De l'Allemagne par H. Heine; Paris 1835. Т. 2-е. 110 стр.

чортова бабушка появляется иногда въ нашъ міръ, съ цѣлью исполнить разныя порученія своего сына; отсюда, по его мнѣнію, и произошла приведенная нами нѣмецкая поговорка. «Но она обыкновенно живетъ въ адѣ (баба зъ пекла родомъ) ⁽¹⁾, гдѣ или занимается приготовленіемъ нищи своему сыну, или сидитъ на своемъ красномъ креслѣ. Когда дьяволъ, утомленный послѣ дневныхъ трудовъ, возвратится вечеромъ домой, онъ съ поспѣшностью глотаетъ то, что приготовить ему его мать, потомъ кладетъ свою голову на ея колѣни, заставляетъ ее *съкати въ голови* и засыпаетъ.»

Баба, якъ туръ, говорятъ о женщинахъ полныхъ и высокихъ ростомъ. Слово *туръ* существуетъ до сихъ поръ въ малороссійской рѣчи; у насъ есть еще поговорки: *крѣпкій, хочъ турѣ юни* и *у ёю натура якъ у тура*. Галичане говорятъ: *зираютьця, якъ на тура*. Въ одной малороссійской цѣсни поется:

*Ходить тура по луцѣ,
Гетьця туръ-вівъ у дуцѣ.*

Слово туръ означаетъ зубра (*bos urus*) ⁽²⁾. Зубръ слово греческое, а туръ латинское (*taurus*); но то и другое существуетъ въ литовскомъ языкѣ и въ славянскихъ. По литовски *tauras* и *stumbras*, или *stumbris*; по чешски *tur*, по польски *zubr*. При Владимірѣ Мономахѣ зубры водились возлѣ Чернигова, какъ видно изъ его Поученія дѣтямъ своимъ. Въ Литвѣ, еще во 2-й половинѣ XVI стол., зубры были довольно обыкновенны, однако цѣнились выше всѣхъ другихъ дикихъ и домашнихъ животныхъ ⁽³⁾. Туръ былъ символомъ ярости, силы и мужества. Вольнская лѣтопись говоритъ о Романѣ Галицкомъ: храборъ же бѣ, яко и туръ. Въ краледворекой рукописи сказано: Ярославъ скакалъ *«jak tur jagu»*.

Какъ сильны были туры, видно изъ слѣдующаго мѣста Поученія Владиміра Мономаха: Тура мя два метала на розѣхъ *и съ конемъ*. Туръ имѣлъ у насъ и мнѣологическое значеніе; онъ былъ символомъ Перуна ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Сабининъ бабу-ягу называетъ богиней пекла или ада. Волось. стр. 18. Ж. М. Н. Пр. 1843 г. № 10.

⁽²⁾ Тождество тура и зубра доказано въ статьѣ Долматова о прирученіи и порабощеніи зубра. Современ. 1848 г. Т. XI.

⁽³⁾ Литов. стат. 1329 года, Розд. IX, ст. 2. 1388 г. Розд. X, арт. 2.

⁽⁴⁾ Черн. Губ. Вѣд. 1860 г. № 38, Дополн. къ укр. послов. и поговоркамъ.

Блискавка блисни, дамь огірокъ. Разъ мужикъ вертався пізд-но до дому черезъ свій городъ; нічъ була темна, хочъ око виколи, тільки коли-не-коли моргне блискавка... Іде чоловікъ и чуе, що щось гомонить въ городі. То бувъ циганъ; кравъ огірки у мужика... Було такъ темно, що не можна навіть й огірка палпати; отъ циганъ и приказуе до блискавки: *блискавко блисни, дамь огірокъ...* Мужикъ тихесенько підкрався і цапъ цигана за чуприну, піймавъ і давай лущити ёму боки кіємъ; мужикъ бье, а циганъ проситьця; далі баче, що прозба не помага, й каже: Ну, чоловіче добрий, що хочъ зо мною роби, бий скільки хочъ, тільки змигуйся, будласко, не кидай мене черезъ пліть, бо якъ довідаютьця наші, то не приймуть мене до шатра. »А, сімъ чортівъ твоій матері! добре, що ти мені сказавъ: заразъ тебе перекину черезъ пліть, щобъ не приймали тако-го вражого сина: тоді, може, не будешъ красти моіхъ огірківъ; тягне цигана, а циганъ ніби пручаетця, і проситьця, щобъ не кидавъ; але мужикъ притягъ за чуприну до плоту, й перекинувъ. Опинившись за плотомъ, циганъ уставъ и кричитьъ: Э, дурню, дурню! на городі й дурень мене піймае; піймай мене теперъ въ полі, то справді будешъ розумний!

Волось вилівати. *Волосомъ* (по-в.-руски волосатикъ) называется тонкій, какъ конскій волосъ, длиною вершковъ въ пять, червь, заводящійся въ тѣлѣ у людей и лошадей отъ дурнаго качества воды; по-персидски онъ называется риште, что значитъ нитка. Въ Архангельской губ. народъ вѣритъ, что волосатики, это конскіе волосы, упавшіе въ рѣку и ожившіе тамъ. *Волосомъ* въ Таврической губ. называютъ еще особый родъ толстой, величиною въ мезинець, гусеницы, покрытой длинными черными волосками. Отъ волосатиковъ лѣчать такимъ образомъ: Каждый мѣсяцъ *на молодикъ* отбирають *тридевятъ* (27) пшеничныхъ колосевъ, кладуть ихъ на голову больному; потомъ зачерпываютъ рукой теплою воды и, выливая на голову, произносятъ заговоръ, которымъ вызываютъ волосатика выйти наружу (*). Послѣ этого, говорятъ, волосатики выходятъ на колосья. Впрочемъ, у насъ иногда волосатиковъ смѣшиваютъ съ волосками (волосинки), которые у иныхъ растутъ подъ рѣсницами (Trichiasis et Distichiasis), и лѣчать отъ нихъ также какъ и отъ волосатиковъ.

(*) Черн. Губ. Вѣд. 1839 № 49. Въ статьѣ «Украин. шептанья и заговора» напечатанъ подобный заговоръ.

Десь дзвінь великій ллють, що пустили таку поволоку.

Эта поговорка произошла отъ обыкновенія распускать какую нибудь неправдоподобную или ложную молву въ то время, когда отливаютъ большой колоколь, въ той увѣренности, что чѣмъ дальше пойдетъ эта молва, тѣмъ колоколь будетъ звонче. Это объясненіе слышалъ я не въ Малороссіи, а въ Великороссіи, именно въ Москвѣ.

Жене, якъ дідько вітри. Вѣтры у насъ олицетворяются, какъ и во всѣхъ почти мифологіяхъ. Въ Словѣ о Полю Игоревѣ, вѣтры названы *Стрибоговыми внуками*, т. е. внуками бога вѣтровъ (*стривѣтеръ*). У насъ они называются *сыновьями бога вѣтровъ*; такъ по-словеници говоритъ: *юне, якъ Вітривъ Батько*. *Вітривъ батько* въ малороссійскихъ сказкахъ описывается сѣдымъ старикомъ, съ длинною бѣлою бородою, одѣтымъ въ бѣлую рубашку. Онъ разсылаетъ своихъ сыновей во всѣ стороны по бѣлому свѣту; къ нему приходятъ люди съ жалобою на его сыновей, за причиненныя ими разоренія (1). Сыновья Вітрового Батька олицетворяются въ видѣ молодыхъ людей (*парубківъ*) съ надутыми губами (2). Галицкая поговорка: *Вітеръ божий духъ*, объясняетъ, что вѣтры происходятъ отъ дуновенія добраго божества. Наша поговорка: *жене, якъ дідько вітри*, позднѣйшаго происхожденія, если только въ ней подъ словомъ вітри надобно подразумѣвать обыкновенный вѣтеръ, а не бурю.

За твое добро, кадукъ тобі въ ребро. Есть еще ругательство: *кадукъ твоій матері*. *Кадукъ* по малороссійски и по бѣлорусски означаетъ сатану, или самого старшаго злаго духа. По бѣлорусскому преданію, кадукъ живетъ въ лѣсномъ болотѣ, окруженный младшими чертями, которые служатъ исполнителями его воли. Самъ онъ появляется на свѣтъ только тогда, когда кто нибудь изъ его свиты не въ состояніи исполнить даннаго ему порученія. Кадукъ, говорятъ, пятается младенцами, похищаемыми для него подчиненными духами (3).

Земля би го святая не приймала. Есть и другая, подходящая съ этой поговорка: *Нехай надъ нимъ земля перомъ*. Предки наши вѣрили, что душамъ умершихъ доступны всѣ ощущенія свѣта, и что они чувствовали даже тяжесть давившей ихъ земли. Въ пѣснѣ поется:

Не йди на могилу, не кидай землю,
Сама сѣрце, знаешь, якъ тяжко підъ нею.

(1) Сказки, запис. Н. Костомаровымъ. Молодикъ на 1843 г.

(2) Lud Ukrainski. 1857 T. I, str. 241.

(3) Приб. къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г. кн. 4 Бѣлорус. народн. повѣрья, Древлянскаго.

Отъ этого вѣрованія произошла поговорка: *Нехай надъ нимъ земля перомъ!* которую говорятъ при воспоминаніи объ умершемъ. У Римлянъ на гробницахъ часто писалась буквы s. t. t. l. t. e. Sit tibi terra levis (да будетъ надъ тобою земля легка) (1). Эти же слова у Виргилія Эней произноситъ послѣ смерти Дидоны. Изъ пословицы: *Земля би го святая не приймала*, видно во первыхъ, что въ древности у насъ, какъ и у другихъ народовъ, не быть похороненнымъ считалось позоромъ и большимъ несчастьемъ; а во вторыхъ, что земля олицетворялась и считалась божествомъ. Въ одномъ заклинаніи земля называется *Титяною*, къ ней обращаются со словами: *Здорова вода Уляна и ти земля Титяна. Дай мені уроки урочища відшештати и т. д.* (2).

Кашу треба зварити; бо граматку зкінчивъ. Эта поговорка произошла отъ обыкновенія, по окончаніи ученикомъ букваря, варить кашу для этого ученика и его товарищей. *Горщокъ*, въ которомъ варится каша, разбивается послѣ ѣды. Въ народѣ есть обычай начинать обучать грамотѣ дѣтей со дня пророка Наума; вѣроятно для того, чтобы онъ навелъ учащагося на умъ. Это сходно съ индійскимъ обычаемъ начинать учить дѣтей въ день посвященный Ганезу, богу мудрости. (3)

Кому ся веде, тому ся и когутъ несе; кому везетъ счастье, тому и пѣтухъ носить яйца. У великороссійнъ есть повѣрье, что пѣтухъ дѣйствительно можетъ снести яйцо. Изъ такого яйца, понесеніи трехъ лѣтъ, рождается змѣй (4).

Прийшовъ жтось, та взявъ щось; біти за нимъ, та не знаємъ за кимъ. Это загадка, означающая вѣтеръ, а не поговорка. Она приведена и въ собраніи малороссійскихъ загадокъ Закревскаго (26), но не вполнѣ, а только вторая ея половина.

Стрижено, а не кошено! Варианты: *Стрижено, а не смалено!* *Стрижено а не голено!* *Кошено!* «*Ни, стрижено, таки стрижено!*» *А голено?* «*голено. А стрижено?*» «*стрижено*». Поговорки эти объясняются однимъ малороссійскимъ анекдотомъ о мужѣ и женѣ. Мы не приводимъ его здѣсь, такъ какъ онъ разъ уже былъ напечатанъ (5)

(1) Описаніе Помпеи. Классоваго.

(2) Черн.: Губ. Вѣд. 1839 г. № 49 Укр. шепт. и замол.

(3) Правы, и обычай памят. всѣхъ народовъ земн. шара. М. 1846 г. стр. 46.

(4) Отгеч. зап. 1832 LXXX Зооморфич. божества А. Афонасьева. Ст. 2-я.

(5) Въ одномъ изъ №№ Чер. Губ. Вѣд. за 1839г.

и потому еще, что онъ совершенно сходенъ съ сообщаемымъ ниже великороссійскимъ книжнымъ анекдотомъ. Въ собраніи Сербскихъ сказокъ Вука Караджича, есть слѣдующій рассказъ (т. 37). Жили мужъ и жена. Жена ни въ чемъ не слушала своего мужа, перечила ему. Однажды шли они вмѣстѣ по скошенному лугу и мужъ сказалъ женѣ: «какъ хорошо лугъ скошенъ», на что она возразила, что лугъ не скошенъ, а «постриженъ». Поднялся споръ; наконецъ жена устала къ его глазамъ пальцы и, изображая ими ножницы, кричала: стрижено! стрижено! Она не замѣтила однако позади себя ямы и, оступившись, упала въ нее. Этотъ анекдотъ находится въ Fabliau (старинная французская сказка въ стихахъ) *du grê tendu*, и послѣ того онъ перешелъ во многіе юмористическіе сборники XV и XVI столѣтій, между прочимъ въ знаменитую книгу *Le moyen de parvenir* (сравни. *Liebrechts Dunlop 31c.*) «Въ великорусскихъ старинныхъ сборникахъ онъ, по словамъ г. Пышина, попадаетъ въ двухъ видахъ: въ собраніи шуточныхъ рассказовъ, переведенныхъ съ польскаго, подъ названіемъ: Смѣхотворныя повѣсти, XVII в. и въ Великомъ Зерцалѣ (№ 180, гл. 845). Въ последнемъ сборникѣ онъ переданъ такъ: Нѣсть гнѣва, паче гнѣва женьскаго, ни жестосердія и непокорства твердѣйшаго и неукротимаго. Мужъ съ женою единою иде чрезъ живу, рече: изрядно зѣло есть сія земля покошена; жена же противнымъ образомъ рече: нѣсть се покошена, но пострижена, сопротивляющися мужу много. Егда же мужъ глаголаше яко покошена, а жена глагола подстрижена. Мужъ же подвигшеся, вверже ю въ воду; егда же въ водѣ влеще не можаше глаголати, протяже руку отъ воды, творяше знаменіе перстами на подобіе ножницъ являюще, яко быти пострижена, и сопротивляющися даже до смерти. Этотъ анекдотъ извѣстенъ и у великорусскаго простонародья. Какъ объяснить то обстоятельство, что этотъ рассказъ извѣстенъ различнымъ народамъ? На это г. Пышинъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: «Анекдоты о злыхъ женахъ, какъ и филишки противъ нихъ, перѣдки въ старой нашей письменности, и съ большою вѣроятностью можно предположить, что пропущеніе упомянутой сказки было чисто книжное или вообще ненаціональное: если рѣдко одинъ народъ принимаетъ отъ другаго миеологическія сказанія, то переходъ легкихъ и забавныхъ рассказовъ совершается безъ большихъ затрудненій (*)».

(*) О Рус. народ. сказкахъ. Отгеч. Зап. 1856 г. № 4.

Товчетца, якъ Марко по пеклу. По бѣлорусскимъ повѣрьямъ, какой — то Марко, о которомъ существуетъ у Бѣлоруссовъ поговорка подобная нашей, попалъ въ адъ, и надѣлалъ тамъ такой кутерьмы, что разогналъ всѣхъ чертей (1). У Великороссiянъ тоже самое разсказывається объ одномъ солдатѣ. (2) Вѣроятно, и у насъ существуетъ подобный же разсказъ.

Два плута въ селі, і селу безчестія не роблять. Эта поговорка не наша, а русская. У насъ и слова плуть не существуетъ.

Цуръ тобі! некъ тобі! Поговорка чрезвычайно древняя. Я спрашивалъ о ея значеніи и происхожденіи у многихъ простолюдиновъ, но никто не могъ удовлетворить моего любопытства. Наконецъ, въ Харьковѣ одинъ старосвѣтскій панъ изъ козаковъ, любящій родную старицу, объяснилъ мнѣ ее такъ: Въ прежнее время, когда приходилось кого нибудь пытать, то брали палку, затесанную съ обоихъ концовъ (*цурка*), вкручивали ее въ чубъ, и, такимъ образомъ, подымая ее все выше и выше, страшно мучили. Для усиленія мукъ у ногъ разводили огонь, и *пекли* имъ. Въ подтвержденіе своего объясненія разсказчикъ сказалъ, что тому, кто скажетъ вышеприведенную поговорку, отвѣчаютъ: *цурка тобі міжъ ноги!* Что подобныя пытки существовали, видно изъ сочиненія г. Сибгирева: Русскіе въ своихъ пословицахъ. Онъ одну изъ пытокъ описываетъ такъ: въ застѣнкахъ нѣрѣдко истязуемаго поднимали на блокъ вверхъ, разводили подъ нимъ огонь, и мучили его дымомъ и жаромъ. (3) А. А. Метлинскій (4) эту поговорку переводитъ такъ: «оставь его, чортъ съ нимъ! Цуръ то же, что по великороссійски чуръ, и произошло отъ торъ, чортъ, шторъ; некъ сокращенное слово пекло—адъ.» Намъ кажется неправильнымъ и это ученое объясненіе профессора, и объясненіе старосвѣтскаго пана. Первое объясненіе все таки правдоподобнѣе послѣдняго; въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, во время существованія у насъ пытокъ, народъ приурочилъ вышеприведенную поговорку къ пыткамъ. Но въ болѣе отдаленныя доисторическія времена, она имѣла совсѣмъ иное значеніе. Обратимся для ея объясненія къ помощи философіи и міѳологіи. Слово цуръ имѣетъ корнемъ санскритскій глаголь чуръ, что значитъ печь, палить, жечь (по малороссійски *пекти*); отсюда и слово цуръ или шуръ (напр. въ

(1) Приб. къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Кн. 4.

(2) Великор. народ. легенды. А. Афонасьева.

(3) Рус. въ своихъ посл. М. 1831 г.

(4) Думки і пісні та ще де що А. Могилы.

словѣ прашуръ, означающее какъ *очагъ*, такъ и начальника очага, старшаго въ родѣ (въ послѣдствіи домоваго). Славяне обоготворяли главнымъ образомъ солнце, луну, звѣзды и очагъ, какъ источники благотворной и творческой силы огня (свѣта и теплоты). Въ то же время они обожали души человѣческія и въ особенности души умершихъ своихъ предковъ, родоначальниковъ. Души предковъ они представляли въ видѣ огня. Естественно, что съ теченіемъ времени эти оба понятія — понятія огня и души въ умѣ Славянина слились въ одно представленіе. Когда же они стали олицетвоять свои вѣрованія, то явился «образъ домоваго, на котораго были перенесены всѣ животворныя понятія, соединяемыя съ очагомъ, и всѣ качества домоваго хозяина — патриарха, какимъ былъ старшій въ родѣ (*). Самыя названія домовой, лысый дѣдко, хозяишушко и пр. подтверждаютъ это. Теперь кажется легко понять значеніе выраженія *чуръ тобі, пекъ тобі!* буквально оно значитъ: да будетъ съ тобой чуръ (или домовой) и пекъ (или очагъ)! въ переносномъ смыслѣ оно ближе всего подходитъ къ выраженію: Богъ съ тобой! Слово *відцурацьця*, напр. въ выраженіи: *ти відцурався відъ насъ*, означаетъ: ты отрекся отъ нашего очага, или дома.

Г. Закревскій не счелъ нужнымъ въ своемъ словарѣ объяснить многихъ словъ, которыя употребляются въ пословицахъ и поговоркахъ; наприм. *козарь*, *шумки*, *мусулька*, *палілі*, *язя* и др.; оттого смыслъ многихъ пословицъ дѣлается непонятнымъ. Въ его сборникѣ въ первый разъ напечатана чрезвычайно интересная поговорка о кожаныхъ деньгахъ: *То ще тоді діялося, якъ шкуряні гроші на світі були.*

Считаемъ полезнымъ для лицъ занимающихся собраніемъ памятниковъ южнорусской народной словесности указать здѣсь на изданные уже сборники нашихъ пословицъ и поговорокъ и статьи, въ которыхъ онѣ были напечатаны. 1) Грамматика малороссійскаго нарѣчія, А. Павловскаго. Спб. 1818 г. стр. 78—86. 146 послов. 2) Русскіе въ своихъ пословицахъ И. Снегирева. М. 1831 г. кн. 1 стр. 104—115. 120 пословицъ. Часть ихъ перепечатана изъ грамматики Павловскаго, а другая доставлена Котляревскимъ, авторомъ Энеиды. 3) Ученыя записки профессоровъ московскаго университета 1834 г.

(*) Архивъ юридич. свѣд. о Россіи. Сборникъ Калацова Кн. 1-я ст. Соловьева: Очеркъ нравовъ и религіи Славянъ во время язычества.

Ч. VI. Въ статьѣ И. Срезневскаго: Взглядъ на памятники украинской народной словесности, помѣщено на стр. 148, одинадцать поговорокъ о Великороссіянахъ. 4) Малороссійскія пословицы и поговорки, собранныя В. Н. С. (Смирницкимъ). Харьковъ. 1834 г. 617 послов. 5) Ластівка. Сборникъ на малороссійскомъ языкѣ, изданный Е. Гребенкой. Сиб. 1841. 318 стр. числомъ 90. 6) Вѣстникъ Географ. Общества, кн. 5. Въ статьѣ священ. Михѣевича: Этнографическія и статистич. свѣдѣнія объ Ольгопольскомъ уѣздѣ, Каменецъ-Под. губ. на стр: 23—40 напечатано 150 пословиць. 7) Чернигов. Губернск. Вѣдомости. Пословицы, собранныя священ. П. Огіевскимъ. 8) Черниг. Губернск. Вѣдомости. 1853 г. № 38. Малороссійскія историческія пословицы и поговорки. А. Лазаревскаго. Числомъ 30. 9) Описаніе мѣстечка Олишевки. А. Шишацкаго—Иллича. Черниговъ. 1854 г. 143—151 стр. числомъ 166. 10) *Lud Ukrainski przez A. Nowosielskiego*, Wilno. 1857 г. Т. 2-й 231—262 стр. 710 пословиць. 11) Ужинокъ рідного поля; вистачений працею Н. Кудаго. М. 1857 г. 327—353 стр. 617 послов. 12) Сборникъ малороссійскихъ пословиць и поговорокъ. Составилъ А. Шишацкій—Илличъ. Черн. 1857 г. (Изъ Черн. Губерн. Вѣд. 1857 г. № 10—16). 1403 пословицы. 13) Кіевскія Губерн. Вѣд. 1858 г. № 26. Пословицы, собранныя Григ. Кулжинскимъ. 14) Черниг. Губ. Вѣд. 1859 г. № 6, 16, 18, 25. Украинскія пословицы и поговорки, собранныя П. Ефименкомъ. Тамъ же, 1859 г. № 31, 32, 33, 38 и 40. 1-е дополненіе къ укр. пословицамъ. Тамъ же, 1860 г. № 23, 24, 25 и 26. Додатокъ до украин. помовокъ та погудокъ. Тамъ же, 1860 г. № 38 и 40. 3-е дополненіе; тамъ же, 1861 г. № 4-е дополненіе. Всего напечатано мною 1050 пословиць и поговорокъ. 15) Обь украинскихъ пословицахъ и поговоркахъ. А. Тищинскаго. Черн. Губ. Вѣд. 1859 г. № 29. Въ этой статьѣ указано нѣсколько ошибочныхъ объясненій пословиць въ моемъ сборникѣ и приведено нѣсколько новыхъ. 16) Черн. Губерн. Вѣдом. 1860 г. Батуринъ, мѣстечко Черн. губ. М. Псаенко. № 1—19. Здѣсь помѣщено нѣсколько сотенъ поговорокъ. 17) Малороссъ въ анекдотахъ про него и въ произведеніяхъ народной его литературы. Омелянска. Кіевскій Телеграфъ. 1859 г. № 12 и 14, 18) Галицкія приповідки и загадки, зібраніи Григоримъ Илькевичомъ. У Вѣдн. 1841 г. VI—124 стр. 2706 погов. 19) *Stare gawędy i obrazy*, *Wojsickiego*. Въ различныхъ статьяхъ этого сборника, касающихся до Галиціи, напечатано нѣсколько десятковъ посло-

вицъ. 20) Коляда. Мѣсяцесловъ, изданный на 1853 г. Моравскою Матицею. Здѣсь напечатаны В. Дундрою пословицы и приповѣдки частію зъ баснословія Малорусиновъ. 21) Граматка. Спб. 1857. Нѣсколько десятковъ пословицъ и поговорокъ. Въ другихъ граматкахъ, напр. Гатцука, Шейковского и пр. тоже напечатаны поговорки. 22) Grammatik der ruthenischen, oder klein-russischen Sprache in Galizien, von Joseph Lewicky. Przemisl. 1834 г. 148 галицкихъ приповѣдокъ. 23) Перемышлянинъ. Сборникъ, издававшійся воспитанниками Перемышльской семинаріи, на 1853 г. Галицкія приповідки. На 1854 г. Продолженіе приповѣдокъ. 24) Вінокъ Русинамъ на обѣдѣ. Я. Головацкаго. Вѣна. 1846 г. кн. 2-я. Въ статьѣ издателя: Подіть часу у Русинівъ, нѣсколько десятковъ приповѣдокъ, относящихся къ праздничнымъ и хозяйственнымъ днямъ. 25) Записки русскаго географическаго общества. 1847 г. кн. 2. Объ этнографическомъ изученіи русской народности, Надеждина. На 111 стр. помѣщены галицкія приповідки. 26) Archiv fur wissensch. Kunde von Russland. 1854 г. кн. XIII. Малороссійскія пословицы въ нѣмецкомъ переводѣ. Доктора Альтмана.

Весьма желательно, чтобы кто-нибудь собралъ въ одинъ сборникъ пословицы и поговорки, разбросанныя въ разныхъ именованныхъ нами и неизвѣстныхъ намъ сборникахъ и статьяхъ.

Что касается до рукописныхъ сборниковъ пословицъ, то ихъ множество; почти у каждаго изъ нашихъ писателей-этнографовъ есть они; напр. мы знаемъ о существованіи подобныхъ сборниковъ у А. Л. Метлицкаго, А. В. Марковича Н. М. Бѣлозерскаго, О. М. Бодянскаго, и у мн. др. Изъ старинныхъ сборниковъ намъ приходилось видѣть только одинъ у покойнаго Шишацкаго-Иллича. Онъ находится въ концѣ той рукописи, въ которой помѣщены стихотворенія монаха Климентія. Эта рукопись приобрѣтена теперь В. М. Бѣлозерскимъ.

Малороссійскія загадки въ книгѣ Закревскаго перепечатаны изъ сборника А. Семеновскаго. Наши загадки были напечатаны еще С. Д. Посомъ въ 24 № Черн. Губ. Вѣд. за 1859 г., въ Полтав. Губ. Вѣд. (не помню кѣмъ и въ которомъ году), и во 2-мъ томѣ изданія Новосельскаго Lud Ukrainski.

Словарь малороссійскихъ идиомовъ составляетъ главный трудъ издателя Старовѣтскаго Бандуриста, надъ которымъ онъ работалъ въ продолженіи двадцати слишкомъ лѣтъ. Посмотримъ же какъ выполненъ имъ этотъ трудъ. Мы уже привели мнѣніе г. Закревскаго о томъ,

что малороссійскій языкъ не есть самостоятельный языкъ, а нарѣчіе языка русскаго. Слова «языкъ и нарѣчіе,» когда дѣло идетъ о малороссійскомъ языкѣ и его отношеніи къ русскому, для многихъ составляетъ камень преткновенія. Многіе господа не могутъ ясно разграничить себѣ этихъ двухъ понятій, оттого и путаются въ сужденіяхъ о малороссійскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что понятія языкъ и нарѣчіе—относительныя; языкъ есть родовое понятіе, нарѣчіе видовое. Родовое понятіе въ данномъ случаѣ есть восточно-славянскій или славяно-русскій языкъ, видовыя его понятія—нарѣчія сѣвернорусское и южнорусское. Такимъ образомъ малороссійскій языкъ относительно восточно-славянскаго—есть нарѣчіе, такъ же точно, какъ и великороссійскій языкъ; относительно же сѣвернорусскаго есть равный ему языкъ. Однимъ словомъ, южнорусскій и сѣвернорусскій языки суть вѣтви одного и того же корня славяно-русскаго, или восточно-славянскаго языка. Когда произошло это развѣтвленіе—кончателно еще не рѣшено: одни говорятъ, будто въ XIV столѣтіи, другіе утверждаютъ, что гораздо раньше.

Чтобы дать возможно полное понятіе о словарѣ г. Закревскаго, постараемся привести какъ можно больше примѣровъ его объясненій малороссійскихъ словъ. «*Бакша*—града на огородѣ, негодная трава; *бакшу полоти*». Бакша въ Харьковской губ. означаетъ не гряду на огородѣ и не сорную траву, а то же, что *бащанъ* въ другихъ нашихъ губерніяхъ; выраженіе бакшу полоти значитъ выпалывать на бакшѣ сорную траву. «*Бузько*—аньсть, журавль, цапля». Какъ будто это все одно! «*Бурдюгъ*—пастушня котомка. Бурдюгомъ въ Таврической губерніи называется кожаный мѣшокъ, которымъ берутъ воду изъ глубокихъ степныхъ колодцевъ. «*Валка* приваль, отдыхъ; *приишовъ до чумакивъ, до валки*.» Валка чумацкій обозъ, а не приваль. «*Валкъ* (Екатериин. г.)—чумацкій обозъ.» Такого слова въ Екатериин. губ. не существуетъ, а есть валка. «*Дрѣхва* стенина птица.» Во первыхъ не дрѣхва, а дрохвѣ, во вторыхъ стениныхъ птицъ множество. «*Кабіця*—малороссійское снадобье для варенія пищи, подвижной очагъ. «У насъ, въ Таврич. губ. кабіцею называется не какое-то снадобье для варенія пищи, а печка, имѣющая видъ продолговатой ямы, коная на стени, въ которой раскладывается огонь для сваренія пищи. «*Кватира*—продолженіе непогоды.» Слово это означаетъ четверть или квадрату луны. «*Клектъ*, полеть.» Клектъ—оравный крикъ; въ этомъ смыслѣ слово клектъ употребляется и въ

словѣ о П. Игоревѣ. «*Личманъ* — особое состояніе людей въ простомъ быту, передовой человекъ (!); *такъ туди нехай веде, а самъ попереду якъ личманъ иде.*» »Что это за особое состояніе людей въ простомъ быту? Откуда г. Закревскій узналъ, что слово личманъ въ приведенномъ примѣрѣ означаетъ передоваго человека, прогрессиста? Личманъ въ Екатеринослав. губ. означаетъ просто старшаго *чабана*, то же что въ Таврич. губ. *отагасъ* (отъ слова ватага). Личманъ, или отагасъ обыкновенно идетъ впереди овецъ, которыя слѣдуютъ за нимъ, по его желанію; позади стада идутъ остальные пастухи. Это обычай древній, время кочеваго быта; онъ извѣстенъ и на востокѣ, какъ видно изъ Евангелія отъ Іоан. Гл. 10, ст. 4. «И когда (пастырь) выведетъ своихъ овецъ, *идетъ передъ ними*; а овцы за нимъ идутъ, потому что знаютъ голосъ его. За чужимъ же не идутъ.» Обычай пасти козъ вмѣстѣ съ овцами столь же древній, о чемъ можно судить изъ слѣдующихъ словъ Евангелія отъ Матвѣя (25, 32): «и соберутся предъ нимъ всѣ народы; и отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, *какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ.*» «*Лунь іого вхопивъ*» — онъ околѣлъ. Слово лунь не объяснено. *Накрытокъ* — проступокъ; честь тоді святилась дуже; накрытокъ карали. «Изъ слова накрытка, или покрывка, г. Закревскій сдѣлалъ слово накрытокъ и выдумалъ для него особое значеніе! «*Овчарка* — собака, охраняющая въ степныхъ губерніяхъ стадо овецъ.» Такого названія между Малороссіянами въ степныхъ губерніяхъ не существуетъ, а есть другое названіе — *чабанська собака*; слово же овчарка чисто русское. «*Ожина*, или *рогізь*, *рогоза* — ситникъ (*Scirpus palustris*); *малюе брови чорною ожиною; ой у лісі білий цвітъ ожина.*» Здѣсь смѣшаны два растенія: ожина и рогізь: второе по русски ситникъ (*Scirpus palustris*); это растеніе водяное: корень его употребляется въ пищу; первое же по русски ежевика (*Rubus*); она растеть въ новороссійскомъ краѣ по оврагамъ, а въ Малороссіи въ лѣсахъ, какъ видно и изъ приведенныхъ, г. Закревскимъ словъ пѣсни; ягоды ея сочны, черноватаго цвѣта; — ими дѣйствительно можно намаловати брови, а ситникомъ не намаловешь. «*Паслинь* — растеніе съ черными ягодами; дикорастущее по дворамъ. Дѣти ѣдятъ его безвредныя, но дурныя ягоды. Малороссіяне почитаютъ его бурьяномъ.» Во первыхъ ѣдятъ его не одни дѣти, но и взрослые; во вторыхъ ягоды паслина въ зеленомъ видѣ не безвредны, но довольно ядовиты; въ третьихъ для народа

эти ягоды недурныя, а составляют лакомство; ихъ даже продаютъ иногда на рынкахъ, и въ четвертыхъ Малороссіяне не называютъ этого растенія бурьяномъ. «*Рало*—плугъ, соха.» Въ Таврич. губ. ни то, ни другое; а особенное земледѣльческое орудіе, которое часто служитъ вмѣсто бороны. »*Ратиці*—пога, копыто дичины.« Копыто, но животныхъ двукопытныхъ: овецъ, свиней, козъ и пр., а не лошадей и вообще однокопытныхъ «*Сазонь*—родъ рыбы». Не сазонь, а сазань, или корошъ; такъ въ Таврич. губ. называется рыба каршъ. «*Свиріпа*—бурьянъ, негодная трава». Свиріпа, по русски сурѣпа, изъ семейства крестоносныхъ, она растетъ на пажитяхъ: въ пшеницѣ, ржи и пр. Правда, это трава сорная, но никакъ нельзя сказать негодная; потому что изъ нея добываютъ постное масло. «*Снівка*—пѣсенка; *самотні снівці*» Изъ слова снівецъ, т. е. пѣвецъ, поэтъ, г. Закревскій сдѣлалъ слово снівка! «*Табунъ* стадо дикихъ лошадей, пастухъ конхъ *табуницкъ*.» Табунъ—стадо лошадей и дикихъ и обыкновенныхъ; табуницкъ—пастухъ лошадей обыкновенныхъ: дикихъ не упасешь. «*Тхірѣ*—кротъ, хорѣкъ.» Кротъ и хорѣкъ не одно и то же; кротъ по малороссійски крѣтъ, а хорѣкъ—тхірѣ, «*Чабаній*—выхоженный, откормленный; *мои воли чабанні*.» Слово чабаній намъ неизвѣстно: въ Таврической губ. о волахъ говорятъ *чабанські*; это тѣ волы, которыхъ обыкновенно запрягаютъ въ чабанські *гарби* (арба), слѣдующія всегда за стадами овецъ.

Теперь станемъ продолжать наши выписки изъ словаря, не дѣлая отъ себя никакихъ замѣчаній. *Бо*—ибо; иди бо до дому! *Буца*—неустройство, бѣдствіе, драка. *Буртъ*—огорода, край чего либо, костеръ; *изъ трупивъ бурти насипали*. *Гава*—галка, *Гирло* водоворотъ. *Джинджуриста*—бравая. *Живиця*—бѣлая, чистая смола. *Жарнівка*—жемчужина, перлъ; *зуби якъ жарнівки*. *Защемити серце* влюбиться. *Занастити*—сдѣлать несчастнымъ. *Зворохнути*—встрепенуть, подать знакъ. *Змагатисѣ*—упрямиться, сопротивляться. *Куций*—короткій. *Плавъ*—плаваніе; *люди до ёго, якъ плавъ плывуть; утіпка на плаву!* *Побилл*—подобно, какъ!! *Прирва*—бездна, морской водоворотъ. *Притьмомъ* старательно, неотступно, настойчиво, совершенно. *Рожѣ*—рожъ, хлѣбъ. *Сзіть за очи* соответствуетъ русскому: такъ и быть. *Скинѣця*—сначала!!! а починай съ кінця. *Смажніи уста*—привлекательныя, горячія. *Старовати*—стараться, пещись, начальствовать, руководить. *Стерня*—пахатное поле, на коемъ жатва снята. *Унигатисѣ*—отказываться. *Гусарѣ, Куцорубѣ, Материнка, Ой ньенько*—названія разныхъ танцевъ. *Зколотити*—родъ

скормнаго кушанья. *Клесачка*—инструменть саожника. *Куколь-ванъ*—приманка для ловленія рыбы. *Метародъ* дѣтской игры. *Морюнь*—родъ кушанья. *Намішованикъ*—булка особаго рода. *Обідець* родъ женскаго украшенія. *Парши*—накожная болѣзнь. *Пари*—родъ карточной игры. *Пашкетъ*—родъ кушанья. *Пашокъ*—родъ карточной игры. *Пистрячка*—родъ накожной болѣзни, *Причлокъ*—уголь. *Пудикъ*—родъ пирожнаго. *Разі*—земледѣльческое орудіе. *Себелі*—название рыбы. *Тропакъ*, гоцакъ—родъ танца. *Гримаки* въ игрѣ дѣтей куски льда, извѣстнымъ образомъ приготовленные. Г. Закревскій! въ словарь все предполагается неизвѣстнымъ, а потому должно быть объяснено обстоятельно. Неужели и это неизвѣстно Вамъ, члену общества исторіи и древностей россійскихъ?

Въ словарь г. Закревскаго немало и великороссійскихъ словъ, которыхъ никогда не услышите въ малорусской рѣчи, напр. *варнакъ* (соотвѣтств. нашему сибірній) *сусликъ* (по нашему оврашокъ, или хавряшокъ,) *овчарка* и т. п. Сюда же внесены слова выгованныя Н. Куцьмъ: *язза* (самолюбіе,) *яззатися* (любить только себя,) *яззачь* (эгоистъ,) *усідійма* (исторія) и мн. др.

Вотъ двадцатилѣтній трудъ г. Закревскаго! Вотъ его знаніе малороссійскаго языка! И неудивительно: человекъ, какъ самъ пишетъ, съ 1829 года постоянно жилъ внѣ родины. За чѣмъ же браться за словарь, судить и рядить о языкѣ, котораго не знаешь?! По всей вѣроятности, все это дѣлалось «ради забавы, шутки, для невиннаго увеселенія и для пріятнаго препровожденія времени!»

Конечно, не всѣ слова въ словарѣ малороссійскихъ ідиомовъ объяснены такимъ образомъ, какъ вышеприведенныя. Изъ числа двѣнадцати тысячъ словъ многія переведены правильно; но это именно тѣ, которыя или сходны съ польскими (издатель знакомъ съ польскимъ языкомъ), или тѣ, которыя перепечатаны имъ изъ словарей, приложенийъ къ разнымъ малороссійскимъ сочиненіямъ и историческимъ актамъ.

Г. Закревскій обѣщаетъ продолжать свое изданіе: въ 4-й книгѣ будутъ напечатаны имъ: 1, выборъ изъ сочиненій современныхъ писателей; 2, Статьи историческія. Извлеченія изъ грамотъ, универсаловъ, писемъ, лѣтописей, журналовъ и проч. 3, Статьи нравственнаго содержанія изъ старопечатныхъ малороссійскихъ книгъ, Книга 5. Грамматика малороссійскаго нарѣчія. Судя по первому тому Старовѣтскаго Бандуриста, трудно предполагать, чтобы изъ рукъ г. Закревскаго

вышло что нибудь путное; въ особенности сомнительно, чтобы онъ былъ въ состояннн совладать съ малороссійскою грамматикою. Впрочемъ, дай, Боже, нашему теляті вовка піймати.

И. Ефименко.

Г. Онега, Арх. г.

ОБЫЧАИ НАСЛѢДОВАНІЯ У ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

(По свѣдѣніямъ, собраннымъ министерствомъ государственныхъ имуществъ
въ 1848 и 1849 годахъ.)

Перепечатывая этотъ дорогой трудъ, составленный г. О. Барыковымъ, съ просвѣщеннымъ пониманіемъ всей важности обычнаго права, мы ограничились вступленіемъ и свѣдѣніями, касающимися южнорусскаго края, съ цѣлю вызвать отъ мѣстныхъ наблюдателей и знатоковъ нашей народности сообщеніе черезъ *Основу* своихъ замѣчаній, которыя съ такою пользою для науки и для законодательства могли бы дополнить и исправить свѣдѣнія, собранныя официальнымъ путемъ. Мы надѣемся преимущественно на молодыхъ людей, занимающихся этнографіей и юридическими науками. Намъ уже извѣстно, съ какимъ стараніемъ и добросовѣстностью наблюдалъ и записывалъ народные юридическіе обычаи бывшій воспитанникъ петербургскаго университета, *П. П. Чубинскій*; намъ также извѣстно, что на эту сторону народнаго быта обращали вниманіе многіе священники, судьи, слѣдователи и мировые посредники; надѣмся, что они не откажутъ подѣлиться съ нами своимъ народознаніемъ.

Было бы полезно обратить вниманіе на разность и на причины разности (гдѣ она окажется) въ обычаяхъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ одной и той же мѣстности. *Ред.*

Министерство государственныхъ имуществъ, въ 1848 и 1849 годахъ, собрало свѣдѣнія о существующихъ у государственныхъ крестьянъ обычаяхъ наслѣдованія во всѣхъ 47 подвѣдомственныхъ ему гу-

берніяхъ. Поводомъ къ этому былъ возбужденный одною палатою вопросъ: имѣютъ-ли право отставные солдаты, возвращаясь на родину, требовать себѣ части наслѣдства, оставшагося послѣ ихъ родителей, которымъ воспользовались другіе ихъ родственники во время состоянія ихъ на службѣ? Такъ какъ крестьянское имущество есть трудовое достояніе членовъ семейства, а солдатъ, во время службы, въ приращеніи его не участвовалъ, то палата, не имѣя въ виду положительнаго закона, затруднилась въ разрѣшеніи этого вопроса и представила его министерству. Здѣсь мнѣнія раздѣлились. Второй Департаментъ полагалъ прямо рѣшить его по общимъ гражданскимъ законамъ, установленнымъ для всѣхъ сословій, съ тѣмъ только, что права солдата на наслѣдство ограничиваются имуществомъ, оставшимся отъ родителей, не простираясь на послѣдующее его приращеніе. Первый-же департаментъ находилъ, что, по особенному свойству крестьянскаго имущества, вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ безъ предварительнаго собранія свѣдѣній: какимъ образомъ раздѣлы наслѣдства совершаются въ разныхъ мѣстахъ по обычаямъ народа. Министръ графъ Киселевъ согласился съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ. По его распоряженію сперва, въ 1847 году, поручено было нѣкоторымъ палатамъ доставить свѣдѣнія: «1) какой порядокъ наслѣдованія существуетъ между государственными крестьянами, и 2) какое въ подобныхъ случаяхъ имѣютъ участіе отставные солдаты». Сообщенныя этими палатами свѣдѣнія касались большею частію только порядка производства дѣлъ по наслѣдству и недостаточно опредѣляли основанія самаго раздѣла имущества; посему министерство въ 1848 году снова отнеслось съ этими вопросами уже ко всѣмъ 47-ми палатамъ, дало имъ подробную программу и указало на тѣ обстоятельства, которыя имъ слѣдуетъ принять во вниманіе, а именно: «1) на законы о раздѣлахъ семейныхъ, которые необходимо должны имѣть влияние и на самые раздѣлы наслѣдства, 2) на законы объ учреженіи опеки надъ малолѣтними, 3) на существующее между государственными крестьянами право старшаго въ семействѣ, по которому управленіе и распоряженіе хозяйствомъ переходитъ нерѣдко не къ прямому наслѣднику, а къ тому члену семейства, который, по мѣстнымъ обычаямъ, считается старшимъ въ семействѣ, и 4) на такъ называемыя наградныя деньги, выдаваемыя отъ семействъ нижнимъ чинамъ, при поступленіи въ военную службу, и надбавлемыя имъ въ продолженіи оной пособія».

Программа вопросовъ была дана слѣдующая:

О переходѣ дома по смерти хозяина. 1) По смерти хозяина, въ чье завѣдываніе переходитъ домъ и хозяйство при различномъ состояніи оставшагося семейства, напримѣръ: когда остались послѣ хозяина жена, сыновья и братья его?

О раздѣлахъ имущества. 2) Всегда-ли со смертью хозяина дѣлается раздѣлъ въ имуществѣ, и какъ оно раздѣляется въ тѣхъ случаяхъ, когда семейство состоитъ изъ жены, сыновей и сестеръ замужнихъ и не замужнихъ, или въ тѣхъ случаяхъ, когда въ семействѣ находится сверхъ того братья умершаго, или ихъ вдовы и дѣти?

3) Какія части выдѣляются каждому члену семейства по различному отношенію его родства къ умершему, по оцѣнкѣ или примѣрно, и не полагается-ли при семъ случаѣ въ оцѣнку домъ?

4) Какимъ порядкомъ производится раздѣлъ: по взаимному согласію, или при участіи посредниковъ, или по опредѣленію мірскаго схода, или инымъ образомъ?

Объ отставныхъ нижнихъ чинахъ. 5) По возвращеніи нижнихъ чиновъ, получаютъ-ли они какую-либо часть наслѣдства въ тѣхъ случаяхъ, когда присоединяются къ общему родительскому дому, и въ тѣхъ, когда обзаводятся особымъ хозяйствомъ?

6) Какія части они получаютъ въ наслѣдство и отъ кого?

7) Такъ какъ послѣ поступленія члена общества въ солдаты состояніе семейства, по разнымъ обстоятельствамъ, отъ предприимчивости брата или дяди, можетъ увеличиться противу прежняго значительнымъ образомъ, то въ сихъ случаяхъ, какую часть нижніе чины получаютъ по прежнему-ли состоянію семейства, или по новому?

и 8) Черезъ кого выдѣлъ части совершается: по обоюдному согласію, или какъ сказано въ 4-ой статьѣ?

По этой новой программѣ получены въ теченіи 1848 и 1849 годовъ отзывы всѣхъ палатъ, кромѣ Астраханской, Виленской и Воронежской. Отзывы эти разной полноты и достоинства. Нѣкоторые, впрочемъ весьма немногіе, носятъ явные признаки канцелярскаго отписки, или, коснувшись слегка «существующихъ въ народѣ предрассудковъ и грубыхъ обычаевъ», представляютъ проекты законовъ о крестьянскомъ наслѣдованіи, клонящіеся преимущественно къ воспрещенію или затрудненію раздѣловъ, вредныхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи; по большинству отзывы составлены довольно подробно, а многіе—съ видимыми добросовѣтностью и любовью къ дѣлу. Окружные начальники и палаты, разбирая тяжбы крестьянъ, утверждая приговоры схо-

довъ и рѣшенія расправъ, имѣли возможность изучить бытъ народа. Во всякомъ случаѣ, отзывы эти у насъ суть единственныя, сколько-нибудь обстоятельныя данныя объ обычаяхъ наследованія у крестьянъ, и потому заслуживаютъ во многихъ отношеніяхъ полного вниманія. Представляемъ извлеченіе изъ этихъ отзывовъ, которому мы придаемъ видъ сборника. Въ изложеніи мы, особенно въ сомнительныхъ мѣстахъ, старались держаться какъ можно ближе къ подлинникамъ. Несмотря на неточность юридическаго языка отъ недостаточной научной подготовки собирателей, на встрѣчающіяся нерѣдко въ одномъ и томъ-же отзывѣ противорѣчія, мы не рѣшились исправлять мѣстныхъ показаній заглазно, опасаясь исказить можетъ быть непонятную школьному взгляду, но дѣйствительно существующую и простодушно переданную собирателемъ характерическую черту какого-нибудь мѣстнаго обычая. Мы предлагаемъ нашъ сборникъ, какъ сырой матеріалъ, на общественную повѣрку и разработку на мѣстахъ. Теперь настало къ этому самое благопріятное время. Положеніями 19-го февраля, крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, въ порядкѣ наследованія имуществомъ, дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями (ст. 38 Общ. Полож.). Споры о наследствѣ рѣшаются волостными судами на основаніи этихъ обычаевъ: рѣшенія суда записываются только въ книгу и признаются безапелляціонными. Собранія волостныхъ судовъ и книги ихъ рѣшеній открыты каждому для изученія самобытной юридической жизни народа. Особенно полезными дѣятелями въ этомъ отношеніи могли-бы быть мировые посредники и вообще члены мировыхъ учреждений: они находятся въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ крестьянами, но въ качествѣ простыхъ наблюдателей, безъ права административнаго вмѣшательства и ломки народнаго быта. Ихъ вниманію и повѣркѣ преимущественно поручаемъ мы настоящій сборникъ.

Признавая себѣ не по силамъ, особенно при настоящемъ положеніи собраннаго матеріала, представить основныя начала и систему крестьянскихъ обычаевъ наследованія, мы позволяемъ себѣ высказать только нѣсколько общихъ замѣчаній, вынесенныхъ нами изъ доставленныхъ палатами свѣдѣній.

Нельзя не замѣтить рѣзкой разницы между порядкомъ наследованія по своду законовъ и по обычаямъ крестьянъ. Независимо отъ того, что на наши законы имѣли вліяніе законодательныя теоріи и чужеземныя позанметвованія, а крестьянскіе обычаи выработались само-

бытно изъ самой народной жизни, причину этой разницы, и притомъ, — какъ намъ кажется, — главную, можно отыскать въ самомъ имущественномъ и хозяйственномъ положеніи крестьянъ, которое наложило свою печать и на характеръ крестьянской семьи, и на понятіе о крестьянскомъ имуществѣ.

Крестьяне большею частію почти совсѣмъ не имѣютъ имущества, въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли его понимать. Недвижимой собственности у нихъ вовсе нѣтъ, кромѣ купленной, которая, разумѣется, встрѣчается рѣдко. Земля надѣляется имъ въ пользованіе отъ казны. При общинномъ пользованіи, она распределяется и передѣляется міромъ; при надѣленіи семейными участками, хотя и установлено наследственное пользованіе (Св. зак. Т. XII Ч. II ст. 114), но эта наследственность означаетъ только отсутствіе мірекихъ передѣловъ; семейный же участокъ признается нераздѣльнымъ имуществомъ (такъ же ст. 115). Слѣдовательно, и въ томъ, и въ другомъ случаяхъ земля изъята изъ свободнаго частнаго распоряженія. Крестьянскія строенія, выстроенныя изъ казеннаго лѣсу, также не признаются личною собственностью крестьянъ. Остается движимость, заключающаяся большею частію въ земледѣльчихъ орудіяхъ, рабочемъ скотѣ, утвари, рѣдко въ деньгахъ; но и эта движимость обыкновенно находится лишь въ такомъ количествѣ, сколько необходимо для веденія одного хозяйства, а потому фактически не можетъ подлежать дѣлежу. Въ семейныхъ же участкахъ она, какъ необходимая принадлежность полнаго хозяйства, вносится, въ опредѣленномъ для каждой мѣстности количествѣ, въ *постоянную хозяйственную роспись*, и по самому закону признается нераздѣльнымъ имуществомъ и переходитъ въ полномъ составѣ къ преемнику хозяина (та же 115 ст.). Изъ этихъ средствъ крестьянская семья должна и кормиться, и справлять всѣ свои нужды, и уплачивать подати. Подати эти, и по формѣ взиманія, и по относительной величинѣ къ чистому поземельному доходу, почти чисто личныя, особливо въ малоземельныхъ или худородныхъ мѣстностяхъ. Вообще главный факторъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ составляетъ не капиталъ, а личный трудъ.

Удовлетвореніе насущныхъ нуждъ наполняетъ собою всю жизнь крестьянина и даетъ ему особенный взглядъ на всѣ ея отношенія. На каждый свой шагъ, каждое въ ней событіе: выборъ невѣсты, время для свадьбы, рожденіе дѣтей онъ принужденъ смотрѣть преимущественно съ экономической точки зрѣнія. Семья, по его понятіямъ, по

крайней мѣрѣ юридическимъ, есть не только личный союзъ родства, но и рабочій хозяйственный союзъ, связанный общностью средствъ, потребностей и обязательствъ; это,—если можно такъ выразиться,—кровная артель. Имущество крестьянина не есть личная его собственность, а общій хозяйственный инвентарь всей семьи, который большею частію не можетъ быть раздѣленъ безъ разстройства хозяйства и остается въ общемъ владѣніи подъ распоряженіемъ старшаго въ домѣ, а если и дѣлится, то не по родственному распорядку степеней и линій, а по мѣрѣ участія въ общемъ заработкѣ.

Изъ этого проистекаетъ и главное различіе между порядкомъ наследованія по своду законовъ и по крестьянскимъ обычаямъ. Первый основанъ исключительно на началахъ: родовомъ, семейномъ и отчасти сословномъ; во второмъ къ нимъ примѣшивается и преобладаетъ начало экономическое, артельное.

Сравнимъ тотъ и другой порядокъ въ главныхъ чертахъ.

Основные положенія о наследствѣ, по своду законовъ, слѣдующія:

Наслѣдство есть совокупность имуществъ, правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго лица, т. е. его личная собственность. Оно дѣлится между наследниками и остается въ общемъ владѣніи только тогда и до тѣхъ поръ, пока все наследники того желаютъ. Главное основаніе права наследованія есть родство; кромѣ родственниковъ, въ немъ участвуетъ и супругъ умершаго. Свойство не даетъ права наследства. Родственники призываются къ наследству въ порядкѣ, зависящемъ отъ близости родства. Близость родства считается по степенямъ и линіямъ. Степень есть связь одного лица съ другимъ посредствомъ рожденія, а непрерывная связь степеней есть линія. Линіи бываютъ: нисходящая, восходящая и боковыя; первая двѣ соединены между собою непрерывною связью рожденій, а боковыя—только общимъ родоначальникомъ; чѣмъ ближе общій родоначальникъ, отъ котораго расходятся линіи къ данному лицу, тѣмъ боковая линія къ нему ближе. Ближайшія линіи исключаютъ дальнѣйшія, и въ каждой линіи ближайшая степень исключаетъ дальнѣйшую; но если одно изъ лицъ, принадлежащихъ къ одинаковой степени съ другими, получающими наследство, при открытіи его не находится въ живыхъ, то мѣсто его заступаютъ его дѣти и потомки обоого пола и получаютъ все вмѣстѣ ту часть, которая слѣдовала—бы ему, еслибъ онъ находился въ живыхъ. Эта называется правомъ представленія, и раздѣлъ происходитъ поколѣнно.

Въ нисходящей линіи сыновья дѣлят имущество послѣ родителей поголовно, а внуки, по праву представленія, поколѣнно. Дочери получаютъ каждая изъ недвижимаго имѣнія 14-ую, а изъ движимаго 8-ую часть.

Въ боковыхъ линіяхъ родовое имѣніе отца идетъ въ родъ отца, а родовое матери въ родъ матери. Сестры при братьяхъ и ихъ помѣствѣ обоого пола въ боковыхъ линіяхъ не наследуютъ.

Восходящіе родственники не наследуютъ. Только послѣ бездѣтныхъ дѣтей, благопріобрѣтенныя ихъ имѣнія поступаютъ къ родителямъ въ пожизненное владѣніе, а полученныя отъ родителей возвращаются къ нимъ по принадлежности.

Супруги наследуютъ одинъ послѣ другаго въ $\frac{1}{7}$ части изъ недвижимаго и въ $\frac{1}{4}$ части изъ движимаго имущества.

Малолѣтныя во всѣхъ случаяхъ получаютъ одинаковую часть съ совершеннолѣтними; часть эта, до возраста малолѣтнихъ, поступаетъ въ вѣдѣніе ихъ опекуна.

Обратимся затѣмъ къ крестьянскимъ обычаямъ наследованія.

Крестьянское имущество есть общая принадлежность дома, семьи, находящаяся въ завѣдываніи домохозяина; отдѣльной личной собственности у членовъ семьи почти нѣтъ, и потому по смерти ихъ наследство не открывается. Имущество это не составляетъ также личной собственности и самого домохозяина, и потому, хотя при жизни его оно находится въ безотчетномъ его распоряженіи, но по смерти его, въ большей части губерній, оно обыкновенно не дѣлится, а, продолжая быть общимъ достояніемъ семьи, переходитъ въ хозяйственное распоряженіе его преемника. Преемника этого онъ или самъ себѣ назначаетъ—завѣщательное начало, или имъ дѣлается тотъ, кто по обычаю считается старшимъ послѣ него въ домѣ: въ однихъ мѣстностяхъ—его братъ, т. е. дядя оставшимся его сыновьямъ. — начало родовое; въ другихъ—старшій изъ сыновей умершаго, — начало семейное. Но рядомъ съ этими началами, свойственными или настоящему, или древнему нашему наследственному праву, видимъ и другія, чуждыя ему, болѣе экономическія: въ весьма многихъ мѣстностяхъ домъ и хозяйство переходятъ обыкновенно къ старшему по лѣтамъ, независимо отъ его мѣста въ родственномъ порядкѣ, вѣроятно въ томъ предположеніи, что онъ опытнѣе всѣхъ въ веденіи хозяйства; а въ иныхъ случаяхъ видимъ прямо, что члены семейства сами выбираютъ себѣ въ хозяева самаго расторопнаго и способнаго. Если по смерти хозяина въ домѣ

останутся изъ мужчинъ только малолѣтныя, то хозяйство принимаетъ одинъ изъ родственниковъ изъ другого дома, и притомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не на правахъ опекуна до совершеннолѣтїя питомцевъ, а остается полнымъ хозяиномъ на всю свою жизнь; по смерти же его хозяйство переходитъ не къ его дѣтямъ, а къ старшему сыну прежняго хозяина. Мѣстные собиратели даютъ и этой характеристической чертѣ опять также экономическое объясненіе: обыкновенное имущество крестьянскаго дома не составляетъ такого капитала, чтобы доходы съ него могли удовлетворять всѣ потребности семьи и оплачивать за нее подати; а потому оно не выдерживаетъ и опеки. Большую часть средствъ крестьянину приходится добывать своимъ личнымъ трудомъ; и тотъ, кто беретъ на себя главную долю этого труда за малолѣтнихъ, становится уже не опекуномъ ихъ, а полнымъ хозяиномъ. По этой причинѣ опека, какъ юридическій институтъ, вообще весьма мало развита въ крестьянскомъ быту.

Раздѣлы имущества по смерти хозяина, какъ сказано выше, въ большей части, особенно великорусскихъ губерній, составляютъ не правило, а исключеніе, бываютъ только при раздѣлахъ самой семьи, большую частію вслѣдствіе семейныхъ несогласій, охуждаются обычаемъ, считаются вредными для хозяйства и требуютъ разрѣшенія схода. Въ основаніи этихъ раздѣловъ, въ многихъ мѣстностяхъ, опять видимъ сильное вліяніе экономическаго начала. Это не раздѣлъ наслѣдства, и даже не раздѣлъ общаго имущества, доставшагося по наслѣдству, а дѣлежъ общаго заработка. При составѣ дома изъ родственниковъ разныхъ степеней, имущество дѣлится не поколѣнно, а по числу наличныхъ взрослыхъ работниковъ. Такъ взрослые сыновья получаютъ равныя доли съ своимъ отцомъ и дядями; малолѣтній сирота племянникъ не получаетъ доли своего умершаго отца, а поступаетъ въ которую-нибудь часть раздѣляющагося семейства. Зятья и свойственники, живущіе въ домѣ, посторонніе приемышы получаютъ такую-же часть, какъ и родственники. Словомъ, кто только участвовалъ въ общемъ заработкѣ, тотъ и получаетъ себѣ равную съ прочими долю, безъ всякаго различія родственныхъ линий и степеней. Въ иныхъ мѣстахъ приемышы такъ и называются «дольниками». Отдѣленные отъ дома родственники, хотя бы и самыхъ близкихъ степеней, вовсе въ раздѣлѣ не участвуютъ, если только остается кто-нибудь изъ членовъ того-же дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычай дѣлаетъ весьма тонкое различіе между родственнымъ, чисто наслѣдственнымъ, и экономическимъ,

артельнымъ началомъ. Если дѣлится общее имущество дома послѣ хозяина, то доли назначаются по числу наличныхъ взрослыхъ работниковъ; если—же наслѣдство идетъ съ боку, изъ другого дома, и слѣдовательно въ приращеніи его наслѣдники не участвовали, то оно дѣлится по родственнымъ линіямъ и степенямъ.

Весьма важный вопросъ при крестьянскихъ раздѣлахъ: кто получаетъ домъ, «остается на старомъ кореню», какъ говорятъ великорусскіе крестьяне? Въ большей части мѣстностей домъ достается старшему изъ сыновей хозяина; въ нѣкоторыхъ—же, напротивъ того, младшему. Минорать этотъ встрѣчается преимущественно въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ, гдѣ старшіе сыновья, большую частію еще при жизни отца, отдѣляются и переходятъ на особья хозяйства; семья обстроиваетъ ихъ общими силами на отдѣльныхъ усадьбахъ и домохозяйствъ выдѣляетъ имъ часть имущества по своему усмотрѣнію. Младшаго—же сына родители обыкновенно оставляютъ при себѣ, и по смерти отца онъ и остается въ домѣ хозяиномъ.

Лица женскаго пола, при родственникахъ мужскаго, не получаютъ определенной доли наслѣдства; онѣ остаются жить при которой—либо изъ дѣлящихся частей, а при замужествѣ награждаются приданымъ, по достатку и усмотрѣнію семьи.

Вдова определенной части изъ доли, слѣдовавшей ей мужу, въ большей части мѣстностей не получаетъ. Если у ней есть дѣти, то она всего чаще остается при нихъ въ домѣ мужеской родни; бездѣтная возвращается въ родительскій домъ; семья мужа обязана возвратить ей только приданое, если она его съ собой принесла; дать—же ей что—либо сверхъ того зависитъ вполне отъ доброй воли мужниной семьи.

Весьма характеристичны также собранныя свѣдѣнія, относящіяся въ частности до участія отставныхъ солдатъ въ наслѣдствѣ. По общимъ законамъ о наслѣдствѣ, солдатъ долженъ—бы былъ получить одинаковую долю съ прочими родственниками равной степени, за вычетомъ развѣ наградныхъ денегъ при поступленіи на службу и пособій въ продолженіи ея, если считать ихъ за выдѣлъ. При этомъ слѣдующая ему доля могла—бы быть назначена или лишь изъ того имущества, сколько осталось при открытіи наслѣдства въ смерть отца, не простираясь на послѣдующее его приращеніе, или—же изъ наличнаго состоянія имущества ко времени возвращенія солдата, такъ какъ принадлежащая ему часть тоже находилась въ обращеніи. Такъ и бы-

васть по обычаямъ крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ; но въ другихъ мѣстностяхъ отставной солдатъ или вовсе не получаетъ никакой доли, или при опредѣленіи ея берется въ расчетъ состояніе имущества не въ смерть отца и не наличное, а лишь до того времени, когда солдатъ поступилъ на службу. Эта черта также имѣетъ чисто экономическій характеръ: съ выходомъ изъ артели прекращается и право на долю въ послѣдующемъ общемъ заработкѣ.

При сильномъ преобладаніи экономического элемента, обычаи наслѣдства по разнымъ мѣстностямъ не представляютъ достаточно характеристическихъ признаковъ для раздѣленія ихъ на этнографическія группы; притомъ—же, собранныя палатами свѣдѣнія весьма мало касаются различія народностей и племенъ, живущихъ въ предѣлахъ одной губерніи. Тѣмъ не менѣе, не имѣя въ виду другихъ основаній для плана сборника, мы признали всего удобнѣе раздѣлить его по историко—этнографическимъ мѣстностямъ. Въ порядкѣ изложенія крестьянскихъ обычаевъ мы держимся программы вопросовъ, данной министерствомъ государственныхъ имуществъ (*).

УКРАИНА.

КІЕВСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) По смерти хозяина домъ и хозяйство преимущественно переходятъ въ завѣдываніе его жены; сыновья—же, состоя въ полной зависимости отъ матери, помогаютъ ей въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Братья умершаго хозяина допускаются къ завѣдыванію домомъ лишь въ качествѣ попечителей, въ томъ случаѣ, если жена по старости, а дѣти по малолѣтству, не могутъ сами распоряжаться хозяйствомъ.

Раздѣлы имущества. 2) Раздѣлы имущества, со смертью хозяина, бываетъ не всегда. Это зависитъ: или отъ воли самого хозяина, или отъ обстоятельствъ и состоянія семейства. Въ первомъ слу-

(*) Считаешь нужнымъ оговорить, что со времени бывшей въ западныхъ губерніяхъ люстраціи хозяйственный бытъ крестьянъ во многомъ измѣнился. Потому имѣющіяся у насъ подъ руками свѣдѣнія особенно по этимъ губерніямъ требуютъ повѣрки и исправленія. Мы просимъ объ этомъ мѣстныхъ экспертовъ.

чаѣ хозяинъ, въ видахъ доставленія взрослымъ сыновьямъ возможности къ заведенію собственнаго хозяйства, при жизни своей, выдѣляетъ имъ по своему усмотрѣнію часть имущества, и они устриваютъ себѣ особыя жилища и хозяйства: на отцовскомъ—ли грунтѣ, или въ другихъ мѣстахъ. Во второмъ случаѣ, когда сыновья, по занятію какимъ либо особымъ ремесломъ или промысломъ, не могутъ безъ стѣсненія себя и другихъ членовъ семейства отпривалить своихъ занятій, или-же многочисленность самого семейства потребуетъ раздробленія; при этомъ отдѣляющимся членамъ, по усмотрѣнію главы семейства, выдѣляются и соотвѣтственныя части. Если же хозяинъ, умирая, оставляетъ имущество нераздѣленнымъ, и послѣ него остаются жена, сыновья, дочери и сверхъ того братья умершаго или ихъ вдовы и дѣти, то и въ семъ случая имущество остается нераздѣльнымъ до тѣхъ поръ, пока семейныя обстоятельства того потребуютъ: при случаяхъ женитбы сыновей или братьевъ умершаго, или желанія послѣднихъ отдѣлится жительствомъ и хозяйствомъ.

3) Если раздѣлъ имущества приводится при жизни хозяина, то выдѣлъ частей дѣлается по его усмотрѣнію. Если-же по смерти его, то имущество дѣлится такимъ образомъ: сыновья получаютъ равныя части. Дяди ихъ или братья умершаго хозяина участвуютъ въ раздѣлѣ въ такомъ только случаѣ, если имущество у нихъ съ умершимъ хозяиномъ было общее и они въ устройствѣ хозяйства въ равной мѣрѣ участвовали; правами ихъ пользуются также ихъ вдовы и дѣти. Что же касается дочерей умершаго хозяина, то замужнія, при самомъ выходѣ за мужъ, награждаются родителями по усмотрѣнію, а незамужнія, проживая въ отцовскомъ домѣ, остаются на попеченіи того изъ братьевъ, который при раздѣлѣ остается хозяиномъ дома, а при выходѣ замужъ награждаются всеми братьями по возможности. Равно и жена умершаго хозяина, при раздѣлѣ, особой части не получаетъ, и остается на попеченіи того изъ сыновей, которому при раздѣлѣ достался домъ. Раздѣлъ имущества производится по приблизительной или примѣрной стоимости: домъ въ оцѣнку не полагается и въ составъ дѣлимаго имущества не входитъ, а достается тому сыну, который принимаетъ на свое попеченіе мать и сестеръ,—и преимущественно младшему сыну.

4) Раздѣлъ имущества производится почти всегда по взаимному согласію наслѣдниковъ, въ случаѣ спора чрезъ посредниковъ, а при неуспѣшности и этой мѣры—по опредѣленію мірскаго схода.

Участіе солдатъ въ наслѣдствѣ. 5) Нижніе чины, по возвращеніи на родину, если присоединяются къ общему родительскому дому, никакой особой части не получаютъ, а довольствуются все́мъ содержаніемъ и, участвуя въ трудѣ братьевъ, пользуются наравнѣ съ ними все́ми выгодами и прибылью отъ хозяйства. Если-же пожелаютъ отдѣлиться, то получаютъ слѣдующую имъ часть наравнѣ съ прочими родственниками, участвовавшими въ раздѣлѣ имущества.

6) Выдѣлъ наслѣдственной части солдаты получаютъ по указанію сосѣдей изъ того имущества, какое оставалось при поступленіи ихъ на службу, безъ всякихъ расчетовъ за то время, которое братья пользовались имъ до возвращенія солдата. Впрочемъ, въ семействахъ болѣе согласныхъ, выдаютъ солдатамъ нѣкоторую часть и изъ при-
былаго въ отсутствіе ихъ имущества.

Подольская губернія.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. Недвижимое имущество: домъ со службами, фруктовые сады, огородъ и тяглыя земли, отведенныя отъ казны за поземельный оброкъ, наслѣдуетъ въ Подольской губерніи членъ семейства, признанный годнымъ къ исполненію назначенныхъ съ крестьянскаго двора поземельныхъ повинностей; движимое-же имущество: рабочій и прочій скотъ, земледѣльческія снаряды, пчелы, хлѣбъ и деньги (последнія впрочемъ бывають весьма рѣдко) подлежатъ общему раздѣлу между наслѣдниками. Членъ семейства, признанный за смертью отца хозяиномъ, остается полнымъ владѣльцемъ дома съ обзаведеніемъ и тягломъ, и на немъ уже лежатъ все поземельныя и подушныя, опредѣленныя съ номера его двора, повинности. Прочіе наслѣдники хотя и живутъ нераздѣльно въ томъ-же домѣ или пристроенныхъ къ нему особыхъ избахъ, но содержатся особо и пользуются землями того-же участка только за условленную съ хозяиномъ плату или работу. Обычаи крестьянъ, издревле существующіе и почти одинаковыя во всей Подольской губерніи, слѣдующіе:

1) Если хозяинъ умретъ, оставляя сыновей малолѣтними, то вдова его завѣдуетъ домомъ и земельнымъ участкомъ, подъ надзоромъ сельскаго управленія и почтенѣйшихъ хозяевъ, близкихъ сиротамъ по родству. Опекa матери продолжается до совершеннолѣтія старшаго сына, который тогда поступаетъ на хозяйство отца. Если изъ остающихъ-

ся послѣ хозяина сыновей одинъ женатый, то домъ и хозяйство перечисляются за нимъ; если-же нѣсколько женатыхъ сыновей, то переходятъ къ самому младшему сыну, который устраняется отъ этого преимущества только при совершенной неспособности, признанной или отцомъ при жизни, или послѣ него сельскими старшинами. Послѣ хозяина, неоставившаго потомства мужескаго пола, старшая дочь наследуетъ все хозяйство и мужъ ея поступаетъ въ померные хозяева. На конецъ, послѣ бездѣтнаго хозяина поступаетъ на хозяйство родной его братъ, если онъ не имѣетъ отдѣльнаго хозяйства: въ противномъ-же случаѣ, если братья умершаго не нуждаются въ домѣ, сельская расправа назначаетъ по своему усмотрѣнію хозяина изъ бобылей; тогда домъ отбивается и деньги, вырученныя за него отъ поступающаго на хозяйство крестьянина наравнѣ съ прочимъ имуществомъ умершаго подлежатъ общему между сонаслѣдниками раздѣлу.

Раздѣлы имущества. 2) Движимое имущество, какъ-то: скотъ, пчелы, хлѣбъ, снаряды, деньги и одежда, дѣлятся поровну между всеми сыновьями; но если отецъ, при женитьбѣ сына, выдѣлилъ ему часть, то она вычитается изъ слѣдующей ему доли при общемъ раздѣлѣ наследства.

Замужнія дочери въ раздѣлѣ не участвуютъ, ибо при замужествѣ получаютъ отъ отца по возможности приданое, заключающееся въ одеждѣ, рабочемъ и нерабочемъ скотѣ, пчелахъ, а у болѣе зажиточныхъ и въ деньгахъ. Приданое для незамужнихъ дочерей, по смерти отца, выдѣляется изъ общаго имущества и поступаетъ въ опеку матери.

Вдовѣ хозяина оставляютъ ея платье и часть нерабочаго скота: коровъ и овецъ. Сверхъ сего пожизненное ея содержаніе возлагается на обязанность преемника хозяина. Если-же она, какъ часто случается, пожелаетъ вмѣсто того жить при замужней дочери, то ей назначается пособіе въ хлѣбѣ.

3) Раздѣлъ имущества, при различномъ отношеніи родства наследниковъ къ умершему, определяется слѣдующимъ порядкомъ:

Сыновья дѣлятъ имущество поровну, за исключеніемъ дома съ обзаведеніемъ, составляющихъ собственность члена, поступающаго на хозяйство и принимающаго на себя поземельныя повинности; дочери удовлетворяются приданымъ. Если нѣтъ сыновей, то дочери дѣлятъ между собою все оставшееся имущество. По безпотомно-умершемъ, имущество поступаетъ въ раздѣлъ братьямъ и ихъ дѣтямъ и вообще бли-

жайшимъ родственникамъ, а послѣ безроднаго, по закону, въ мірской капиталъ.

4) Остающееся имущество не оцѣняется, а наслѣдники дѣлятъ его примѣрно по ровной долѣ, если умирающій не распорядился раздѣломъ по духовному завѣщанію, объявляемому обыкновенно словесно приходскому священнику, или въ присутствіи почетнѣйшихъ хозяевъ. Въ случаѣ разногласія при дѣлежѣ, что бываетъ весьма рѣдко, наслѣдники обращаются къ сельской расправѣ и ближайшему начальству.

Участіе солдатъ въ наслѣдствѣ. 5) Отпуская сына на службу, отецъ снабжаетъ его только необходимымъ для дороги, въ надеждѣ дожить до его возвращенія и тогда надѣлится наравнѣ съ прочими сыновьями. Но если отецъ уже старъ, то старается отдать поступающему въ солдаты все, что можетъ прийтись на его долю, и для того нерѣдко, при недостаткѣ наличныхъ денегъ, продаетъ даже часть рабочаго скота и другаго имущества. Если крестьянинъ поступаетъ въ солдаты послѣ смерти отца, то или требуетъ своей части отъ родственниковъ посредствомъ сельской расправы, или оставляетъ эту часть въ завѣдываніи братьевъ, или жены своей и дѣтей, получая самъ только необходимыя на дорогу, въ той надеждѣ, что по возвращеніи найдетъ себѣ у нихъ пріютъ и пособіе.

Неполучившій при поступленіи на службу выдѣла, отставной солдатъ, возвращаясь на родину, получаетъ свою принадлежность безспорно. Если застанетъ отца въ живыхъ, онъ или остается при отцовскомъ хозяйствѣ на условленной долѣ, или обзаводится особо, получая отъ казны усадьбную землю и лѣсной матеріалъ. Если-же отставной солдатъ найдетъ отца уже умершимъ и братьевъ поступившихъ на его хозяйство, то получаетъ отъ нихъ слѣдующую часть добровольно или посредствомъ сельскій расправы, въ всякомъ случаѣ равную съ прочими наслѣдниками, но не выше стоимости имущества, какое было въ семействѣ при поступленіи его на службу. На имущество, по поступленіи его въ рекруты, приобрѣтенное какъ до смерти отца, такъ и послѣ ея братьями, солдатъ права не имѣетъ.

Волынская губернія.

По Волынской губерніи доставленныя свѣдѣнія весьма скудны. Палата ограничивается неопредѣленнымъ указаніемъ, что по смерти хозяина, домъ и хозяйство обыкновенно переходятъ къ старшему члену се-

мейства, если онъ способенъ управлять хозяйствомъ; а возникающіе по этому предмету споры рѣшаются приговоромъ сельской расправы. Раздѣлы имущества по смерти хозяина «производятся лишь въ тѣхъ казенныхъ имѣніяхъ, гдѣ корыстолюбивые арендные владѣльцы, для увеличенія барщины, которая отбывается здѣсь съ каждаго двора, допускали самовольные раздѣлы крестьянскихъ семействъ, которыя производились безъ всякихъ правилъ, по согласію участвующихъ, иногда по рѣшенію сосѣдей, а нерѣдко по праву сильного или болѣе хитраго.» Палата эти раздѣлы запретила.

Отставные солдаты, живя въ семействѣ, пользуются наравнѣ съ прочими членами достояніемъ общаго хозяйства; если же желаютъ обзавестись отдѣльно, то пользуются добровольно имъ даннымъ, но не вправѣ требовать чего либо отъ семейства, обязаннаго призрѣть ихъ у себя.

Полтавская губернія.

Въ Полтавской губерніи, по существующему изстари у государственныхъ крестьянъ обычаю, хозяинъ, имѣющій нѣсколькихъ взрослыхъ сыновей, старается каждому изъ нихъ при женитьбѣ устроить отдѣльный домъ и хозяйство, оставляя при себѣ въ помощь только одного сына. Потому случаи общаго жительства семьи, состоящей изъ жены, нѣсколькихъ взрослыхъ сыновей и братьевъ хозяина, встрѣчаются весьма рѣдко и почти исключительно только между однодворцами. Сообразно этому коренному обычаю выдѣла сыновей при жизни хозяина, сложилась и обычай наследованія послѣ его смерти.

Переходъ дома хозяйства по смерти хозяина. 1) По смерти хозяина, если онъ не распорядился назначить себѣ преемника духовнымъ завѣщаніемъ, домъ и хозяйство переходятъ въ управленіе: или къ его женѣ, или къ тому сыну, кокорый оставался жить при (*) отцѣ; братья же умершаго почти никогда въ управленіи домою не участвуютъ, имѣя у себя отдѣльныя хозяйства.

Раздѣлы имущества. 2) Такъ какъ хозяинъ обыкновенно вы-

(*) Изъ сбивчивой редакціи отзыва палаты нельзя вывести положительнаго заключенія: кто имѣетъ преимущество: вдова ли-ли умершаго, или его сынъ: но кажется, что настоящей хозяйкой считается собственно вдова, а сынъ только помогаетъ матери. Во всякомъ случаѣ, при матери, или самъ управляетъ домою не старшій изъ сыновей умершаго хозяина, а тотъ, который, за отдѣленіемъ прочихъ, оставался при отцѣ.

дѣляетъ взрослыхъ сыновей еще при жизни, то по смерти его раздѣлы имущества встрѣчаются рѣдко.

3) Раздѣлы различаются, смотря по званію умершаго: у малороссійскихъ козаковъ земли свои, и они владѣютъ ими на правѣ личной собственности; посему у козаковъ земли также подлежатъ раздѣлу между наслѣдниками; у казенныхъ—же крестьянъ, войсковыхъ, воинскихъ поселянъ и проч. земли надѣлены отъ казны въ пользованіе цѣлому мірскому обществу, потому участокъ хозяина не можетъ подлежать дѣлежу между наслѣдниками, и раздѣлъ ограничивается только движимостью и кушленными землями, у кого онѣ есть.

4) Выдѣлы частей наслѣдникамъ производится слѣдующимъ образомъ:

Изъ имущества, оставшагося послѣ отца, отдѣленные при жизни его сыновья части не получаютъ, неотдѣленные—же, оставшіеся при немъ, сыновья дѣлятъ между собою наслѣдство по равнымъ частямъ, поголовно. Незамужнимъ дочерямъ всѣмъ вмѣстѣ назначается изъ отцовскаго имущества четвертая часть на приданое. Если отецъ еще при жизни выдалъ нѣсколькихъ дочерей, то по смерти его незамужнимъ назначается не полная четвертая часть, а сколько изъ нея будетъ слѣдовать по числу остающихся дочерей.

Имущество, оставшееся послѣ матери, дѣлится поровну между неотдѣленными наслѣдниками обоого пола. Отдѣленные сыновья и замужнія дочери въ материнскомъ наслѣдствѣ также, какъ и въ отцовскомъ, не участвуютъ.

5) Раздѣлъ производится натурою; но если въ составѣ дѣлимаго имущества находятся строенія и другія вещи, которыхъ нельзя поровну раздѣлить, то онѣ отдаются кому—либо изъ наслѣдниковъ по оцѣнкѣ, съ удовлетвореніемъ прочихъ по расчету.

6) Раздѣлъ совершается по взаимному согласію; въ случаѣ спора—при участіи посредниковъ: общества или сельскаго и волостнаго начальствъ; если—же и при ихъ участіи наслѣдники не согласятся въ раздѣлѣ полюбовно, то вѣдаются въ судебныхъ мѣстахъ по порядку.

Участіе солдатъ въ наслѣдствѣ. 7) Отставные солдаты, если до поступленія на службу не были отдѣлены отцомъ, по возвращеніи на родину, — присоединяются—ли они къ общему родительскому дому, или обзаводятся особо, — получаютъ части изъ наслѣдства наравнѣ съ прочими членами семейства, т. е. изъ отцовскаго имущества равныя доли съ сыновьями, а изъ материнскаго — со всѣми наслѣдниками

обоего пола; отдѣленные до поступления на службу солдаты, какъ и вообще всѣ отдѣленные члены семейства, въ наследствѣ не участвуютъ.

8) Если по смерти родителей имущество отъ предприимчивости братьевъ увеличится, то солдатъ, неотдѣленный до поступления на службу, по возвращеніи получаетъ часть по наличному состоянію имущества, «въ вознагражденіе за то, что онъ служилъ за цѣлое семейство и освободилъ собою отъ службы братьевъ.»

ЧЕРНИГОВСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) Если по смерти хозяина остается одинъ женатый сынъ, а прочіе холостые, то они всѣ живутъ вмѣстѣ; вдова хозяина распоряжается внутреннимъ домашнимъ хозяйствомъ, а женатый старшій сынъ — ви́шнимъ. Когда впоследствии женится другой братъ, то по большей части ему въ томъ же дворѣ строить общими силами другую избу, и онъ, живя въ ней съ женой, имѣетъ отдѣльную движимость, но рабочій скотъ и земли остаются въ общемъ владѣніи до совершеннолѣтія всѣхъ братьевъ. Если потомъ женится и третій братъ, и въ это время у старшаго будутъ уже нѣсколько дѣтей, то онъ (т. е. старшій?) съ помощію братьевъ, строитъ себѣ особую избу, или на томъ-же дворѣ, если позволяетъ мѣсто, или переселяется на другой огородъ, а меньшей остается въ старой избѣ. Объясненный выше порядокъ соблюдается по большей части; но бывають и измѣненія, которыя зависятъ отъ обстоятельствъ и взаимнаго согласія. Одна жилия изба никогда не дѣлится на части, а остается во владѣніи кого-нибудь одного. Холодная-же строения, если ихъ бываетъ каждаго рода понѣскольку, дѣлятся поровну и часто переносятся съ одного мѣста на другое; если же которому-либо изъ членовъ семейства не достанется какого-либо рода холоднаго строения, то оно строится общими силами.

Раздѣлы имущества. 2) Въ Черниговской губерніи два рода государственныхъ поселянъ: казенные крестьяне и казаки; первые пользуются землями отъ казны, вторые владѣють ими на правѣ собственности. Отъ этого различія въ правахъ владѣнія землею происходитъ разница и въ порядкѣ раздѣла недвижимаго имущества.

Казенные крестьяне, пользуясь казенною землею, не имѣють права не только передавать ее во владѣніе другихъ сословій, но и дѣлать семейные участки; хотя-же и случается иногда, что по несогла-

сію въ семействѣ члены его дѣлятъ между собою не только движимое, но и недвижимое имущество, то въ отношеніи послѣдняго раздѣлъ составляетъ только частную домашнюю сдѣлку; участокъ—же земли, надѣленный семейству, считается по вѣдомостямъ въ полномъ составѣ за цѣлымъ семействомъ. Эти участки никогда не переходятъ отъ одного семейства къ другому, а остаются постоянно въ одномъ семействѣ до тѣхъ поръ, пока оно не уничтожится въ мужескомъ колѣнѣ. Измѣненія же въ участкахъ дѣлаются по приговору сельскихъ обществъ въ такихъ только случаяхъ, когда происходятъ перемѣны въ семействахъ, т. е. если случится, что въ одномъ семействѣ число душъ мужескаго пола уменьшится, а въ другомъ увеличится; тогда отъ перваго, по приговору общества, отдѣляется часть земли и отдается въ пользованіе другому (*). Изъ сего видно, что въ этомъ разрядѣ государственныхъ поселенъ Черниговской губерніи существуютъ уже нѣкоторымъ образомъ наследственные, нераздѣльные участки земли, переходящіе отъ отца къ сыну, внуку и т. д.

Козаки, владѣя землею на правѣ собственности, съ нѣкоторымъ только ограниченіемъ относительно собственно козачьихъ земель, слѣдуютъ при раздѣлѣ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, тѣмъ правиламъ, какія изложены въ т. X Свод. Зак., и которыя относятся до Черниговской и Полтавской губерній; и притомъ члены семейства тогда только дѣлятъ между собою недвижимое имущество, когда на это послѣдуетъ разрѣшеніе отъ палаты. Впрочемъ между козаками Черниговской губерніи обычаемъ введено, что сестры при братьяхъ никогда не получаютъ въ свое владѣніе части земель, принадлежащихъ отцамъ ихъ. При выходѣ замужъ, онѣ получаютъ въ приданое одежду, домашній скотъ и деньги, а до замужества живутъ въ семействѣ. Точно также и вдовы, по смерти мужей, не получаютъ въ собственное владѣніе никакой части изъ недвижнаго имущества, а остаются въ семействѣ и, раздѣляя труды его, пользуются содержаніемъ отъ дѣтей своихъ или родственниковъ мужа, «Если же у кого-либо изъ козаковъ нѣтъ сыновей, а только дочери, то онѣ наследуютъ всеѣмъ имущест-

(*) Едва-ли это свѣдѣніе справедливо. Мірскіе передѣлы земель чужды малороссійскому хозяйственному устройству крестьянъ. Передѣлы эти встрѣчаются развѣ только въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи: Новозыбковскомъ, Суражскомъ, Мглинскомъ, Стародубскомъ, Новгородсѣверскомъ и Глуховскомъ, въ коихъ существуетъ мѣстами великорусское хозяйственное устройство, общинное владѣніе землей и разверстка ея по тягламъ.

вомъ отца и дѣлятъ его между собою на равныя части; когда-же выдутъ въ замужество, то недвижимое имущество, по смерти ихъ считается материнскимъ и дѣлится между дочерьми, безъ участія въ томъ сыновей, разумѣется, если мать при жизни не сдѣлала распределительной записи или духовнаго завѣщанія въ пользу сыновей (*). Если козачьему семейству будетъ отъ начальства дозволенъ раздѣлъ, то имѣніе дѣлится большею частию по взаимному согласію членовъ семейства, иногда при участіи посредниковъ; а въ случаѣ жалобъ на неуравнительность раздѣла—по опредѣленію мірскаго схода при участіи сельской расправы.

3) Какъ между казенными крестьянами, такъ и между козаками, опеки надъ малолѣтними учреждаются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда умершій отецъ ихъ составлялъ отдѣльное семейство; въ тѣхъ-же семействахъ, гдѣ есть совершеннолѣтніе братья, дяди или другіе родственники, надъ малолѣтними, какъ неимѣющими отдѣльной собственности, опека не назначается.

Участіе солдатъ въ наслѣдствѣ. 4) Отставные солдаты, если присоединяются къ общему родительскому дому, не получаютъ отдѣльной части, если-же обзаводятся особо, то получаютъ часть изъ отцовскаго имущества, равную съ прочими сонаслѣдниками, отъ тѣхъ родственниковъ, которые раздѣлили ее между собою и пользовались ею до возвращенія солдата.

5) Солдатъ имѣетъ право на долю лишь изъ того имѣнія, которое было при поступленіи его на службу. Выдѣлъ изъ послѣдующаго приращенія зависить единственно отъ добраго расположенія родственниковъ.

6) Денежныя пособія, которыя солдатъ при поступленіи или въ продолженіи службы получалъ отъ отца, не зачитаются въ слѣдующую ему часть имѣнія; но если поступающій на службу получить отъ братьевъ или другихъ родственниковъ столько денегъ, сколько стоитъ вся слѣдующая ему доля, то, по выходѣ въ отставку, уже никакой части не получаетъ.

ХАРЬКОВСКАЯ ГУБЕРНІЯ (**).

Харьковская (бывшая Слободско-Украинская) губернія составляетъ какъ-бы переходъ отъ малороссійскаго быта къ великорусскому. Пер-

(*) Въ Полтавской губерніи, какъ сказано выше, материнское наслѣдство дѣлится между сыновьями и дочерьми поровну.

(**) По сосѣдней и однохарактерной съ Харьковскою Воронежской губерніи, свѣдѣній палатою не доставлено.

вый всего сильнѣе въ южныхъ и юговосточныхъ уѣздахъ: Старобѣльскомъ, Купянскомъ, Изюмскомъ, Зміевскомъ и Валковскомъ, прилегающихъ къ Екатеринославской и Полтавской губерніямъ; великорусскій—въ Сумскомъ; уѣзды Лебединскій и Ахтырскій представляютъ смѣшеніе обоихъ элементовъ, но изъ нихъ, кажется, малороссійскій преобладаетъ. Къ сожалѣнію, въ отзывѣ палаты не указано различія въ обычаяхъ того и другаго племени. Доставленныя свѣдѣнія во многомъ сходны съ имѣющимися по Полтавской губерніи и носятъ признаки общаго малороссійскаго тина. По словамъ палаты, «во всѣхъ почти уѣздахъ Харьковской губерніи весьма рѣдко случается, чтобы родные братья, даже при отцѣ и матери, жили нераздѣльно, однимъ хозяйствомъ. Обыкновенно родители, имѣя нѣсколькихъ сыновей, отдѣляютъ каждаго при женитьбѣ и, если могутъ, даютъ ему отдѣльную усадьбу, устраиваютъ домъ и предоставляютъ часть земли, несмотря на запрещеніе раздроблять семейства. При отцѣ остается только одинъ сынъ, — обыкновенно меньшей. Если хозяинъ умираетъ, не раздѣливъ сыновей, то, по достиженіи совершеннолѣтія или при женитьбѣ, они почти всегда дѣлятся. Оставляя отцовскій домъ во владѣніе одному брату, общими издержками устраиваютъ дома для другихъ, даже и тогда, когда осталась одна небольшая усадьба. Если-же по бѣдности и принуждены бываютъ жить въ одномъ домѣ, то и тогда хозяйство у каждаго бываетъ отдѣльное». Сообразно этой главной характеристической чертѣ малороссійскаго племени—стремленію къ отдѣльной личной собственности, сложились и обычаи наследованія.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) По смерти хозяина, если осталось нѣсколько взрослыхъ сыновей, то большею частію старшіе бываютъ уже прежде отдѣлены при жизни отца, потому домъ и хозяйство переходятъ къ младшему. Если-же останется одинъ сынъ, то хозяйствомъ распоряжается онъ. Если всѣ дѣти малолѣтны, то, впредь до возраста ихъ, хозяйствомъ завѣдываетъ жена, а за ея смертію, — на правахъ опекуна, — старшій изъ родственниковъ хозяина, по назначенію сельскаго начальства, а чаще по родственному участію въ сиротахъ.

Раздѣлы имущества. 2) За выдѣломъ старшихъ сыновей, при жизни хозяина, раздѣлы имущества послѣ его смерти встрѣчаются рѣдко. Обыкновенно младшій сынъ, оставшійся при отцѣ, становится послѣ него полнымъ наследникомъ имущества, т. е. того, что оставалось у отца за отдѣломъ другихъ сыновей и выдачею замужъ до-

черей. Если-же при смерти отца дѣти остались нераздѣленными, то они непременно дѣлятся.

3) При раздѣлѣ наслѣдства, право старшаго въ Харьковской губерніи не существуетъ, и все сыновья равны. Забота о приданомъ дочерей лежитъ на матери. Замужнія дочери умершаго не имѣютъ участія въ раздѣлѣ, если отецъ при смерти не отказалъ имъ чего-либо; въ послѣднемъ случаѣ воля умершаго свято исполняется.—Когда-же остаются одніе дочери, то дѣлятъ имущество поровну.—Бездѣтный хозяинъ обыкновенно беретъ къ себѣ на воспитаніе сына или дочь ближайшаго родственника и оставляетъ имущество воспитаннику; замѣчательно, что другіе родственники, по обычаю, не оспариваютъ у такихъ воспитанниковъ права на наслѣдство. Когда бездѣтнымъ хозяиномъ не сдѣлано при жизни распоряженія объ имуществѣ, то его получаютъ ближайшіе родственники.

4) Раздѣлъ наслѣдства производится большею частію по волѣ хозяина: или заблаговременно при жизни, или по словесному завѣщанію, почти всегда безпрекословно исполняемому; если-же хозяинъ не выразилъ своей власти относительно раздѣла, то раздѣлъ производится по обоюдному согласію наслѣдниковъ, рѣдко при стороннемъ посредствѣ, а еще рѣже по мірскому разбирательству, или судебному рѣшенію.

Участіе солдатъ въ наслѣдствѣ. 5) Зажиточные крестьяне нанимаютъ за себя въ солдаты охотниковъ; поступаютъ въ рекруты большею частію изъ бѣдныхъ семействъ; потому, при возвращеніи, солдатъ рѣдко имѣетъ что наслѣдовать, и обыкновенно пристаеетъ къ одному изъ братьевъ. Если-же есть имущество, то солдатъ получаетъ равную долю съ остальными братьями. Въ Зміевскомъ уѣздѣ, если во время нахождения солдата на службѣ семейство дѣлится, то ему назначается равная часть съ прочими членами семейства и передается одному изъ нихъ на сохраненіе, Жена солдата, безъ его согласія, часть эта не передается; но ей предоставляется жить при томъ семействѣ, гдѣ находится имущество ея мужа.

6) Такъ какъ братья очень рѣдко имѣютъ нераздѣльное хозяйство, а каждый особое, то если одинъ изъ нихъ и сталъ богаче, другіе чрезъ то ничего не выигрываютъ. Поэтому и находившійся на службѣ братъ не получаетъ ничего, если не будетъ доброй воли пріобрѣтателя удѣлить ему что-либо.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Екатеринославская палата сообщила свѣдѣнія поуѣдно, въ томъ сыромъ видѣ, какъ они доставлены отъ окружныхъ начальниковъ, присовокупивъ, что «въ отношеніи раздѣловъ между крестьянами не существуетъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ, слѣдовательно и необходимо ихъ постановить». Дѣйствительно, отъ неодинаковаго пониманія вопросовъ программы, отвѣты окружныхъ вышли крайне разнотолковы и очень трудно группируются. Указываемъ поуѣдно на болѣе выдающіяся особенности, оставляя ихъ на ответственности собирателей и поручая мѣстной повѣркѣ.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) По смерти хозяина, управление домомъ и хозяйствомъ переходитъ: въ Екатеринославскомъ и Ростовскомъ уѣздахъ къ старшему изъ членовъ семейства (въроютно по лѣтамъ); въ остальныхъ—же уѣздахъ: Новомосковскомъ, Павлоградскомъ, Бахмутскомъ и Александровскомъ остается, до раздѣла, даже при взрослыхъ сыновьяхъ, въ рукахъ жены умершаго, а по смерти ея или вторичномъ замужествѣ поступаетъ къ старшему ея сыну. При малолѣтствѣ сыновей хозяйство, по свѣдѣніямъ всѣхъ уѣздовъ, остается въ зрѣдыванія ихъ матери.

Раздѣлы имущества. 2) Всегда—ли со смертью хозяина производится раздѣлъ имущества,—объ этомъ изъ доставленныхъ свѣдѣній нельзя вывести положительнаго заключенія. По уѣздамъ: Екатеринославскому, Ростовскому и Бахмутскому упоминается о томъ, что иногда послѣ хозяина домъ и хозяйство остаются въ общемъ владѣніи всей семьи подъ управленіемъ или старшаго члена семейства, или вдовы хозяина. По остальнымъ уѣздамъ объ этомъ умалчивается.

3) Раздѣлъ наслѣдства между дѣтьми, по свѣдѣніямъ изъ всѣхъ уѣздовъ, производится обыкновенно по духовному завѣщанію отца, или же по усмотрѣнію оставшейся матери. Если ни духовнаго завѣщанія, ни матери не осталось, то всѣ сыновья дѣлятъ имущество поровну. Если въ семьѣ есть, кромѣ сыновей, неотдѣленные братья хозяина, то раздѣлъ происходитъ поколѣнно, т. е. всѣ дѣти вмѣстѣ получаютъ долю своего отца; только по Александровскому уѣзду упоминается, что «иногда та часть семейства, въ коей находятся дѣти—работники, способствовавшіе собственными трудами приращенію общаго имущества, получаетъ нѣсколько болѣе на ихъ долю». По Бахмутскому и Новомосковскому уѣздамъ сообщается, что мать, раздѣляя сыновей,

оставляетъ на себя седьмую часть, которая, по ея смерти, остается собственностью того изъ сыновей, при которомъ она жила, равно и бездѣтной вдовѣ выдается седьмая часть изъ движимаго имущества мужа. По Александровскому уѣзду седьмая часть выдается бездѣтной вдовѣ, а также незамужнимъ сестрамъ (?).

4) Домъ, при раздѣлѣ, полагается въ оцѣнку: по Александровскому уѣзду всегда; по Бахмутскому только въ томъ случаѣ, если ни одинъ изъ дѣлящихся братьевъ не имѣлъ отдѣльнаго дома, а все они жили вмѣстѣ; по Ростовскому—«если движимое имущество соответствуетъ цѣнности дому, въ противномъ—же случаѣ остающийся въ домѣ помогаетъ отдѣляющемуся по возможности». Домъ оставляется по уѣздамъ: Екатеринославскому и Новомосковскому преимущественно младшему сыну; по Ростовскому—«или младшему брату, или вдовѣ съ дѣтьми»: по Павлоградскому, «при неотдѣленныхъ братьяхъ хозяина, домъ всегда достается его вдовѣ съ сиротами, за исключеніемъ случая выхода ея замужъ; тогда она получаетъ на себя и на сиротъ при раздѣлѣ имущества и часть, слѣдующую за домъ; самый—же домъ достается кому-либо изъ братьевъ умершаго: или по взаимному согласію, или по рѣшенію сельского схода, или по жеребью».

5) Раздѣлы производятся большею частию по добровольному соглашенію, иногда при участіи посредниковъ, въ которые приглашаются ближайшіе родственники; а въ случаѣ спора по опредѣленію мірскаго схода. Последніе случаи впрочемъ, по отзывамъ всехъ уѣздовъ, бывають весьма рѣдко; а по Ростовскому уѣзду положительно утверждается, что «ни сельское управленіе, ни мірской сходы въ раздѣлахъ не участвуютъ».

Участіе солдата въ наследствѣ. 6) Во всехъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи возвращающіеся солдаты, если пожелаютъ обзавестись отдѣльнымъ хозяйствомъ, получаютъ равную часть съ остальными братьями; по свѣдѣніямъ Павлоградскаго уѣзда, сверхъ этой части, братья дѣлають солдату пособіе въ обстройкѣ дома; а по Александровскому уѣзду показано, что «домъ всегда безъ раздѣла достается солдату».

7) По свѣдѣніямъ всехъ уѣздовъ, солдатъ получаетъ часть по наличному состоянію имущества, хотя бы оно послѣ поступленія его на службу и увеличилось. По одному только Павлоградскому уѣзду сказано, что «солдатъ получаетъ только ту часть, какою каждый братъ послѣ отца воспользовался; если—же братья или дяди, во время его

службы, слѣдующую ему часть какимъ-либо образомъ утратить, то вознаграждаютъ его своею собственностью». По Александровскому уѣзду «если, при поступленіи солдата на службу, у семейства его не было никакого имущества, а оно приобрѣтено уже послѣ братьями, то по возвращеніи солдатъ получаетъ отъ братьевъ только то, что они признаютъ возможнымъ ему удѣлить».

Херсонская губернія.

По отзыву Херсонской палаты, «порядокъ раздѣловъ наслѣдства между государственными крестьянами соблюдается различный, смотря по племени народовъ, населяющихъ Херсонскую губернію, или смѣшанный отъ слиянія ихъ въ одно общество. Такъ великороссіине, малороссіине, молдаване, живущіе отдѣльными селеніями, сохранили еще обычай тѣхъ мѣстъ, откуда зашли сюда для поселенія, а соединившіеся въ одно общество, несмотря на разноплеменность свою, подчинились обычаямъ, какіе преимущественно одинъ отъ другого приняли». Къ сожалѣнію, палата, излагая различные обычай, не вездѣ указываетъ народность, которой они принадлежатъ, и вообще старается «обобщить эти частности». Мы приводимъ ея отзывъ въ подробности.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) По одному обычаю: со смертью хозяина, домъ переходитъ въ завѣдываніе его жены, и при ней остается обыкновенно старшій сынъ, если при жизни отца отдѣленъ не былъ; другіе сыновья переходятъ на особія хозяйства и только тогда наслѣдуютъ старшему, когда у него ни жены, ни дѣтей не останется.

Другой обычай такой: если послѣ хозяина остается жена, сыновья и братья неотдѣленные, то домъ переходитъ у однихъ въ распоряженіе старшаго брата покойнаго хозяина, а у другихъ—ко вдовѣ и меньшому сыну; въ случаѣ-же смерти сихъ послѣднихъ, раздѣляется по ровну другимъ оставшимся сыновьямъ умершаго, по оцѣнкѣ, и за нимѣіемъ ихъ—братьямъ покойнаго или ближайшимъ родственникамъ; если-же и тѣхъ нѣтъ, то вступаетъ къ родственникамъ жены умершаго. По Ананьевскому уѣзду, обычай, чтобы отцовскій домъ переходилъ къ меньшому сыну, до такой степени вкоренился между крестьянами, что оставшаяся вдова-мать, имѣя полное право по своему произволу распредѣлять имущество между дѣтьми, ни въ какомъ случаѣ не можетъ младшаго сына лишить наслѣдованія отцовскимъ до-

момъ, даже и тогда, еслибы младшій сынъ находился въ военной службѣ; въ семь последнемъ случаѣ братья только до возвращенія его могутъ жить въ отцовскомъ домѣ, по прибытіи—же солдата тотчасъ ему его уступаютъ.

Раздѣлы имущества. 2) Въ селеніяхъ, населенныхъ молдаванами или смѣшанно съ мѣстными жителями, при раздѣлахъ имущества, остающагося послѣ хозяина, соблюдается слѣдующій порядокъ: когда отецъ при жизни дѣлаетъ распоряженіе о раздѣлѣ, то надѣляетъ каждаго члена семейства по своему усмотрѣнію, безъ всякаго сторонняго вмѣшательства. Но если хозяинъ умеръ, не сдѣлавъ никакого распоряженія, и послѣ него остаются жена, дѣти и братья, то все имущество переходитъ въ полное распоряженіе жены, кромѣ дома, который, какъ сказано выше, поступаетъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ къ старшему брату умершаго, а въ другихъ къ меньшему сыну; прочее имущество вдова распределяетъ между дѣтьми, по собственному усмотрѣнію, и жалобъ на это почти никогда не бываетъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по смерти хозяина остаются одни дѣти безъ матери, имущество дѣлится между сыновьями поровну, а незамужнія дочери получаютъ противъ своихъ братьевъ въ половину. Отдѣленные сыновья и замужнія дочери лишаются всякаго права на оставшееся наслѣдство, даже и въ томъ случаѣ, если бы отецъ, при свадьбѣ дочери, по бѣдности ничего не могъ имъ дать, а впоследствии разбогатѣлъ. Если у умершаго хозяина дѣтей не было, то имущество дѣлится между его вдовой и братьями или другими ближайшими наслѣдниками на равныя части, и въ этомъ случаѣ оставшійся домъ также входитъ въ общій раздѣлъ. Если—же оставшаяся вдова пожелаетъ выдти замужъ, то ей возвращается приданое, а если его не было, то ей выдѣляется наслѣдниками часть имущества, по мѣрѣ того, сколько она помогала мужу въ его приобрѣтеніи.

Въ селеніяхъ населенныхъ одними великороссіянами и малороссіянами, вдова, если пожелаетъ вновь выдти замужъ, получаетъ изъ всего имущества третью, четвертую или пятую часть; если же вдова престарѣлыхъ лѣтъ, то остается на попеченіи старшаго брата умершаго, который вступаетъ въ распоряженіе всѣмъ хозяйствомъ, принимая на себя попеченіе и надъ незамужними дочерьми, и онѣ при замужествѣ получаютъ части отцовскаго имущества уже по усмотрѣнію завѣдываваго онымъ брата умершаго.

3) Раздѣлы имущества производятся большею частію по взаимно-

му соглашенію членовъ семейства, въ присутствіи сосѣдей и старѣйшинъ, которые и служатъ между ними посредниками въ случаѣ спора. Не было примѣра, чтобы наслѣдники послѣ того куда-либо далѣе переносили свои жалобы.

4) Если по смерти хозяина остаются одни малолѣтныя дѣти, то къ нимъ и имуществу, по приговору схода, назначаются опекуны изъ сосѣдей и родственниковъ, которые, по мѣрѣ достиженія наслѣдниками совершеннолѣтія, выдѣляютъ каждому слѣдующую часть.

Участіе солдатъ въ наслѣдствѣ. 5) Отецъ обыкновенно при жизни дѣлаетъ распоряженіе въ пользу находящагося на службѣ сына, но когда этого не сдѣлано и солдатъ возвратится домой послѣ смерти отца, то получаетъ равную часть съ братьями изъ отцовскаго наслѣдія, существовашаго до его смерти, безъ зачета тѣхъ пособій, какія ему дѣлались во время службы; вновь-же приобрѣтенное братьями имущество въ раздѣлѣ не входитъ. Если, по существующему обычаю, отставному солдату, какъ меньшому въ семействѣ брату, будетъ слѣдовать оставшійся послѣ отца домъ, а солдатъ обзаводиться хозяйствомъ не пожелаетъ, то прочіе братья обязаны выплатить ему, по взаимному соглашенію, стоимость дома деньгами.

ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) У русскихъ и малороссіянъ, по смерти хозяина домъ и хозяйство почти всегда переходятъ въ управленіе старшаго по немъ брата. Если братья отдѣляются на особое жительство, то получаютъ изъ хозяйства равныя части; такую-же часть получаетъ и вдова съ дѣтьми, оставаясь жить въ общемъ домѣ, за который однако уплачиваетъ братьямъ слѣдующія по стоимости его части. Если-же и сыновья вдовы, достигнувъ совершеннолѣтія, пожелаютъ выдти на особое жительство, то также получаютъ равныя части изъ дома и хозяйства матери, но чаще всего случается, что домъ, по желанію матери, переходитъ къ меньшому сыну, при которомъ она и сама остается жить.

Раздѣлы имущества. 2) У русскихъ и малороссіянъ раздѣлы имущества со смертью хозяина не всегда дѣлается; это зависитъ отъ семейныхъ обстоятельствъ и согласія. Имущество дѣлится между сыновьями поровну. Дочери получаютъ только приданое. Если въ семьѣ, кромѣ дѣтей хозяина, остались еще неотдѣленные его братья или

ихъ вдовы съ дѣтьми, то раздѣлъ происходитъ поколѣнно: всѣ дѣти вмѣстѣ получаютъ долю своего умершаго отца; вдова съ малолѣтними дѣтьми въ прежнее время не получала ничего до ихъ совершеннолѣтія, а слѣдующая имъ часть оставалась у одного изъ дѣдей; по достиженіи—же совершенного возраста, дѣти получали такую часть, какая слѣдовала отцу ихъ при общемъ раздѣлѣ имущества. Палата признала этотъ обычай недостаточно обезпечивающимъ сиротъ и его отмѣнила. Бездѣтная вдова получаетъ седьмую часть изъ всего мужчины имущества.

3) Выдѣлъ частей этихъ бывалъ въ прежнее время примѣрно, а теперь по оцѣнкѣ, полагая въ нее также и домъ. Впрочемъ оцѣнка дѣлается болшею частію только при раздѣлахъ тѣхъ семействъ, въ коихъ есть малолѣтныя сироты.

4) Раздѣлъ производится по взаимному согласію, а иногда при участіи посредниковъ изъ сосѣдей. Раздѣлъ-же имущества, котораго часть слѣдуетъ сиротамъ, дѣлается теперь при участіи сельскаго начальства, опекуновъ и трехъ благонадежныхъ свидѣтелей; при чемъ составляется опись съ примѣрною всею оцѣнкою и домашній раздѣльный актъ за подписью всѣхъ находившихся при раздѣлѣ; актъ этотъ впрочемъ остается незасвидѣтельствованнымъ.

5) У магометанъ, сыновья по достиженіи совершеннолѣтія и по вступленіи въ бракъ болшею частію отдѣляются отъ родителей на особыя хозяйства. Раздѣлъ имущества у магометанъ производится по ихъ закону чрезъ уѣздныхъ кадіевъ слѣдующимъ порядкомъ: за вычетомъ употребленнаго на похороны и уплату долговъ умершаго, оставшее имущество кадіи дѣлятъ между наслѣдниками, выдавая на сіе яфты (раздѣльные акты); затѣмъ каждый изъ совершеннолѣтнихъ располагаетъ своею долею по усмотрѣнію, а часть малолѣтнихъ берется въ опеку. Порядокъ наслѣдованія между магометанами слѣдующій: если не осталось духовнаго завѣщанія, то во-первыхъ отецъ или мать умершаго, а если ихъ нѣтъ, то дѣдъ или бабка получаютъ шестую часть; во вторыхъ жена восьмую часть, въ-третьихъ дѣти: сыновья двѣ части, а дочь одну часть. Если умершій бездѣтенъ, то наслѣдуютъ его имуществомъ отецъ или мать, а если и ихъ нѣтъ въ живыхъ, то дѣдъ или бабка, родные братья и сестры, за неимѣніемъ ихъ дяди по отцовскому колѣну и т. д.

Участіе солдатъ въ наслѣдствѣ. 6) Возвращающіеся солдаты

получаютъ равную часть съ братьями крестьянами; сверхъ того имъ всегда отдается отцовскій домъ на жительство.

7) Солдатъ получаетъ часть по наличному состоянію имущества; но если отецъ назначилъ ему часть по духовному завѣщанію, то онъ требуетъ ее сполна, хотя бы она и была растрчена.

БЕССАРАБІЯ.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) По смерти хозяина, домъ и хозяйство переходятъ въ завѣдываніе его вдовы; въ случаѣ-же престарѣлости ея, къ взрослому сыну по порядку старшинства, или-же къ болѣе способному управлять домою; а при неимѣніи дѣтей мужескаго пола къ дочерямъ. Отдѣленные сыновья въ наслѣдствѣ домою не участвуютъ. Когда нѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ, домъ поступаетъ къ брату или другому ближайшему родственнику.

Раздѣлы имущества. 2) Имущество дѣлится обыкновенно по завѣщанію умершаго, или устной предъ смертью памяти. Послѣ оставившаго завѣщанія, раздѣла не бываетъ, а имуществомъ владѣетъ одна вдова; хотя же и управляютъ хозяйствомъ сыновья или братья покойнаго, но подъ наблюденіемъ вдовы, которая, при женитбѣ сыновей и замужествѣ дочерей, надѣляетъ ихъ равными частями. Братья умершаго, ихъ вдовы и дѣти наслѣдуютъ только послѣ бездѣтно умершихъ.

3) Когда встрѣчается необходимость дѣлить имущество между вдовою, ея сыновьями, дочерьми и другими родственниками, то каждому изъ сонаслѣдниковъ выдѣляются указныя части; при этомъ и домъ входитъ въ оцѣнку.

4) Раздѣлы большею частію совершаются по взаимному соглашенію, рѣдко при участіи посредниковъ и сельскихъ расправъ; сельскіе же сходы въ этомъ дѣлѣ никогда не участвуютъ.

5) Такъ какъ Бессарабія освобождена отъ рекрутской повинности, то отставныхъ солдатъ въ крестьянскихъ семействахъ не находится.

СТАВРОПОЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

По Ставропольской губерніи доставленныя свѣдѣнія весьма неопределенны и неполны. Къ кому переходить управленіе домою и хозяй-

ствомъ по смерти хозяина,— не видно. Говорится только, что, при прямыхъ наслѣдникахъ хозяина, раздѣлы составляютъ исключеніе, а большею частію семья остается въ общемъ хозяйствѣ. Въ случаѣ раздѣла, неотдѣленные братья хозяина получаютъ равныя части съ его дѣтьми. Бездѣтная вдова умершаго получаетъ изъ всего имущества седьмую часть. Сестры ничего не получаютъ; незамужнія проживаютъ въ общемъ домѣ и выдаются замужъ на счетъ семейства—безъ приданого. Вдовы братьевъ умершаго; если имѣютъ дѣтей, получаютъ часть слѣдовавшую мужу; бездѣтныя же, никакой доли не имѣютъ, но содержатся на счетъ родственниковъ. Домъ всегда идетъ въ раздѣлъ, и для того: или продается, или передается одному изъ наслѣдниковъ, по обычаю—старшему сыну хозяина, съ вознагражденіемъ остальныхъ деньгами,—или же дѣлится натурою. Раздѣлъ производится по взаимному соглашенію наслѣдниковъ, въ случаѣ споровъ—при участіи мірскаго общества и сельскаго начальства.

Отставные солдаты, если не были отдѣлены до поступленія на службу, получаютъ равныя части съ прочими наслѣдниками изъ личного имущества, которое *пайдутъ по своему возвращенію*.

Ф. Барыковъ.

ЗАЩИТНИКУ ГОЛУБИЧСКОЙ ШКОЛЫ.

Въ прошломъ году я писалъ въ 11 № *Черниговскаго Листка* о состояніи Голубичской школы. Послѣ долгаго молчанія, наконецъ рѣшился благочинный Печаевъ, въ 22 № *Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій*, помѣстивъ возраженіе. Отвѣчать на него слѣдуетъ по многимъ причинамъ, главнѣе же всего потому, что благочинный Печаевъ взялъ на себя защиту школы, какъ должностное лицо, котораго, значитъ, всякое слово должно быть святая правда... Уже по одному этому найдутся люди, которые повѣрятъ всякому слову возраженія и укорятъ меня въ желаніи наводить сомнѣніе на ходъ народнаго образованія. Вотъ почему я не могу, не долженъ молчать.

Въ статьѣ моего обвинителя, между прочимъ, сказано: *по точному дознанію оказалось*, и т. д. Какъ не повѣрить этой фразѣ? Но въ чемъ же состояло это *точное дознаніе*?.. Такъ-какъ въ возраженіи не говорится, какая причина его вызвала, — то хоть я объясню причину; это тѣмъ болѣе необходимо, что оно вызвано вовсе не влѣдствіе моей прошлогодней статьи или перепечатки ея въ *Основы*, хотя мой обвинитель и говоритъ, что оно сдѣлано потому, что вотъ-де *писали въ Основы*. Голубичская громада, недовольная за различныя продѣлки на своего наставника и желавшая вести дѣло законнымъ путемъ, обратилась, въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, къ помѣщикамъ съ просьбою, — похлопотать объ его смѣщеніи; въ числѣ неудовольствій (перечислять ихъ неудобно) была выставлена и школа. Помѣщики приняли сторону громады и поручили О. В. К — ко дать жалобѣ ходъ. Онъ описалъ бл. Печаеву дѣло и просилъ его пріѣхать для разбора. Долго ждали этого разбора; наконецъ уже стороною узнали, что бл. Печаевъ былъ у нашего наставника и уѣхалъ, ничего никому не сказавъ, даже не спросилъ обвинявшихъ. Тѣмъ и кончился этотъ келейный разборъ. Новая продѣлка, новая жалоба — и опять ничего!.. Вотъ оно *точное дознаніе*... Ясно, чей голосъ былъ выслушанъ при этомъ дознаніи, — голосъ обвиняемаго, потому что его

одного только спрашивали при разборѣ жалобы, ему одному повѣрили, обвинители же оставлены въ-сторонѣ. Не знаю, какъ вы, читатель, но я вовсе не признаю подобнаго дознанія *точныхъ*; я даже всѣ выводы, которые сдѣланы на его основаніи, признаю невѣрными. Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, я и теперь, какъ прошлый годъ, говорю, ссылаясь на голубичскую громаду, что ученики возили воду для наставника въ то время, когда школа помѣщалась *въ его квартиру, а не въ расправу*... Правда, что возили въ боченкѣ, — но этотъ боченокъ былъ величиною ведръ въ восемь... Такое количество воды не могло быть вышито дѣтьми; ею пользовался дворъ наставника. По моему же, слѣдовало бы наоборотъ; т. е. не грѣшно было бы, еслибъ ученики пользовались водою наставника; не бѣда была бы, когдабъ они разъ-другой и привезли воды, но употреблять молодья силы на тасканье воды ежедневно—по моему—грѣхъ. Тѣмъ болѣе, что это отрывало учениковъ отъ занятій. Если жъ это дѣлалось и въ свободное время, то кто изъ наставниковъ имѣетъ право посягать на время, данное ученику на отдыхъ? Изъ такого посягательства вытекаетъ: произволь со стороны наставника и неимѣніе никакихъ правъ со стороны учащихся: — оба случая отвергаются истинною педагогикою. Но этого мало: одинъ изъ учениковъ, Пантелій Дідичъ, возивши воду, испортилъ себѣ ногу. Воду приходилось таскать на гору, и вотъ разъ, везши ее, онъ поскользнулся, упалъ, другіе не остановились, перевезли боченокъ черезъ его ногу. Вотъ до чего довело это тасканіе воды: быть можетъ, мальчикъ навсегда останется калѣбою. Этотъ случай произошелъ послѣ того, какъ я писалъ въ Черн. Листкѣ, поэтому я объ немъ тогда и не упомянулъ. Я также узналъ, что ученики одинъ разъ въ недѣлю мыли хлѣвъ, гдѣ помѣщалась лошадь наставника. И это, скажете, тоже дѣлалось для того, чтобы дѣти *не занимались неприличными забавами*? А копанье картофеля на огородѣ наставника? И это ради той же цѣли! Да такъ, пожалуй, можно все объяснить, отъ всего отговориться. Но вѣдь нужно быть очень просту, чтобъ не видѣть во всѣхъ работахъ, какія дѣлались учениками, другой цѣли. Что ученики чистили дорожки на цвинтарѣ, также и во дворѣ наставника, сажали цвѣты — все это правда. Но я замѣчу: сколько, значить, тратилось времени даромъ, бесполезно; по-моему, и этихъ работъ не слѣдовало бы дѣлать, а нужно было больше употреблять времени на занятіе грамотою, а то

вотъ и вышло, что за прошлый годъ ни одинъ ученикъ не научился читать. Да и нельзя научиться, употребляя большую часть дня на подобныя занятія, въ которыхъ, какъ говорить мой обвинитель, самъ наставникъ подавалъ примѣръ. Напрасный трудъ: дѣти въ родителяхъ видать лучшей примѣръ трудолюбія. А ужъ если нашъ наставникъ рѣшился быть примѣромъ для своихъ воспитанниковъ, то я посоветовалъ бы ему кое отъ чего поудержаться. Хорошій ли это примѣръ, своего слугу за самый вздоръ избить до полусмерти, исцарапать ему лицо и дѣлать другія истязанія?.. Нѣтъ, пусть лучше онъ не подаетъ никакихъ примѣровъ, чѣмъ подавать подобныя.

Далѣе въ возраженіи сказано: «Что же касается до хлѣба, который будто Дороганевскій вымогалъ для прокормливанія свиней, то и оное не справедливо. Многіе по дальнему разстоянію отъ домовъ своихъ оставались на обѣдъ въ школѣ, и приносили для себя хлѣбъ, Крупицы, оставшіяся, они раскидывали подъ ноги, которыя (что, ноги или крупицы)? подбирали собаки сельскія. Священникъ, дабы не употреблять хлѣба во зло, подарилъ имъ своего поросенка, котораго поручилъ имъ кормить крошками» и т. д. Такъ... Но я вовсе не говорилъ, чтобы нашъ наставникъ вымогалъ хлѣбъ для прокормливанія свиней. Прочтите мою статью въ 11 № 4. Листка 1861 г. Я говорилъ о кабанѣ, для котораго дѣти должны были воровать у родителей по жмени жита, потому что вѣроятно *крупницъ и крохъ*, съѣдаемыхъ собаками (экъ ихъ расплодилось въ школѣ!) не доставало для кабана. Да и никогда не достанетъ: виданое ли дѣло выкормить кабана крохами? Но по ихнему все возможно. Я же и теперь говорю, что подобныя затѣи вредны: родители не намѣрены отпускать безъ своего согласія жита на всякія выдумки (у нихъ его и для себя едва хватаетъ), вотъ дѣти поневолѣ и должны брать тайкомъ. Что же касается до того, что будто бы этотъ поросенокъ назначенъ былъ на покупку книгъ—это мнѣ невѣстно; я знаю только, что поросенокъ заведенъ былъ для того, чтобы, убивши его, дать ученикамъ по куску сала, я знаю также и то, что никакихъ книгъ до сихъ поръ не куплено, а поросенка уже нѣтъ... Но, положимъ, еслибъ поросенокъ и былъ заведенъ съ этою цѣлью, такъ средства дурны, а цѣль, какъ извѣстно — не оправдываетъ средствъ.

Во всей своей статьѣ мой противникъ относилъ свои показанія къ тому времени, когда школа помѣщалась въ расправѣ и уже въ концѣ, въ общей фразѣ прибавилъ: «такъ было и зимою, когда школа

помѣщалась въ домъ священника, по закрытіи оной въ расправу по случаю холода.» Я же говорю, что весь вредъ и произошелъ именно отъ того, что школа переведена изъ расправы. Пока она помѣщалась здѣсь, не было со стороны наставника и малѣйшаго желанія обратить силы дѣтей въ свою пользу, не было повода и другимъ видѣть дурное и въ пошеніи учениками воды себѣ для питья, и въ подметаніи школьнаго двора. Но нужно сказать, что въ расправѣ этимъ и ограничивались все постороннія занятія учениковъ: здѣсь нѣтъ ни огорода, засаженнаго картофелемъ, здѣсь не нужно было и собираиье дубоваго листа, да и воду носили ведрами... Словомъ, я совершенно отвергаю, что будтобы ученики, *«дѣлали для прогулки дорожки на огородъ, принадлежащемъ расправѣ, и садили разные кустарники и цвѣты.»* Огородъ при расправѣ принадлежитъ частному лицу и всего этого владѣлецъ его не позволялъ бы дѣлать. Но что это дѣлалось во дворѣ наставника — это правда... И по-моему, вовсе не слѣдовало бы смѣшивать помѣщенія школы въ расправѣ съ помѣщеніемъ ея во дворѣ наставника, потому что какъ тамъ не было для учениковъ никакихъ постороннихъ занятій, такъ здѣсь явилось ихъ бездна.

Школа изъ расправы потому переведена, что *«изъ прихожанъ голубичскихъ ни кто не согласился дать на отопленіе и одного воза дровъ.»* Но, позвольте спросить, кто же виноватъ въ этомъ! Мнѣ кажется тотъ, кто не умѣлъ доказать имъ всю необходимость этой жертвы, нужной для того, чтобъ ихъ дѣти чему нибудь научились. Вѣдь ходило учиться 33 мальчика и 11 дѣвочекъ... Неужели ихъ родители не согласились бы отоплять расправу, еслибъ необходимость этого имъ была доказана? Но, вѣрно, справедлива та истина, что человекъ можетъ вліять на другихъ тогда только, когда онъ стоитъ къ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и когда въ его поступкахъ нѣтъ и тѣни самоуправства. А можетъ ли нашъ наставникъ похвалиться, что онъ стоитъ къ голубичанамъ въ подобныхъ отношеніяхъ?

Прибавлять ко всему сказанному больше нечего. Я отвѣчалъ моему противнику по совѣсти, не прибѣгая къ уловкамъ... пусть же читатели разсудятъ, кто изъ насъ правъ?.. Что же касается до той части разбираемой статьи, которая говоритъ про семейство К — чь, то опровергать описанный фактъ я считаю не моимъ дѣломъ, потому что самъ К — чь навѣрно будетъ оправдываться... Но я, какъ житель Голубичъ, заявляю, что не только не видѣлъ, но и никогда не слыхалъ о подобныхъ подвигахъ К — ча. Голубичанинъ А. Тищинскій.

ПИСЬМО ВЪ «ОСНОВУ» (*).

по-поводу «Комитета Грамотности.»

Нельзя было не прочесть съ уваженіемъ, въ августовской книжкѣ *Основы*, подробныя основательныя замѣчанія, на дѣятельность *Комитета Грамотности*; но по уваженію къ основательности и благонамѣренности, нельзя не поставить редакцію въ извѣстность, о причинахъ, побудившихъ Комитетъ дѣйствовать такъ, а не иначе; о недомолвкахъ, можетъ-быть, программы, а иногда и самыхъ журналовъ и отчета Комитета, имѣвшихъ, вѣроятно, влияніе на то, что не все было ясно составителю замѣчаній; нельзя также не упомянуть о разностороннихъ препятствіяхъ, безпрестанно-испытываемыхъ Комитетомъ, какъ со стороны самихъ членовъ, такъ и извнѣ,—препятствій, парализовавшихъ его дѣйствія, или измѣнявшихъ его намѣренія председателя.

Первое замѣчаніе, въ статьѣ *Основы*, касается излишней обширности той области, которую избралъ Комитетъ для своей дѣятельности. «Это,» по мнѣнію автора, «лишить Комитетъ возможности наблюдать за своими заведеніями и породить охлажденіе членовъ къ дѣлу, котораго они не видятъ предъ глазами.» На это должно сказать, что, при учрежденіи Комитета, не имѣлось въ виду учрежденія въ губерніяхъ *обществъ грамотности*, которыя, впрочемъ, еще не разрѣшены. Московскій Комитетъ тоже не проявлялъ еще, въ то время, своей дѣятельности, а между тѣмъ, на всемъ пространствѣ Россіи, была равная потребность въ участіи частныхъ лицъ къ дѣлу распространенія образованія въ простомъ народѣ и, преимущественно, между

(*) Узнавъ многое, что дѣйствительно не было и не могло быть извѣстно составителю замѣчаній о дѣятельности *Комитета Грамотности*, мы, не колеблясь, помещаемъ это возраженіе и снѣшимъ причислить себя къ искреннимъ сторонникамъ г. Л.—Б., написавшаго эту правду о Комитетѣ. Ред.

поселянами, выходившими изъ крѣпостной зависимости и не пользовавшимися пособиями правительства, съ этой стороны. Поэтому, нельзя было ограничить дѣятельность комитета какимъ-нибудь округомъ. При томъ, цѣлю комитета было не открытіе школъ непосредственно, а по приведеніи въ свѣтъ положенія дѣла и нужды, помогать частной дѣятельности на мѣстахъ—указаніемъ лучшихъ методовъ преподаванія и, по возможности, разсылкою книгъ и друг. учебныхъ пособій въ тѣ частныя школы, которыя наиболѣе нуждаются въ этомъ пособіи. Чтобы выяснитъ положеніе дѣла и нужды первоначальнаго обученія поселянъ на всемъ пространствѣ имперіи, необходимо было непременно завести сношенія съ возможно-большимъ числомъ лицъ.

На замѣчаніе, «что комитетъ растратитъ свои средства по мелочамъ тамъ и сямъ,» можно отвѣчать вопросомъ: не все ли равно, гдѣ бы онъ ни оказалъ пособіе бѣднымъ школамъ: поможетъ ли онъ 10, 20, 50 или 100 школамъ на всемъ пространствѣ Россіи, или въ одной губерніи, или, даже, уѣздѣ,—все равно; въ первомъ случаѣ, вліяніе будетъ еще обширѣе. Если комитетъ доставитъ хорошо подготовленнаго учителя или разошлетъ хорошія учебныя пособія на одну школу въ каждую губернію, то окажетъ гораздо болѣе пользы, нежели сдѣлавъ тоже для 50 школъ въ одной губерніи, или уѣздѣ, по той причинѣ, что такимъ образомъ онъ создастъ вдругъ множество центровъ, изъ которыхъ разольется хорошая метода преподаванія по окрестностямъ.

Затѣмъ, въ замѣчаніяхъ, выражается удивленіе и сожалѣніе, что «комитетъ учрежденный въ Петербургѣ, гдѣ такъ много богатыхъ людей, собралъ только 600 руб.» причину этому авторъ приписываетъ бюрократизму и недостаточности сношеній съ богатыми людьми въ столицѣ, и думаетъ, что «частныя сношенія комитета, напр. съ 30 лицами, были бы выгоднѣе, нежели заявленіе о своемъ существованіи и своей дѣятельности посредствомъ обнародованія протоколовъ и даже сношеній съ 30 губерніями.» Но, кажется, одно отъ другаго можетъ идти независимо. Выше сказано, для чего были необходимы сношенія съ дѣятелями въ разныхъ губерніяхъ; что же касается до личныхъ сношеній членовъ съ людьми, имѣющими возможность оказать пособіе комитету, то это зависѣло не отъ бюро комитета и не отъ членовъ in сопроге, а отъ доброй воли каждаго лица. Бюро комитета и самый комитетъ, въ полномъ составѣ своемъ, не могъ привлекать къ себѣ и къ своей цѣли, сочувствіе иначе, какъ заявленіемъ о своей дѣятель-

ности и ея цѣли, и полагалъ, что если общество и, преимущественно, люди съ состояніемъ, сочувствуютъ необходимости народнаго образованія и признають справедливымъ удѣлять изъ своихъ средствъ что-нибудь въ пользу распространения грамотности между крестьянами, то они сами обратятся къ комитету, узнавъ изъ газетъ о его существованіи, о его благой цѣли, его усердіи къ дѣлу и его скудныхъ средствахъ. Не могъ же комитетъ командировать своихъ членовъ по домамъ для сбора подаяній, какъ дѣлають благотворительныя общества. Бюро комитета неоднократно просило членовъ зависящими отъ нихъ способами помогать увеличенію денежныхъ средствъ комитета, или хотя снабженію его книгами. Предсѣдатель комитета, сверхъ того, въ каждое засѣданіе, начиная съ декабрскаго 1861 года, просилъ членовъ помочь ему въ устройствѣ, съ той же цѣлью, лекцій или литературно-музыкальныхъ вечеровъ; но сначала, можетъ—быть члены принимались за это не довольно дѣятельно, позднѣе лекціи и литературныя чтенія сдѣлались почти невозможны; кончилось тѣмъ, что предсѣдатель почти одинъ только на Пасхѣ достигъ устройства музыкальнаго вечера, доставившаго слишкомъ ничтожную сумму, по причинѣ во-1-хъ, недостатка сочувствія хозяйственнаго комитета Петербургскаго Дворянства къ цѣли комитета грамотности,—въслѣдствіе чего комитетъ лишился бывшаго зала Дворянскаго Собранія и встрѣтилъ сильное соперничество, въ тотъ же день, другаго концерта; во-2-хъ, по причинѣ недостатка сочувствія въ самихъ членахъ, не принявшихъ на себя не только задачи билетовъ, но даже лично для себя невзявшихъ билета: въ залѣ нельзя было насчитать, кромѣ распорядителей и 5-ти членовъ комитета. Нельзя съ горечью не упомянуть, что многіе члены комитета, какъ видно изъ протоколовъ засѣданій 11-го мая и 9 октября, не достигли даже за 1861 г. обѣщаннаго членами добровольнаго взноса въ 3 руб., хотя не разъ обращали свое вниманіе на недостатокъ средствъ!! После этого, можно ли ожидать, чтобы они содѣйствовали *внѣ* комитета усиленію его денежныхъ способовъ? можно ли ожидать, чтобы постороннія комитету лица имѣли больше сочувствія къ его дѣлу? Видно, просвѣщеніе и въ такъ-называемомъ образованномъ слоѣ общества, не достигло еще той степени, когда всѣ проникаются сознаніемъ важности народнаго образованія, готовностію — помогать ему. Впрочемъ, въ настоящее время средства комитета увеличились до 2 т., изъ коихъ болѣе тысячи пожертвовано редакцію «Артиллерійскаго Журнала.»

Далѣе, въ замѣчаніяхъ говорится: «о существованіи комитета зна-

весьма немногіе потому, что органъ его «*Труды Вольнаго Экономическаго общества мало распространены.*» Что жъ дѣлать? Протоколы засѣданій печатались неразъ во многихъ газетахъ наиболѣе распространенныхъ; объявленія о засѣданіяхъ печатаются почти во всѣхъ. И едва ли найдется учрежденіе, котораго управленіе заботилось бы о гласности болѣе, нежели бюро комитета грамотности. Если не всѣ его журналы были обнародываемы, то это потому, что не пожелали перепечатать ихъ нѣкоторые редакторы. Въ доказательство того, что не всѣ редакціи готовы помогать дѣлу комитета, можно привести то, что по всѣмъ редакціямъ газетъ были разосланы, въ маѣ, отдѣльные оттиски обзора дѣятельности комитета и списка книгъ для школъ и для чтенія простаго народа, имъ одобренныхъ, съ просьбою о перепечатаніи; но многія ли перепечатали?.. Почти никто! Имѣлось въ виду послать оттиски въ губернскія газеты, но это не состоялось, какъ извѣстно, по причинамъ, незавѣдшимъ отъ комитета. Съ того времени отовсюду комитетъ получалъ совѣты избѣгать слишкомъ большой гласности. Нѣкоторые изъ г.г. членовъ сами противодѣйствовали этому, не допустивъ, въ засѣданіи 15-го февраля 1862 г. изъ опасенія расходовъ, изданія особаго органа, подъ названіемъ: *Листокъ Комитета*. Въ засѣданіи 11 мая, вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ пользу этого изданія; но явились новыя обстоятельства извнѣ останавливающія осуществленіе этого предположенія, исполнительныя распоряженія по которому уже вышли за предѣлы правъ комитета.

Комитетъ упрекается въ неопредѣленности и малоуспѣшности его дѣйствій «по причинѣ обширности программы». Редакція *Основы* находитъ, что *Комитетъ Грамотности* долженъ былъ бы имѣть цѣль практическую: учрежденіе школъ, библіотекъ, изданіе и распространеніе книгъ, а не обсужденіе разныхъ вопросовъ, напр. методъ преподаванія; ибо изысканіе лучшихъ способовъ осуществленія того или другаго предиріятія важно только въ томъ случаѣ, если объ-руку съ этимъ работаютъ на практикѣ». Такъ и полагалъ дѣйствовать Комитетъ или, по крайней мѣрѣ, учредитель его и нѣкоторые изъ его членовъ. Обсужденіе методъ преподаванія лучшихъ способовъ устройства дѣла *на самомъ дѣлѣ* и полагалось производить на основаніи указаній, изъ разныхъ мѣстъ получаемыхъ, которыя полагалось слышать, взаимно повѣрять и, наконецъ дѣлать изъ этого выводы, которые и обнародовать; такимъ—образомъ, дѣло двигалось бы и направлялось общими силами теоріи и практики, и выводами изъ опыта въ

разныхъ мѣстностяхъ и при разныхъ условіяхъ. Къ сожалѣнію, надобно сознаться, что и въ числѣ членовъ комитета есть люди, которые нечужды *самозанія*, самоувѣренности, въ томъ, что ихъ теоретическія знанія выше всякаго опыта, что опытъ педагоговъ Германіи выше указаній нашего собственнаго опыта и т. п.; иные въ то же время, нечужды страсти къ словопреніянь. Отъ этого у насъ и происходитъ, что больше *разсуждаютъ*, нежели *дѣлаютъ дѣло*.

По вопросу о семинаріи сельскихъ учителей, комитетъ упрекаютъ въ томъ, что онъ не воспользовался предложеніемъ Золотова и тотчасъ не устроилъ школы и не устранилъ препятствій, мѣшавшихъ г. Золотову устроить его семинарію. Такъ полагаетъ редація *Основы*,—и немудрено; ей неизвѣстенъ оборотъ медали. Дѣло было вотъ-какъ: еще до открытія засѣданій комитета, учредитель его узналъ изъ газетъ о намѣреніи г. Золотова (*) открыть школу сельскихъ учителей; находя, что содѣйствіемъ скорѣйшему учрежденію учительской семинаріи комитетъ окажетъ самую существенную услугу дѣлу распространенія грамотности, учредитель вошелъ въ сношеніе съ г. Золотовымъ и предложилъ ему содѣйствіе комитета къ скорѣйшему осуществленію его предположеній. На это г. Золотовъ объявилъ, что онъ готовъ передать свою школу въ полное распоряженіе комитета. Не признавая удобнымъ, съ самого начала учрежденія комитета, взять школу г. Золотова въ свое вѣдѣніе и зная изъ частныхъ совѣщаній съ членами нежеланіе ихъ брать школу эту даже подъ покровительство комитета по причинѣ слишкомъ высокой цѣны, назначенной г. Золотовымъ, а именно 160 за годовое содержаніе и обученіе, председатель предложилъ Комитету, въ присутствіи г. Золотова, на разрѣшеніе (въ засѣданіи 17 апрѣля 1861 г.) вопросъ: какое, со стороны комитета можетъ быть оказано содѣйствіе г. Золотову къ скорѣйшему открытію его школы; въ этомъ засѣданіи дѣйствительно вопросъ рѣшенъ неопредѣлительно; положено было: оказывать, со стороны членовъ, *всевозможное (?) содѣйствіе*, къ скорѣйшему устройству школы г. Золотова. Причиною такого неопредѣлительнаго участія въ этомъ важномъ дѣлѣ былъ, отчасти, недостатокъ сочувствія членовъ къ г. Золотову за назначеніе столь высокой платы, что подавало по-

(*) Лица, до того времени совершенно неизвѣстнаго учредителю, потому, что дѣло которымъ онъ, учредитель, теперь занимается изъ желанія пользы общественной, никогда не было его спеціальностью.

водъ видѣтъ въ этомъ спекуляцію; отчасти же то, что онъ самъ, не смотря на всѣ просьбы предсѣдателя, не объяснилъ въ чемъ именно можетъ комитетъ оказать ему содѣйствіе. Затѣмъ, во время предсѣдательства г. Вернадекаго, были предложены гг. Павлову, Резенеру и Толлю составить соображенія по вопросу объ устройствѣ учительской семинаріи. Въ ихъ предположеніяхъ оказалось разнорѣчіе, и въ то же время, г. Золотовъ сообщилъ, будто бы онъ намѣренъ устроить уже *безплатную* школу этого рода, которую г. Золотовъ обѣщаль открыть непременно въ первыхъ числахъ января 1862 года; объ этомъ онъ заявилъ въ засѣданіи 14 декабря 1861 г. и 11 января 1862 г. отказываясь отъ всякаго пособія со стороны комитета ему предложеннаго предсѣдателемъ, въ письмѣ и во время засѣданія 11 января 1862 года; г. Золотовъ просилъ только объявленія отъ комитета объ учрежденіи имъ семинаріи и приглашенія лицъ и обществъ, имѣющихъ надобность въ учителяхъ, извѣстить его о томъ и доставить ему свѣдѣнія, чѣмъ будетъ обеспечено существованіе этихъ учителей. Хотя многіе члены недовольствовались этимъ и, находя вопросъ о сельскихъ учителяхъ недостаточно обсужденнымъ, требовали новаго обсуждения, но предсѣдатель комитета успѣлъ склонить большинство на сторону *практическихъ мнрѣ по этому предмету и просилъ воспользоваться* готовностію г. Золотова и поддержать учрежденіе его школы,—такъ какъ, это не можетъ препятствовать продолженію изслѣдованій о лучшемъ удовлетвореніи потребности въ учителяхъ; а, напротивъ, облегчитъ только соображенія комисіи, доставляя ей указанія опыта. Въслѣдствіе этого, положено было: оказать содѣйствіе г. Золотову, требуемымъ объявленіемъ; а для дальнѣйшихъ соображеній по этому же вопросу избрана комисія. Объявленіе было напечатано, но г. Золотовъ откладывалъ открытіемъ школы, все обѣщая открыть ее сперва черезъ 2 недѣли; потомъ на первой недѣлѣ поста, и т. д. Убѣдившись наконецъ, что дальнѣйшее ожиданіе совершенно напрасно и узнавъ, что г. Золотовъ даже потѣрялъ право на открытіе семинаріи, наконецъ получивъ его собственный отзывъ, что онъ не можетъ открыть ее, предсѣдатель указалъ комитету на другой способъ удовлетворенія той же цѣли, устроивъ педагогическій и практическій классы при Василье-островскомъ безплатномъ училищѣ, согласно предложенію г. Резенера. Но тутъ явилось новое предложеніе со стороны г. Паульсона, объ открытіи семинаріи при попечительствѣ учебнаго округа, которое и принято было комитетомъ, несмотря на выражен-

ную председателем малонадежность успѣха дѣла этимъ путемъ; что и оправдалось, въ сентябрѣ, объявленіемъ г. Паульсона, с невозможности исполнить обѣщаніе. Изъ этого видно, что дѣло это не подвинулось практически не по недостатку готовности, со стороны бюро и председателя, а по другимъ неустраннимъ причинамъ.

Нельзя не сознаться, впрочемъ, въ справедливости замѣчаній *Основы* относительно преобладаній въ комитетѣ и въ бюро его (въ 1861 и началѣ 1862 г.) *любви къ преніямъ*: въ дѣлѣ, столь неотлагательномъ, необходимы мѣры практическія, — что и было понято большинствомъ членовъ, и, при новыхъ выборахъ въ бюро комитета введены были элементы болѣе практическіе. Преобладанію непрактическихъ элементовъ должно приписать и обсужденіе вопроса о лучшемъ способѣ устройства сельскихъ бібліотекъ (читалень или книженъ); многимъ членамъ справедливо казалось это смѣшнымъ, и дѣйствительно: неужели люди, дотога уже образованные, что сознаютъ потребность въ бібліотекахъ, не съумѣютъ сами ихъ устроить? Съ апрѣля 1862 г. дѣятельность комитета приняла направленіе преимущественно практическое.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отпечатанъ списокъ книгъ для школъ и для чтенія простаго народа, одобренныхъ комитетомъ грамотности, для удовлетворенія выразившейся повсемѣстно настоятельной потребности въ этомъ указаніи; въ теченіе того же мѣсяца разослано около 500 экз. книжекъ бесплатно въ разныя школы, а въ маѣ напечатаны условія, на которыхъ книгопродавцы — комисіонеры комитета будутъ отпущать книги въ губерніи мѣстнымъ комисіонерамъ или въ склады при разныхъ учрежденіяхъ. Кроме того, положено издавать особый *Листокъ комитета* и обнародована его программа. Каталогъ книгъ разосланъ всѣмъ лицамъ, съ которыми комитетъ находился въ сношеніи, и въ нѣкоторыя губернскія типографіи для припечатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ; общая разсылка его во всѣ типографіи была остановлена непредвидимыми обстоятельствами. Въ теченіе лѣта комитетъ успѣлъ раздѣлать бесплатно еще около 1800 книжекъ и до 5000 за деньги. Въ настоящее время, онъ занимается дополненіемъ каталога, а равно изысканіемъ способовъ удешевленія пересылки книгъ.

Въ замѣчаніяхъ *Основы* говорится еще, что «лучшимъ способомъ приобрѣтенія денегъ есть увеличеніе числа членовъ. Конечно, съ умноженіемъ числа членовъ и средства комитета увеличились бы, но надобно, чтобы члены исправно вносили обѣщанную, хотя, и не-

большую, сумму, а если они будутъ вносить также какъ въ 1861 и до сего времени, то этимъ способомъ средства комитета не скоро увеличатся. Это разумѣется о г. г. петербургскихъ членахъ; увеличеніе числа членовъ въ губерніяхъ гораздо важнѣе въ видахъ умноженія числа агентовъ комитета по распространенію грамотности; поэтому, комитетъ особенно заботился объ избраніи членами — сотрудниками въ губерніяхъ преимущественно лицъ, занимающихся образованіемъ протаго народа не ех offiціо, а по любви къ дѣлу, по собственному побужденію, какого бы званія состоянія эти лица ни были, и съ особеннымъ удовольствіемъ приглашалъ въ число своихъ членовъ священниковъ и причетниковъ, устроившихъ частныя школы; этимъ способомъ комитетъ надѣялся поощрить ихъ къ дальнѣйшимъ трудамъ. Къ-сожалѣнію, процедура выбора въ члены — сотрудники, по Императорскому вольному экономическому обществу, такъ продолжительна, что по сіе время есть еще лица, предложенныя въ исходѣ 1861 г., не получившія дипломовъ. Медленность эта происходитъ особенно отъ недѣтельности III отдѣленія общества, которое, въ періодъ занятій 1861 и 1862 г., собралось только 3 раза: въ исходѣ ноября, въ исходѣ января и въ исходѣ марта. Къ этому присоединилось еще требованіе отдѣленія въ засѣданіи 28 января 1862 года, чтобы предлагаемыя лица сами подписались на оборотѣ бланковъ. Отдѣленіе неудовольствовалось свидѣтельствомъ предѣдателя комитета, что предложенный дѣйствительно изъявилъ желаніе быть членомъ. Хотя совѣтъ в. э. общества и рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу принятія удостовѣренія предѣдателя, тѣмъ не менѣе, пока шла объ этомъ переписка, лица, предложенныя въ декабрѣ, небудучи заявлены въ январѣ, заявлены были только въ исходѣ марта; стало-быть, могли быть избраны только въ октябрѣ 1862 г., но тутъ отдѣленіе опять нашло причину отложить избраніе, подѣ предлогомъ, что оно не можетъ балотировать разомъ до 70 лицъ, ему вовсе неизвѣстныхъ; между-тѣмъ-какъ накопленіе предложеній произошло отъ вины самого предѣдателя отдѣленія (*), сбравшаго его всего 3 раза въ году и неосновательно недопустившаго до балотировки, 28 января, всѣ тѣ предложенія, на которыхъ не

(*) Въ засѣданіи отдѣленія, въ октябрѣ 1862 г., слѣдовало, по крайней мѣрѣ, избрать тѣхъ, о которыхъ въ предложеніяхъ было объяснено, чѣмъ они занимаются; но г. Воскресенскій не заглянулъ въ предложенія и всѣхъ призналъ неизвѣстными, въ томъ числѣ и редактора Журнала Министерства Просвѣщенія, священниковъ, графа Комаровскаго и князя Ободровскую.

было собственноручной подписи предлагаемого и г. Воскресенскаго. Вот какого рода препятствія со всѣхъ сторонъ встрѣчаетъ на пути своемъ комитетъ грамотности, учрежденный съ самою благонамѣренною цѣлю!

Здѣсь исчислены только видимыя препятствія: явныя, но неумышленныя, изъ желанія воспользоваться случаемъ по-мудрствовать, вмѣсто того чтобъ дѣйствовать,—или умышленныя—изъ завистливаго желанія тормозить дѣло, а сколько еще было не гласныхъ, но не менѣе упорныхъ, противодѣйствій! Кто вникнетъ въ средства комитета, взвѣситъ препятствія, имъ встрѣчаемыя, даже, нерѣдко, отъ самыхъ членовъ, тотъ по-справедливости признаетъ заслугой предъ обществомъ и то не многое, что удалось комитету сдѣлать и что досталось съ такимъ нелегкимъ трудомъ.

Л.—Б.

БИБЛОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Редакція *Основы*, помѣщая въ послѣдней книжкѣ 1861 г. три стихотворенія Невѣдомаго: «*Безталанна*», «*Дівочька правда*» и «*Думка*,» сдѣлала такую оговорку: «стихи Невѣдомаго прислано намъ зъ догадкою, що мусять бути Шовченковими первими пробами. *Не знаємо, що скаже громада, а намъ здається, що ні.* Не та ходя́ була въ молодого Тараса. Ще жъ и те вважаємо, що въ кожного поета є кохані слова, котрі вінъ залюбки вимовляє.»

«Тутъ ми не вбачаємо такихъ, що найлюбійші були *молодому Шевченкові*, а вбачаємо такі, що вінъ *опісля вже почавъ* до своего стиха *добірати*. А про те—стихи Невѣдомаго ми *вподобали* и просимо ёго, *коли живъ*, ще прислати въ *Основу*.»

Такая оговорка вызывала на особенное вниманіе къ небольшимъ стихотвореніямъ Невѣдомаго всякаго, кому дорога украинская литература и словное имя истинно-народнаго поэта, Шевченка. *Зона* всяма похожа на пшеницу и неопытнѣй глазъ легко ошибается; но ни одинъ пахарь, ни одинъ даже торговецъ зерновымъ хлѣбомъ, не впадутъ въ слишкомъ грубую для нихъ ошибку: принять зону за пшеницу. Мы, хуторяне, справѣ смотрѣтъ на редакцію *Основы* какъ на некуснаго пахаря въ дѣлѣ украинской литературы; какъ же, послѣ этого, и намъ не повторитъ ошибки, которой *отчасти* не избѣжала и редакція *Основы* въ своей оговоркѣ къ стихотвореніямъ Невѣдомаго; она не отвергаетъ догадки, выражаетъ лишь сомнѣніе и желаетъ знать «*що скаже громада*.» Принадлежа къ публикѣ, читающей *Основу* и чтущей народную литературу, охотно отзываяюся на вызовъ редакціи и прошу на страницахъ *Основы* дать (*) мѣсто моеи не-

(*) Охотно помѣщаемъ эту замѣтку; но просимъ не забывать, что *первые* опыты и великихъ поэтовъ бывають очень слабы. Вспомните Байрона, которому, послѣ *первыхъ печатныхъ* опытовъ, лучшіе критики совѣтовали никогда не садиться на негаса. — Мы не утверждали, но еслибъ и дѣйствительно впа-ли въ ошибку, то — *относительно первыхъ опытовъ* — эта ошибка не была бы такимъ страшнымъ преступленіемъ, какимъ, повидимому, кажется автору замѣтки. *Ред.*

большой замѣткѣ, ради славнаго имени Шевченка, которому подражать можно и должно, какъ образцу; но должно также чтить какъ святыню для Южноруса и не святотатствовать, связывая съ дорогимъ именемъ чуждую ему виршу посредственного издѣлія. Не знаю, почему, но мнѣ казалось, что г. Невідомій самъ поспѣшитъ на страницахъ *Основы* разъяснить недоразумѣніе; но времени довольно прошло съ выхода послѣдней книжки прошлаго года, а печатно заявленная догадка съ характеромъ сомнѣнія остается сомнѣніемъ; ни авторъ трехъ стихотвореній, ни редакция «Основы,» ни кто другой ничего не сказали ни за, ни противъ, догадки. Позвольте же заявить, что при имени Шевченка публика не болѣетъ индиферентизмомъ; позвольте указать источникъ, изъ котораго редакция можетъ продолжать (конечно, съ дозволенія автора) перепечатку стихотвореній подъ псевдонимомъ Невідомий, если она «вподобала» его стихотворенія. Дѣло разъясняется весьма немногосложно.

Въ 1855 г., въ С.-Петербургѣ, была отпечатана, въ типографіи Э. Праца, маленькая, тощійкая книжонка малороссійскихъ стихотвореній, числомъ 15, подъ заглавіемъ: «Що було на серці,» — безъ имени автора. Въ этой книжонкѣ первымъ стихотвореніемъ значится «думка»; 7-мъ — «безталанна»; а 9-мъ — «дівочка правда;» появившіяся въ Основѣ 1861 г. Одно изъ нихъ, именно: «думка,» состоящее изъ 20 стиховъ, потерпѣло небольшую перемѣну (по моему мнѣнію — къ лучшему). Последніе четыре стиха «думки» въ 1855 г. были:

«Оце жъ то та думка, що душу тревожить,
Якъ глянє у серце, — мовъ би рай укине, —
Й поки теі пісні співака не зложить —
То поти вінъ світомъ нудить, поти гине.»

Все же прочее какъ въ «думкѣ,» такъ у въ остальныхъ двухъ стихотвореніяхъ осталось безъ измѣненій, не считая правописанія и тѣхъ незначительныхъ поправокъ, которыя, видимо, оказались необходимыми для гладкости стиха; да еще въ стихотвореніи «безталанна» стихъ (какъ было въ 1855 г.) «травка на морозі,» отзывавшіяся московскою рѣчью, замѣненъ малороссійскимъ стихомъ: «травка на облозі.»

Указавши, откуда перешли въ Основу стихотворенія Невідомого, замѣчу, мимоходомъ, что при количественной бѣдности книжной украинской поэзіи, трудно было не замѣтить въ стихотвореніяхъ Невідомого

мого отсутствія, покрайней мѣрѣ, новизны. Редакція *Основы* стихотворенія «вподобала,» слѣдовательно нашла въ нихъ несомнѣнныя поэтическія достоинства; какъ же могло ускользнуть отъ вниманія редакціи такое дорогое сокровище — книжица «що було на серці?» — Въ ней не три, а цѣлыхъ 15 стихотвореній; да еще стихотвореній — вызвавшихъ, при появленіи ихъ въ свѣтъ, благосклонные отзывы журналистики! Но не станемъ, безъ основательныхъ данныхъ, искать причину, могшую породить такой казусъ; поспѣшимъ сказать нѣсколько словъ, опровергающихъ несомнѣнно принадлежность стихотвореній Невѣдомаго таланту Шевченка, — что и составляетъ задачу моей небольшой замѣтки.

Т. Г. Шевченко никогда не издавалъ отдѣльною книжкою своихъ малороссійскихъ стихотвореній *безъ имени автора*; — это первое. По положенію своему, въ 1855 г. *Тарасъ Гр. ничего не издавалъ* отдѣльною книжкою; это второе. Въ томъ и другомъ я ссылаюсь на всѣхъ, кто близко былъ знакомъ съ дѣлами и личностію Тараса Григорьевича. Достоинствъ и значенія поэзіи Невѣдомаго и Тараса Григорьевича ни по формѣ, ни по содержанію — я не касаюсь; быть можетъ, найдутся лица, которыя могутъ принять произведенія Невѣдомаго за произведенія Шевченка: о вкусахъ не спорять; а я нахожу, что ежели произведенія Шевченка уподобить пшеницѣ, то произведенія Невѣдомаго можно сравнить только съ золою: форма нѣсколько подходит къ пшеницѣ, а подави, то и выйдетъ не мука, а казна що — порохъ, земля. — Третье и послѣднее. Покойникъ Е. П. Гребенка издалъ въ тридцатыхъ годахъ малороссійскій сборникъ, озаглавленный «Ластівка,» появившійся вторымъ изданіемъ въ 1844 г. — Въ этомъ послѣднемъ изданіи на стр. 213 есть стихотвореніе:

«Скажи мині правду, мій добрий козаче,
Що діяти серцю, якъ серце болить? —
Якъ важко застогне»,. . и проч.

Стихотвореніе это подписано: *А. Чужбинскій* и озаглавлено такъ: *Е. П. Г-кль*. Въ книжкѣ «що було на серці,» изданной, какъ замѣчено выше, безъ имени автора, 15-мъ и вмѣстѣ послѣднимъ стихотвореніемъ стоитъ то же самое:

«Скажи мині правду, мій добрий козаче,
Що діяти серцю»... и проч.

и съ той же рубрикою: *Е. П. Г-кль*. Что же всѣ 15 стихотворе-

ній, вошедшія въ составъ книжонки «що було на серці,» принадлежать одному автору, въ томъ удостовѣряетъ насъ предисловіе, помѣщенное въ сей книжонкѣ.

При такихъ данныхъ безошибочно можно заключить, что авторъ «що було на серці,» Невідомий и А. Чужбинскій—одно и то же лицо. Къ этому остается только прибавить, что въ обычныхъ ежегодныхъ объявленіяхъ редакцій о сотрудникахъ журналовъ часто упоминается: А. Чужбинскій, съ поясненіемъ—псевдонимъ; а иногда съ поясненіемъ въ скобкахъ: Афанасьевъ.

Тотъ-ли это Афанасьевъ (А. Чужбинскій), который подписалъ въ «Ластівкѣ» стихотвореніе Е. П. Г-кѣ, другой-ли,—я не рѣшаю; а что стихотворенія Невідомого не есть стихотворенія Т. Г. Шевченка, это, кажется, рѣшено изложенными въ сей замѣткѣ фактами несомнѣнно. Чему я и прошу дать мѣсто на страницахъ Основы, имѣющей для малороссійской литературы весьма важное значеніе и долженствующей служить дѣлу истины и правды.

И. Захаровъ.

9 октября 1862 г.

Х. Бережнивка.

ВІСТІ.

СЪ ДОНУ.

Малоподвижность нашего общества.—Приходскія училища.—Уѣздныя училища.—Проекты учрежденія гимназій.—Крестьянскій вопросъ.—Земледѣліе.—Суслики.—Пароходство по Дону.

Что сказать? Съ чего начать? Не повести ли рѣчь съ чегонибудь такого, что касается не одного нашего тихаго Дона, а что можетъ интересовъ и другихъ? Но вотъ бѣда: заговори о чемънибудь подобномъ—вдругъ съ какойнибудь стороны и закричатъ, что «этого у насъ никогда не бывало и не будетъ»; поневолю призадумашься и замолчишь. Такъ и дѣлаютъ мои любезные земляки. Мысль ихъ теперь спитъ спокойно, нетревожимая никакими общественными событіями; «пусть ихъ дѣлаютъ, говорятъ они, какъ угодно: наше дѣло—сторона.» Держась этого премудраго изреченія, наши донскіе богачи и вельможи (и у насъ, у козаковъ, они завелись!) (*) не берутъ на себя труда разсуждать даже о томъ, что относится къ нимъ непосредственно. Делаютъ какъ разтатятся съ привычкой, на которой цѣлыя столѣтія держалась наша жизнь? Вѣдь, по правдѣ сказать, перейти отъ разгула, апатіи и лѣни къ разумной дѣятельной жизни—трудно. А у насъ это еще труднѣе вслѣдствіе тѣхъ условій, которыя имѣютъ

(*) Сообщу вамъ отличительную черту ихъ; они ровно ничего не дѣлаютъ. Чаще всего можно ихъ видѣть не иначе, какъ за столомъ, установленнымъ цѣлыми батареями бутылокъ донскаго... И замѣчательно то, что, при такомъ проведеніи времени, у нихъ рѣдко бываетъ какаля-нибудь бѣсѣда: всѣ молча курятъ табакъ и пьютъ вино, пьютъ и курятъ—и только!..

въ нашей общественной жизни очень важное значеніе. Не мудрено послѣ этого, что нашъ тихій Донъ нескоро сроднится съ жизнію, болѣе разумною. Ломать вѣковые обычаи и привычки можетъ только время и геній. Во время всеобщаго оживленія, и нашъ тихій Донъ какъ будто очнулся отъ своей прежней сонливой жизни; какъ будто и онъ хочетъ направиться туда же, куда спѣшатъ всѣ. Но борьба съ прежнимъ, укоренившимся, видна на каждомъ шагу, въ каждой мелочи. Если гдѣ, то особенно у насъ, крѣпко держатся за то, что досталось отъ дѣдовъ, но не за хорошее, а устарѣлое, выжившее изъ лѣтъ, потерявшее живой смыслъ. А между тѣмъ, поговорка—«какъ дѣды, такъ и мы,»—чувствуется, говорится, слышится во всемъ и вездѣ... Впрочемъ, и у насъ есть что помянуть добромъ.

Къ числу самыхъ важныхъ и, безъ-сомнѣнія, полезнѣйшихъ явленій нашей общественной жизни, слѣдуетъ отнести заведеніе приходскихъ училищъ по станицамъ. Поговоримъ объ этомъ подробнѣе.

Донской козакъ, отъ природы даровитый, воспримчивый, доселѣ оставался только съ тѣмъ, что получалъ отъ матери-природы. Жизнь его шла цѣлыя столѣтія пообычной, проторенной предками дорогъ. Изъ дома отца онъ переносился на бой, съ боя опять возвращался домой. Умственный кругозоръ его былъ далеко необширенъ. Съ тѣмъ козакъ родился, почти съ тѣмъ самымъ онъ и отходилъ на тотъ свѣтъ. Что имѣлъ самъ, то же передавалъ дѣтямъ, и такъ далъ, изъ поколѣнія къ поколѣнію. Довольствуясь тѣмъ, что получили отъ природы, Донцы неохотно принимали нововведенія. Имъ нравилась ихъ младенческая жизнь; имъ ненавистно было всё чужое и все новое, хотя бы то и самое лучшее. Въ такомъ-то состояніи застала Донцовъ новая, дѣятельная, совершенствующаяся жизнь нынѣшняго времени. Но въяръ она и сюда проникло. И вслѣдствіе этого, столкнулись между собою, такъ-сказать, двѣ эпохи, столь противоположныя между собою. Приверженцы стараго порядка вещей стояли за наследіе отцовъ; друзья движенія, совершенствованія, стремясь впередъ, стаались увлечь за собою въ противную сторону. Но какъ послѣдняя сжальте первой, то первая только лишь приподняла съ вѣковаго гнѣзда старовѣровъ, представивъ уже имъ самимъ идти вслѣдъ за собою. Но дѣло, естественно, не могло обойтись безъ борьбы, которая сильнѣе всего отпечатлѣлась на самомъ главномъ—на образованіи народа. На этомъ пунктѣ, какъ на Куликовомъ полѣ, сражались двѣ партіи, и изъ-за чего же? Изъ-за того, что одна изъ нихъ, храня неприкосновенность

наслідія отцовъ, не хотѣла допустить, чтобы дѣти воинновъ — простыхъ козаковъ — были *письменные*: «письменный сынъ — не кормилецъ отца-матери,» говорила она. Другая же, несмотря на столь убѣдительные доводы, старалась поставить на-своемъ, старалась, если не дѣломъ, то хоть своимъ желаніемъ, расширить умственный взглядъ война-гражданина. Конецъ борьбы еще и не видѣлся; та и другая сторона стояла на занятой ею позиціи, какъ вдругъ, *по распоряженію начальства*, стали открываться по станицамъ приходскія училища, и конецъ борьбы приблизился. Друзья просвѣщенія торжествовали; а противники — часть примирилась съ ними, а другая часть тайкомъ, въ своемъ кружку, все-таки утверждаетъ, что письменный сынъ — не кормилецъ отца-матери, что школы, грамотность, да и вообще образованіе — это печать антихриста, и, конечно, на дѣтей своихъ боится накладывать эту печать.

Но какъ бы то ни было, приходскія училища во многихъ станицахъ открыты, и религіозно нравственное образованіе дѣтей уже началось. Въ училища назначены учителя, кончившіе курсъ въ педагогическомъ классѣ при Войсковой гимназій, и законоучители изъ лучшихъ священниковъ тѣхъ станицъ, гдѣ училища находятся. Съ однимъ изъ этихъ училищъ намъ удалось хорошо познакомиться и мы поэтому скажемъ объ немъ нѣсколько словъ.

Училище это открыто, если не ошибаемся, въ концѣ мая текущаго года. Учениковъ сначала было не много; но съ каждымъ днемъ число ихъ прибавлялось и къ июню возрасло до 30 человекъ, несмотря даже на полевые работы. Во второй половинѣ августа число ихъ дошло до 40 слышимъ, и, надо полагать, что осенью и зимою ихъ будетъ до 200 человекъ. Фактъ, на первый разъ, утѣшительный. Въ той станицѣ, гдѣ училище, считается около 12 т. жит. об. пола. Изъ этого числа мужескаго п., положимъ, 7,000 ч. (?). Слѣдовательно на каждые 350 чел. 1 учащійся. Не подумайте, что это мало, нѣтъ, на первый разъ, мы и за это благодарны. Въ послѣдніе два года по Войску открыто до 35 приходскихъ училищъ. Если въ каждомъ изъ нихъ положимъ, среднимъ числомъ, по 75 учениковъ, то въ итогѣ обучающихся получимъ около 2,600 человекъ. Разумѣется, дѣло не въ количествѣ, а качествѣ; — вопросъ — какъ у насъ идутъ училища. Въ матеріальномъ отношеніи, наши училища обезпечены довольно достаточно. Помѣщенія выбраны самыя лучшія, какія только можно найти въ казачьей станицѣ. На наемъ помѣщенія подъ училище отпус-

кается около ста р. въ годъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Этой суммы очень довольно, потому что въ любой казачьей станицѣ нанять домъ о четырехъ комнатахъ всего можно за 25 р. въ годъ. Училища снабжены всѣми необходимыми ученическими принадлежностями. Учители и законоучители обезпечены довольно приличнымъ жалованьемъ: первые получаютъ 250 р., вторые по 100 р. въ годъ. Кромѣ того, общество станичное даетъ учителю квартиру съ отопленіемъ. Слѣдов., учитель обезпеченъ хорошо.

Казалось бы, какъ нашимъ училищамъ не идти какъ нельзя лучше. Но, къ сожалѣнію, не всегда такъ бываетъ, какъ быть должно. Въ училищѣ на первомъ планѣ стоитъ учитель. Кто онъ? кончившій курсъ въ педагогическомъ классѣ, что даетъ основаніе думать, что учитель приходскаго училища знакомъ съ педагогикой. Но—увы! Мы имѣли счастье столкнуться съ нѣсколькими учителями нашихъ училищъ и, признаемся, не предполагали ихъ такими, какъ оказалось. Это, по большей части,—пазата напыщенности, фразерства, величавости, паренья подъ облаками и прочее т. п. Грустно стало, когда мы услышали, какъ одинъ изъ *таковыхъ* леталъ подъ небесами и не хотѣлъ спуститься на землю — къ своимъ ученикамъ, естественно выпучившимъ глаза на такого орла—учителя. Жалкій учитель, бѣдные ученики! Учитель своимъ питомцамъ, едва успѣвшимъ оторваться отъ плуга и быковъ и едва кончившимъ азбуку, трактовалъ о значеніи для науки Пушкина, Крылова и проч.; трактовалъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ; рѣчь его текла какъ бурный потокъ, прорываясь и въ другіе, ненужные проходы. Учителю хотѣлось читать лекцію въ университетской аудиторіи, а ужъ никакъ не предъ мальчиками—учениками: что ему говорить о простыхъ и понятныхъ для нихъ предметахъ! Но намъ стало еще грустнѣе, когда мы узнали, что между учителями—педагогами, кромѣ показаннаго, есть и еще ему подобные Цидероны... Немногіе изъ знакомыхъ намъ учителей были истинные учителя; остальные слишкомъ *переучены* и не годятся для приходскихъ училищъ. Конечно, мы не говоримъ, что всѣ учителя въ нашихъ станицахъ похожи на тѣхъ, какихъ мы, къ—несчастью, встрѣтили, — но хоть будь ихъ половина, четверть и того менѣе — и то дурно. Мы указали на этотъ недостатокъ съ тою цѣлю, чтобы тѣ, коимъ вѣдать о семъ надлежитъ, для пользы народа, не опредѣляли учителями подобныхъ ораторовъ и ученыхъ, безъ испытанія на дѣлѣ: имъ мѣсто гдѣ—нибудь повыше,—намъ надо такихъ, которые бы, не

летая слишкомъ высоко, понимали, что они учителя — воспитатели, что они обязаны понимать всѣ насущныя потребности и средства своихъ учениковъ — питомцевъ.

Кромѣ этого, существеннаго, по нашему мнѣнію, недостатка въ нашихъ училищахъ, есть другой, болѣе или менѣе имѣющій вліяніе на образованіе:—это замкнутость училищъ. Общество, на какой бы оно умственной степеніи ни стояло, не должно быть чуждо тому, чѣмъ живутъ, чѣмъ питаются его дѣти. Оно скорѣе всѣхъ можетъ понять недостатки, несовершенства того или другаго учрежденія. И для пользы учащагося люда, для пользы общей, намъ желалось бы видѣть не въ однихъ только нашихъ донскихъ, но и во всѣхъ училищахъ участіе общества, участіе, впрочемъ, не кажущееся, а дѣйствительное. Правда, при каждомъ училищѣ у насъ есть совѣтъ изъ депутатовъ со стороны общества, но это пока — одна форма.

Училище видятъ и знаютъ только учитель и законоучитель. Кто повѣряетъ ихъ дѣйствія? Кто взвѣшиваетъ ихъ недостатки? Кому они отдаютъ отчетъ (не форму) въ своихъ дѣйствіяхъ? На всѣ эти вопросы можно отвѣтить положительно: повѣрка надъ учителями и законоучителями—они сами. Мы не хотимъ слишкомъ усиливаться доказывать, что училища, которыя находятая только въ *вѣдѣніи* учителей, и на которыхъ общество не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія, будутъ болѣть, если не всегда и не вездѣ, то часто и во многомъ. Вообще, преподаваніе и поведеніе учителей съ учениками желательно было бы видѣть болѣе открытыми для общества, болѣе близкими къ нему, болѣе его интересующими: тогда, можно бы надѣяться, общество принесетъ и свою лепту на алтарь просвѣщенія.

Во всякомъ случаѣ, не желаемъ, чтобы доброе начало остановилось у насъ основаніемъ только нѣсколькихъ училищъ по станціямъ, которымъ пожелаемъ всего лучшаго на ихъ жизненномъ пути. Пусть каждая станція удостоится имѣть у себя училище! Пусть каждая станція будетъ воспитывать изъ среды себя нѣсколько человекъ! И тогда, мы увѣрены, у насъ не рѣдки будутъ и хорошіе граждане.

Мы хотѣли бы на этомъ кончить рѣчь объ училищахъ, но еще многое не договорено. Скажемъ объ этомъ предметѣ еще слова два-три.

По особенностямъ нашей жизни, у насъ большая часть (замѣйте, большая) народонаселенія живетъ *по хуторамъ*. У насъ не мало такихъ хуторовъ, которые, по численности населенія, поспорятъ съ

хорошим селомъ. Въ селахъ, по большей части, существуютъ школы, а у насъ ни въ одномъ хуторѣ объ этомъ и не думаютъ, и не гадаютъ. Мнѣ положительно извѣстно, что число душъ въ нѣкоторыхъ хуторахъ простирается до 1000 и болѣе. Если изъ этого числа отдѣлать четвертую часть на мальчиковъ и дѣвочекъ—около 200,—то какъ не пожалѣть, что эти двѣсти разумныхъ существъ осуждены на всегашнее невѣжество? Намъ, пожалуй, возражать, что заводить школы по хуторамъ еще не пришелъ часъ. Но когда же придетъ онъ? *Се нынѣ время благоприятно...* Это, вѣдь, насущная потребность, удовлетвореніе которой должно составлять обязанность каждаго честнаго гражданина.

Позвольте еще продолжить рѣчь о школахъ. Извѣстно, что нашъ мужескій полъ—казаки—на своемъ вѣку, лѣтъ двадцать и болѣе, съ небольшими промежутками, проводитъ внѣ дома дѣти остаются на рукахъ матерей, подъ руководствомъ которыхъ воспитываются и достигаютъ совершеннаго возраста. Слѣдовательно, воспитаніе дѣтей находится исключительно въ рукахъ женщинъ. Теперь, кажется, понятно, какъ мы должны дорожить воспитаніемъ и образованіемъ женщинъ. Правительство сдѣлало начало, чтобы удовлетворить этой насущной потребности. У насъ на Дону разрѣшено открыть женскія училища—четыре—2-го разряда и тринадцать—3-го. Цѣль учрежденія женскихъ училищъ, въ станицахъ войска Донскаго, какъ сказано въ положеніи объ этихъ училищахъ, есть распространеніе между козачьимъ сословіемъ религіозно—нравственнаго образованія, котораго должно требовать отъ каждой женщины, въ особенности отъ будущей матери семейства (*).

Пожелавъ нашимъ школамъ всего хорошаго, перейдемъ къ окружнымъ—уѣзднымъ—училищамъ. Сказать объ нихъ что—нибудь новое, особенное, едва ли возможно. Наши уѣздныя училища идутъ обыкновенною, извѣстною дорогою. Хорошо ли идутъ они—намъ мало извѣстно, потому что это—заведенія закрытыя. Правда, можно получить о нихъ нѣкоторое понятіе, познакомившись съ представителями ихъ—учителями. Если вѣрить слухамъ, то ученый нашъ людъ, наши педагоги—далеко не соответствуютъ тѣмъ условіямъ, какія требуются отъ учителей—воспитателей. Въ одномъ изъ окружныхъ училищъ—какъ начальники, такъ и наставники,—къ стыду, составляютъ не что иное, какъ об-

(*) Журн. Мин. Нар. Просв., июль 1862 г., часть оф-ци., стр. 222.

щество картежниковъ, кутиль и т. п. Поэтому, говорятъ, порядочные люди ихъ и не принимаютъ въ свое общество. Грустно, больно станеть, когда подумаешь, что люди, которымъ вѣрено нравственное направлєніе сотенъ молодыхъ существъ, приносятъ имъ вредъ, — и — какой еще вредъ? Взвѣсьте, оцѣните, читатель!

Въ томъ округѣ, гдѣ мальчики образовываются подъ руководствомъ такихъ наставниковъ, предполагають открыть гимназію. На сколько это предположеніе вѣрно, утверждать не беремъ, но отъ души желаемъ, чтобы у насъ былъ *дѣйствительный* рассадникъ, чтобы онъ принесъ большія пользы, находясь въ центрѣ войска Донскаго, нежели нынѣшняя войсковая гимназія, почти недоступная для большей части юношества.

Въ Усть-Медвѣдницкой станицѣ болѣе года существуетъ частный женскій пансіонъ; въ нынѣшнемъ году въ немъ было до 40 воспитанницъ. Къ сожалѣнію, онъ мало доступенъ для небогатыхъ людей.

Но не пора-ли оставить рѣчь о нашемъ образованіи и перейти къ чему-нибудь другому? По привычкѣ ли, или по естественному ходу дѣлъ, у насъ, если заговорять объ образованіи народа, непременно скажутъ и о крестьянскомъ вопросѣ... На этотъ разъ, расскажемъ объ одномъ явленіи, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ.

Въ Усть-Медвѣдницкомъ округѣ, въ одной изъ принадлежащихъ г. Поздѣву слободъ — Гуляевкѣ, взбунтовались крестьяне. Чтобы яснѣе представить причины бунта, мы должны подробнѣе сказать о слоб. Гуляевкѣ. Она пользовалась превосходными, какія только можно найти у насъ на Дону, землями; къ тому же, онѣ воздѣлывались не нашими козаками, разсчитывающими лишь бы на нынѣшній день быть кусокъ хлѣба, а Малороссами, народомъ, отличающимся отъ нашихъ козаковъ трудолюбіемъ. Оттого народъ въ сл. Гуляевкѣ былъ, можно сказать, *зажиточный*. По новому у насъ положенію, земли, принадлежащая слоб. Гуляевкѣ, должны поступить во владѣніе одной изъ ближайшихъ къ ней станицъ; а Гуляевцы, какъ обезземеленные, должны были по назначенію начальства переселиться на р. Салг. Не сразу рѣшились оставить они свою родную слободу; они предварительно избрали, тайно, довѣренныхъ и послали ихъ осмотрѣть землю, которую имъ назначили. Депутаты, осмотрѣвъ землю, принесли своимъ братьямъ нерадостную вѣсть: что земля — дѣйствительно ли была, или только показала безплодную. Крестьяне рѣшились не переходить на отведенную имъ землю. Между тѣмъ, прежнія ихъ владѣнія заняты бы-

ли козаками; крестьяне уже два года и хлѣба не сѣяли, и не переселились. Но, наконецъ, на страстной недѣлѣ, жители Гуляевки поневолѣ должны были принять нежданныхъ и незванныхъ гостей, козаковъ, которые, около мѣсяца, по выраженію жителей, объѣдали—опивали ихъ. Несмотря на всѣ употребленныя начальствомъ средства, крестьяне стояли на-своемъ: «не пойдѣмъ відсіля; хоть въ сибіряку гонить насъ,» говорили они. Мѣры рѣшительныя до—времени были отложены. Но послѣ многихъ тщетныхъ увѣщаній (*), приступили къ переселенію крестьянъ силою. Въ концѣ августа, цѣлому полку козаковъ, снабженныхъ военными припасами, велѣно было двинуться на Гуляевку, и, въ случаѣ сопротивленія, дѣйствовать рѣшительно. Не знаемъ, какъ сошлись козаки съ крестьянами; знаемъ только, что первые взяли 50, самыхъ богатыхъ, семействъ и отравили ихъ на назначенное мѣсто. Послѣ мы слышали, какъ удивлялись козаки богатству жителей сл. Гуляевки: «эка, народъ былъ зажиточный! даромъ, что два года ничего не сѣяли, а закрома всё полны хлѣбомъ!» «Крестьяне жаловались, что «козаки не оставили ни курочки, ни гусочки.»

Торговля и промышленность, какъ извѣстно, у насъ въ упадкѣ. Этому причиною козаки, которые не допускаютъ, чтобы не—козаки слишкомъ усиливались между ними, боясь потерять чрезъ это свою привиллегію, свою замкнутость. Можетъ быть, они и правы, но мы видимъ отъ этого меньше пользы, больше вреда. Возьмемъ для примѣра земледѣіе. Оно находится въ самомъ жалкомъ состояніи и едва ли хоть немного улучшилось противъ того, какимъ видѣлъ его г. Кенненъ (*), въ 1850 году. Земли много, а дѣлателей мало. Въ Усть—Мевѣдицкомъ и Хоперскомъ округахъ цѣлыя тысячи десятинъ земли остаются безъ всякаго употребленія. Ни плугъ, ни коса до ней не касались отъ созданія міра. И неужели эта земля ни къ чему не способна? А м. т. несомнѣнно уже доказано, что эта земля не безплодна. Въ последнее время, многія изъ постороннихъ лицъ стали брать на аренду считавшіяся до—сихъ—поръ никуда негодными степи и засѣвать ихъ разными хлѣбами, преимущественно пшеницею. И вышло, что нѣ-

(*) Для увѣщанія крестьянъ, пріѣзжалъ бывшій наказный Атаманъ генералъ Хомутовъ. Онъ намѣренъ былъ въ другой разъ отправиться въ Гуляевку, но былъ отозванъ въ Петербургъ.

(†) Смotr. Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesch im Jahre 1850. Von Dr. Peter. v. Kōppen. St.—Petersburg. 1852.

которые съемщики приобрѣли уже цѣлыя богатства. Мы говоримъ это къ тому, чтобы показать, какъ неразумно поступаютъ козаки, когда сами не берутъ и другимъ не даютъ обрабатывать ихъ поля.

Нынѣшній годъ урожай хлѣба плохъ, чему причиною было бездождье и засухи. Кроме того, въ нынѣшнемъ году такъ размножились суслики, преимущественно въ Нижне-Чирскомъ округѣ, что засѣянные земли были совершенно обнажены и лишены даже простаго *бурьяна*. Суслики были двухъ родовъ — черные и сѣрые; первые, по словамъ многихъ, никогда еще не бывали на Дону и неизвѣстно откуда и когда пожаловали. Говорятъ, что они легко переплываютъ рѣки. Поэтому, кажется, можно предполагать, что это пришельцы изъ Екатеринославской или Саратовской и Астраханской губерній, иной годъ очень богатыхъ этими звѣрьками. Большую пользу сдѣлалъ бы тотъ, кто нашелъ бы вѣрное и дѣйствительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ простое и легкоисполнимое средство истребленія этихъ животныхъ. Сколько уже предлагалось различныхъ средствъ! Но, къ сожалѣнію, они неудобноисполнимы, по крайней мѣрѣ, для народа. Вотъ одно изъ нихъ. Изъ тѣста, смѣшаннаго съ мышьякомъ, дѣлаютъ шарики и опускаютъ ихъ въ норы. Звѣрёкъ, съѣдая эти шарики, чрезъ нѣсколько минутъ умираетъ. Этимъ средствомъ можно воспользоваться только при руководствѣ опытныхъ лицъ. Да и то нужно сказать, сколько потребуется шариковъ и сколько нужно рукъ, чтобы опускать въ каждую нору по шарикъ, когда эти норы на каждомъ шагу... Нѣтъ, этимъ способомъ нѣ много пособишь горю...

По этимъ—то причинамъ урожай хлѣба въ нынѣшнемъ году, какъ сказано выше, плохъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пшеница, поднявшись отъ земли не болѣе какъ вершка на три, засыхала. Нѣкоторые изъ хозяевъ воротили только посѣянное, другіе скосили хлѣбъ на кормъ скота, третьи ничего не получили отъ посѣва. Правда, въ немногихъ мѣстахъ, наприм. по р. Чиру, хлѣбъ родился очень недурной. Травы тоже были плохи. Теперь многіе изъ козаковъ охаютъ: «чѣмъ-то будемъ *зимовать скотинку?*» спрашиваютъ они самихъ—себя.

Исключеніемъ изъ всего были только арбузы и дыни (впрочемъ не вездѣ). Нынѣшній годъ арбузы были такъ велики, что, какъ говорятъ, давно такихъ не бывало.

Упомянемъ объ одномъ важномъ предположеніи. Дай Богъ, чтобы оно осуществилось, тѣмъ болѣе этого желаемъ, что подобныя предположенія бывали и прежде, но, къ сожалѣнію, оставались только предполо-

женіями. Въ послѣднихъ числахъ августа отъ Калача (*) вверхъ по Дону, шелъ буксирный пароходъ, съ цѣлю обстоятельно разузнать: возможно ли по Дону пароходство? Результаты этой экспедиціи намъ неизвѣстны, и вопросъ о пароходствѣ по Дону все-таки остается еще нерѣшеннымъ. Мы съ своей стороны скажемъ, что пароходство по Дону возможно (да и что въ настоящее время невозможно!) но для этого потребовались бы огромные капиталы. Мелководье—главное препятствіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Донъ такъ мелокъ, что не узнаешь въ немъ нашего тихаго Доца. Напр. выше Усть-хоперской станицы Донъ проходитъ четырьмя протоками, изъ коихъ самая большая широкая и болѣе другихъ глубокая имѣетъ 5 саж. ширины. Незнаемъ, какъ устранять подобныя препятствія тѣмъ болѣе что ихъ мало? Кромѣ того, вотъ и другое: Донъ, во многихъ мѣстахъ, часто перемѣняетъ свое направленіе: нынѣшній годъ идетъ здѣсь, а на будущій въ другомъ мѣстѣ. Часто перемѣняя такимъ образомъ свое теченіе, онъ оставляетъ въ прежнемъ своемъ руслѣ только сыпучій песокъ. Но, можетъ быть, общество предполагаемаго пароходства на Дону пренебрегаетъ этими препятствіями; можетъ быть, не пожалѣетъ сотней милліоновъ рублей, въ надеждѣ возратить ихъ чрезъ нѣсколько лѣтъ. Можетъ-быть! Можетъ-быть! И дай Богъ, повторимъ опять, чтобы предположеніе осуществилось на дѣлѣ. Земледѣліе, находящееся теперь въ упадкѣ, какъ бы тогда поднялось! Нужно разсчитывать, что общество не потеряетъ капитала, какъ бы онъ великъ ни былъ: онъ возвратится обратно, хотя, правду сказать, и не скоро.

Въ заключеніе, считаемъ нужнымъ замѣтить, что нѣкоторыя наши станицы сбрасываютъ съ себя сельскую одежду и одѣваются въ платье болѣе городское. Въ Усть-Медвѣдицкой станицѣ недавно издано повелѣніе, чтобы на главныхъ улицахъ всѣ дома и при нихъ постройки были крыты *тесомъ*; также чтобы каждый дворъ былъ огороженъ досками. Не знаемъ, по какимъ причинамъ дано было это повелѣніе, говорятъ, для предохраненія отъ пожара. Итакъ, простые козачьи курени замѣняютъ настоящими, *городскими* зданіями. Многіе изъ кушцовъ, имѣющихъ постоянное пребываніе въ станицѣ, построили себѣ очень недурные дома, конечно, *значащіеся по описи* за какимъ-нибудь козакомъ. Въ послѣдніе три года станица переродилась. Кромѣ обычныхъ

(*) Пристань пароходовъ, ходящихъ отъ Ростова вверхъ по Дону; сюда же подходитъ и Волжско-Донская желѣзная дорога.

уїздныхъ присутственныхъ мѣсть, теперь въ Усть-медвѣдицкой станицѣ не мало учебныхъ заведеній; а именно: *окружное* уїздное училище, *духовное* уїздное училище, (*) *приходское* училище, *женское* училище 2-го разряда и *женскій* частный пансіонъ.

Дай Богъ, чтобы эта станица, центральная въ Войскѣ Донскомъ, сдѣлалась современемъ дѣйствительнымъ центромъ образованія, торговли и промышленности!

М. Поповъ.

Сентябрь 1862 г.

Ста. Распопниская.

ЗЪ СЕЛА ОЛЕКСАНДРОВКІ, (Черн. губ. Остерьск. пов.).

Нічимъ своїмъ похвалитця—дакъ же лишень—здебільшого—зъ чужого.—Оце, добродію, въ нашнмъ кутку живе пані, прозиваетця Реммерсъ;—ви вже писали про її діла, що вона и скопщину подарувала и землею наділила людей и що панщини у неї не роблять, а все за гроши, ажъ ось теперь вона и на двораківъ оглянулася, що то, якъ въ піснї співають:

Сяду на могилі
Розшморгну торбину,
Розпушу я діти
На всю Україну.

(*) Это училище, бывшее до сихъ поръ въ Зотовской станицѣ, на Хопрѣ, и переведенное въ концѣ августа въ Усть-медвѣдицкую ст., едва ли не самое несчастное изъ духовныхъ училищъ. Въ той станицѣ, гдѣ оно было до сихъ поръ, нѣтъ ни рынка, ни базара, ни почтовой конторы, ни лекаря, ни даже какого нибудь фельдшера. Всѣ эти учрежденія и лица необходимы для каждаго учебнаго заведенія. Сколько, напр. умерло учениковъ, лишенныхъ медицинскаго пособія, отъ самыхъ пустыхъ болѣзней!

Отъ, якъ кажу, що вона й їхъ не оставила: наділила землею — дарма що тутъ де які зъ панківъ одмагаютьца, що буцімъ—то, кажуть, якъ царь дає льготу, дакъ вони не мають праву наділять їхъ землею.

У насъ після сарани, —хлібъ гарний уродився на тому—жъ самому місті, де не сіяли и не орали; самъ Богъ погодивъ. Овесъ тожъ добрий, ячмінь не зовсімъ, а що гречку — зъїла дощенту засуха. У насъ, помежъ панами, тільки и чутки, що про голосні суди, та про земські собранія, а винницъ ніхто изъ панівъ не чіпає: — беруть любісенько жиди въ аренду, — беруть и землі, усе, усе, що тільки можна взяти въ аренду... Що то зъ того буде. Що то буде? — Колибъ вже, Господи, скорійше той новий годъ, то, може, лучче пішли бъ діла — и про науку и про всячину; а то той *слушний часъ* — тая надія — не дає людямъ нічого робити, все сподіваютьца, все ждуть того часу; — а зъ того частенько и п'янство и бучи и ни—вінь що, хочъ читали імъ по волостяхъ, и тіи слова царські—дакъ дє тамъ! нічого не помагає. Якъ то кажуть — *нінъ своє, — а чортъ своє*. Ну, прощайте, до другого разу: може и чимъ луччимъ потрактую,—а теперъ, якъ на первину,—то вибачайте.

Соломко зъ Княжичъ.

ІЗЪ ПЕРЕЯСЛАВСКАГО УЇЗДА.

Полевья работы давно уже у насъ кончились, давно пропѣли *бороду* (*), давно и хлѣбъ свезень съ полей. Настала осень и осень глубокая.

Осенью какъ—то свободнѣе дышетъ нашъ селянинъ, потому уже, что есть у него хлѣбъ, а если есть хлѣбъ, то ему и *негадкі*. Станеть ли его до новаго?—вопросъ,—но онъ теперъ не такъ тревожить его.

(*) Обрядъ, совершаемый при окончаніи жатвы.

Осенью нашъ селянинъ — *пауъ-надъ-панами!* отцы семейства отдыхаютъ послѣ своихъ лѣтнихъ гигантскихъ трудовъ, а *молоде парубоцтво* выбираетъ себѣ *вірнаго подружжя*. — Весело у насъ въ это время! Каждую *неділю* встрѣчаешъ на улицѣ свадебное шествіе — весілля, а въ будні *старостівъ* съ перевязанными черезъ плечо *рушниками*.

Вѣчанье у народа бываетъ большею частью по праздникамъ, рѣдко въ будній день и то развѣ настаетъ *пиліівка*, или какая ни-причина встрѣтится. Сначала осени *дівчата* переборчивы, подъ ко-нецъ же, передъ пиліівкою *кидають примхи*; отсюда и пословица склалась: *до Митра (*) дівка хитра, а по Митрі хочъ калу витри*.

Браки безъ согласія родителей бываютъ очень рѣдки; скорѣе *дівчина* выйдетъ за *нелюба*, нежели пойдетъ противъ воли родителей, хотя и такіе случаи бываютъ.

Послѣ бракосочетанія, у нашего народа, должно непосредственно слѣдовать *весілля*. Если повѣчуются, но *весілля* не отбудутъ, то по понятію народа недолично допускаться и сожительство между новобрачными: *хочъ яке-небудь-та весілле*. Такимъ образомъ, на *весілле* смотреть народъ, какъ на бракосочетаніе *у громаді*; т. е. какъ безъ церковнаго не допускается сожительство между новобрачными, такъ и безъ общественнаго не должно допускать его. Намъ приходилось видѣть только одинъ фактъ, противный этому, и фактъ чрезвычайно прискорбный: въ Г. Черн. губ. выходила замужъ дѣвка исправника противъ желанія исправничихи. Хотя исправничиха прилагала всѣ средства разстроить этотъ бракъ, но онъ состоялся. Въ отмщеніе за это, дѣвка изъ церкви была позвана въ комнаты и, по требованію своей госпожи, осталась почевать вмѣстѣ съ исправничихой. Безъ *молодоі* праздновать *весілля* нельзя — обряда этого и не было. Не было его и на другой день, но *молода* находилась уже съ мужемъ. — Перейдемъ къ жизни высшаго слоя.

Элементы жизни низшаго и высшаго классовъ, если не противоположны, то никакъ не одинаковы. У народа есть свои обряды, свои пѣсни, свои обычаи, освященные стариною, свои воспоминанія прошедшаго *горюванія*, свои воспоминанія стараго — славы своей и до-вольства. Годовыя занятія его распределены у него: весною, лѣтомъ

(*) *Митра* — въ первыхъ числахъ ноября.

и осенью онъ, какъ муравей, трудится, испытываетъ всякія непогоды подъ открытымъ небомъ за сохою или же съ косою въ рукахъ. Каждый часъ рабочаго дня рассчитанъ у него; онъ съ ранняго утра, почти-что съ ночи, работаетъ до поздняго вечера, тоже почти до ночи. Зимой у него тоже много работы: всѣ мелкія постройки по-большей части бывають зимою. Зима единственное время года, когда нашъ селянинъ можетъ свободно заняться торговлею; зимою только онъ можетъ пустить свою, хотя-бы и послѣднюю, копейку въ оборотъ.

Наша жизнь не такъ разнообразна. Разница времянь года для насъ только та, что лѣтомъ мы наслаждаемся теплотою солнца, а зимою теплотою печи.

Жизнь, какъ сказалъ кто-то, тянется безконечно, какъ холодный червякъ. Это самое можно сказать о нашей жизни. Мы какъ попали на одну колею, — такъ и идемъ, и скоро-ли перемѣнимъ нашу дорожку? — Богъ вѣсть.

Лѣтомъ мы мало-ли что дѣлаемъ: спуемъ изъ одного конца двора въ другой, и это мы называемъ — *хозяйствомъ заниматься*. Пришла осень, неприятное для насъ время, и неприятное потому, что настануть короткіе дни: — *ничего нельзя сдѣлать днемъ*; а придетъ вечеръ — нечего дѣлать; и потому, отъ нечего дѣлать, мы должны заниматься сплетнями. Рѣдко, очень рѣдко кто изъ насъ занимается чтеніемъ газетъ (*Сынъ Отечества, Епархіальныя Видомости, Домашняя Бесѣда* и т. п.); что изъ нихъ мы можемъ вынести? все тринь трава для насъ.

Предметы сплетень очень обильны; по большей части мы любимъ гулять насчетъ ближнихъ, но больше всѣхъ достается нашему брату — жалкому корреспонденту журналовъ и газетъ, ихъ личному, какъ они думаютъ, врагу.

На одного изъ корреспондентовъ, мѣсто котораго занялъ я въ этомъ письмѣ, сплетничали очень много. Сперва его извиняли (они не спрашивали у себя — въ чемъ?); когда это не помогло, начали выдумывать такой вздоръ, что совѣстно и сказать; цѣлый околотокъ трубить, что его публично высѣкли; нашлись и такія личности, которыя увѣряли, что это въ ихъ глазахъ совершалось.

А мелкихъ сплетень и не сочтешь. Все это нимало не пугало корреспондента. Наконецъ они обязали себя придумать одно вѣрное средство — придумали и успокоились.

Лѣтомъ въ нашемъ губернскомъ городѣ были губернскіе выборы. О *выборахъ* нечего и говорить; ихъ, конечно, всякій знаетъ. Выбрали въ уѣздный судъ судью, который отказался по очень простой причинѣ: лишень былъ одного изъ пяти чувствъ — слуха. Исправникъ отказался тоже, говорятъ потому, что онъ де-*князь*, а *князю* де не подобаеъ такое мѣсто. Мѣсто исправника долженъ бы занять его кандидатъ; но и тотъ почему-то отказался. Такимъ образомъ, мѣсто исправника занялъ человекъ не по выборамъ дворянъ, а отъ правительства. Смѣемъ надѣяться, что новый исправникъ — порядочный человекъ, и не похожъ на *нашихъ* исправниковъ. На выборахъ, говорятъ, наши показали свое великодушіе — допустили въ собраніе одного господина, бывшаго нѣсколько разъ подъ судомъ, и не освобожденнаго еще изъ-подъ него.

Примѣръ великодушія своего мы оказали тоже при назначеніи пособия мелкопомѣстнымъ дворянамъ. Полученіе пособия у насъ вещь чисто случайная; вѣроятно, тоже по случаю, господинъ нашего уѣзда, положимъ Мирошниковскій, получилъ пособіе, несмотря на то, что онъ не доказалъ правъ своихъ на дворянство, и такимъ образомъ долгое время пользовался незаконнымъ образомъ трудами крестьянъ; а пользовавшійся ими долженъ бы быть подвергнутъ штрафу.

Вообще, мы имѣемъ нѣкоторыя достоинства — просящему даемъ, стучащему отворяемъ; а былъ въ этомъ году и такой случай, что одного господина, человека достойнаго своего имени, выгнали въ шею. — «Что же дѣлать,» — оправдывался одинъ господинъ: «сердце у человека не камень; иногда погорячившись и въ ухо дашь.» Скоро ли выведется у насъ Держиморды? — это вопросъ.

Даниловъ.

ЗЪ БЕРДИЧЕВА.

(1862 р. 4-го жовтня).

Давайте, будемо балакати про те, щó въ насъ дієтця. Хлїбъ оце зїбрали, на току нашому де-щó блищити; пять стїжкївъ стоїть. Худоба якось наша ціла, та щó въ дома; а въ людей—то поодходило

дуже багато. Гинула, бачте, скотина у наші околиці, вівці гинули, то шкоди такої є, що біда! Оце вже осінь; по селахъ, якъ де, то радість, співи, хутко за весілля люде візьмутця; а якъ де сарана налетіла, то пораютьця зъ тею бідою,—то тамъ не до весілля. У насъ ще, до якої пори, не видно сарани, али вже близько, хутко майбутъ доберетця и до насъ; жде, поки уруна зійде. Кавунівъ маємо цѣго літа доволі, вродили. Навезуть на ярморокъ такого, що ажъ базаръ ними захрасне, и все за ярморокъ разберуть. Ми сіяли кавуни й дині; то по диньки є, а кавуни десь такъ счезли, — ніхто їхъ не бачивъ, и які вони. Грушки та яблука—тожъ недорогі,—можна за десятку наїстись. Оце вѣ насъ дощу не було, спека така була що й не пізнати було, що—тѣ осінь:—літо, Петрівка або Спасівка,—и якоє ще третєго септября и дощикъ пійшовъ, трохи не такъ пече, а все про те тепло. Я їжжу оце по селахъ, то трапляєця часто густо почувешъ на полі, то такъ тепло, що й укриватись не треба. Вночі не спишъ, цілу нічъ коло коней—стережешъ їхъ;—то оце вѣ ночі стихне все, коні гризуть собі, то оце сижу, сижу, встану, то зновъ следу на обійжку—оце й почнешъ всіхъ згадувати. И чуїте: чого вѣ голову тоді не прийде, згадаешъ те, що й треба, те що й не треба. Кепсько я зробивъ, що рушниці не привізъ зъ собою, любенько—бѣ тутъ здалась. Разъ якъ почувавъ на шляху почтовому, підъ Морозівкою, коло ліска такъ, то вовкѣ вивъ—вивъ у лісі, а далі давай до насъ нустився,—а нічъ була видна, місячна, то взявъ—нейде просто, а такъ копи стояли, то стерією лізъ. Насилу що прогнали єго одъ себе. А це якоїсъ ночи, то кривого нашого вола, голуба, приперли до обори панської. Бувъ такий кривий, що на трехъ ногахъ скакавъ, то якъ заходились коло єго їхъ ажъ штирохъ, то де вамъ та міць у того вола взялась!—прилетівъ до обори и реве такъ, що ажъ луна йде, казали настухи: побудивъ всіхъ. Здалась би дуже рушниця. Ой воно, чуїте, вовки ті, що вѣ лісі не такі страшні.

Додатокъ—зъ г. Сквирн. У насъ тутъ, у Сквирському повіті, то біда за бідою: ото спека велика—велика; далі сарана налетіла, далі худоба гине, далі почали горіти села, далі токі панські. Оце до цієї пори, то може більшъ якъ токівъ зо три, або зо штірі, згоріло. Бідність и дорожнєта и вѣ насъ великі. Вівеа 8 золотихъ корець платимо, та й того нема; а на весну сміливо по три карбованці буде.

ЗЪ Г. ЕКАТЕРИНДАРА.

Якъ згадаешъ, чи давно-жъ то перві квітки розцвітали, молоді, зелена та пахуча травиця зъ підъ землі вибивалася, а вже й літо минулося! Вжѣ скоро и Ноябрь місяць на дворі, и снігъ бѣвъ напо-рошівъ зѣмлю разівъ зо-два... Невсипуща мати-природа-йде, та идѣ собі своєю божою дорогою—ні вліво, ні вправо... та тихо собі, мовчки,—мовъ и не вона!.. А ми-жъ то, люде,—мотаємось, репетуємо, штовхаємъ одинъ одного, наче на нечистому шабаші,—и що-жъ зъ того?... ‘Отъ хочъ-би й за покійника пана Я. Г. Кухаренка... Служивъ-служивъ, побивавсь у тому шабаші; дотягъ до *енерала*, може мізкувавъ и набільше, а чимъ покінчавъ?... Саме тоді, якъ вінъ, орудуючи отрядомъ за Кубанню, мусивъ прогоніти черкесівъ зъ їхъ стародавніхъ займанщинъ, щобъ очістити місце для *переселенцівъ*; тоді, якъ вінъ клопотався, щобъ стати поручъ зъ тими великими добродіями, котрі колонізують Кавказъ козаками,—на-на-жъ тобі!... Чоловіка зъ вісімъ голодранцівъ, волощогъ черкесівъ,—що вже покорилися, бачите,—нічю, підтереглі ёго на дорозі у Стáврополь, витягли зъ брічки, посадили на коня—ще, кажуть, охлянь—та прогнавши, такимъ маніромъ, верстовъ 80-ть, и посадовили підъ калавуръ!...

Старій, тричі, чи що, падавъ зъ коня, та чи одъ того, що побився здорово, чи такъ—одъ туги, й умеръ у *саклі*... ‘Отъ тобі й кінець надіявъ!..

Привезли небораку, поховали; а міжъ народамъ — гомінъ... Не знаю, добродію мій, що вже й казати вамъ за сѣй гомінъ народній;—на те-жъ у насъ и народъ—добра людина;—а що чувъ, то й кажѣ.. Опісля, якъ дознаюся вірно за полонъ и смѣрть Я. Г. Кухаренка, оповідаю й вамъ, коли схочете слухати; а теперечки ушьяъ до літа, та до Черноморіі.

Що вже пекѣче літо було у насъ,—надиво!... Травá скрізь повигорѣла, ще до косовиці.. хозяйні ажъ объ полі руками біли,—якъ тамъ мовляють,—дівлячись на той стѣпъ, колісь-то, зелений та гáрний, а теперечки—мовъ татарвою віпалений!... Кажуть, у Ейському ‘окрузі й були шматки доброї трави, а що вже у Катериндарському—ні-же-ні!...

Та щѣ й косарі, налихо, такі дорогі, що й не дай Мати Божá!...

Кільки років у—передь, то було багато ходило, до насъ, москалівъ, зъ Росіи, а отсе,—де-не-де, прохаетця їх невеличка юрба, та й ті немéньшъ, якъ за цілкогого становлятця...

Річки те-жъ повисхли; відъ то́го й худіба падала напорядкахъ; а щобъ тамъ колодязі копати, та скотину пользувати, якъ слідъ—де ёго въ Бога!.. Разъ—ніколи, а вдруге—які лікарі у насъ?... Плідниця худоба,—то й добре; а гине—кать її бери!... Бігъ давъ, каже, Бігъ и берé.. Вівцімъ, то вже неможно безъ сіна; для нихъ на́кошують за́вжди (*); а скотина, цілу зіму, то сіно, то солóму,—ма́буть, чи не більшъ солóму—а що вже коні—ті чи й ідять у кого сіно!—ходять собі по стéну, розгрібають снігъ та й згрізують, до землі, отáву (**)...

Кажуть кой-де у станицяхъ,—якъ отъ у Дінській—начáлство завело *скаженихъ лікарівъ*,—то-бъ то тихъ, що пособляють одъ скаженини—такъ що-жъ?.. Сусідъ мій, 'якось, пославъ и за т́имъ—незнайшли... А т́утъ такé лихо: скажена собака, міжъ скотиною, побігала, та й вівці шпурляла цілсе́ньку нічъ такъ, що ажъ на́дто!..

Біда зъ нашимъ хазійствомъ, та й годі! Кажуть, чорноморці наро́дъ *линівий, одсталий!*... Треба, кажуть, змішати їх зъ 'другимъ, більшъ працёвнимъ, способнішимъ на цивілізацію, *елементомъ*... якъ—отъ лине́йці.—а бодáй-же васъ!... Хіба-жъ, чорноморцеві, за сл́ужбою, було коли заводитця спра́жнімъ хазійствомъ?.. Хіба вінъ, якъ отъ лине́ць, д́ума тільки объ томъ, щобъ на ё́му були черкеські черевічки, а у хаті—ка-зна-що?.. Лине́йці, здавна, звикли дивитися на хáту, якъ на курінь; ждáти тільки приказання — кинути той курінь, та, на новому м́еці, будувáти новий—такі-же; а чорноморець—хліборобъ по натурі своїй!.. Вінъ д́ивиця, на *сл́ужбу*, іншимъ ё́комъ.. Дé ё́му *прика́жуть*, тамъ вінъ спóлнить, якъ и всякий другий, коли небільшъ; а вже осéлю будé не курінемъ!.. Вінъ міркуе що себе, ё́ко служáщого, нехáй таскають куди завгóдно, а сімья́ щобъ не бідкалась... щобъ вінъ, вертаючись зъ служби, знайшовъ тéплий, чистенький кутóчокъ,—якъ *сво́е, об́ществéние!*..

Казáли мені, на сé, що лине́йці сл́ужать немéньшъ Чорноморцівъ,

(*) У Чорноморіи, більшъ прóста вівця; коло шлєнської пильнують заможні.

(**) Сего́ літа, збірãлися, у городі, *коннозаводчики*, щобъ посоветуватися—якъ би лóкше завести ті заводи, та й незнаю чимъ покінчили.. У насъ, баче-те, ні *газети*, нічого такого немає... Базікають, наче-бъ то буде,—та вже й пора!

а хліба заробляють більшъ, бо працевітніи,—брехня!.. Справді, слѣжбу й вони справляють, якъ и ми; може й шустріші за насъ, тільки черга тієї слѣжби у нихъ не та,—свободніша, й передова лінія одсунулася геть одъ їхъ хліборобнихъ станиць.. А у насъ хіба давно почали провѣдати оті лінії?.. 57-го року!.. Та й у станицяхъ нашихъ, хіба меншъ заробляють, чи той пакъ дбають хліба, ніжъ у прикубанськихъ линеіськихъ?.. Здається, що ні!..

Вонб, якъ ідешъ поузъ линеіську станицю, то такъ тобі й кінуцця, у вічі, здорові та гарно завершені стогі пшениці та жита; стоять, мовъ москалі у хронті; а підъїдъ до нашої—нема.. невідно нічого за садами!.. Дурні й розказують — 'онде народъ трудящий, а се—лінійві халлі... згѣ-жъ!.. Такъ воно й ё... спитайте, тільки, чого вонб такъ?: Линеіцямъ приказало начаство складати хлѣбъ—за станицями, у однімъ місці, якъ у рѣтнімъ дворі; а наші — кобний до себе додому... складѣ собі, у садѣчку, якъ самъ звѣ, та й мовчить, що въ ёго немѣншъ, ніжъ у когѣ иншого!

Вісімдесять роківъ, Чорноморець рвѣтця надвоє—то у коміші, на вишку,—то до ралі; дѣжъ ёму бути цивілізованімъ хліборобомъ!..

Гудять ще Чорноморцівъ за те, що вони роздрібляютьца по хозяйствахъ: батько отділяе, на своє збіжжя, сина; синъ свого сина; а у линеіцівъ, кажуть, сини й жонаті живуть у одній семьі зъ батькомъ,—отъ того більшъ роботячихъ рукъ: ё кому й на слѣжбу, ё й біля хозяйства приглядати.. О, Боже мій милий!.. Для слѣжби, може, вонб й такъ и лѣчче, а придивітєся—відкляі узавсѣя, у чорноморцівъ, такий порядокъ?.. Вжѣ, що *народъ* візьме собі, то у томѣ держитця розумна причина, чи той—пакъ,—до всякого діла ведѣ первіна!.. Чомъ у всѣго москѣвського люду, якъ отъ у линеіцівъ, а у Чорноморцівъ, якъ у всѣго, кажуть, українського?.. Повелѣся зъ давна; а що, міжъ народамъ, зъ давна—тѣ Бигъ благословивъ!.. У насъ, батько нестоить, увѣсь вікъ свій, зъ палицею, надъ синомъ; а якъ тѣки синъ зробився чоловікомъ, то вінъ оженитъ ёгѣ та й каже:.. »Отъ тобі, сінку, твоє,—иди собі до свого двѣру!.. Маєшъ свою голову на плѣчахъ,—живи—жъ своїмъ розумомъ, бо на те Бигъ тобі ёгѣ й давъ... На мотузѣчці водити тебѣ нехѣчу, а зъ совѣтомъ и поміччю, коли бѣде трѣба, неодкажѣся!..« Такъ повелѣся, хіба—жъ вонб дурно?.. Натѣ—жъ, по Чорноморіи, ё вже й предисание: не допускати до роздріблѣння по сѣмьяхъ;

чого-жъ дорікати намъ тїмъ, що було?.. Та нехай ёго Бігъ розбірає; а я, вибачайте, далёко забігъ...

Такъ отó, кажу, поганенька була трава сёго літа, хлїбъ тежъ припалїло, а кой-де й сарана вїїла.

На Чорноморїї, сїють хлїбъ—більшь за-для-сёбе. Пóки, ще небагато ё такихъ хозяйїнівъ, котрі лёномъ та хлїбомъ мўсять торгувати; ті-жъ, що тїмъ промишляють,—одвóзять свїй товаръ у Еїський городокъ и у Ростовъ:—сюді, кажуть, хочъ и дáльшь, а везуть більшъ. Подивитця на тїхъ ярмока́хъ ростовськихъ,—зъ лінії хлїба привозять удвóе, ніжъ зъ Чорноморїї, бо тамъ, кажú-жъ, ё нутренї станїці, котрїмъ слободнїше працювати біля хлїборóбства;—отъ и базикають, що лїнейці—нарóдъ працювїтїший.

Почалї й у насъ, кой-де—звісно у найзаможнїшихъ хозяйїнівъ, у такихъ дукъ, якъ отъ Б—къ, З—бъ и їнші, нїмецькї машинї заводити, та такі-жъ кумеднї, що й дрють и косють и молóтять самї!.. На машинї млинї, здаётця, найбільшь напáлися, бо з'явїлись захóжі майстри. Вітрякї становлять такі, що надїво: у дёнь, кажуть, по сто мїшківъ меле; а вже за водянї-й не кажú!.. Знаю й я такихъ братчиківъ, котрі попрóдали худóбу до ноги—нема́ вже, кажуть, користи зъ 'неї та, помáй Бігъ, млинї будувати!.. Нехай Бігъ сватїй їмъ и помагає!.. Дївлячись на сё, добродїї їнші й верзãкають!.. »бáчъ, штовхнули васъ трóшки, то вї й заворушїлися!..« бодай васъ, та й годї!.. Пóки Чорномóрці сидїли більшъ на кордо́нахъ, то й працювали абї-якъ; а стáло повільгóтнїше, черкесївъ трóхи придáвлено (хочъ ще й досї, чоловіка по шість и більшъ, сукляті, біля самїсїнького города, вештаютьця й люди беруть)—отъ вони, Чорномóрці й показують свїтовї, що й вони лóде, а не заскарбáлі *иди́ти*.. що недуже—то було потрібно вливáти, вь нїхъ, лóччого, якъ мовляють, елемента, бо вь їхъ и свїй — дóброго заводу!..

Сёго рóку, багато гомонїли, у насъ, ще й за тó: Чорномóрцївъ змїшáли зъ лїнейцями; — якимъ-же порáдкамъ повинно бóти: чи нáшимъ, чи лїнейськимъ?..

Чувъ и я, якъ лїнейці—грїхъ брехати,—ё й зъ 'нашихъ такі—доказують, що їхъ хочъ-бї станїшнї порáдки луччї, ніжъ нáші!.. »У насъ« мовля «начáльникъ станїці по назначенїю *началства*; значить, проти ёго нїхтó не смїе й рóта роззãвити, а одъ тóго порáдку більшъ.. Спрáвдї, тамъ, станїшнїй тїки гукне грїзно, то усё й урóдитця, — пїдвóди тамъ, щобъ перевезáти той овёсъ, котрїй купує брїгáднїй коман-

диръ и хозяйнъ и суддя у бригаді—для полківъ и *получае перевозочні средства* и всяке друге!.. Приміромъ, у нихъ, станишніе обчествó присудить який-небудь роспорядокъ,—то й несє ёго передъ існі очі начальника, котрій кладє *резолюцію* такъ, а не інакь!.. »А у васъ«, кажуть, »станишого отамана обіра обчество, та й гордье імъ: те не такъ!, тймъ недошмиги роспорядився!..« Винъ и мовчі, бо хтò обравъ, той и проженє... щò се за порядки?.. Який небудь *мужва* прийде, зъ паличкою, до правлєння, та й судить тебе й поперечить тобі, а ти мовчі передъ нимъ!.. Отъ ище!.. Вдругє, приде чиновникъ який у вашу ставицію, трєбує суддяò и приказує ёму, заразъ, достати кўрку тамъ молока або чогò й иншого: щò-жъ?.. Винъ почухає у потилиці, та щє сміє й одвчати: немòжу, аки дежўрний, одлучитися сь правлєня!.. Кїнься-жъ до ёгò піки:—*не смієте*, каже!.. хїба-жъ такі повинні бїти порядки?..

А найгіршъ поприкають намъ тймъ, що станишні отамані наші—*пішки*, пїяниці, нікчємні лїде!.. Воно, справді, чи й не такъ, та тїльки, впїять,—до всякого дїла ведє первїна!.. Якъ бї начальство пїддєржувало станишнихъ отаманівъ нашихъ, якъ слїдъ, то й обчествá обірали—бъ їхъ по совісти, а не зъ такою дўмкою!.. Хтòбъ ни бївъ—усє рївно!.. Онъ воно якъ... Ска'но—народъ, усяке по свòему дорозумòвуетця!..

Довòдилось чїти не разъ, якъ мїзкють и за наше новє положєннє котрє компоуєтця у г. Стáврополі. Отъ и постановїли комісію, и зъ Чорномòрцївъ взяли, до неї, *одного* штабъ-охвицєра... Комісія та й клопòчетця, якъ би то мудрїше утїти те положєннє!.. Хòчъ воно, у комісію, узято одного тїльки Чорномòрця и комісія та у Стáврополі, затє-жъ, до деякихъ *панїв* Чорномòрськихъ,—зъ неписьмєннимъ лїдомъ, де-жъ егò турбуватїся!.. поодпїсувано по любязній письльці, вь котрій питають: чи не зна хтò чогò *важного* за гражданський и воєнний бїтъ Чорномòрцївъ, а зїаючи, чи не мòже, бува, одказати у Стáврополь — (звїсно на папєрі) свогò мнїня!.. Заразъ и вїдно, що взялиєся, за це дїло й гєть-то разўмно,—спасїбї імъ!.. Та багáто ще де-чогò балакають, тїльки боїєся усє однїсувати, бо й такъ дўже довгий лїсть мїй вїйшовъ!.. У васъ, тамъ, за крепáцьке дїло,—а мї клопòчємоєся за свòє. Колї-неколї, трáнтця тўть, почўти,—та й то тїльки мїжъ письмєннимъ лїдомъ,—за велїкий цáрьський подарўнокъ: манїхвєсть 19 лїтого, мїрò-

ихъ посередниківъ тѣ-що... а все бильшъ за-своє;—такъ воно завжди... така натура въ чоловіка!.. А все-жъ, є въ насъ люде, у котрихъ серце тѣхає, якъ почують, одъ лѣбої Основи нашої,—за граматки й инші, для люду українського, книжки, обь котрихъ почали пильнувати; та за працю ватажківъ нашихъ письменнихъ,—помай Бѣже!..

Отсє зъ місяць, якъ черкєси спалили, за Кубанню, Нижне-Баканєську станицю, котра була засєлена чорноморцями... Ранкомъ, вжє якъ соничко гєть пидбилося, кинулись сважені на станицю, пидрубали огорожу—та й вчинили такє, що бодай и не бачити й не чѣти!.. И не такє ще розказують!.. Сєбѣ то узали черкєси, станицю; а попередъ того, ще місяцівъ за двѣ, узали *Ліновський постѣ*;—такіжъ недѣже далєко одъ тиєї станиці!.. У томѣ пості були, на варті, наші-жъ козакі—чоловіка зъ 40-кѣ, зъ охвицєромъ... На бідѣ, до того охвицєра, щє й жінка прихала, — одвідати, бачити!.. Якъ вони напали, Бигъ єго святий знає!.. Не дай мати Бѣжа!..

Отсє все літо, у нашому військовому саді—за котрий трєба-бъ було попильнувати, бо стоить такъ-собі!..—двѣ рази у тиждень, грала військовѣ музика; у *ротонді*—се, бачите, помість пид старєзнимъ дѣбомъ—танцювали панночкі... Отѣ дивѣтця, мабуть, дѣбъ той, згадуючи за батьківъ Запорѣжцівъ и дивлячись на тѣхъ барисєнь, що й недай Бѣже, якъ рѣдятця, та по нїмєцькому пидстрибують!..

Негрѣхъ би було, паніямъ нашимъ та панночкамъ нашимъ на вѣсѣ намотати—жалко, що єго немає!..—той листъ повѣжного пана прохвєсора Львѣвського, котрий у Основі, за лицець, надрукѣваний!.. У рідному Львѣві було тє, чомѣбъ и жінкамъ нашимъ не соромъ повчитися!.. Наказний отаманъ нашъ звелівъ, у Катєриндѣрі, біля нового собѣру, *тійтеръ* построїти—на які грѣші—недокажѣ, та сє й не наше дїло—и тепєрєчки трохи вже чи й непокінчали єго. Отъ за сє, велїке спасїбѣ!.. Хочъ зъ дощѣкъ зліпали,—бо немає камїню, а все-жъ такі-є въ насъ тійтерѣ!.. Прїхала й юрбѣ актєрївъ, пид кумандѣю П. Ижѣрєскаго... *Водєвілі* грѣють, мѣжно дивитися... А вже якъ утяли—бачивъ якось—нашу, українську: Вєчїрѣ на хуторі, то ажъ пальці було знѣть!.. П. Дмитренко, зъ жінкою, грѣли, спасїбі їмъ, гарнєнько; а що вже инші—глѣмъ, та й гѣді!.. Нїждного словєчка по нашому, а берѣцця грѣти, — чудні!.. Чуднє й обчєствѣ наше, лѣска собі у долоні!.. Хїбѣ відъ того, що—*наше*, якє-бъ не було!..

Зъ тиєї порі, якъ одисувавъ я до васъ, добродію-повѣжний, —

спасібі, що непокепкували листомъ!..—мало чого нового вдіялося у Катеринодарі, — я розумію юліці городські, новий соборъ и дівочу школу;—якъ було, такъ и є... и досі коло красної юліці турбуюцца, канавки копають... та й годі... Э, ні!.. брешу,—майданъ, де базаръ стоить, *невилірують*; то-бъ то осушити мусять, бо тамъ була що найгірша багнока!..

Забувъ я тільки, тогді, сказати вамъ, що у одне время, якъ дівоча школа устроїлася панією Іваніною,—чоловікъ єї, злипавъ, койякъ, другу школу на Дмитрівці: се частина города, де простиє, більшъ, козацтво живе и що саме станицею Катеринодарською звецца... школою сією орудує панъ-отець, а вчицца, тамъ, дитвора козацька, хлопчики й дівчатка—*руській грамоті*; неповідно ще, мабуть, *нашій* бѣти; та й де такі намъ, служачимъ, по своєму вчицца?..

За переміщення гимназїи, изъ Ейська, у Катеринодаръ, не чѣть упьять щб-сь...

До сего часу, спасібі Божові, у городі сухо,—бо небуло ще чвїрі,—такъ, я вамъ кажѣ, що за гульнї йде,—ажъ нарто!.. Тутъ козацька дочка замїжъ виходить; звїсно, у мясниці, передъ пилипкою, то, за нею, стародавнїй журавель реве, мовъ навіжений!.. а тамъ гу, гу, гу!.. Калїси *вєнські*, та бривкантиси *ростовські*... тільки й чѣти: «пай-ді!..» Дивѣєся собі мовчки!.. Армєни торгують, у лавкахъ, добре, бо панїі наші не берѣть, а габрають усякі матерїї!.. Сб-бъ то на зїмнї бенкетї... Побачимо, почѣмо, а колї необрїдло, то й одїшимо (*). Чувъ я, що є такі, котрі ремствують на мене, за мїй листъ, надрукований у Основї; а найбільшъ за тѣ, що я, нїбї то, такъ огудивъ *Ейцївъ*... Такъ щб-жъ менї робити?.. Невжѣ-жъ я самъ відкопую брехнїю?.. Пишѣ тѣ, що чѣю, що бачу... може, дѣ й ветакъ,—нехай розумнїші навчать: велике спасібі скажемо!..

Вибачайте, бѣдьте ласкаві!..

Стецько Шаранъ.

(*) Усі тутешні земляки дуже вподобали вашу ширю козацьку мову и прїямнїй поглядъ на все що округї дієтця.

ИЗЪ ПРИЛУКЪ.

Въ нынѣшнее лѣто два раза былъ съездъ прилукскихъ дворянъ. Первый 5-го Юня для выбора уполномоченныхъ за мелкопомѣстныхъ дворянъ на губернскіе выборы и членовъ въ комисію для раздачи пособій мелкопомѣстнымъ дворянамъ. Но прежде начатія всякихъ выборовъ, дворяне произвели демонстрацію противъ своего предводителя, занимавшаго эту должность въ продолженіи 12 лѣтъ. Я не стану распространяться объ этомъ фактѣ, и именно потому, что это заставило бы меня повѣдать многія сурьезныя дѣла, достойныя вѣчнаго забвенія. Скажу только, что результатомъ единодушнаго протеста собранія—былъ немедленный выходъ изъ службы предводителя, не смотря на то, что до губернскихъ выборовъ оставалось нѣсколько мѣсяцевъ. По говору, который, продолжается и до сей поры объ этомъ *крупномъ явленіи* прилукскаго общества, должно заключать, что на сторонѣ дворянъ было много основательныхъ причинъ къ демонстраціи, хотя и не всѣ оправдываютъ нѣсколько дѣтскій—скаandalёзный характеръ ихъ дѣйствій, доказывающій непривычку заявлять свое мнѣніе.

Что касается до выборовъ уполномоченныхъ, то они производились какъ и всегда, т. е. съ полнымъ равнодушіемъ со стороны мелкихъ дворянъ или, лучше сказать, безъ сознанія важности дѣла. Члены комисіи для раздачи пособій, кажется, выбраны довольно удачно, по крайней мѣрѣ говорятъ, что они старались сколько можно разузнать о положеніи нуждающихся въ пособіи и назначить эти пособія, не стѣсняясь кліентизмомъ и пронесками, а именно такъ, какъ требовали обстоятельства. Въ то же время собранію дворянъ было заявлено сообщеніе губ. предводителя дворянства о томъ, что выборы представителей дворянства въ межевую комисію будутъ производиться на губернскомъ съездѣ.

Такъ какъ это распоряженіе уничтожило силу 21-й статьи Положенія о размежеваніи Полтав. и Черниг. губерній и притомъ противорѣчило принятому обычаю, то собраніе составило письменный протестъ противъ этого распоряженія, выраженный энергически (*).

(*) Вотъ 21-я статья. Въ избраніи председателя, членовъ и кандидатовъ на эти мѣста участвуютъ всѣ дворяне уѣзда, у которыхъ есть поземельная собственность, хотя по общимъ правиламъ они бы и не имѣли права избирательнаго голоса.

Съ теченіемъ времени объяснилось, что это распоряженіе сдѣлано вслѣдствіе *какого-то* недорозумѣнія (пезнанія законовъ) и потому дворянамъ позволено было съѣхаться для межевыхъ выборовъ, (такъ обыкновенно называютъ выборъ представителей въ межевую комисію). Это собраніе было назначено 28 Августа. Число съѣхавшихся было вдвое болѣе противъ перваго съѣзда (*) и поэтому съѣздъ былъ въ залахъ дворянскаго собранія, а не въ межевой комисіи, какъ это было въ первое собраніе.

Какъ и всегда бываетъ, до начала выборовъ часть публики толпилась около стола, и громко разсуждала (выражаясь проще: кричала безъ всякихъ разсужденій) о необходимости убавить жалованье членамъ комисіи. Конечно, такой способъ заявленія своихъ желаній очень не рационаленъ: трудно знать, какая именно причина заставила рѣшить такъ или иначе предлагаемый вопросъ. вмѣсто того чтобы вполне высказаться каждому по одиночкѣ, говорили все вмѣстѣ.

Господа, желавшіе, чтобы ихъ доводы подѣйствовали сильнѣе, старались кричать какъ можно энергичнѣе. Тѣже, которые стояли за *statu quo*, конечно, молчали и ходили по залѣ гдѣ нибудь всторонѣ, скромно разсуждая о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Крикъ продолжался довольно долго, пока, наконецъ, испр. долж. предводителя не предложилъ подвергнуть вопросъ объ уменьшеніи жалованья по баллотировкѣ.

Понятно, что не разъяснивши вопроса предварительными разсужденіями, каждый при баллотировкѣ поступалъ по своимъ собственнымъ видамъ, отъ которыхъ, можетъ быть, отказался бы, если бы вопросъ обсудили, какъ слѣдуетъ. И въ самомъ дѣлѣ, одни клали шары направо (за уменьшеніе), въ силу вопроса, часто раздовавашагося на всю залу: «Чѣмъ мы (т. е. я) будемъ платить такъ много (выраженіе неудовольствія противъ эмансипаціи)? другой говорилъ въ полуслухъ:» меньше будетъ желающихъ баллотироваться» и клалъ шаръ направо; Третіе: «Все равно члены ничего не дѣлаютъ: чѣмъ меньше давать, тѣмъ лучше»; Да притомъ на малое жалованье, подхватывалъ четвертый, пойдутъ сюда люди менѣе богатые, слѣд. будутъ трудиться. И оба клали шары направо. И много, очень много еще и другихъ видовъ

(*) Именно 89 набир. шаровъ, слѣд. члов. 73; на первомъ же съѣздѣ было 43—47 чловѣкъ. Это объясняется 1) тѣмъ, что вслѣдствіе шумности перваго съѣзда многіе заинтересовались выборами. 2) выборы были значительнѣе, 3) много было желающихъ баллотироваться въ должности и 4) нужно было рѣшить вопросъ объ уменьшеніи жалованья председателямъ.

было у сторонниковъ уменьшенія жалованья. У противниковъ же ихъ также были *различныя соображенія*.

Ну, не безобразенъ ли подобный способъ рѣшенія вопросовъ? и къ чему же послѣ этого бываютъ «собранія»? Не остается ли, при такомъ порядкѣ, *право разсуждать о своихъ сословныхъ интересахъ* мертвымъ правомъ? Отсюда и понятно, что люди, непользующіеся правомъ «разсуждать въ собраніи», едва ли могутъ рѣшить какойнибудь сословный вопросъ рационально. Такъ это и было въ настоящемъ случаѣ, какъ я постараюсь доказать впоследствии.

По баллотировкѣ оказалось 62 за уменьшеніе, 27 противъ (или что-то въ родѣ этого). Опять повторю, что было бы вовсе не то рѣшеніе, если бы вопросъ обсудили какъ слѣдуетъ.

За тѣмъ, испр. долж. предводителя сказалъ, что рѣшена еще только одна половина вопроса, что еще слѣдуетъ назначить норму жалованья какъ для предсѣдателя, такъ и для членовъ. И опять начались разсужденія во вкусѣ удѣльно-вѣчвомъ, ничѣмъ не отличающія собранія дворянства отъ сходки крестьянской громады, надъ которою иногда такъ остро издѣваются нѣкоторые изъ представителей нашего образованнаго сословія... Опять мнѣнія были различны и высказывались все разомъ, голословно, не опираясь ни на какіе доводы и притомъ чересчуръ громко, а иногда и самымъ напряженнымъ крикомъ. Кто желалъ 500 руб., другіе же только кричали періодически: «много! много!» А нѣкоторые, какъ школьники, загородивъ ротъ рукою, громко вскрикивали: 350! Кто толковалъ, что предсѣдателю должно назначить больше жалованья, потому что рангъ мѣста выше; другіе же говорили, что у членовъ занятій больше и что занятія безпокойнѣе; поэтому членамъ, напротивъ, должно назначить больше жалованья. «Нѣтъ, твердили нѣкоторые джентльмены, чтобы *не было обидно*, нужно назначить всемъ поровну.» На конецъ крикъ: 500! и «всемъ поровну!» покрыли все остальныя восклицанія. Испр. дол. предводителя позволилъ. Тѣмъ умолкла. Онъ спросилъ: «Согласны ли назначить жалованье въ 500 р: какъ для предсѣдателя, такъ и для членовъ?»

— Согласны! Согласны! почти хоромъ завопило собраніе (Вспомните, читатель, Малороссійскую раду или Новгородское вѣче; а какъ много времени прошло!) Теперь приступили къ выборамъ сначала, конечно, предсѣдателя и кандидата на эту должность.

Стали дѣлать предложенія, начались отказы. Такъ прошло нѣсколько человѣкъ, которымъ, по видимому, предлагали баллотироваться *толь-*

ко *изъ вѣжливости*, твердо надѣясь получить отказъ. Наконецъ предложеніе было сдѣлано Г—ну Орловскому (отцу). Тотъ началъ (можетъ быть, по принятому обычаю) отказываться; публика еще громче и усиленнѣе просить; наконецъ г. Орловскій соглашается почти при единодушныхъ крикахъ всего собранія: Просимъ! просимъ! Всякій на его мѣстѣ имѣлъ бы право подумать, что онъ избранъ единодушно, и что баллотировка будетъ пустою формальностью. Онъ, можетъ быть, такъ и подумалъ, и потому обратился къ собранію съ слѣдующими словами: «Г.г. сколько я могу, столько и буду стараться въ дѣлѣ. Но прошу васъ объ одномъ, чтобы не было, какъ прежде, голословныхъ порицаній дѣйствій комисіи. Если вы желаете знать о ходѣ дѣла, то можете періодически повѣрять дѣйствія комисіи. Безъ этого прошу не хулить насъ. Съ такимъ только условіемъ я согласенъ баллотироваться.» Согласны! Согласны! повторила толпа. Послѣ такой оваціи никто не могъ ожидать, чтобы черниковъ было много, ибо баллотировка дѣлалась пустымъ обрядомъ. Но, къ несчастію, не всегда то бываетъ, что должно быть. И потому оказалось только 57 голосовъ за, а 32 противъ. Должно быть, были такіе, которые кричали *изъ любви къ крику* или такіе, которые *вспльзъ кладуть черники*... Но какіе бы тамъ ни были, а все-таки г. Орловскій былъ избранъ.

Но вѣдь еще нужно было выбрать кандидата; сдѣлали предложеніе и. д. предводителя (судьи). Послѣ обычныхъ отказовъ начались баллотировки, и что же оказывается? 66 избирательныхъ шаровъ, т. е. г. Величку выбрали председателемъ, а Орловскій остался въ кандидатахъ. Такой оборотъ дѣла былъ совершенно неожиданный ни для избираемыхъ, ни для избирателей. «Какъ это случилось? Ужъ не вѣшателство ли боговъ?» видѣлись эти вопросы на многихъ лицахъ. Впрочемъ подобныя неожиданности для знакомыхъ съ ходомъ дворянскихъ выборовъ не удивительны; по видимому, дѣйствуетъ какая то таинственная сила, подобная *Deus ex machinѣ* древнихъ. Не вѣрующіе въ чудесное—объясняютъ это гораздо проще, но я умолчу объ этомъ, — «чтобы гусей не раздражить!» Теперь пойдемъ далѣе. Желающихъ баллотироваться въ члены, несмотря на уменьшеніе жалованья, оказалось 12. На желаніе 2-хъ не обращено вниманіе, двое взяли назадъ свое желаніе. И эти выборы не обошлись безъ участія боговъ; говоря просто, одного господина выбрали совершенно неожиданно ни для него самого, ни для собранія.

Не стану дѣлать характеристики выбраннымъ лицамъ. Скажу толь-

ко, что отъ членовъ можно ожидать дѣятельности, потому что все они молоды (за исключеніемъ одного, выбраннаго случайно) и желаютъ заниматься. О предѣдательѣ и говорить нечего: онъ извѣстенъ обществу какъ судья.

II.

Выше я сказалъ, что со стороны дворянъ было нерационально убавлять жалованье дворянскимъ депутатамъ. Теперь эти слова я хочу подкрѣпить доводами.

До сей поры нѣтъ еще особой инструкціи для дѣйствій членовъ комисіи (я говорю о Полтавской губерніи). Но вотъ покрайней мѣрѣ какова *должна быть* ихъ дѣятельность, если принять во вниманіе положеніе о размежеваніи и инструкціи для дѣйствій комисіи и межевыхъ чиновъ. Все межевые партіи, дѣйствующія въ уѣздѣ, распределяются между членами и кандидатами, такъ—что одному приходится быть въ двухъ партіяхъ,— не менѣе.

Присутствіе членовъ при полевыхъ занятіяхъ необходимо «для большаго ихъ успѣха,» такъ какъ члены, по порученію комисіи, «принимаютъ особенное участіе въ разъясненіи и прекращеніи возникающихъ споровъ, въ устраненіи препятствій отъ неисполненія землевладельцами своихъ обязанностей и т. п., въ составленіи хозяйственнаго описанія земель, экономическихъ примѣчаній и наконецъ при соглашеніяхъ (*).» Эти обязанности опредѣляются самимъ Положеніемъ. По силѣ же инструкцій, дворянскіе депутаты должны присутствовать при генеральномъ обходѣ дачи, при утвержденіи межъ, при съемкѣ черезполосности, при повѣркѣ съемки и при розысканіи неизвѣстныхъ полосъ, словомъ сказать, при всехъ полевыхъ межевыхъ дѣйствіяхъ (**). Наконецъ, должно еще прибавить, что депутатъ хоть разъ въ недѣлю долженъ быть въ комисіи для присутствія въ засѣданіи (***)).

(*) Ст. 41 Положеніе о размеж. Пол. и Черн. губ.

(**) Это присутствіе является подписаніемъ слѣдующихъ актовъ: Полевого журнала, плана и межевой книги, поземельной вѣдомости и дневнаго журнала. До сего времени въ этомъ только и состояло реальное участіе депутата въ межеваніи.

(***) Такъ какъ Прилуцкая комисія имѣла по два засѣданія въ недѣлю (соображаясь съ числомъ отхода почты въ Полтаву), то каждый депутатъ можетъ быть въ городѣ только разъ въ недѣлю. До настоящей поры депутаты призываютъ для подписа журнальныхъ постановленій и некоторыхъ бумагъ.

Теперь положимъ, что депутатъ назначенъ для присутствованія при полевыхъ занятіяхъ двухъ межевыхъ партій, раздѣленныхъ разстояніемъ не менѣе 12 верстъ. При добросовѣтномъ исполненіи обязанности дену тату придется быть въ каждой партіи по разу въ недѣлю; (въ такомъ случаѣ, если нѣтъ повѣрки и разысканія нивъ, а также когда не составляется сравнительная таксація, тогда депутату придется пробыть въ дистанціи нѣсколько дней сряду, даже больше недѣли). Пусть мѣстожителство депутата отстоитъ отъ дистанціи партій и отъ города въ равномъ разстояніи, т. е. по 12 верстъ отъ каждаго изъ двухъ мѣстъ. Для того, чтобы побывать во всѣхъ трехъ мѣстахъ, т. е. въ городѣ и въ двухъ партіяхъ, онъ долженъ проѣхать въ недѣлю 72 версты. Полагая прогоновъ на версту за 2 лошади 40 к., будемъ имѣть расхода на прогоны 7 р. 20 к. въ недѣлю. Полагая, что полевая работа продолжается только 7 мѣсяцевъ (съ 15-го апрѣля по 15-е ноября), выдетъ въ годъ 30 недѣль, въ которыя члену придется сдѣлать по 72 версты. Въ остальные 22 недѣли онъ будетъ ѣздить только разъ въ комиссію, т. е. будетъ дѣлать 24 версты въ недѣлю или въ каждую недѣлю потратить 2 р. 40 к. Да положимъ для экстренныхъ командировокъ, въ продолженіи всего года, и преимущественно въ эти 22 недѣли (по оконченнымъ съ землею дачамъ — для составленія сравнительной плантаціи, по приготавливаемымъ къ съемкѣ—для собранія свѣдѣній о количествѣ земли и пр. и пр.), по 25 верстъ на каждый разъ и всего для 11 разъ (т. е. не чаще 2 разъ въ мѣсяць) на 275 верстъ расходовъ 27 р. 50 к. Итакъ, вотъ—что будутъ стоить члену прогоны въ годъ:

30 недѣль по	7 р. 20 к.	216 р.
22 недѣли «	2 « 40 «	52 « 80 к.
На 11 экстр. командировокъ.		27 « 50 «
Итого .			296 « 30 «

И такъ, одинъ прогонъ стоитъ около 300 р. Притомъ, нужно замѣтить, что мы сдѣлали самый умѣренный расчетъ, если только предположить, что депутаты будутъ исполнять свои обязанности. Теперь еще слѣдуетъ принять во вниманіе увеличеніе издержекъ на столъ, вслѣдствіе частой перемѣны мѣстопробыванія. Пожалуй, согласимся съ мыслью многихъ, что въ селеніи каждый пацъ не откажется предложить члену обѣдъ и отдыхъ въ своемъ домѣ, слѣд. издержки ничего не бу-

луть стоить. Но въ городѣ этого не случится. Да, наконецъ, нельзя разчитывать на *подобныя поддержки*. Можетъ быть, нѣкоторые изъ членовъ не воспользуются гостеприимствомъ, можетъ быть также, что не все паны будутъ хлѣбосольны. И потому положимъ что вслѣдствіе всѣхъ поѣздокъ (имѣя въ виду преимущественно поѣздки въ городъ) членъ будетъ издерживать на столъ 100 р. въ годъ. Вотъ уже и 400 р. самыхъ умѣренныхъ расходовъ, вслѣдствіе служебной дѣятельности. И такъ отъ всего жалованья (500 р.) остается только 100 р.—это вознагражденіе за потерю 150—200 дней въ годъ въ ущербъ хозяйству, за претерпѣнное безпокойство при переѣздахъ во всякое время года и, наконецъ, за все труды на пользу межеванія. Неужели это *соразмѣрное вознагражденіе*? И можно ли ради, или лучше сказать, имѣя въ виду такое вознагражденіе, добросовѣстно *выполнять свои обязанности*? Остается одно—*служить изъ чести*. Но вѣдь пора оставить эту мечтательную химеру, тѣмъ болѣе, что въ члены комиссіи выбраны люди не очень богатые, которымъ служба если и недолжна (и почему такое самопожертвованіе?) приноситъ прибыли, то покрайней мѣрѣ и недолжна быть въ ущербъ состоянію. Но при такомъ маломъ жалованьи она будетъ прямо въ ущербъ, если даже положить, что, вслѣдствіе хозяйственного разчета, поѣздки будутъ стоить дешевле... Но еще навертывается вопросъ по поводу службы изъ чести: что значить такая служба? Проживаніе своихъ денегъ на общую пользу или, лучше сказать, ради того, что занимаешь одну изъ выборныхъ должностей? Но можетъ ли дворянство при такомъ порядкѣ требовать отчета отъ выбраннаго лица? И будетъ ли въ состояніи самое лицо исполнять свои обязанности какъ слѣдуетъ? Вѣдь уже вѣковой опытъ доказалъ, что все даровое скверно. Въ прежнее время, когда должности по выборамъ были пріятною игрушкою для богатыхъ честолюбцевъ или же средствомъ составить себѣ состояніе, когда помѣщики не умѣли цѣнить деньги, добытыя потомъ и кровью ихъ крестьянъ,—въ прежнее время служба изъ чести могла быть въ ходу. Но въ настоящую пору и помѣщикамъ кажется слѣдовало бы подчиниться, какъ и остальному люду, общему экономическому закону: *каждый трудъ требуетъ вознагражденія, сообразнаго съ объемомъ и значеніемъ его*. Да кромѣ того, какъ то странно видѣть уменьшеніе жалованья въ настоящее время, когда даже правительство сознало необходимость увеличить оклады нѣкоторымъ чиновникамъ, принимая во вниманіе этотъ экономическій законъ.

Но еще депутаты могут покрыть получаемымъ окладомъ издержки по службѣ, хотя ущербъ по хозяйству отъ личнаго отсутствія служащаго будетъ не вознаграждимою потерей. Но что же могутъ дѣлать на 250 р. кандидаты, которыхъ дѣятельность почти одинакова съ дѣятельностью членовъ? Тутъ уже прямая служба изъ чести.

Можетъ быть, читатель замѣтилъ, что мы до сихъ поръ говорили о необходимости увеличить жалованье членамъ и кандидатамъ ихъ, вовсе не упоминая о предсѣдателѣ, *старшемъ по рангу мѣста*. Это, впрочемъ, произошло не случайно, а изъ глубокаго убѣжденія, что 500 р. достаточное жалованье для предсѣдателя или, лучше сказать, соразмѣрное съ его покойною и незначительною по объему дѣятельностью. Мы думаемъ, что хорошая система жалованья должна имѣть въ виду не рангъ мѣста, а количество и значеніе труда служащаго.

Вѣроятно, и передовое сословіе Россіи раздѣляетъ съ нами это мнѣніе, хотя оно и противорѣчитъ обычаю, принятому нашимъ правительствомъ въ прежнее время. Наконецъ, насъ могутъ спросить, какая же норма жалованья необходима для членовъ и депутатовъ? По нашему мнѣнію, было бы очень рационально, если бы расходы на прогоны опредѣлялись по дѣйствительной стоимости ихъ, т. е. также какъ они опредѣляются теперь для межеваго члена комиссіи. Жалованье же какъ членамъ такъ и депутатамъ должно давать независимо отъ прогоновъ. Такъ какъ разъѣздовъ у межеваго члена не болѣе члена отъ дворянъ, то пусть и попрежнему даютъ на путевыя издержки 350 р. какъ и межевому члену. Въ вознагражденіе же ущербовъ по хозяйству или вообще за труды по межеванію, пусть члену дадутъ такое жалованье, какое получаетъ Инженеръ-Поручикъ, т. е. 370 руб. А всего слѣд. 720 р., за исключеніемъ прогоновъ.

Пусть наконецъ эта цифра влѣдствіе разныхъ соображеній, о которыхъ я умолчу, чтобы не утомить читателя разсчетами, пусть эта цифра будетъ уменьшена до 600 р. Это, по моему мнѣнію, минимум жалованья, способнаго вознаградить потери лица отъ службы. А кандидатамъ должно давать жалованье по разсчету употребленнаго времени, считая за каждый мѣсяць по 50 руб. Думаю, что мои предположенія не лишены практическаго смысла, а потому смѣю надѣяться на ихъ осуществленіе, хотя можетъ быть я нѣсколько запоздалъ съ своимъ совѣтомъ. Но вѣдь «никогда не поздно исправиться.»

Бобыль.

ПАНИХИДА ПО Я. Г. КУХАРЕНКЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ-дополненіе къ извѣстію, сообщенному въ IX-й, книжкѣ заимствуемъ изъ 259 № С. П. Б. вѣдомостей слѣдующее:

«Будучи любимъ многими украинцами, какъ знакомый, и какъ близкій пріятель Шевченка, Яковъ Герасимовичъ Кухаренко, сдѣлавшись извѣстенъ и какъ украинскій писатель, сталъ еще дорожке для всѣхъ, кто знаетъ и любитъ свой народъ, кто дорожить нравственною связью съ нимъ, какъ святыней, кто, по словамъ *Кобзаря*—поэта—

Не одурѣвъ того слова,
Що мати співала,
Якъ малого сповивала,
Зъ малимъ розмовляла...

Послѣ всего сказаннаго, можно легко себѣ представить, какъ грустно отозвалась въ сердцѣ украинцевъ вѣсть о плѣнѣ и, наконецъ, о преждевременной смерти Кухаренка. Всѣ, кто зналъ его лично, положили помануть его панихидой и братскимъ обѣдомъ. Къ-сожалѣнію, не всѣ были оповѣщены объ этомъ, и потому, 10 ноября, въ церковь Введенія, собралось всего человекъ двадцать, гдѣ панихида была отпралена пріятелемъ Якова Герасимовича, почтеннымъ протоіереемъ Пл. О. Менчицемъ. Одинъ изъ петербургскихъ пріятелей Якова Герасимовича, З. О. Недоборовскій, приготовилъ, для произнесенія за обѣдомъ, украинскую рѣчь, въ которой выражены были чувства и желанія украинцевъ.

«Сёгодні, щирі й милі браття—українці, довелось намъ поминати славного потомка запорозького війська, батька кошового Якова Кухаренка.

»Вість о полоні и смерті кошового дуже уразила всіх, хто тільки знавъ ёго. Ми знали Кухаренка тільки зъ торішнєї зими, якъ вінъ приїзжавъ до Питербурга,—то й не будемо нічого казати про ёго військову славу: про це нехай розкажуть інші, хто знає ближче; ми жъ, панове—браття, нагадаємо де-що про ёго щирю й теплу українську натуру. Натура покійного Якова Герасимовича справді була щира козацька; своєю любовью до України и до рідної мови вінъ оставивъ по собі дорогу пам'ять. Миколай Івановичъ Костомаровъ знавъ покійного Кухаренка давно, ще за молодого віку, и спомина ёго добримъ приязнимъ словомъ. Познались вони ще у Харькові, годівъ 20 буде тому: и тоді вже Кухаренко бувъ щиримъ и гарячимъ українцемъ, и тоді вже вінъ старався, щобъ росла и ширилася народня мова и правдива любовъ до України міжъ молодяжжю. Потімъ—того, якъ Миколай Івановичъ їздивъ, черезъ чорноморські землі, у Кримъ, то чувавъ не одъ козаківъ, а одъ іншихъ українцівъ, що рідко найти такого чоловіка, щобъ такъ любивъ свій людъ український и все, що ёму миле, якъ Кухаренко.

»Поважали ми ёго й за те ще, що не було у ёго тиєї піхи панської,—що вінъ дивився на кожного, якъ на рівнєго и обходився съ кожнимъ побратерські, якъ слідъ вірному потомкові козака—запорожця.

»Бачили ми ёго веселий сміхъ, бачили и ёго дорогі слёзи; ніколи ми їхъ не забудемо, и дай—то Боже, щобъ у всіхъ у насъ готові були такі теплі слёзи.

«Одного вечора, виражаючи Я. Г. відсіля у Чорноморію, одиць зъ земляківъ нашихъ, читавъ ёму де-що зъ *Кобзаря*; и—якъ дійшовъ до того місця, дє Шевченко промовляє:

»О, друже мій добрий, друже незабутий,
Живою душею въ Україні витай!...«

у хороброго козака Кухаренка, що не разъ ёму й смерть у віці заглядала, та вінъ її не лякався, полились гарячі слёзи, и вінъ незмігъ зупинити їхъ. Чого, чого не почувала тоді щира козацька душа ёго?...

»Нехай же святитця пам'ять ёго межі земляками! Нехай семья ёго знайде собі потіху въ ёго пам'яті! Нехай діти здорові ростуть для України и будуть такі жъ щирі й хороші, якъ батько, а коли ні—то й кращі!...«

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

УЧИТЕЛЬ

въ 1863 году.

Вступая въ третій годъ существованія, журналъ нашъ имѣть уже свое, хоть и кратковременное, прошедшее; онъ уже не новичекъ въ литературѣ, но успѣлъ уже составить себѣ нѣкоторую извѣстность, правда, не блистательную, но довольно обширную и, надѣмся, прочную. Поэтому, не находя нужнымъ распространяться о направленіи и идеѣ журнала, уже знакомыхъ публикѣ, скажемъ только, что мы останемся вѣрны разѣ предназначенной себѣ задачѣ — распространять между родителями и наставниками здравыя понятія о воспитаніи и обученіи, и облегчать имъ исполненіе важныхъ обязанностей посредствомъ доставленія имъ необходимыхъ на то средствъ и матеріаловъ.

Программа наша остается тою же, какъ и въ нынѣшнемъ году. Въ полномъ составѣ своемъ она содержитъ слѣдующее:

ОТДѢЛЪ I.

1) **Ученіе о физической природѣ человѣка:** а) *Анатомія и физиологія*, т. е. описаніе человѣческаго организма и его отправленій. б) Процессъ естественнаго развитія организма отъ рожденія до возмужалости. в) *Диететика*: условія здоровья и долгой жизни, вліяніе на организмъ пищи, воздуха, жилища, занятій, и т. д. г) Человѣческій организмъ въ здоровомъ и больномъ состояніи; разсмотрѣніе болѣзней, особенно дѣтскаго возраста.

2) **Опытная психологія:** а) Исслѣдованіе душевныхъ способностей и силъ человѣка; б) Процессъ развитія этихъ способностей въ различныя эпохи жизни.

3) **Популярная, практическая логика.**

4) **Педагогика**, т. е. теорія воспитанія, сообразная съ законами чловѣческой природы: а) Воспитаніе *физическое, умственное, эстетическое, нравственно-религіозное* въ примѣненіи къ различному возрасту и полу. б) Воспитаніе *домашнее* и *общественное* (училищевѣдѣніе); очерки воспитанія отдѣльныхъ личностей. в) Личность, значеніе и обязанности учителя какъ чловѣка, гражданина и воспитателя.

5) **Исторія воспитанія**: біографіи знаменитыхъ педагоговъ и изображеніе ихъ дѣятельности; описаніе замѣчательныхъ воспит. и учебныхъ заведеній. Дѣтскіе сады, народныя училища, учительскія семинаріи.

6) **Популярное изложеніе различныхъ наукъ**: зоологіи, ботаники, минералогіи, физики, астрономіи и пр., народнаго и сельскаго хозяйства, технологиіи, математики, географіи, исторіи, литературы и т. д.

ОТДѢЛЪ II.

1) **Дидактика**, т. е. изложеніе общихъ правилъ преподаванія на различныхъ ступеняхъ развитія.

2) **Методика**, т. е. изложеніе различныхъ способовъ и приемовъ преподаванія по всеѣмъ предметамъ.

3) **Примѣненіе различныхъ методовъ на практикѣ**, т. е. подробно изложенные уроки по отдѣльнымъ учебнымъ предметамъ, могущіе служить образцами для преподаванія, особенно *элементарнаго*.

4) **Указаніе и объясненіе искусствъ, ремеслъ, а также игръ** и вообще механическихъ занятій, приличныхъ дѣтямъ различнаго возраста.

По мѣрѣ надобности, къ тексту этихъ двухъ отдѣловъ прилагаются чертежи, рисунки и проч.

ОТДѢЛЪ III.

1) **Педагогическое обозрѣніе**: а) Отчеты обо всеѣхъ замѣчательныхъ педагогическихъ сочиненіяхъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ; б) обзоръ педагогическихъ журналовъ и указаніе на статьи педагогическаго содержанія въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

2) **Критика и библіографія**. Разборъ учебныхъ пособій и руководствъ по всеѣмъ предметамъ, книгъ для дѣтскаго чтенія и проч.

3) Педагогическая переписка и смѣсь. Въ перепискѣ помѣщаются отвѣты на всѣ частные вопросы, съ которыми читатели, нуждаясь въ какомъ-либо свѣдѣніи или совѣтѣ по воспитательной и учебной части, обращаются къ намъ. Въ смѣсь входятъ: *замѣтки* различного содержания, относящіяся болѣе или менѣе къ воспитанію и обученію; *вопросы* и *задачи* изъ различныхъ наукъ для размышленія и рѣшенія.

4) Важнѣйшія правительственныя распоряженія.

ОТДѢЛЪ IV.

Педагогическій справочный листокъ. Сюда входятъ:

а) частныя *объявленія* лицъ, ищущихъ для дѣтей своихъ наставника или наставницу, или желающихъ помѣститъ дѣтей куда-либо въ пансіонъ или учебное заведеніе; б) *предложенія* лицъ, ищущихъ мѣсто гувернера, гувернантки, домашняго учителя или домашней учительницы; в) *предложенія* семействъ, частныхъ школъ и пансіоновъ, принимающихъ къ себѣ на воспитаніе дѣтей извѣстнаго возраста и пола; г) *объявленія* авторовъ, издателей и книгопродавцевъ объ учебныхъ пособіяхъ и руководствахъ, педагогическихъ сочиненіяхъ, дѣтскихъ книгахъ и проч.

За однократное напечатаніе объявленія мелкимъ шрифтомъ взимается по $\frac{1}{2}$ коп. сер. съ буквы, а за каждую крупную букву въ заголовкѣ по $\frac{2}{5}$ к.

Сотрудниками нашими остаются всѣ тѣ же лица, которые участвовали въ нашемъ журналѣ и въ нынѣшнемъ году. Кроме того мы приобрѣли новаго постоянного сотрудника въ лицѣ **П. Г. Рѣдкина**, который взялъ на себя разработку статей по исторіи педагогики и обзоръ иностранныхъ педагогическихъ сочиненій. Сверхъ того онъ въ теченіе года намѣренъ представить рядъ мелкихъ статей подъ заглавіемъ: «Современныя педагогическія замѣтки»

Журналъ «УЧИТЕЛЬ» будетъ выходить *два раза въ мѣсяць*, въ началѣ и въ срединѣ мѣсяца, выпусками *не меньше 3 листовъ* въ большую 8-ую долю и въ два столбца четкой, убористой печати.

Подписная цѣна за 24 выпуска въ годъ съ доставкою на домъ

или съ пересылкою во все мѣста Россіи **4 руб. сер.**, безъ доставки **3 р. 50 к. с.**

— *Примѣчаніа.* Полугодовой подписки редація не принимаетъ; но все лица, кто бы они ни были, zatrudняющіеся въ высылкѣ разомъ всей подписной суммы, могутъ присылать ее въ 2 срока: къ 1-му января и къ 1-му іюля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

какъ отъ иногородныхъ, такъ и отъ столичныхъ жителей *исключительно* въ конторѣ редакціи, находящейся на Конногвардейскомъ бульварѣ, № 15.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ присылать свои требованія и деньги, адресуя: *въ С.-Петербургъ, въ контору редакціи журнала «Учитель.»*

Журнала Учитель за 1861 и за нынѣшній годъ осталось весьма не много экземпляровъ.

Редакторы издатели: **І. Паульсонъ.**
Н. Вессель.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1863 ГОДУ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ.

Редація «Русскаго Листка», пріобрѣтя постоянное сотрудничество **В. Д. Скарятина**, отдаетъ въ его распоряженіе отдѣлы подъ рубриками: а) обзорніе событій въ отечествѣ; б) земское дѣло и в) вѣсти и голоса изъ провинцій.

Направленіе этого писателя опредѣлилось (въ программѣ газеты «Голосъ» и въ многочисленныхъ статьяхъ, печатавшихся въ «Современной Лѣтописи», въ «Сѣверной Пчелѣ», въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ»)

такъ точно и ясно, имя его столь часто являлось на страницахъ другихъ, противныхъ этому направлению, изданій, что редакціи остается только прибавить, что она вполнѣ раздѣляетъ воззрѣнія г. Скарятина, — а за тѣмъ всякія объясненія о будущемъ направленіи «Русскаго Листка» дѣлаются излишними. Впрочемъ, ниже мы печатаемъ полемическую статью г. Скарятина, которая можетъ, хоть отчасти познакомить съ этимъ направлеиіемъ тѣхъ изъ читателей, которые не встрѣчались съ прежними статьями г. Скарятина.

Редакція надѣется, что читатели **”Русскаго Листка”**, получая, въ 1863 году, столько же, если не больше, статей г. Скарятина, сколько и номеровъ газеты, ибо новый членъ редакціи, предложившій принять самое дѣятельное участіе въ редактированіи газеты «Голосъ» долженъ былъ по причинамъ (объяснить которыя здѣсь неумѣстно) отказаться отъ всякаго участія въ редакціи этой газеты и, такимъ образомъ, можетъ посвятить свои литературные труды исключительно «Русскому Листку».

Газета **”Русскій Листокъ”**, въ 1863 году будетъ выходить *разъ въ недѣлю, въ объемъ отъ 2-хъ до 2½*, а по обстоятельствамъ и *болье листовъ*, по нижеслѣдующей программѣ:

I. Внутренній Отдѣлъ. а) *Обозрѣніе главнѣйшихъ событій въ отечествѣ*, излагаемое, какъ въ передовыхъ статьяхъ, посвящаемыхъ важнѣйшимъ современнымъ вопросамъ, такъ и въ отдѣльныхъ извѣстіяхъ о распоряженіяхъ правительства и общественной дѣятельности.

б) *Земское дѣло*. Подъ этою рубрикою будетъ помѣщаться отчетъ о ходѣ помѣщичье-крестьянскаго дѣла.

Въ своихъ взглядахъ на этотъ важный предметъ, редакція будетъ руководствоваться полнымъ безпристрастіемъ, безъ заранѣе составленнаго плана защищать интересы одной какой либо стороны, въ ущербъ другой. Сюда войдетъ и все, относящееся къ дѣятельности дворянскихъ и городекихъ собраній и сельскихъ сходовъ.

в) *Вѣсти и голоса изъ провинцій*. Здѣсь найдутъ мѣсто всякія интересныя заявленія, изъ какого бы уголка Россіи они ни исходили и какого бы не касались предмета изъ общественной и частной жизни, лишь бы имѣли цѣль общепользную, благонамѣренную.

г) *Просвѣщеніе*. Обзоръ современнаго состоянія учебной части въ Россіи и всѣхъ правительственныхъ распоряженій, равно какъ и общественной дѣятельности, въ дѣлѣ распространения грамотности въ на-

родѣ, воспитанія и научнаго образованія, какъ основы всякаго улучшенія въ общественной жизни.

II. Заграничный Отдѣлъ. а) *Обзоръ замѣчательнѣйшихъ событій за границую вообще*, въ особенности же въ тѣхъ странахъ, которыя, по своимъ отношеніямъ къ Россіи, преимущественно заслуживаютъ вниманіе русскихъ читателей.

б) *Замѣчательныя явленія въ общественной жизни иностранныхъ націй*, возбуждающія наше сочувствіе и вообще вниманіе, въ какомъ либо отношеніи.

III. Лѣтопись наукъ, искусствъ и промышленности всѣхъ странъ, по отношенію всякаго рода новыхъ открытій и усовершенствованій къ Россіи. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ мѣсто и всякаго рода финансовыя вопросы, преимущественно же относящіяся къ нашему отечеству.

IV. Литературное обозрѣніе. Отчетъ о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ въ печати, — въ особенности русской; — критическія оцѣнки произведеній всякаго рода и библиографическія извѣстія, а также оригинальныя литературныя статьи, въ прозѣ и стихахъ.

V. Фельетонъ (*). Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ мѣсто всякаго рода замѣтки и извѣстія о современной общественной жизни, болѣе интересныя въ живомъ и разнообразномъ разказѣ, нежели отрывками, подъ разными рубриками.

VI. Объявленія. Печататься будутъ въ особыхъ приложеніяхъ, или же прикладываться къ газетѣ, смотря по объему и по желанію каждаго, обращающагося въ редакцію, съ порученіями, по его личнымъ надобностямъ.

Для выполненія этой расширенной программы — редакція вынуждена измѣнить прежнія условія подписки, вслѣдствіе чего:

Русскій Листокъ, оставаясь еженедѣльною газетою, съ 1 января наступающаго 1863 года будетъ выходить въ удвоенномъ противъ прежняго размѣрѣ — отъ 2 до 2½ листовъ въ недѣлю.

Годовая цѣна газеты, безъ доставки и пересылки	5 р.	50 к.
съ доставкою въ городѣ	6 р.	50 к.
съ пересылкою чрезъ почту	7 р.	»

(*) Въ объявленіи, помѣщенномъ въ предъидущемъ номерѣ, фельетонный отдѣлъ былъ названъ *эфмеридами* или *поденьками*. Редакція измѣнила это названіе, уступая нѣкоторымъ замѣчаніямъ со стороны противниковъ всякаго нововведенія въ журнальной терминологіи.

За полъ-года	безъ доставки и пересылки	3 р.	»
	съ доставкою въ городъ	3 р.	50 к.
	съ пересылкою чрезъ почту	4 р.	»
За четыре мѣсяца	безъ доставки и пересылки	2 р.	»
	съ доставкою въ городъ	2 р.	50 к.
	съ пересылкою чрезъ почту	3 р.	»

Отдѣльно, номера газеты можно будетъ получать по 15 коп., не считая доставку и пересылку.

Иногородные адресуютъ: въ С.-Петербургъ съ редакцію газеты «Русскій Листокъ» на углу Знаменской и Сапернаго переулка въ домъ Абросимова № 30 и 13.

Жители Петербурга могутъ подписываться, какъ въ редакціи, такъ и въ конторѣ газеты „Народное Богатство“, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви.

Редакторъ и Издатель Густавъ Ивановичъ Кори.

5101

СНБ

7р

ПОЛТАВСКАЯ Ц. К. К. К.
БІБЛІОТЕКА

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБООПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,
СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 10-й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Абійакій — какой-нибудь.

Байбаракъ — мужская и женская
баранья крытая шуба.

Болба —

Боржій — скорѣй.

Буряковина — свекольный листъ.

Варево — вареная пища; ѣда.

Вередувати — дуться, капризничать.

Вибрикувати — рѣзвиться; подска-
кивать.

Виводъ — (Вольнь) — До-виводу —
выходъ родиньницы въ церковь въ 40-й
день; выходъ молодыхъ на другой день
свадьбы.

Визволити — выручить.

Висмикати — выдернуть.

Вискенати — выкопать, отыскать

Відкинутись — отступиться отъ че-
го, отъ кого.

Врокъ — урокъ.

Втямки — (варѣчіе) въ памяти, на-
мятно; понятно.

Гной, гній — навозъ.

Гнотикъ — свѣтильня, фитиль.

Глибъ — глубь.

Голінний — смѣлый, храбрый, мо-
лодецъ.

Грипикъ — Гриша.

Гута — стеклянный заводъ.

Дзвінокъ — звонокъ

Довше — длиннѣе.

Догоднше — удобнѣе, полезнѣе.

Дрижати — дрожать.

Доткнутись — дотронуться.

Доторкатись — дотрогиваться.

До-чорта — довольно много.

До-шмиги — владѣть дѣльно.

Дошкуляти — донимать (битьвемъ).

Жевіяца — кашефоль

Загратати (Вольнь) — похоронить'
засыпать могилу.

Замулитись — замяться.

Запрошѣдший — прошлый; давній.

Затремити — затрепетать.

Зайчатина — зайчина.

Згарячу — сгоряча.

Згодити — согласить кого на что;
заключить условіе, напр., съ священни-
комъ.

Зменшити — уменьшить.

Знущатись — издѣваться.

Зовиця — невѣстка.

Капостний — пакостный.

Квітъ — цвѣтъ.

Кгрѣче — горячо.

Кізякъ — коровій калъ.

Кіньчикъ — (ум.) конецъ.

Ковінька — крочекъ

Колодка — колода, бревно; — улей.

Колотнеча — споръ, ссора, брань,
безпорядокъ.

Коповдзниця — время, въ которое
сваживается хлѣбъ съ поля.

Крутогорбий — крутогорба мо-
гила — могила (обыкновенная) съ вы-
сокими боками.

Лашитись — ласкаться (о собакахъ).

Лоєвий — сальный.

Лошакъ — двух-годовалый жеребе-
нокъ.

Ляхвѣ — (собир.) — Ляхи; Поляки.

Мизкувати — думать; разсуждать.

Мякѣнький — (ум.) — мягкій.

Місячко — мѣсяцъ.

Міхоніша — мищій, который мѣшки
носить.

Млинці — блины.

Млинѣкъ — небольшая мельница.

Молодийкъ — кустарникъ.

Мурній — пестро-сѣрый, переливча-
тый цвѣтъ шерсти (

Намацати — нащупать.
Наоденити — наобмунити.
Напоготові — готово.
Нарічити — слишкомъ много накласть; навалить, навьючить.
Нарѣпкати — (переноси.) — наѣсть.
Настовпужити — подняться; быть взбѣрошеннымъ (о волосахъ); надуться.
Настрѣлювати — натыкать.
Незнати — незамѣтно.
Неподгледность — безопасность, неподозрительность.
Неспроможність. — несостоятельность.
Нѣчля — нелья.
Ніччиркъ — ни гу-гу!
Нѣжа — (переноси.) — виш.
Облігъ — неоранное поле.
Овсі — овсе
Орчакъ — веревка; арканъ.
Остапѣцъ — Евстафій.
Отѣкичи — такъ, такимъ образомъ.
Охрімъ — Ефремъ.
Очкуръ — гашикъ,
Пададеця — опалающіе съ дерева плоды; хлѣбные сѣмена. сами собою посѣяныя.
Пасока — кровь.
Паха —
Пей! — Оце, пей! — вотъ горе! вотъ бѣда съ нимъ: вотъ напасть!
Піка — рожа, лицо
Піптикъ — нарость (гребень у пѣтуха, у явлюка и т. п.)
Підбарювати — тихо подходить; подкрадываться.
Підкидѣкъ — подкидывшъ.
Плескачі — родъ кушанья.
Нобитъ — быкъ.
Побрязакчі — побрякушки.
Поведѣнція — обычай.
Позанложувати — завестись; расплодиться.
Потѣганка — короткая крытая женская шубка, (кожушка, колушанка.)
Подзоръ — подозрѣніе (у Орлика).
Помийниця — лаханка; ушатъ помойный
Понамѣжити — понатужиться.
По-обіть — съ обихъ сторонъ.
Празникувати — праздничать.
Проводъ (Вольнь) — поховати съ проводомъ — похоронити съ хоругвями, крестами, при колокольномъ звонѣ.
Посадовити — посадить.
Поцѣпити — потянуть, потащить.
Прибитокъ — прибыль, польза.
Пригра — время, когда пчелы родятся.

Принадонька — (ум.) — приманка.
Припада — приманка.
Приставати — утомляться; выбиваться изъ силъ.
Прихѣтись — придти.
Прищѣпа, прищипа — прививка.
Пшищѣ — (умец.) пшено.
Рѣпати — трескаться.
Рімний — равный.
Родючий — плодоносный.
Розхрістаній — разстегнутый, имѣющей открытую грудь.
Розчовпати — разжевать, раскусить; понять, разобрать.
Росколинний — расколотый.

Свербота — зудъ.
Світъ за очима — куда глаза глядятъ.
Сітокъ — сочность; питательность.
Склѣпшити — сбыться, случиться, встрѣтиться.
Смѣжений — жареный.
Смеркомъ — темно-вечеромъ.
Солодкомовий — краснорѣчвый.
Спромѣжность — возможность.
Стѣгна — ляжки.
Сущня — сушильня.
Східень — отростокъ.

Такиньки — такъ, такимъ образомъ.
Татива — оружіе, родъ стрѣлы.
Татусъ — (умец.) — отецъ.
Травянци — родъ цвѣтовъ.
Тривий — сытый, неголодный; питательный.
Туницювати — топтаться.
Тутиньки — здѣсь; тутъ.
Умастити — засмолить, засалить.
Уторѣпати — повять, потрафить.
Учні — ученики.

Хоропудити — харахориться, важничать.
Худібчина (ум.-худоба) — движимое имущество.

Червѣ — (сбир.) — черви.
Чѣсь — завдѣть чѣсу — задать жару, отколотить.
Чухмѣрити — чесаться.

Шипотинникъ — шаушникъ, перескащикъ; абелникъ. (?)
Шкарунѣль — старая изношенная шуба. (?)
Шкуричка — корка (изъ хлѣба).

Ялодити — завозиться.

2p

НИБУ

✓

